

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

И.А. Айзикова, Е.А. Макарова

**ТЕМА ПЕРЕСЕЛЕНИЯ В СИБИРЬ
В ЛИТЕРАТУРЕ ЦЕНТРА И СИБИРСКОГО
РЕГИОНА РОССИИ 1860–1890-х гг.:
ПРОБЛЕМА ДИАЛОГА**

Издательство Томского университета
2009

УДК 821.161.1.09«1860/1890»
ББК 83.3(2Рос=Рус)
А36

*Исследование проведено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проект № 08-04-64401 а/Т*

Айзикова И.А., Макарова Е.А.

А36 Тема переселения в Сибирь в литературе центра и сибирского региона России 1860–1890-х гг.: проблема диалога. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. – 266 с.

ISBN 978-5-7511-1934-8

На материале произведений отечественных классиков (Н.С. Лескова, А.П. Чехова, Г.И. Успенского), с одной стороны, и богатого массива документально-публицистических и художественных текстов, опубликованных в сибирских (прежде всего, томских) периодических изданиях и издательствах, с другой, исследуется отражение темы переселения в Сибирь в литературе центра и сибирского региона России 1860–1890-х гг. Материал изучен в свете теории диалога и в контексте развития классической русской и сибирской литературы, их взаимосвязей и взаимодействия. Монография представляет собой первую попытку комплексного изучения названной проблемы, актуальной сегодня в целом ряде аспектов.

Для филологов, исследователей русской и сибирской литературы XIX в., студентов и аспирантов филологических факультетов, а также для историков, социологов, культурологов и всех интересующихся историей сибирской и русской литературы.

**УДК 821.161.1.09«1860/1890»
ББК 83.3(2Рос=Рус)**

ISBN 978-5-7511-1934-8

© И.А. Айзикова, Е.А. Макарова, 2009

ВВЕДЕНИЕ

Проблема русских переселенцев в Сибири сегодня представляется достаточно изученной в историческом и социологическом плане. Ее различные аспекты, связанные с началом переселенческого движения, с разработкой законов по этому вопросу, со статистикой, степенью и последовательностью заселения сибирских областей, представлены в работах П.Е. Бардиной, Н.Ф. Емельянова, Н.В. Захарова, В.А. Липинской, Т.С. Мамсик, Н.А. Миненко, О.Н. Шелегиной и других¹. Эти исследования, в свою очередь, опираются на известные работы историков и статистиков, созданные во второй половине XIX в. (И.А. Гурвича, А.А. Кауфмана, Н.М. Ядринцева и др.), когда данная проблема достигла необычайной актуальности в русском обществе и вызвала бурную дискуссию в литературе и прессе².

Но проблема эта практически не изучена в литературоведении, особенно в сопоставлении с идеями сибирского областничества, а также в плане взаимодействия сибирской и «столичной» литературы, задающего уникальный вариант диалога, по ряду вне- и внутрилитературных причин активизировавшегося во второй половине XIX в. В отдельных исследованиях, связанных с творчеством Н.С. Лескова, Г.И. Успенского, В.Г. Короленко, делается попытка проследить обращение этих писателей к теме переселения в Сибирь, но исключительно с точки зрения ее отражения в конкретном литературном тексте.

¹ См.: *Емельянов Н.Ф.* Заселение русскими Среднего Приобья в феодальную эпоху (XVII – перв. пол. XIX в.). Томск, 1981; *Липинская В.А.* Старожилы и переселенцы. Русские на Алтае. XVIII – нач. XX вв. М., 1996; *Мамсик Т.С.* Хозяйственное освоение Южной Сибири: Механизмы формирования и функционирования агропромышленной структуры. Новосибирск, 1989; *Резун Д.Я., Шиловский М.В.* Сибирь, конец XVI – нач. XX века: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск, 2005; *Шелегина О.Н.* Адаптация русского населения в условиях освоения территории Сибири. Социокультурные аспекты. XVIII – нач. XX вв.: Учебное пособие. М., 2002. Вып. 2; и др.

² *Гурвич И.А.* Переселения крестьян в Сибирь. М., 1889; *Кауфман А.А.* Переселение и колонизация. СПб., 1905; *Ядринцев Н.М.* Десятилетие переселенческого дела // Вестник Европы. 1891. № 8. С. 790–826; и др.

Так, в работах И.В. Столяровой¹, Н.Ю. Филимоновой² в сопоставительном аспекте исследуется творчество Н.С. Лескова и Г.И. Успенского, как попутная изучается и проблема переселенцев, которая интересовала писателей и была отражена в их произведениях.

В кандидатской диссертации Н.А. Шипиловой, защищенной в 2004 г., исследуется сибирская очеркистика с точки зрения поэтики, рецептивной эстетики, ставится вопрос о сибирском травелоге, пересекающемся с темой переселения в Сибирь, хотя специфика сибирского дискурса о переселенцах не выявляется³.

Разнообразными представляются и исследования по сибирской журналистике. Работы Л.Л. Ермолинского, Е.А. Куклиной, Н.В. Жилияковой позволяют составить системную и универсальную картину жизни сибирской периодики, развития томской журналистики, различения газет и журналов по своей общественно-политической и конъюнктурно-коммерческой направленности⁴. Но проблема переселенцев либо не привлекает внимания исследователей, либо решается в чисто социологическом, историческом плане без учета мощного литературного контекста.

Итак, размышления о теме переселения из Центральной России в Сибирь встречаются в ряде работ, посвященных русской классической литературе 1860–1890-х гг., поскольку представление о ней во многом формировалось под влиянием художественного отображения данного социально-исторического явления. В последнее время обозначился интерес и к уникальному в этом отношении материалу, предоставляемому сибирской периодикой (в частности, томской) указанных десятилетий. Однако проблема диалога названных литературных потоков в сфере отражения темы русских переселенцев в Сибири до сих пор не только не изучена, но даже по-настоящему не поставлена.

¹ *Столярова И.В.* Н.С. Лесков и Г.И. Успенский // Русская литература. 1974. № 3.

² *Филимонова Н.Ю.* Н.С. Лесков и Г.И. Успенский (1891–92 гг.) // Русские писатели и народничество. Горький, 1977. Вып. 2. С. 75–84.

³ *Шипилова Н.А.* Поэтика очеркистики Г.И. Успенского (цикл «Письма с дороги»): Дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2004.

⁴ *Ермолинский Л.Л.* Сибирские газеты 70–80-х гг. XIX в. Иркутск, 1995; *Кукулина Е.А.* Летопись сибирской периодики. 1857–1916 гг. // Традиции и тенденции развития литературной критики Сибири. Новосибирск, 1989; *Жилиякова Н.В.* «Сибирская газета» (г. Томск, 1881–1888) как явление литературного регионализма: Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2002.

Между тем в современной социокультурной ситуации, отличающейся, подобно второй половине XIX в., политической нестабильностью, данная тема актуализирована как общественным сознанием, так и положением дел в науке о литературе. Предлагаемое исследование связано с такими наиболее сложными и спорными проблемами современного литературоведения, его историко-культурного и теоретического аспектов, как нарратология, коммуникативные стратегии и жанр, рецептивная эстетика, теория диалога, фронта, художественного и документального текста и др.

Тема переселения в Сибирь в рецепции русской классической и сибирской литературы послереформенного периода особенно репрезентативна для демонстрации активных поисков новых эстетических форм диалога культур центра и провинции, обновления самих его принципов во всей сложности и перспективности этого процесса.

Тяготеющие к документально-публицистической прозе материалы творчества Н.С. Лескова, Г.И. Успенского, В.Г. Короленко, А.П. Чехова, а кроме того, Ф.В. Волховского, С.Л. Чудновского, К.М. Станковича и целого ряда других, менее известных сотрудников сибирских и интересующих нас в первую очередь томских периодических изданий представляют собой особый корпус текстов, позволяющих осмыслить преломление крупнейшего общественного явления – переселения в Сибирь – в литературе, выводящей к нравственно-этическим, психологическим, эстетическим и философским аспектам проблемы.

Кроме того, в нашем исследовании мы хотели бы, преодолевая сложившееся в последнее время, по понятным причинам, увлечение «несоциальной» проблематикой литературного анализа, обратиться к проблеме диалога сибирской литературы и русской классики как базовой для понимания не только внутрилитературных процессов, но и взаимодействия литературы и общественной жизни.

При этом следует подчеркнуть, что тема переселенцев в аспекте рецептивной эстетики и коммуникативных стратегий как важнейших направлений теории диалога не становилась объектом и предметом специального исследования. Другими словами, цель нашего исследования мы видим в стремлении рассмотреть восприятие темы переселенцев русской классической и сибирской литературой 1860–1890-х гг. как особое целостное культурно-историческое явление и вместе с тем как динамичную развивающуюся систему, отражающую диалог литературы центра и сибирского региона, литературы и социума.

Таким образом, как нам представляется, через идею диалога в освоении переселенческой темы, в том понимании диалога, которое развивал М.М. Бахтин и которое сегодня, по утверждению многих современных исследователей, «явилося мощным импульсом в развитии гуманитарной мысли на пути интеграции», превратив диалог в «ведущий метод и методологию гуманитарных наук»¹ (диалог как модель сознания, общества, культуры, истории, возникающих на границе «Я» и «Другого»), возможно показать объективную открытость обоих литературных потоков 1850–1900-х гг. (сибирского и обшчерусского) обновлению и выходу в социальный контекст.

Тема переселения в Сибирь, сама по себе диалогичная, несущая идею фронта, развиваясь в творчестве русских классиков и сибирских писателей, у тех и у других рождала новых героев, новую поэтику, из чего появлялось новое понимание соотношения литературы и жизни вообще, роли литературы в обществе в целом.

Внимание к указанной теме «изнутри» (в самой Сибири) и «извне» (из столицы) подталкивало оба литературных потока к взаимодействию как к процессу, создающему целое. Это было развитие межлитературных отношений, формирующее новые уровни обоих участников диалога и обновляющее общий уровень отечественной литературы. Сибирская и столичная литературы не противостояли друг другу в освоении темы переселения в Сибирь и не старались повлиять друг на друга, а просто участвовали в общем творческом процессе.

Тема переселения из Центральной России в Сибирь (ее следует называть пограничной, фронтальной), объединяя сибирских и столичных писателей, ее осваивающих, не только меняла их сознание, но и приобщала их к более крупному единству – русской литературе: границы между ними и между каждой из них и жизнью общества растворялись, и открывались источники нового понимания человека и его отношений с миром.

В этой ситуации преодолевалась изоляция одной литературы от другой; напротив, устанавливались тесные связи как отдельных авторов друг с другом, так и авторов (и читателей!) с новым пространством. Диалог столичной и сибирской литературы по теме переселенцев можно назвать идеальным, поскольку он осуществлялся при понимании равенства сторон, когда «один подлинно слушает Друго-

¹ Плеханова Т.Ф. Текст как диалог. Минск, 2002. [Интернет-ресурс]. Режим доступа: <http://www.psychinst.ru/library.php?part=article&id=1143> Код доступа: свободный. Дата обращения: 19.08.2009

го, подлинно говорящего»¹, когда ни у одной из сторон не было стремления подняться выше другой, что и способствовало их органичному вхождению в общий литературный поток, который поддерживался энергией совместных поисков и открытий.

Столично-региональный диалог литератур по теме русских переселенцев в Сибири был именно совместным поиском на пути к большему пониманию, единству и возможностям обновления. Согласно Бахтину, понимание возникает там, где встречаются два сознания, т. е. условием понимания темы, идентификации и самоидентификации рассматриваемых нами литературных потоков являлось существование другого. И диалог между ними был «не преддверием к действию, а самим действием». Он не раскрывал уже готовую специфику одной или другой литературы, в процессе диалога эта специфика проявляла себя и, более того, «становилась ею для других, и для себя самого»².

Нельзя было освоить тему переселения в Сибирь «извне», всматриваясь в нее из центра, пытаясь понять ее и почувствовать, читая сочинения сибиряков, точно так же невозможно было ее полное и глубокое освоение исключительно силами сибирских авторов. К ней можно было подойти только диалогически, путем разноуровневого «общения» столицы и сибирского региона (на расстоянии и находясь «внутри» социально-исторических и культурных процессов Сибири, по сути касающихся всей России) и взаимно инициируя самораскрытие встречных литературных потоков³.

Интересующая нас тема, таким образом, организовывала своего рода многоголосие русского литературного процесса, который развивался не по законам диалектики (тезис сталкивается с антитезисом и порождает синтез), а по закону сосуществования разных «голосов» и их взаимодействия, в результате которого открываются глубина и полнота конкретной темы, понимания человека и принципов его изображения в искусстве вообще.

Всем этим обусловлены наши методы и подходы к заявленной проблеме, а также общая логика ее изучения. Первая часть монографии, открывающаяся обзором материалов по теме переселения в Сибирь, хранящихся в фондах Научной библиотеки Томского госу-

¹ Плеханова Т.Ф. Текст как диалог. Минск, 2002. [Интернет-ресурс]. Режим доступа: <http://www.psyinst.ru/library.php?part=article&id=1143> Код доступа: свободный. Дата обращения: 19.08.2009

² Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979. С. 294.

³ См.: Там же. С. 293.

дарственного университета, в целом посвящена проходившему параллельно формированию образа переселенца и понятия «переселения» в русской классике и в сибирской периодике второй половины XIX в., одного из самых плодотворных периодов истории отечественной словесности, совпавшего с важнейшим периодом осмысления интересующей нас темы.

На материале, с одной стороны, публицистического творчества Н.В. Шелгунова, Г.И. Успенского, Н.С. Лескова, А.П. Чехова, а с другой – таких сибирских газет, как «Томские губернские ведомости», «Сибирская газета», «Томский листок», «Сибирская жизнь», «Сибирский вестник», выявляется основной круг проблем, связанных с переселением в Сибирь, которые осмыслились в столичных и сибирских изданиях: выбор места переселения, условия переезда, водворение на новых местах, упорядочение переселенческого движения, отношения со старожилами и др. Здесь же прослеживаются жанрово-стилевые поиски столичных и сибирских авторов, обусловленные освоением данной темы, и конкретные формы диалога названных литературных потоков в области рецепции «переселенческой» темы.

Материалы первой части предлагаемой книги, демонстрирующие очень широкие подступы к проблеме переселения в Сибирь и способы ее воплощения в столичной и сибирской словесности, свидетельствуют об усиливающемся взаимопритяжении «нераздельно-неслиянных» (М.М. Бахтин) культурных интенций столицы и Сибири в данной области. Именно это обуславливало объемность, стереоскопичность отражения «переселенческой» темы в литературе второй половины XIX в. и формировало литературные традиции и сибирской провинции, и метрополии.

С одной стороны, отражение темы переселенцев в сибирской литературе опровергает весьма распространенную сейчас в науке идею о существовании сибирской словесности как самодостаточной, не поддаваясь, однако, и изучению как явление, порожденное влиянием столичного литературного процесса. С другой стороны, бытование темы переселения в Сибирь в сочинениях русских классиков наглядно показывает ее огромный художественный потенциал, способствовавший обновлению и развитию русской литературной классики и отечественной словесности в целом. В первую очередь, значение данной темы определяется решаемыми русской литературой второй половины XIX в. вопросами взаимоотношения художествен-

ного и документального повествования, факта и вымысла, приобретающими в 1850–1900-е гг. особый вес в связи с необычайно возросшей потребностью русского общества и русской культуры в восстановлении органической связи литературы и жизни.

В сочинениях о переселенцах, написанных в Центральной России и в Сибири, относящихся к самым разным жанрам, по-новому раскрывалось осмысление природы человека, его связей с обществом, с миром, историей. В них – суть столично-регионального культурного диалога, который обновил нравственные и эстетические возможности и русской классики, и сибирской литературы в художественном постижении человека, сориентировав оба литературных потока, в точке их пересечения, каковой стала тема переселенцев, на расширение их этического пространства.

Материал, представленный в первой части монографии, выводит к необходимости комплексного изучения заявленной темы в русле нарратологии, мотивологии, рецептивной эстетики, дискурсного анализа текстов, в связи с теорией диалога как постоянного взаимодействия в культуре и понятием границы, где, по Бахтину, и происходит самознание культуры. Этому посвящена вторая часть нашей книги.

Анализ мотивного комплекса очерков о переселении в Сибирь А. Духовича, Н. Ядринцева, Г. Пейзена, И. Белоконского показал важнейшие семантические акценты этого сюжета, взятого в его самой распространенной жанрово-стилевой (документально-публицистической) специфике. Тема переселения в Сибирь находит свое воплощение в исследованных очерках в мотивах покорения, смерти, изгнания, преступления и наказания. Причем, отражая деформированность диалога России и Сибири по вопросу о заселении последней, трансформируются и многие архаические мотивы, используемые в очерках о переселенцах.

Специфика нарратива о переселенцах прослеживается в анализе цикла очерков Г.И. Успенского «Поездка к переселенцам» и публицистического творчества Н.М. Ядринцева. Исследование жанрового своеобразия путевых заметок о переселенцах, еще одного из самых востребованных литературой второй половины XIX в., в том числе и литературой о переселенцах, жанров (на материале сочинения В. Дедлова «Переселенцы и новые места» и путевых набросков Л. Нельмина (К.М. Станюковича) «В далекие края»), позволяет осмыслить роль темы в организации повествования и образа нарратора, его соотнесенности с биографическим автором путешествия, т. е.

важнейших аспектов жанра травелога. Тема переселенцев, ставшая основной в целом ряде путевых заметок, созданных во второй половине XIX в., позволяет по-новому поставить вопрос и об эволюции жанра, о том месте, которое он занимал в литературном развитии второй половины XIX в.

Особую ценность во второй части предлагаемой книги имеют разделы об освоении темы переселенцев сибирским писателем Н.И. Наумовым и о формировании переселенческого дискурса в публицистике Н.М. Ядринцева: они построены на не известных ранее архивных материалах, хранящихся в Рукописном отделе Российской национальной библиотеки и в Отделе редких книг Научной библиотеки Томского государственного университета, вводя их в широкий научный оборот.

Заканчивается монография разделом о цикле рассказов Н.Д. Телешова «Переселенцы», вобравшем в себя произведения 1890–1900-х гг., предоставляя возможность таким образом показать наличие и взаимодействие еще двух организующих интенций текста о переселении в Сибирь, созданного во второй половине XIX в. писателями российской столицы и сибирской провинции. Прежде всего, укажем изначальную ориентацию темы на публицистическое осмысление и, кроме того, отметим органический переход ее рецепции на уровень собственно художественного воплощения, при котором злободневность и социальность звучания обогащались вечными идеями существования человека в мире и соответственно нарратив обогащался мифопоэтикой, элементами эпического повествования.

Любопытно, что параллельно в сибирской периодике начинается активный процесс эпигонства в реализации темы переселения в Сибирь документально-публицистическими жанрами, очевидно, свидетельствует об угасании темы. В русскую литературу вступал XX в. со своими проблемами и темами, в основном связанными с революционными событиями.

Таким образом, ряд факторов говорит в пользу проведенного нами исследования: во-первых, это – отсутствие подробного изучения данной проблемы и довольствование отдельными замечаниями или общими, не всегда верными представлениями о названных литературных потоках и их взаимодействии; во-вторых, это – плодотворность соотнесения рецепции темы переселения в Сибирь столичной и сибирской литературами второй половины XIX в.

Часть первая

1. МАТЕРИАЛЫ ПО ТЕМЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ В СИБИРЬ В СОСТАВЕ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА¹

В Научной библиотеке Томского государственного университета (НБ ТГУ) хранятся богатейшие и в ряде случаев уникальные материалы по теме переселения в Сибирь. Их осмысление невозможно начать без классификации и систематизации, чему и посвящен данный раздел.

В зависимости от критериев классификации можно выделить корпус публикаций в периодических изданиях и группу книжной продукции, материалы местной и столичной печати. Необходимо учесть и тот факт, что в фондах библиотеки хранятся многочисленные сочинения о переселенцах в Сибирь установленных и анонимных авторов, авторов так называемого первого и второго ряда. Особого внимания, безусловно, заслуживают частные книжные собрания и архивы – Г.К. Тюменцева, Н.М. Ядринцева, Н.И. Наумова, Г.Н. Потанина, хранящиеся в составе НБ ТГУ и содержащие интересные материалы по указанной теме.

Разумеется, имеющиеся в университетской Научной библиотеке источники можно (и следует) рассматривать с использованием хронологического принципа, что позволит поставить вопрос об эволюции темы переселенчества в сибирской и столичной литературе, развития их культурного диалога и фронтальной ситуации в данной сфере. Кроме того, литературу о переселенцах, собранную в НБ ТГУ, целесообразно систематизировать в связи с тематическими и жанрово-нарративными особенностями текстов, коммуникативными стратегиями их авторов, а также с контекстом развития классической русской и сибирской словесности. Последний подход к материалу

¹ Автор раздела выражает благодарность сотрудникам НБ ТГУ за помощь в работе.

представляется наиболее плодотворным на этапе первых подступов к комплексному изучению актуального на сегодняшний день в целом ряде аспектов вопроса о рецепции темы переселения в Сибири русской (столичной) и сибирской (региональной) литературами 1860–1900-х гг. и потому предлагается как ведущий.

* * *

При первом же знакомстве с библиотечными фондами обращает на себя внимание большой корпус текстов, связанный с *первыми этапами заселения Сибири*, в историю которого впоследствии вошло переселенческое движение XIX в. Назовем здесь лишь некоторые издания – журнальные и книжные, центральные и региональные, выстроив их в хронологическом порядке: Г. Пейзен. Исторический очерк колонизации Сибири // Современник. 1859. Т. 77. № 9. С. 9–46; Н. Путилов. Несколько слов о колонизации Восточной Сибири // Труды ИВЭО. 1874. Т. 2, вып. 1, май. С. 25–30; Д. Садовников. Наши землепроходцы (Рассказы о заселении Сибири). 1581–1712 (М.: Изд-е народного журнала «Грамотей». Тип. А.И. Мамонтова и К, 1874); Исторические сведения о заселении и географический обзор Томской губернии / Сост. и издал член Губ. стат. комитета Ал. Лучшев (Томск: Тип. «Сиб. Вестника», 1886); П.Н. Буцинский. Заселение Сибири и быт первых ея насельников (Харьков: Тип. Губ. правления. 1889); А.В. Дуров. Краткий исторический очерк колонизации Сибири (Томск: Тип. Губ. правл., 1891); И.П. Белоконский. К истории Сибири: Сургут, Нарым и Кетск до 1645 г. (Харьков: Тип. Адольфа Даре, 1893); Как заселялась Сибирь: Очерк (Томск: Паровая типо-лит. П.И. Макушина, 1895)¹.

Среди этих материалов находим издания *просветительского* и *научно-исторического* характера. К первым, например, относятся «рассказы о заселении Сибири» фольклориста, этнографа, поэта, автора слов знаменитой, ставшей народной песни «Из-за острова на стрежень» Д. Садовникова (1847–1883) – «Наши землепроходцы». Эта книга, рекомендованная Особым отделом Ученого комитета Министерства народного просвещения для ученических библиотек средних и низших учебных заведений, для публичных народных

¹ Особую группу составляют публикации регулярно поступающего в библиотеку Томского Императорского университета журнала «Странник» (1862–69 гг.) с многочисленными статьями Н.А. Абрамова о сибирских архиепископах, оказавшихся на сибирской земле по назначению, она требует специального рассмотрения.

чтений, для чтения кадетам старших классов, представляет собой рассказы о движении русских на северо-восток России – о Ермаке, Хабарове, Дежневе и других открывателях края. В заключительной главе с красноречивым названием «Беседа о прочитанном» автор с особой силой акцентирует главную мысль своего труда – о победе русского человека над суровой сибирской природой.

Интересны многочисленные статьи об истории края, написанные сибирским этнографом, историком Н.А. Костровым. Они публиковались в «Томских губернских ведомостях», «Сибири», «Томских епархиальных ведомостях» на протяжении 1867–1883 гг. Это были построенные на исторических документах заметки об истории отдельных сибирских городов и краев. Назовем, например, публикации только одного 1867 г. из «Томских губернских ведомостей»: «Город Барнаул», «Город Мариинск», «Заметки для истории города Томска», «Заметки для истории города Кузнецка» и др. Некоторые статьи позднее выходили в виде сборников отдельными изданиями (например, «Нарымский край»¹). Автор названных публикаций целенаправленно собирает материалы по истории Сибири и постоянно знакомит с ними читателей сибирской прессы.

Иные задачи решает очерк неизвестного автора «Как заселялась Сибирь», опубликованный в Томске в 1895 г. отдельным изданием, которое является перепечаткой из «Томского листка». Анонимный очеркист опирается на «Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири» И.В. Щеглова, на труды Н.М. Ядринцева («Сибирь как колония»), П.Н. Буцинского («Заселение Сибири», «Мангазея и Мангазейский уезд»), на «Историческое обозрение Сибири» П.А. Словцова и др. Очерк начинается с утверждения того, что «еще далеко не завершено было завоевание (Сибири. – И.А.), как величайший для Сибири вопрос о колонизации ее громадных пространств был поставлен на очередь»².

Начало заселения Сибири автор очерка связывает с Указом царя Федора Иоанновича от 3 мая 1590 г., которым «повелено было» отправить из Сольвычегодска в Сибирь 30 хлебопашенных семей. При этом как об очень важном моменте сообщается о сборе денег и заготовлении имущества для переселенцев, который возлагался в виде повинности на местное население.

¹ Костров Н.А. Нарымский край. Томск, 1872.

² Как заселялась Сибирь: Очерк. Томск, 1895. С. 1.

Кроме того, правительством, говорится в очерке, сразу же был поставлен вопрос о средствах сообщения на заселяемых землях: уже при Борисе Годунове в Сибири устраивались ямские слободы, куда переселяли ямщиков с семьями. На землю «сажали» даже беглых крестьян, поскольку в переселении государство видело главное средство закрепления за Россией сибирского края. Главной заботой государства при этом было расширение пашенных земель в Сибири, которая должна была не только себя прокормить, но и доставлять доход в центр страны.

Воцарение на престоле династии Романовых, по утверждению очеркиста, усилило стремление заселить Сибирь. В частности, большое значение в очерке придается узаконению льгот в податях и пособий хлебом и деньгами переселяющимся в Сибирь, которое произошло в 1613 г. при царе Михаиле Феодоровиче. Важным фактом называется и начало строительства крепостей для защиты переселенцев.

Автор очерка подчеркивает, что с течением времени государство все более серьезно подходило к проблеме. Так, по Указу от 1762 г. разрешение на переселение получили отставные военные, причем к переселению предназначались люди здоровые, сильные, не старше 45 лет, переселенцам отводилось по 30 десятин земли на душу, от казны строились дома, запасался хлеб на полтора года, выдавались скот, инвентарь, семена. Переселенцы на 10 лет освобождались от податей.

Однако, читаем в очерке, теория и планы расходились с практикой: «невежественные исполнители» превращали благое дело в «бесцельное и мучительное скитание по Сибири» огромного количества «голодных, оборванных и нередко убогих людей»¹. Передвижение переселенцев было плохо организовано, помещичьих крестьян нередко отправляли на новые места жительства полунагими, отсюда – болезни и высокая смертность среди переселенцев. В очерке приводятся вопиющие факты: например, Указом Сената от 19 марта 1800 г. иркутскому губернатору предписывалось приготовить для переселенцев по крайней мере третью часть необходимых домов, но ни домов, ни даже продовольствия подготовлено не было.

Между тем переселение в Сибирь набирало обороты. Его новый этап в очерке связывается с Указом от 17 октября 1799 г., которым повелевалось начать заселение юго-восточной Сибири с предоставлением различных льгот переселенцам, и с Указом от 29 июня 1806 г.,

¹ Как заселялась Сибирь: Очерк. Томск, 1895. С. 9.

которым было утверждено новое положение о переселенцах в Сибирь. Эти документы расцениваются в очерке как новый обширный план колонизации Сибири: в частности, теперь предусматривалось заселение Сибири негодными в рекруты, евреями, киргизами, а также добровольными переселенцами и ссыльными. Ссылка с этого времени значительно увеличивала свое колонизационное значение в Сибирь.

В очерке приведены красноречивые цифры: с 1807 по 1823 г. ежегодно ссылалось не более 2035 чел., с 1823 по 1877 г. общее число сосланных составило уже 393914 чел. Наибольшее увеличение потока ссыльных начинается с 1853 г., когда в год ссылалось до 19000 чел. Среди ссыльных переселенцев оказывались не только уголовники, но и пленные, раскольники, политические преступники. Этим «новоселам», разумеется, государство никакой помощи не оказывало.

Особое место в истории переселения в Сибирь в очерке отведено М.М. Сперанскому, его предложениям раздавать сибирские земли в награду и как поощрение за службу вполне благонадежному населению Центральной России (такой указ был принят в 1835 г. и отменен в 1843 г. как не принесший результата), переселять в Сибирь разорившихся дворян (но ни один обедневший дворянин не пришел за даровой землей, и приготовленные для них в Сибири участки раскупили местные купцы и богатые крестьяне). Сперанскому же принадлежит идея разрешать переселенцам переезжать внутри Сибири из одной губернии в другую, посылать ходоков.

С отменой крепостного права, отмечает автор очерка, следующий этап переселения в Сибирь оказался как бы вне закона: закон 1842 г. о благоустройстве в казенных селениях переселенцев был отменен, количество переселенцев после 1861 г. только увеличивалось за счет получивших свободу помещичьих крестьян. По словам автора, это было «безостановочное переселение», позволившее в конце концов очень быстро заселить и Восточную, и даже Северо-Восточную Сибирь.

Предметом большого отдельного пласта сочинений самых разных жанров, хранящихся в НБ ТГУ, являются *проблемы сибирской ссылки как особого рода «переселения»*. Это, например, известное сочинение этнографа-беллетриста, почетного академика Петербургской Академии наук С.В. Максимова «Ссыльные и тюрьмы. Т. 1: Несчастные (СПб.: В тип. Морского министерства, 1862). Оно было создано после «обозрения» писателем, по поручению Морского ведомства, сибирских тюрем и быта ссыльных, но это исследование к

опубликованию не было разрешено, и было издано Морским ведомством «секретно». В НБ ТГУ хранятся и статьи археолога и этнографа, выпускника Московского университета, с 1834 г. состоявшего на службе в Сибири, правителя дел сибирского отдела Русского географического общества, редактора его «Ученых записок» И.С. Сельского – «Ссылка в Восточную Сибирь замечательных лиц (1645–1762)» (Русское слово. 1861. № 8. Отд. 1. С. 1–35) и писателя и педагога, родившегося в Петербурге, бывавшего на пятницах Петрашевского и за это сосланного на каторгу Ф.Г. Толля «Из записок моего сосланного приятеля. 1850 год». Это воспоминание о своем невольном путешествии в Сибирь он напечатал спустя несколько лет после своего возвращения в Петербург, в 1863 г., в «Современнике» (№ 4. С. 355–372).

Обращают на себя внимание «Очерки тюремной жизни и путевые заметки от Москвы до Красноярска. По тюрьмам и этапам» И.П. Белоконого (Орел: Изд-е Н.А. Семеновой. Тип. газеты «Орловский вестник», 1887), писателя, который больше года провел в одиночном заключении и затем был сослан в Восточную Сибирь (1879 г.), где стал постоянным сотрудником «Восточного Обозрения», «Сибири», «Сибирской Газеты», посылая вместе с тем статьи и в центральные издания («Отечественные Записки», «Дело»). Назовем также статью известного криминалиста Д.А. Дриля «Ссылка и каторга в России (Из личных наблюдений во время поездки в Приамурский край и Сибирь)», опубликованную в «Журнале Министерства Юстиции» в 1898 г. (Апрель. С. 125–168). В должности чиновника особых поручений V класса Министерства юстиции Д.А. Дриль совершил поездку на Сахалин и в Сибирь с целью ознакомления на местах с организацией ссылки и каторжных тюрем. Результатом этого «ознакомления» стала названная статья, которая позднее в составе других вошла в книгу Д.А. Дриля «Ссылка во Франции и России» (1899), где автор указал на внутренние проблемы, кроющиеся под внешним благоустройством французской ссылки в Новую Каледонию и Гвиану и находящихся там карательных учреждений, и дал тяжелую картину того, что представляют в хозяйственном, колониальном, исправительном и нравственном отношениях Сахалин как место ссылки и сибирские каторжные тюрьмы.

Список можно продолжить трудами известного сибирского публициста и общественного деятеля Н.М. Ядринцева (Колониальное значение русской ссылки: (Исторический очерк) // Дело. 1870.

№ 12. С. 1–34; Исправительное значение русской ссылки: (Исторический очерк) // Дело. 1871. № 1. С. 193–213; Исторические очерки русской ссылки в связи с развитием преступлений // Дело. 1870. № 10. С. 207–240; Положение ссыльных в Сибири // Вестник Европы. 1875. Т. 6, № 11. С. 283–312. № 12. С. 529–556), статьями С. Чудновского (Колонизационное значение сибирской ссылки // Русская мысль. 1886. № 10. С. 40–66), А. Иванова (Один из декабристов. Гавриил Степанович Батеньков (Из воспоминаний старого сибиряка) // Книжки недели. 1898. Ноябрь. С. 5–12) и многих других.

Но завершая описание массива сочинений о сибирской ссылке, хранящихся в НБ ТГУ, назовем еще лишь одно издание и представим его более подробно. Это публичные лекции, прочитанные историком и юристом, профессором Томского университета по кафедре истории русского права, а с 1913 г. профессором Варшавского университета по такой же кафедре И.А. Малиновским в Томске в ноябре 1899 г. Они были опубликованы под названием «Ссылка в Сибирь» по определению Совета Императорского Томского университета в Томске в 1900 г.

Автор начинает отсчет сибирской ссылки от второй половины XVI в. и утверждает, что она возникла как средство избавить Центральную Россию от «лихих людей», с одной стороны, и заселить окраины страны, с другой. Далее профессор дает классификацию ссыльных, поясняя, что это не всегда были преступники, и разграничивая, например, сосланных «на службу» (казаки, стрельцы) и сосланных «в посад». Первые наравне с другими служащими получали в Сибири жалованье («хлебное» и денежное), вторые приписывались к городским жителям, и их положение ничем не отличалось от положения коренных сибиряков-горожан.

Сосланные «на пашню» должны были пополнить (а точнее – составить) сельское население Сибири, они получали от казны земельные участки, ссуды на первоначальное обустройство. При этом они обязаны были пахать «на Государя» «десятинную пашню», т. е. часть жатвы отдавать в казну. В XVIII в. появляется такой вид наказания, как каторжные работы, к которым приговаривали, конечно, только совершивших преступление. В это же время в целях колонизации Сибири туда стали ссылать отставных солдат, крепостных крестьян и пленных.

Все способы колонизации, по мнению И.А. Малиновского, не давали желаемых результатов в связи с «беспорядками в области

управления ссылкой»¹. Профессор говорит об отсутствии центрального учреждения, которое бы решало все вопросы ссылки, о злоупотреблениях сибирских местных властей, борьба с которыми выпала на долю М. Сперанского. В первой лекции довольно подробно разбираются и высоко оцениваются документы, разработанные Сперанским и утвержденные в законодательном порядке («Устав о ссыльных», «Устав об этапах в Сибирских губерниях»). Именно Сперанский, подчеркивает лектор, настаивал на том, что ссылке должны были подлежать только преступники и что она может быть назначена только по судебному приговору. По предложению Сперанского ссыльно-каторжные, по истечении срока наказания, должны были сливаться с сосланными на поселение. Другими словами, делает вывод профессор, реформа Сперанского также была направлена в конечном итоге на заселение Сибири и овладение ею с помощью бесплатного труда преступников.

Характеризуя современные виды ссылки, в которых продолжали использоваться идеи Сперанского, Малиновский называет следующие: каторга (в основном на о. Сахалин и в Восточную Сибирь), ссылка на поселение (тоже, главным образом, в Восточную Сибирь), ссылка на житье в Сибирь (в Западную – Тобольскую и Томскую губернии и в Восточную – Иркутская и Енисейская губернии), ссылка на водворение (ей подлежали бродяги) и ссылка административная (в основном, в Тобольскую и Томскую губернии). В целом же «великое передвижение преступников» в Сибирь² профессор сравнивает с древним переселением кочевников из Азии – по последствиям этих явлений: «...не полчища диких кочевников – толпы преступников переселяются из европейской России в Россию азиатскую – в Сибирь. Что ждет в Сибири эту громадную армию невольных переселенцев? И чего Сибирь может ожидать от нее?»³.

Отвечая на эти вопросы, лектор углубляется в область нравственно-этических проблем, связанных с преступлением и наказанием. На первый взгляд может показаться, что Малиновский отстаивает мысль о благотворном влиянии ссылки на преступников, которые страданием смывают с себя в Сибири зло. К тому же воспитательный эффект ссылки вроде бы удачно сочетается с экономической пользой,

¹ Малиновский И.А. Ссылка в Сибирь: Публичные лекции, читанные в Томске в ноябре 1899 г. Томск, 1900. С. 11.

² Там же. С. 21.

³ Там же.

которую приносит ссылка Сибири и России в целом. Не менее важной оказывается и гарантия безопасности метрополии, которая «идет рука об руку» с заселением российских окраин ссылными.

Однако, заявив подобные идеи как тезис, профессор сам разбивает их убедительными контраргументами. Он констатирует, что трудовая оседлая жизнь не прививалась среди ссылных, которые всегда стремились к побегу (исключение, по утверждению лектора, составляли только ссылные староверы¹), и в доказательство приводит множество цифр, фактов, примеров из реальной жизни и, что весьма примечательно, из литературы.

В частности, он не раз обращается к творчеству Короленко (героев его рассказа «Марусина заимка» он называет «исключительными типами в общей массе ссылных»²), Л.Н. Толстого (профессор, в частности, опирается на классификацию преступников, которую проводит автор романа «Воскресение»), С.В. Максимова (Малиновский активно цитирует его «Сибирь и каторгу»), Ф.М. Достоевского (в первую очередь, «Записки из Мертвого дома»), А.П. Чехова («Остров Сахалин») и др. (заметим попутно, что известен целый ряд статей Малиновского, написанных о социально-исторических и правовых проблемах на материале русской литературы: «Вопросы права в сочинениях Чехова», «Университет в сочинениях Чехова», «Русская общественная жизнь в сочинениях Гоголя», «Крепостное право в русской художественной литературе», «Русские писатели-художники о смертной казни»).

Нравственно-этические аспекты проблемы ссылки волнуют лектора и во втором его выступлении, где он много рассуждает о праздности ссылных, разврате, брани, принятых в их среде. Все это он называет «нравственными испытаниями» и для самих ссылных, и для конвойной стражи и тюремной администрации. Но самое страшное, считает Малиновский, это тот «нравственный яд», который разливает ссылка, особенно ссылно-каторжные женщины, на сибирскую молодежь, среди которой укореняется циничное отношение к семье, детям, к старшему поколению, «привлекательными делаются

¹ Сочинения о раскольниках, которые начали переселяться в Сибирь еще со времен раскола русской церкви, также составляют значительный массив в собрании университетской библиотеки, который требует специального рассмотрения.

² Малиновский И.А. Ссылка в Сибирь: Публичные лекции, читанные в Томске в ноябре 1899 г. С. 32.

такие профессии, как воровство, мошенничество»¹. Да и труд ссылочно-каторжных профессор признает малопроизводительным, поскольку он носит принудительный характер.

Наконец, лектор поднимает такую актуальную для Сибири проблему, как бродяжничество, здесь он опирается на книгу Н.М. Ядринцева «Сибирь как колония» и утверждает, что «порожденное и поддерживаемое ссылкой бродяжество есть зло в сибирской жизни, и вся ссылка целиком во всех ее проявлениях – есть зло в сибирской жизни»². К такому выводу приходит Малиновский в конце второй лекции, развертывая мысль о том, что ссылка «дорого стоит» и России, и особенно Сибири, на плечи которой, кроме всего прочего, ложатся перевозка арестантов (так называемая подводная повинность), содержание тюрем, призрение больных ссылных и т. д.

Опираясь на голос сибирского общественного мнения, который постоянно звучит в сибирской периодике и в постановлениях сибирских общественных управлений, профессор подводит четкие итоги своего аналитического выступления: «Теория рисует в нашем воображении привлекательную картину ссылки, карающей преступника, обеспечивающей общественную безопасность, приносящей экономическую пользу государству, способствующей заселению малонаселенных окраин государства, исправлению преступника <...> Эта картина оказывается игрой воображения, миражом, который рассеивается перед реальными явлениями жизни»³.

И далее лектор задает типичный русский вопрос: «Что делать с нашей ссылкой?». В отличие от многих ситуаций подобного вопрошания здесь дан вполне конкретный ответ на вечный для России вопрос: «Отмена ссылки в Сибирь», которой ссылные как колонисты не нужны. «Сибирь нуждается, – завершает свое выступление И.А. Малиновский, – не в тюрьмах пересыльных и каторжных <...> она нуждается в школах общеобразовательных и профессиональных, высших, средних и низших <...> ей нужны люди труда и знания»⁴.

Переходя к материалам, касающимся собственно переселенческого движения в Сибирь в XIX в., с особым вниманием следует от-

¹ Малиновский И.А. Ссылка в Сибирь: Публичные лекции, читанные в Томске в ноябре 1899 г. С. 73.

² Там же. С. 68.

³ Там же. С. 76.

⁴ Там же. С. 85.

нестись к их жанрово-нарративным особенностям, которые отличаются в этой тематической группе чрезвычайным разнообразием. В первую очередь, следует указать на наличие большого массива *статистических материалов и документов*, практически не встречающихся в рассмотренных выше проблемно-тематических корпусах текстов.

Это – разные *ведомости* (Ведомости о движении переселения по Томской губернии за 1884–1893 гг. Отпечатано в Томской губ. типографии; Ведомость о переселенческих участках не сполна заселенных и свободных, образованных включительно до 1893 г. Западно-Сибирским Переселенческим Отрядом и Томскою Временною Партией по Томскому и Мариинскому округам Томской губ. С приложением описаний отдельных переселенческих участков и карт. Сост. по поручению томского губернатора томским правительственным агрономом В.Г. Бажаевым. Томск: Губ. типография, 1895), *отчеты о командировках* по переселенческим участкам (Описание переселенческих записных участков, образованных 1-й Восточно-Сибирской межевой партией. Красноярский округ. 1893–94 год. Красноярск: Типо-лит. П.С. Смирнова, 1895; Г.О. Осовский. Гео-гидрологические исследования Барабы: Отчет о командировке по исследованию водоснабжения переселенческих участков в Барабе, состоявшейся летом 1894 г., по поручению г. томского губернатора. С отчетною картой и 1-й таблицей чертежей. Изд-е Томского губ. стат. комитета. Томск: Типо-лит. П.И. Макушина, 1895; Он же. Гео-гидрологические исследования Томского и Мариинского округов. Отчет о командировке по исследованию водоснабжения маловодных переселенческих участков в Томском и Мариинском округах, состоявшейся летом 1895 г., по поручению г. томского губернатора. С приложением отчетной карты. Изд-е Томского губ. стат. комитета. Томск: Губ. тип., 1896 и др.), *статистические и справочные сборники* (Сибирское переселение в 1899 году: (Что нужно знать каждому ходоку). СПб.: Тип. МВД, 1901. Вып. II; Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Сибири. Томская губерния. Уезды Барнаульский, Каинский, Томский и Мариинский. Материалы по исследованию переселенческих поселков, собр. и разработанные под руководством и ред. В.Я. Нагнибеда. Томск: Тип. В.М. Перельман, 1913. Вып. I; и др.), *законы и их разъяснения* (Дозволение причисленным в Сибири евреям отлучаться и переселяться во внутренние губернии // ЖМВД. 1859. Ч. 36, № 5. Отд. 1. С. 77–78; Новый закон о переселениях. Казенные аренды в

Сибири // Русская мысль. 1889. № 10. С. 216–222; Временные правила о замене ссылки на поселение и на житье другими наказаниями // Тюремный вестник. 1900. № 6–7. С. 299–303; Сборник узаконений и распоряжений по поземельному устройству крестьян и инородцев, водворившихся на казенных землях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской. СПб.: Тип. В. Киришбаума, 1900; Сибирь. Вып. I: Общие замечания о Сибири и переселении. Сведения о земледельческой полосе Сибири. Узаконения и распоряжения правительства. Пути следования в Сибирь и по Сибири. Карта Сибири. СПб.: Тип. МВД, 1897); Устав Общества для вспомоществования нуждающимся переселенцам. СПб.: Тип. МВД, 1890); Сборник узаконений и распоряжений правительства по переселенческому делу. Тобольск, 1898; и др.).

Эти материалы наполнены конкретными цифрами, таблицами, выводами и рекомендациями. Так, например, «Ведомость о заселенных и свободных переселенческих участках, а равно запасных, образованных до 1895 года Западно-Сибирским переселенческим отрядом и Тобольскою Временною партией в Тобольской губернии», составленная «по поручению г-на тобольского губернатора поземельно-устроительными чинами Тобольской временной партии» 1 июля 1895 г. и изданная «с приложением отдельных описаний означенных участков» в Санкт-Петербургской типографии МВД в 1895 г., представляет собой свод таблиц, в которых для каждого округа, волости и участка указано расстояние в верстах от окружного города, села с волостным правлением, от ближайшей церкви, школы, лечебницы и железнодорожной станции.

Кроме того, в «Ведомости...» описаны так называемые удобные и неудобные земли (усадебные, пашенные, степные, сенокосные, лесные), обозначены площади земель, число душ, на которое рассчитан участок, откуда можно доставить лес для строительства. Каждый участок описан с точки зрения того, что на нем можно сеять, какие именно леса произрастают, каков способ водоснабжения, какова степень пригодности участка для выходцев той или иной местности.

Приведем для наглядности описание Русаковского участка № 147 в Ново-Карасукской волости: «Расположен в юго-западной части волостной дачи. Поверхность участка представляет собою низменное плато, перерезанная в направлении с юго-запада на северо-восток рядом “грив”, почва коих суглинистый чернозем, мощностью

около 5–6 вершков. <...> Исключительно удобными для хлебопашества являются «гривы» и пологие их склоны. Урожайность хлебов отличная; особенно успешно произрастает пшеница. Характер местности по преимуществу степной: низменные болотистые пространства, покрытые чахлой растительностью, сменяются гривами и реже сухими площадками. Количество удобных земель <...> на подлежащую водворению душу распределилось так: усадебной – 0,1 дес.; распаханной – 4,6; степи и выгона – 5,1; покоса чистого – 3,5; леса и кустарника – 1,8 дес.»¹.

«Ведомость землеустроенных по закону 31-го мая 1899 года селений Кузнецкого уезда Томской губернии» (Барнаул, Типо-лит. Упр. Алтайского окр., 1915) содержит проекты земельных наделов для переселенцев – с 1909 по 1913 г. Здесь для каждой волости и селения указано число «наличных», «допринимаемых» и «всего наделаемых» душ, количество удобной и неудобной земли, соотношения земли и леса, выдаваемых населению, церквям и причтам, а также школам, указывается и дата утверждения межевых документов.

Так, для 19 селений Верхне-Томской волости в 1910 г. планировалось наделить 5271 человека землей (85000 дес., из которых удобных 76000) и 10500 дес. леса (церквям и причтам соответственно 755,93 дес. удобной и 46,76 неудобной земли плюс 110,33 дес. леса, для школ – 313,33 дес. земли – удобной 296,87). Документы были утверждены только в ноябре – декабре 1914 г.

Интересны труды известного геолога Г.О. Оссовского, исследовавшего западную Пруссию, пещеры близ Кракова, а в России Волынскую губернию и Сибирь. Это отчеты о проведенных им в 1894–1895 гг. командировках с целью исследования водоснабжения переселенческих участков, расположенных вдоль Сибирской железной дороги. В предисловиях автор констатирует, что до него никто не проводил подобных экспедиций, так что обследованные им земли, уже заселенные переселенцами, он называет «неведомой» в отношении гидрологии страной.

Впервые известный геолог приводит в своем отчете предварительные географические сведения о Барабинской степи и Томском и Мариинском округах, описывая рельеф почвы, ее гидрологический

¹ Ведомость о заселенных и свободных переселенческих участках, а равно запасных, образованных до 1895 г. Западно-Сибирским переселенческим отрядом и Тобольскою Временною партией в Тобольской губернии. СПб., 1895. С. 179.

характер, разделяя местность на озерные, речно-озерные и урманные области. В своих выводах ученый указывает, что даже в старожильческих поселениях «находка пресной питьевой воды принадлежит к редким случайностям»¹, поскольку колодцы, построенные еще в период основания сел, давно пришли в негодность, и жители летом берут воду в болотах, зимой тают снег и лед. Что же касается новых участков, выделенных для переселенцев, то в них на каждом имеется максимум 1–2 места, где есть доступ к воде. Многие участки заболочены, зимой заносятся снегами. И тут же называется причина такого положения: хищническое истребление лесов самим населением, которое превращает свои участки в «искусственную степь»². Население не знает своеобразных гидрологических условий доставшихся ему земель и не умеет пользоваться ими, и невежеством только ухудшая условия своего водоснабжения и проживания.

Привлекают внимание и сборники статистических сведений. Например, мы обратились к «Материалам по обследованию типичных переселенческих участков, собранным и разработанным под руководством и редакцией В.К. Кузнецова» (2-е изд. СПб., 1913. Вып. 1). Сборник тоже открывается «Предисловием», в котором объясняется, что данный выпуск заключает в себе первые результаты предпринятого летом 1911 г. Главным управлением землеустройства и земледелия обследования хозяйственного положения переселенцев в Сибири (в Акмолинской обл., Тобольской и Енисейской губ.).

Целью обследования называется сплошная подворная перепись приписного и неприписного населения и осмысление современного экономического положения переселенцев, степени их благосостояния, по сравнению с бывшим их положением на родине. Читателю сообщается, что изучались участки на юге и севере, западе и востоке Сибири, расположенные в местностях с различными почвами, что во внимание бралась их близость/отдаленность от железной дороги, промышленных и культурных центров, что в ходе переписи обследовались также постройки, орудия труда переселенцев, формы их землепользования, посевные площади, наличие ссуд на «домообзаведение».

¹ *Оссовский Г.О.* Гео-гидрологические исследования Барабы: Отчет о командировке по исследованию водоснабжения переселенческих участков в Барабе, состоявшейся летом 1894 г. Томск, 1895. С. 66.

² Там же. С. 138.

Главным выводом работы комиссии стал следующий: «Переселенцы во всех полосах Сибири в общем прочно оседают на отведенных наделах. Случаи ухода водворенных с участков <...> незначительны и вызываются, по объяснению самих переселенцев, посторонними причинами, не указывающими на непригодность наделов для успешного ведения хозяйства»¹.

Экономическое положение переселенцев, судя по данным материалам, значительно улучшилось, по сравнению с положением их на родине. Размеры землевладения увеличились почти в 9 раз, средний уровень благосостояния переселенцев повысился, своими доходами они уже давно перекрыли путевые издержки на переселение, хозяйства переселенцев постоянно развиваются, количество скота, построек и инвентаря увеличивается и т. д. «Некоторою теневою стороною» скромно называется «неупорядоченность пока землевладения и пользования отведенными в надел угодьями»². При этом в общих выводах, которыми открывается сборник, не упоминаются приводимые ниже в таблицах сведения о денежных повинностях переселенцев, доходящих до 63% от доходов, о большом количестве должников, не имеющих возможности погашать взятые ссуды, об огромных недоимках с переселенцев по податям и сборам.

На вполне благостном фоне рассмотренного статистического сборника, изданного в Санкт-Петербурге, интересны публикации о переселенческом деле в столичных журналах. Вот, например, только одна заметка, напечатанная в 1889 г. разделе «Внутреннее обозрение» издаваемого в Москве журнала «Русская мысль» (№ 10), который регулярно доставлялся в университетскую библиотеку г. Томска. Она озаглавлена «Новый закон о переселениях» и посвящена разъяснению опубликованного 26 сентября 1889 г. Закона о переселениях на казенные земли (от 13 июля того же года).

Автор начинает свою публикацию с объяснения причин переселения в России вообще. В первую очередь, называются экономические причины, а именно: «первобытность приемов обработки, требующая большого пространства земли»³. Здесь же упоминаются не-

¹ Материалы по обследованию типичных переселенческих участков, собранным и разработанным под руководством и редакцией В.К. Кузнецова. 2-е изд. СПб., 1913. Вып. 1. С. X.

² Там же. С. XII.

³ Новый закон о переселениях // Русская мысль. 1889. № 10. С. 216.

посильные для крестьян Центральной России поборы, тягость крепостного права, малоземелье.

Важнейшим толчком для переселения людей в новую местность, главным образом, в сибирскую, является, по мнению автора, «психологический момент», который заключается в том, что «в умы крестьянства пробивается отчаяние “справиться” когда-нибудь с окружающими условиями, одерживает верх сознание, что “тут сколько ни бейся, все будет только хуже”. В этот психологический момент мысль о просторе на дальних землях представляется воображению крестьян с оттенком страстного увлечения. По большей части они и не знают не только, каковы те обетованные земли по своим условиям, но даже и как далеко они лежат. Создается лишь вообще, что они – далеко, а слух идет, что земли эти богатые»¹. Семьями отправляются в Сибирь на свой страх и риск, «ничего не зная, всем рискуя,² но с неодолимою силой упования на свои силы и Божью помощь»³. Автор сравнивает переселенцев и их страдания на пути к новому месту и на новых местах с перелетными птицами и их тяготами.

Любопытно и глубоко рассуждение автора вообще о склонности русского человека к переселению, а с другой стороны, о его способности к колонизаторству, о его умении не только приспособиться к новым условиям жизни, но и подчинить их себе. Отмечая, сколько перемен пережили песни, дуги, топоры, сохи, узоры, кувшины переселенцев, он пишет и об обратной стороне этого процесса, «когда лет через десяток оказывается, что густая <...> инородческая среда <...> начинает таять. И тает она так успешно <...>, что через известный период времени ее уже нет; она слилась с переселенцами, переработалась великорусскою бытовою силою»³.

Другими словами, автор ставит сложнейший вопрос о переселенчестве в аспекте культуры, диалога центральной и периферических культур и утверждает, что «в совокупности своеобразных взглядов, обычаев и привычек» переселенец «несет с собой нечто гораздо большее, чем <...> скорб <...> Он несет с собою культуру, а в ней, должно быть, скрыта сила немалая»⁴.

Приступая собственно к комментарию закона, автор заметки оговаривает свою убежденность в том, что «регулировать пересе-

¹ Новый закон о переселениях // Русская мысль. 1889. № 10. С. 216.

² Там же.

³ Там же. С. 217–218.

⁴ Там же. С. 218.

ленческое движение» все равно что «регулировать реки» (т. е. это можно делать углублением русла и укреплением берегов). В этом отношении и оценивается закон от 13 июля 1889 г., который, как и «все наше законодательство», «рядом с предоставлением переселенцам легальных некоторых льгот», опасается массовых переселений и потому имеет характер «временных правил», «предварительных разрешений» и «временных распоряжений».

И далее анализируется следующая типичная ситуация: закон требует, чтобы переселенцы отправлялись на казенные земли с разрешения министра, но крестьяне чаще всего не знают, на какие земли они едут (казенные, частные или ничьи). Так что установить твердое исполнение закона и даже его однозначное толкование невозможно, и одновременно администратор получает возможность не предоставлять переселенцам земли, на которых они хотели бы остаться, по причине отсутствия у них министерского разрешения. Хотя при этом всем понятно, что переселенцев уже не отправить назад, что их нужно, по крайней мере какое-то время, кормить за счет казны («иначе они в скором времени помрут с голоду»¹) и все же находить им земли.

Самую большую группу сочинений по переселенческому движению XIX в. (и вообще по переселенческой проблеме в целом) составляет *публицистика местных и столичных авторов*. Причем среди хранящихся в НБ ТГУ сочинений сибирских и московско-петербургских публицистов преобладающее место занимает очерк. Кроме указанных выше очерков по истории заселения Сибири, по вопросам сибирской ссылки и каторги, назовем еще опубликованные в сибирских типографиях «Очерки Нарымского края» миссионера среди остяков, переводчика Священного Писания на остяцкий язык Н.П. Григоровского, «Нарымский край» историка и этнографа Сибири, выпускника Московского университета, активно печатавшегося в местных и столичных изданиях (в «Москвитянин» и в «Томских губернских ведомостях», в «Вестнике ИРГО» и в «Енисейских губернских ведомостях») Н.А. Кострова, «Очерк переселенческого в Сибирь движения» экономиста А. Дудолодова, «Очерк попыток поселений в южной части Мариинско-Чулымской тайги» выпускника Московской земледельческой академии, неоднократно попадавшего под надзор полиции за связь с народовольцами, в 1887 г. высланного

¹ Новый закон о переселениях // Русская мысль. 1889. № 10. С. 220.

в Сибирь и оставшегося после ссылки служить лесничим в Туринске, затем в Томской губернии, в дальнейшем исполнявшего обязанности управляющего государственным имуществом Енисейской губернии А.Ф. Духовича.

Из напечатанных в столице укажем на «Очерки и рассказы из жизни северной столицы и страны изгнания» популярного в свое время писателя, журналиста Н.Э. Гейнце, очерки известного экономиста, выпускника Петербургского университета, с 1887 г. по поручению министерства государственных имуществ исследовавшего хозяйственный быт крестьян в Тобольской и Томской губерниях, боровшегося с традиционным взглядом на Сибирь как на «золотое дно» с неисчерпаемыми богатствами А.А. Кауфмана – это «Сибирское переселение на исходе XIX века». Назовем также «исторический очерк» «Рабство в Сибири» писателя С. Шашкова, родившегося и выросшего в Иркутске, а затем переселившегося в Петербург, чтобы слушать университетские лекции и сотрудничать в столичных изданиях, жизнь своего закончившего в Новгороде.

Наряду с *очерком*, позиционируемым сибирскими и столичными авторами как некий универсальный в плане отражения содержания жанр, следует назвать и такие жанры, в которых преимущественно работали местные публицисты, обращаясь к переселенческому движению XIX в. Это – *доклады* (например, «К вопросу о заселении таежных окраин Томской губернии». Доклад В.Т. Волкова Томскому Отделу Имп. Моск. Общ-ва сельского хозяйства. Томск: Тип. Г.В. Прейсман и Н.Я. Беляева, 1896), *обзоры* (например, «Краткий санитарный обзор Томской переселенческой станции / Сост. врачом станции В. Пирусским. Томск: Губ. Тип., 1892), *проекты* («Проект купца Сидорова о заселении севера Сибири путем промышленности и торговли и развития внешней торговли Сибири». Тобольск: В тип. Губ. правления, 1864).

В столичной публицистике о переселенцах XIX в., несколько преобладающей над местной количественно, представляющей более развитую жанрово-стилистическую систему, но близкой по тематике и пафосу к региональным изданиям, распространенным оказывается, наряду с очерком, жанр *путевых заметок*, к которому сибирские авторы обращаются значительно реже. В отличие от очерка, на первый план в путевых заметках выдвигался субъективный момент нарратива и осуществлялся своего рода тройной диалог: автора с новой для него реальностью, автора с читателем и с самим собой и создаваемым текстом.

Картина сибирского мира, созданная на базе «сигналов» реальной действительности и личного авторского представления о ней, полученного во время путешествия по Сибири, часто подтверждается документально, запечатлена, например, в сочинении постоянного сотрудника «Недели», позднее публиковавшегося в «Русском богатстве», «Наблюдателе», «Вестнике Европы», «Деле», «Ниве», в 1890-х гг. служившего в оренбургской переселенческой конторе В.Л. Дедлова (настоящая фамилия Кигн) – «Переселенцы и новые места: *Путевые заметки*» (СПб., изд. М.М. Ледерле, 1894). В этот ряд встанут «*Поездка с переселенцами от Нижнего Новгорода до Томска*» анонимного автора И.Л. (Русь. 1883. № 4. С. 34–41), сочинение «Как относятся в Сибири к переселенцам? (*По личным наблюдениям*)» экономиста А. Исаева, читавшего лекции по политической экономии в Петербургском университете и выступившего в 1890 г. с инициативой учреждения «Общества для вспомоществования нуждающимся переселенцам», где он стал товарищем председателя (Русская мысль. 1890. № 12. С. 80–90), «исследование на месте» «Экономический быт и правовые отношения старожилов и новоселов на Алтае» П. Сущинского, проведенное «в пользу проектируемой Обществом для вспомоществования нуждающимся переселенцам школы им. Н.М. Ядринцева» (СПб.: Тип. А. Пороховщикова, 1898), «Сибирь по большой дороге» Н.В. Шелгунова (Русское слово. 1863. № 1. Отд. 1. С. 1–48; № 2. Отд. 1. С. 1–39), «В далекие края. Путевые наброски и картинки» Л. Нельмина (Русская мысль. 1886. Кн. 1. С. 185–211), «Письма переселенцев. (Заметки о текущей народной жизни)» Г. Успенского (Русская мысль. 1891. № 1. С. 202–220).

Столичная публицистика, посвященная вопросам переселения в Сибирь, активно обращалась и к такому жанру, как *проблемная статья*, которой часто давался весьма красноречивый жанровый подзаголовок «*Исследование*» или «*К вопросу о...*», характеризующий авторский подход к явлению сибирского переселения, его позицию (назовем, например, следующие издания: Кауфман А.А. Экономический быт государственных крестьян восточной части Томского округа и северо-западной части Мариинского округа Томской губернии. Исследование. Т. I–II. СПб.: Тип. В. Безобразова и комп., 1892 (на книге сделана дарственная надпись «От автора Гавриилу Константиновичу Тюменцеву»); Он же. Экономический быт государственных крестьян Ишимского округа Тобольской губернии. Исследование. Ч. I–II. СПб.: Тип. В. Безобразова и комп., 1889; Он же.

Влияние переселенческого элемента на развитие сельского хозяйства и общественной жизни в Западной Сибири (К вопросу о сравнительной характеристике переселенца и коренного сибирского крестьянина) // Северный вестник. Б.г. Кн. 4. Отд. 2. С. 27–52 (с дарственной надписью «Гавриилу Константиновичу Тюменцеву в знак искреннего уважения от автора»); Осипов Н.О. Экономический быт государственных крестьян Курганского округа Тобольской губернии. Исследование. СПб.: Тип. В Безобразова и комп., 1898; Он же. К вопросу о поземельном устройстве крестьян Западной Сибири // Русское богатство. 1894. № 5. С. 52–79). Встречаются также *доклады* (например: Медведев Н.Н. Переселенцы в Сибири: Доклад Комитету Общества для вспомоществования нуждающимся переселенцам. СПб.: Лештуковская паровая скоропечатня П.О. Яблонского, 1891) и близкие в жанровом отношении к путевым заметкам *письма* и *мемуары* (например, «Письма с дороги» Г.И. Успенского, «Воспоминания о заселении Амура в 1857–1858 гг.» географа и путешественника, выпускника Петербургского университета и Военной академии, побывавшего на Амуре в 1857–8 гг. М.И. Венюкова – РС. 1879. Т. 24. С. 81–112; 267–304; Т. 26. С. 247–266 или публикация А. Омельченко «В Сибирь за землей и счастьем (Из воспоминаний заведующего Кривошековским медсанпунктом)» – Мир Божий. 1896. № 8. Август. Отд. 1. С. 1–24).

Говоря о специфике столичных публикаций о переселенческом движении в Сибирь, следует отметить, что чаще всего они появлялись в центральных периодических изданиях, знакомя русского читателя с самыми злободневными материалами и проблемами. Как правило, они печатались на страницах московского журнала «Русская мысль», журналов «Русское богатство», «Русская старина» и «Дело», выходивших в Петербурге. Довольно часто публикации о переселенцах помещались в «Вестнике Европы», издании, восходящем к истоку русской журналистики – к «Вестнику Европы» Н.М. Карамзина и В.А. Жуковского.

Наконец отметим и то, что в собрании НБ ТГУ представлена *художественная литература* о переселенцах. Это произведения и совершенно забытых сейчас авторов (например, «В погоню за золотом: Роман. (Из жизни наших далеких окраин)» А. Качки (Из «Журнала романов и повестей», издаваемого редакцией «Недели»: [Ч. 1–3]. – СПб.: Тип. Н.А. Лебедева, 1884. 336 с.), «Ермак, князь Сибирский, или Первые завоеватели Сибири: Исторический роман из времен

Иоанна Грозного в трех частях. Ч. 1–3 (Сочинение В. Ягунова – Н. Григорьева) (М.: Изд. книгопродавца А.И. Манухина; Тип. А. Малюкова и К°, 1882. 324 с.) и таких писателей, как В.Г. Короленко, К.М. Станюкович, Н.И. Наумов, С.В. Максимов и др.

Обратим внимание на то, что почти все эти издания (начиная от повестей и рассказов и кончая романами) опубликованы в Москве и Санкт-Петербурге. Из столичных типографий в свет вышли и первые сборники произведений, посвященных рассматриваемой нами проблеме (в первую очередь, назовем здесь научно-литературный сборник «В путь-дорогу», изданный И.М. Сибиряковым в пользу Общества для вспомоществования нуждающимся переселенцам (СПб., 1883), куда вошли рассказ Н.С. Лескова «Продукт природы», очерк А.А. Кауфмана «К вопросу о культурной роли переселенцев в Сибири и их отношениях к сибирякам-старожилам» и др.). Исключение составляет сборник «Сибирские рассказы», изданный Н.С. Щукиным в Иркутске в Типографии Штаба войск в 1862 г. Это был первый в регионе литературный сборник, посвященный местной проблематике.

В большинстве своем названные издания находятся в составе личных книжных коллекций и архивов, хранящихся в НБ ТГУ. Особое внимание в этом отношении привлекает собрание книг известного сибирского краеведа Г.К. Тюменцева, в котором наряду с большим массивом документов и статистических материалов по переселенческому делу, с самыми известными публицистическими произведениями (это называвшиеся выше сочинения Н.Э. Гейнце, А. Духовича, А.А. Исаева, А.А. Кауфмана, Н.О. Осипова, Н.А. Кострова, Н.М. Ядринцева, И.П. Белоконского и др.; некоторые книги – с авторскими дарственными надписями), многочисленными жизнеописаниями сибирских архиепископов и митрополитов, блаженных мучеников и основателей сибирских монастырей, составленными Н.А. Абрамовым и протоиереем А.И. Сулоцким и опубликованными в духовном журнале «Странник», имеются «Очерки и рассказы» В. Короленко (М.: Типо-лит. И.Н. Кушнерева и К°, 1887), сборники рассказов Н.И. Наумова «Сила солону ломит» (СПб.: Тип. К.Н. Плотникова, 1874), «В тихом омуте» (СПб.: Изд-е книжного магазина В.А. Цвылева, 1881), «В забытом краю» (СПб.: Тип. С. Добродеева, 1882) и др.

Архив идеолога сибирского областничества, уроженца Сибири Г.Н. Потанина хранит не только его публикации о переселенцах, но

и заметки о других авторах, писавших об этом, рецензии на их сочинения (например, «Роман и рассказ в Сибири: Ш. Н.И. Наумов. «Сила солому ломит» // Сибирь. 1876. № 51. 19 декабря. Под псевдонимом «Авесов»; «Рецензия на книгу: Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. СПб., 1882» // I Устои. 1882. № 6. С. 68–88 – за подписью «Л»; «Владимир Галактионович Короленко» // Иллюстрированное приложение к «Сибирской жизни». 1903. № 151. 13 июля. С. 1; Об А.П. Щапове. В связи с выходом в свет собрания сочинений А.П. Щапова в 3-х томах, издание М.В. Пирожкова. СПб., 1906 // Иллюстрированное приложение к «Сибирской жизни». 1906. № 162. 30 июля. С. 2).

Из архива Г.Н. Потанина в разное время были выделены архивы Н.М. Ядринцева и Н.И. Наумова. Так, архив Н.М. Ядринцева, поступивший в НБ ТГУ в 1920 г. в составе потанинского архива, был выделен в самостоятельный фонд в 1998 г. Он содержит богатейшие материалы по теме переселения в Сибирь.

Не останавливаясь подробно на этом вопросе, требующем специального рассмотрения, укажем лишь на то, что архив содержит черновые автографы и писарские копии ряда статей самого Ядринцева, посвященных данной проблеме: фрагмент статьи о положении переселенцев (4 л.); «Вопрос переселений» (фрагмент в 4 л.), статья о переселенцах в Сибирь (фрагмент объемом в 15 л.); «Прибыль и дефицит населения при переселениях» (10 л.); «Заметка в газету о докладе Н.М. Ядринцева о переселении в Сибирь на географической выставке (2 л.); разрозненные листы статьи о межевании переселенческих участков (5 л.); наброски статьи по крестьянскому землепользованию в Сибири (3 л.); все рукописи датируются 1880–1893 гг.

В составе фонда Г.Н. Потанина в НБ ТГУ был передан и архив Н.И. Наумова¹, родоначальника целой серии художественных произведений о переселенцах. Он, как и архив Н.М. Ядринцева, также заслуживает особого внимания и в первую очередь привлекает наличием в нем черновых автографов и первых публикаций некоторых сочинений писателя о переселенцах.

Это очерки «Картинка с натуры» (7 л.), 1883; «Гонимые» (= «Святотатец. (Истинное происшествие)»), 5 л.; «По новоселам» (наброски, 2 л.) и др. Из первых публикаций, для примера, назовем очерк «Роковая встреча», напечатанный впервые в «Восточном обозрении» (1883. № 15, 21) – он не переиздавался вплоть до 1939 г. и интере-

¹ В настоящее время архив описан сотрудником НБ ТГУ Н.В. Васенькиным.

сен не только сам по себе, но и своими переключками с очерками Г.И. Успенского, написанными по следам его пребывания в Сибири в 1888 г.¹ Кроме того, в архиве хранятся деловые письма Н.И. Наумову, связанные с проблемами переселенцев (например, письма производителя работ по устройству переселенческих участков в Западной Сибири А. Розанова от 10 января 1888 г.).

* * *

В заключение сделаем несколько замечаний, связанных с методологической перспективой исследования описанных материалов. Во-первых, сам факт их существования должен быть осмыслен как важнейшая страница в богатой и сложной истории идентификации и самоидентификации Сибири в качестве особого не только в географическом, но и в культурном плане пространства. Во-вторых, предметом анализа должен стать **диалог** столичной и сибирской интеллигенции об исторических смыслах и культурных последствиях заселения Сибири, включая эпоху XIX в.

Интересен для научной рефлексии сам образ московского (или петербургского) интеллигента, который устремляется вслед за переселенцами в Сибирь, повторяет их путь на новые места, имея при этом ряд определенных целеполаганий, среди которых установление культурной коммуникации между Сибирью и центром, влияние на ход и результат переселенческого движения, обеспечение желаемого воздействия на столичных читателей, стремление использовать прагматический потенциал переселенческой темы в соответствии с собственными и общелитературными творческими поисками. Не менее интересен и образ местного интеллигента, отличающегося от столичного специфической точкой зрения на проблему, своим объемом знаний о ней и, наконец, своими творческими установками.

Материал, обзор которого представлен в данном разделе, свидетельствует о нарастающем взаимоотяготении культурных побуждений столицы и Сибири в подходе к вопросу о переселенцах и его отражению в литературе. Собственно их взаимодействие во многом определяло полноту его осмысления и одновременно работало на формирование культурных традиций не только национальной окраины России (мысль, общепринятая в современном научном дис-

¹ См. также: *Ремезов Н.В.* Очерки из жизни дикой Башкирии: Переселенческая эпопея. М., 1889.

курсе о сибирской культуре и литературе в частности), но и ее центра. Сибирские материалы по переселенческому движению, хранящиеся в НБ ТГУ, демонстрируют очень широкий, часто не уступающий столице диапазон своих подступов к проблеме, в том числе и способов ее воплощения в словесности: в публицистике и в собственно художественных произведениях разных жанров, стилей, нарративных стратегий. О культурном вакууме периферии в данном случае говорить не приходится.

Деятельность столичных авторов, вероятно, можно определить как более профессиональную, но местная словесность, особенно публицистика, оказалась не менее перспективной для рецепции темы переселения. В связи с этим отражение темы переселенцев в сибирской литературе не может быть осмыслено в русле распространенной сейчас в науке идеи о существовании сибирской словесности как «локальной», взращенной как бы из самой себя, из местных проблем и способов их художественного выражения, тем более этот материал не поддается изучению как явление, инициированное столичным литературным процессом.

Описанный здесь материал, безусловно, выводит к необходимости комплексного изучения актуальной на сегодня в целом ряде аспектов (кроме литературоведческого) темы переселенцев в Сибири. В частности, интересующая нас рецепция темы переселенцев русской и сибирской литературой 1860–1890-х гг. должна быть изучена (наряду с использованием современных методов литературоведения – в свете нарратологии, рецептивной эстетики, дискурсного анализа текстов) в рамках теории диалога как постоянного общения в культуре и фронта как постоянно передвигающейся в национальном культурном пространстве границы.

Говоря о возможных конкретных аспектах изучения рассмотренного материала, следует указать на необходимость осмысления самого представления о переселенчестве в Центральной России и в Сибири, воплотившегося в художественные и документально-публицистические тексты русских классиков и сибирских авторов 1860–1900-х гг., и исследования форм диалога коммуникативных стратегий русской классической и сибирской литературы названного периода в сфере их восприятия данной темы.

Плодотворным представляется и осмысление образа переселенца в художественных системах разных авторов, в разных жанрово-стилевых парадигмах, позволяющее прояснить не только аспекты

диалога сибирской и классической литературы в рецепции темы, но и характер перемещения границ между константами и вариациями образа переселенца и понятия переселения в целом. Наконец, специального рассмотрения заслуживает механизм взаимосвязи литературных процессов (сибирского и общерусского) с указанным общественным явлением.

2. ОБРАЗ ПЕРЕСЕЛЕНЦА В СИБИРСКОЙ И СТОЛИЧНОЙ ПЕРИОДИКЕ 1860–1890-х гг.: ПРОБЛЕМА ДИАЛОГА («СИБИРЬ ПО БОЛЬШОЙ ДОРОГЕ» Н.В. ШЕЛГУНОВА В ЗЕРКАЛЕ СИБИРСКИХ ПУБЛИКАЦИЙ)

Весной 1862 г. известный публицист Н.В. Шелгунов выехал в Нерчинск, чтобы повидаться с сосланным туда М.И. Михайловым, русским поэтом-переводчиком, который в 1861 г. был арестован по политическому делу, осужден и сослан на каторгу в Сибирь. Результатом этой поездки стал арест самого Шелгунова, которого обвинили в связях с государственным преступником и в том, что он «имеет вредный образ мыслей, доказывающийся не пропущенной цензурой статьей»¹. Речь шла о написанном на основе впечатлений от поездки в Сибирь очерке «Сибирь по большой дороге».

Очерк был опубликован уже в январском и февральском номерах издававшегося в Петербурге журнала «Русское слово» за 1863 г., а впоследствии был включен писателем в его собрание сочинений, вышедшее в 1871–1872 гг.² Поднимавший целый ряд актуальных проблем – общественно-политических, исторических, нравственно-этических – очерк Шелгунова органично влился в широкий контекст русской и сибирской публицистики, явившись интересной страницей в богатой и сложной истории определения и самоопределения Сибири в качестве особого геокультурного пространства. Предметом анализа в данном разделе станет диалог столичной и сибирской интеллигенции об исторических смыслах и культурных последстви-

¹ Шелгунова Л.В. Из далекого прошлого. Переписка Н.В. Шелгунова с женой. СПб., 1901. С. 196.

² Шелгунов Н.В. Собр. соч.: В 3 т. СПб., 1871–1872. Т. 1. С. 183–298. Далее очерк цитируется по этому изданию с указанием страниц в скобках.

ях заселения Сибири, включая переселенческое движение XIX в. В первую очередь, внимание будет уделено образу переселенца, созданному петербургским и местными публицистами, имеющими каждый свои задачи и намерения в использовании потенциала переселенческой темы и образа переселенца.

Первое обращение Шелгунова к интересующим нас теме и образу находим в десятой главе его сочинения, которая называется «Тобольск». Автор описывает хранящуюся на дворе архиерейского дома «редкость» – сосланный колокол – и пересказывает его историю: «...когда в ночь убийства царевича Дмитрия начали звонить в него, он не издал звука, и Годунов велел сослать его в Сибирь». Это предание подтверждается в очерке «документально» – надписью на колоколе, принадлежащей более позднему времени: «Сей колокол, в который били в набат при убиении благоверного царевича Дмитрия 1593 года, прислан из города Углица в Сибирь в ссылку, в град Тобольск в часобитной церкви Всемилоственного Спаса, что на торгу, а потом на софийской колокольне. Весу в нем 19 пудов 20 фунтов» (238).

Так в очерк Шелгунова вошла история заселения Сибири и первых ее поселенцев. Эта тема, как уже показано нами выше, была одной из самых востребованных в русской и региональной литературе XIX в. Кроме того, в главе «Тобольск» специально поднимается тема сибирской ссылки, в которой традиционно видели особого рода «переселение». Автор «Сибири по большой дороге» описывает Тобольский острог, который кажется ему лучшим из острогов. «Он чист, просторен, и арестантов содержат хорошо, разумеется, сравнительно <...> О размере тюремного замка можно судить из того, что во время распутицы или наибольшего скопления арестантов в него вмещается до 2000 человек. В остроге несколько отделений. Женщины содержатся отдельно от мужчин и кандалные отдельно от поселенцев. Кандалные помещаются на отдельном дворе, за особыми воротами. Точно так же существует и отдельная “дворянская” половина. Это небольшой одноэтажный домик, стоящий на особом дворе. Вдоль задней наружной стены дома идет коридор и из него ряд дверей в отдельные, очень узенькие комнаты с окнами по фасаду... » (238).

Далее автор переходит от описания к постановке проблем. Первой среди них оказывается способ препровождения ссыльных, который «стоит двух каторг и в физическом, и в нравственном отношении» (239). Отметим, что подобный нравственно-этический подход к

ссылному переселенцу был характерен и для столичной, и для сибирской периодики второй половины XIX в., и напомним в связи с этим материалы НБ ТГУ, о которых речь шла в предыдущем разделе нашей монографии.

Как нам представляется, любопытным «зеркалом» для очерка Шелгунова является упоминавшаяся выше статья политссылного, члена редакции «Сибирской газеты» С.Л. Чудновского «Колонизационное значение сибирской ссылки». Опубликованная в «Русской мысли» в 1886 г., она опирается на «Историческое обозрение» П.А. Словоцова, труды С.В. Максимова и Н.М. Ядринцева, а также на материалы газет «Сибирь», «Восточное обозрение», «Сибирская газета» и др.

Очерк открывается следующим утверждением: «Несмотря на всевозможные толки о вредном значении ссылки для Сибири, размеры ее не только не сокращаются, но с каждым годом все более и более расширяются, причем... идет и параллельное расширение иного характера колонизационной волны: добровольных переселений»¹. Обращая взгляд к началу истории сибирской ссылки и вписывая ее в историю России и русского народа, Чудновский подчеркивает, что «правительство наше с начального момента ссылки... смотрело на нее... как на меру колонизации... способ заселения обширных, пустых и отдаленных областей государства» (41).

Автор начинает отсчет сибирской ссылки от второй половины XVI в., когда усилиями глав государства Российского стали заселять ямщиками и «пашенными» людьми» (т. е. отнюдь не преступниками) основные сибирские тракты. Позднее, пишет Чудновский, по Владимирке был направлен «обширный поток... “государевых изменников”, а за ними и всякого рода иных “лихих” людей» (41). В XVII–XVIII вв., по мнению автора очерка, ссылка продолжала быть «средством» колонизации Сибири ради освоения пустующих земель, а «область мотивов, влекущих за собою ссылку, все расширялась» (44). В результате Сибирь, в которой «уместились рядом великороссы и малороссы, финны и татары, калмыки и киргизы... цыгане и... евреи», куда без разбору направлялись «мещане и дворяне, солдаты и крестьяне, чиновный люд и серый мужик», превратилась в «хаотическую смесь племен и народов», и Чудновского интересует, «внеесли ли эти невольные колонисты в избранный другими для них, по-

¹ Чудновский С. Колонизационное значение сибирской ссылки // Русская мысль. 1886. Кн. X. С. 40. Далее номера страниц указываются в скобках после цитаты.

мимо и против их воли, край какую-нибудь культуру, смягчили ли они нравы... приобщили ли они (Сибирь. – *И.А.*) к цивилизации и к какой именно» (46).

Отвечая на эти вопросы, очеркист углубляется в область нравственно-этических проблем, главной среди которых оказывается свобода и необходимость переселения жителя Центральной России в Сибирь. Если говорить о собственно ссыльных преступниках, то, с его точки зрения, воспитательный (и экономический) эффект ссылки устремлялся к нулю с момента оглашения приговора. У «воровских» людей, пишет Чудновский, одно название Сибири вызывает «скрежет зубовный», и еще до отправки за Урал они приступают к «тщательной разработке плана побега» (47). Такого поселенца не интересуют пашенные земли и «прочное водворение» на них, и он неминуемо пополняет огромный отряд сибирских бродяг.

Что касается вольных переселенцев, то назвать их так можно, по мнению Чудновского, с большими оговорками. Отправляющиеся на сибирские земли по собственной воле делают это не от хорошей жизни, ими движут отчаяние от невозможности устроить свою жизнь на родине и неясная надежда на обретение лучшей жизни в Сибири.

На «психически-нравственный строй» вольных переселенцев сильно влияют плохо продуманные условия размещения на новом месте (вплоть до полной неготовности Сибири принять семьи переселенцев), сопровождаемые требованиями об уплате податей, которые начинают предъявлять новоселу, едва он успеет добраться до предназначенного участка. Сюда же следует присоединить, считает Чудновский, проблему склонности переселенцев к тунеядству и бродяжничеству, которая складывается за время длительной дороги в Сибирь и по Сибири, а затем поддерживается общей нездоровой в нравственном отношении атмосферой сибирской жизни, а также перекладыванием на старожилов заботы о прокормлении и обустройстве новоселов.

Чудновский отмечает, что очень остра проблема отношений переселенцев и коренных сибиряков, имеющих взаимное предубеждение. Пытаясь разобраться в проблеме, автор не ищет виноватых и правых среди противоборствующих сторон. «Как тут не озлобиться, – пишет он о сибиряках, – когда деревни наводняются приписываемыми ссыльными», которых, при случае, старожилы «обирают, как липку, сводя с ними пресловутый “варначий” расчет». И попадают колонисты и местное население «в заколдованный круг» (52).

Подтверждая свои размышления множеством таблиц и цифр, Чудновский обвиняет в сложившейся ситуации «заколдованного круга» лишь чиновников, «которые, занимаясь переселением, видели в ссыльном не живого человека, а неодоушевленный мертвый номер, который может уместиться куда угодно, по благоусмотрению начальства» (56). В заключении очерка автор констатирует, что Сибири Россия владеет более трех столетий, а она по-прежнему является незаселенным и неразвитым краем.

Автор «Колонизационного значения сибирской ссылки» вполне мог бы сослаться на Шелгунова и цитировать написанную им более чем двадцатью годами ранее статью «Сибирь по большой дороге», где (начиная с гл. XII) подробно и часто в унисон с очерком Чудновского характеризуются сосланные в Сибирь на поселение. Шелгунов тоже считает, что во многих случаях среди невольных переселенцев «в посад» и «на пашню» оказывались ни в чем не повинные люди. При крепостном праве, указывает он, помещик мог отослать своих крестьян в Сибирь только потому, что ему «не нравилась чья-нибудь физиономия» или «потому, что наговорит дворецкий, камердинер, ключница» (252).

И далее очеркист рассказывает о поваре, которого он встретил на пароходе и который «очутился в Сибири потому, что побил дворецкого; а дворецкого побил он за то, что тому хотелось выдать за него свою дочь, а повару не хотелось прикрывать барских грехов. И пошли у них ссоры. Дворецкий жаловался часто барину на повара, а повар злобился и искал случая сорвать сердце. Раз дворецкий приходит в кухню, придрался к мелочи и хотел даже ударить повара, а тот подмял его под себя и поколотил его чумичкой, так что тот едва ушел. <...> Повар в Сибири, а дворецкий остался при барине» (252).

Ниже автор приводит целый ряд подобных «картинок с натуры»: «Есть здесь прачки, сосланные за порчу господского белья; есть женщины, отправленные потому, что они мешали исполнению некоторых соображений своего барина. <...> Много здесь людей без вины виноватых. <...> но все это, – заключает Шелгунов, – еще не делает из Сибири Аркадии, страны, населенной добродетельными людьми» (252–253). Сосланные на пашню повара и камердинеры, лакеи и горничные, не знавшие никогда ничего, кроме жизни в барском доме, не желали и не способны были становиться сибирскими земледельцами. На новом месте эти люди с профессиями, не извест-

ными коренным сибирякам, оказывались не востребуемыми – со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Особую тяжесть, в представлении Шелгунова, приобретали результаты ссылки на каторжные работы и на водворение, которой подвергались бродяги. Петербургский публицист был потрясен необычайным размахом в Сибири грабежа и воровства, которым, как правило, занимались беглые «невольные переселенцы», как он называет ссылочно-каторжных, которых тяготы ссылки и каторги приводили не к исправлению, а к еще большему нравственному падению. В очерке приводятся цифры и факты, подтверждающие это убеждение автора: «В Тюмени каждый день рассказывают происшествия: ...то выпилили у дома угол, влезли в дом и вынесли все пожитки; то убили лошадь и сняли с нее кожу, чтобы продать кожевнику. В Томске прошедшую зиму найдено 30 мертвых тел, а кто и за что сгубил души – неизвестно. Приезжаю в Мариинск и слышу везде разговоры о свежем происшествии. Молодой мещанин, судившийся по подзрению в убийстве отца, убил в кабаке целовальника и подносчика, выкрал деньги и поджег кабак» (254) и т. д., и т. п.

Множеством примеров и точным указанием того, где и когда произошло происшествие, Шелгунов всячески подчеркивает не только достоверность, но и типичность для ссылочно-каторжных преступной деятельности, осуществляемой ими как бы по инерции (по закону «заколдованного круга», о котором писал позднее Чудновский). «Одним словом, везде слышишь рассказы о воровстве, грабеже и убийствах», но при этом «на каждой станции, в каждом городе вам скажут “у нас спокойно, а вот в Мариинске так точно шалят”. А в Мариинске скажут, что у них спокойно, а шалят в Ачинске», – замечает Шелгунов (254).

Исходя из трезвого представления о том, что «преступления существуют везде, где есть люди», «в самых цивилизованных странах», Шелгунов все-таки подчеркивает, что «нигде в России на протяжении самого длинного почтового тракта проезжающий не услышит и четверти того, что ему расскажут на большом сибирском тракте. Незнакомые со статистикой уголовных преступлений в России, многие из нас веровали в патриархальность и чистоту нравов народа потому только, что факты из этой патриархальной жизни были известны только немногим официальным лицам» (255).

Далее автор очерка задает вопрос, не менее принципиальный для России, чем «Что делать?» и «Кто виноват?» – он спрашивает: «Кого

мы обманываем? Кто выигрывает от того, что мы скрываем сами от себя правду? <...> Что за сентиментальность в отношениях к народу и вечное желание смотреть и на себя, и на народ, как на маленьких детей?» (255).

Шелгунов напрямую связывает эту «сентиментальность» с утратой чувства собственного достоинства, настаивая на том, что «вопросы жизни разрешаются не чувствительностью и нежностями, а знанием» (255). Здесь он примыкает к тем публицистам, сибирским и столичным, которые не желают «видеть арбузы и персики там, где едва вызревает капуста и брюква... Аркадию там, где еще нужно много труда и образования, чтобы поднять хоть несколько и личную, и гражданскую нравственность» (255).

С не меньшей силой Шелгунов выступает против идеализации отношений между коренным населением Сибири и переселенцами. Задолго до Чудновского и многих других публицистов 1880–1900-х гг. он писал: «Сибиряки вовсе не так доверчивы и простодушны; напротив, в них гораздо больше замкнутости, чем в русских. Сибиряк смотрит недоверчиво на “российского человека”, а “российский человек” на сибиряка, и оба недолюбливают друг друга». Если даже коренное население и оказывает помощь поселенцам, то только по принуждению властей или из желания «отвратить от себя беду», т. е. жестокость и насилие оголодавших поселенцев или беглых бродяг.

Следствие одно, считает Шелгунов: вновь прибывшие в Сибирь чувствуют свое одиночество, не любят ни Сибири, ни сибиряка. Слово «Сибирь» в их устах, особенно это относится к ссыльным, – слово бранное, равно как и сибиряк находит для определения поселенцев только ругательные определения. Шелгунов описывает случай, которому сам был свидетелем: окончивший срок ссылки кричал побитому им сибиряку: «Не зови меня варнаком, я не варнак тебе», а битый отвечал на это: «Врешь, всегда буду звать варнаком, – варнак, варнак!» (257). Через двадцать лет Чудновский, о чем уже было сказано выше, пишет об этой же самой проблеме «варначьего расчета».

В тринадцатой главе Шелгунов обращается еще к одной группе переселенцев – к раскольникам. Их большие, но весьма немногочисленные села, «с массивными постройками, с разными резными вычурами на ставнях, с мощеными дворами, с внутренним убранством» (266), он называет оазисами в пустыне. Эти села, по его словам, «но-

сят характер старины», в них видны «сила и порядок», и они не идут в счет сибирских так же, как жители этих деревень составляют «особое племя». Они отличаются уже «самой наружностью» – «полные, белолицые, свежие женщины, в цветных опрятных сарафанах, опрятные, почтенного вида старики, красивые парни», не говоря о характере и образе жизни (266).

Спустя тридцать лет высланный под гласный надзор полиции в Западную Сибирь на три года (в 1887 г.) и оставшийся в ней до конца жизни, А.Ф. Духович в своем очерке о поселениях в южной части Мариинско-Чулымской тайги «К вопросу колонизации тайги»¹ констатировал, что поселения раскольников, размещавшиеся в глубокой тайге, на никем, кроме них, не востребованных землях, исчезли. Раскольники, вследствие обстоятельств (включающих гонения на них), либо удалились еще дальше в тайгу, либо и вовсе переехали в другие места, бросив зарастать бурьяном уже окультуренные земли.

Между тем, по наблюдению Шелгунова, на фоне селений раскольников все остальные места обитания переселенцев представляются такими, «как будто бы только что начали колонизоваться», и главной приметой этих населенных пунктов являются «временные дома» (267).

Автор «Сибири по большой дороге» вспоминает попытки государства, предпринимавшиеся еще в 1820–1830-е гг., селить поселенцев деревнями на счет правительства. Казенные дома строились на две семьи, и поселенцы уже в самом начале оставляли их и пытались строить свои избы, чтобы жить отдельными семьями. Селения эти, пишет Шелгунов, «существуют и теперь, но что это за селения! <...> Дома с покачнувшимися крыльцами, без окон и дверей, или с окнами, заколоченными досками ... в рамах вместо стекол большею частью бумага, пузыри, кожа; а случается, что пустое место в раме заткнуто просто тряпкой» (270). Многие поселенцы, по наблюдениям Шелгунова, разбежались из «казенных домов», спились или ушли на золотые прииски.

Такой же неудачной, по его мнению, оказалась и попытка государства превратить сибирских поселенцев в земледельцев, хотя формально все должно было этому способствовать: и даровая земля, и свободный рынок, способный принять любую сельскохозяйствен-

¹ Духович А. К вопросу колонизации тайги. Томск, 1896.

ную продукцию. Причиной здесь выступает бессемейность поселенцев, у которых отсутствует стимул к труду.

Итак, круг проблем замыкается: на новые земли ехать с семьей невозможно из-за материальных проблем, в Сибири обзавестись семьей поселенцу еще труднее. Так что вместо того чтобы пахать землю, новоселы отправлялись на «землекопные работы», т. е. на золотые прииски, напоминающие своими условиями жизни острог. Закончив очередной сезон и получив расчет, «вся ватага», пишет Шелгунов, «добравшись до первого села, предается всем излишествам и самому крайнему разгулу. <...> а там опять новые задатки, <...> а после работы ... новый разгул» (271). Читатель вновь встречается с мотивом замкнутого круга, к которому в публикации второй половины 1880-х гг. обращался Чудновский.

Села добровольных переселенцев кажутся Шелгунову полной противоположностью устроенных государством казенных деревень. В качестве примера он описывает жизнь так называемых «каменщиков», занимающих несколько сел в юго-восточной части Томской губернии, о которых, как об исключении из общего правила, писал и Чудновский. Это 22 деревни, самая большая из которых насчитывает 30 дворов. Основанное еще в начале XVIII столетия «общество», куда поначалу входили и раскольники, и преступники, и все те, «кому хотелось жить на воле» (273), изначально занималось именно земледелием, рыбной ловлей и охотой.

Позднее «каменщики» стали платить подать государству. «Каменщики живут хорошо, у них развито пчеловодство, скотоводство; они готовят кожи, ткнут холсты <...>. Произведение своей промышленности они продают в соседние заводские селения и меняют китайцам и киргизам-кайсакам. Живут они чисто и опрятно, в довольстве, и одеваются с какой-то щеголеватостью. Большинство «каменщиков» знает грамоту» (273). Перед нами явно идеальный образ переселенца и своего рода утопического переселенческого государства, модель того, как могло бы развиваться переселенческое движение в Сибирь, создаваемая Шелгуновым в опоре на цифры и статистические данные.

Приметой своего продвижения по Сибири на восток Шелгунов называет увеличение казачества. Сибирский казак, «явление в России органическое», а в Сибири искусственно созданное (из переселенцев, которых отправляли в Восточную Сибирь и по наряду, и даже по жребию), несет службу самую разнообразную. Он и полицей-

ский, и пограничник, «он рубит и возит лес для построек и сплавов», он служит на приисках, сопровождает арестантские партии, ловит беглых. «Он крестьянин и солдат», пишет Шелгунов и тут же уточняет самого себя: «полусолдат, полукрестьянин», которому служба мешает вести хозяйство и приносит убытки, а земледелие мешает служить (283).

Но особенно грустной, по его оценке, является судьба поселенцев при Нерчинском заводе. Их селения похожи на место, откуда «половина жителей уже выселилась, а остальные собираются оставить свои шалаши», построенные так, будто их создавал народ, «впервые познакомившийся с оседлой жизнью» (287). Шелгунов подробно, с сообщением высоты и ширины избы, материала, из которого она построена, описывает несколько домов заводских рабочих (бывших каторжников или поселенцев).

Он, в частности, отмечает, что в этих домах, рассчитанных на 5–7 жильцов, человек может стоять только согнувшись, треть всего пространства занимает печь. Вокруг избы, крытой берестой, нет никаких хозяйственных построек. Но рабочим приходится жить и в землянках, и в избах, крыши которых завалены землей. В каждом доме он встретил людей разного возраста, холостых и женатых, больных и здоровых, живущих двумя семьями в одном доме (поскольку новым поселенцам не хватает отдельных помещений), имеющих на семерых пять китайских деревянных чашек. В России, пишет Шелгунов, в таких постройках живет скот.

Пытаясь разобраться в причинах такой крайней нищеты, он усатанавливает, что в каждом доме живет по несколько (3–4) взрослых работников в полном расцвете сил, все получают жалованье, многие еще не забыли профессии, с которыми приехали в Сибирь из Центральной России. Они держат лошадей и коров и даже продают излишки хлеба, а для пашни нанимают рабочих. Отчего же, спрашивает автор очерка, эти люди живут так грязно и бедно? Оттого, отвечает он сам себе и своим читателям, что им «довольно и того, что они имеют», «они ходят в одежде земляного цвета и в драных полушубках», потому что «им не нужны цветные рубашки и дубленые романовские полушубки» (290).

Вопрос о крайне низком уровне жизни нерчинских поселенцев Шелгунов сводит к их низкому уровню культуры, к их необразованности, позволяющей содержать собственных детей в условиях, от которых в ужас приходит любой нормальный европеец. «Люди эти

до того затупели в неудобствах жизни, – пишет он, – что для них непонятно», почему другим, со стороны, кажется неудобным то, что для них очень удобно (290).

Кроме того, образ заводского поселенца раскрывается и сквозь призму общей для переселенческого движения проблемы оседлой жизни. Дело в том, считает Шелгунов, что, открывая новые промыслы, хозяин завода мог делить семьи, мог переселять их из одного места в другое, а всякий переезд только ослаблял силы семьи (и в экономическом, и в нравственном отношении). Вот и строились дома не из бревен, а из жердей и кольев, вместо трехсаженных трехаршинные, и заводилось в них вместо посуды ведро для воды, вилка, ложка, нож да чугунок. «Все эти люди, – делает очередной горький вывод Шелгунов, – как проезжающие на станции, которых задержал недостаток лошадей. На станции бедно и неудобно, но бедность и неудобство переносятся легко; проезжающий не станет ни поправлять станционного дома, ни заводить в нем другой мебели» (293).

Заканчивается очерк Шелгунова постановкой еще одной болезненной для Сибири проблемы – проблемы бродяжничества. Семнадцатая глава, в которой создана целая галерея образов бродяг, начинается следующим утверждением: в Сибири «бегают каторжные, бегают поселенцы, бегают рабочие... одним словом, бегают всякий, кто находит, что бежать лучше, чем оставаться в работе» (293). Желание бежать Шелгунов называет единственной мечтой многих сибирских поселенцев. Вопрос в том, куда же бегут они? «Они и сами не знают того», – признает автор (295). Об этом же писал много лет спустя Чудновский: «... Народ бродил всегда, ибо жаждал улучшить свое положение и надеялся обрести это лучшее в Сибири» (59).

Покинувшие по разным причинам Россию, устремившиеся в Сибирь за землей, свободой, золотом и т. д., поселенцы, рассказывает Шелгунов, нередко считали за самое лучшее вернуться в Россию. Вновь в очерке возникает мотив замкнутого круга и безрезультатного и бесперспективного движения по нему. Человек не сделается лучше потому, что на новом месте он будет питаться все тем же черным хлебом, жить в таком же, как на родине, плохом доме, работать по принуждению, не имея при этом возможности (а в скором времени угасает и всякое желание) обзавестись хозяйством и «жить собственными силами» (296), утверждает публицист. Его общий вывод сводится к следующей идее, не утратившей, как мы видели, своей актуальности вплоть до рубежа XIX–XX вв.: русский человек «бе-

жит, потому что ему худо». Он переселяется из России в Сибирь, в страну с неисчерпаемым, как ему кажется, «золотым дном», затем «шатается» по Сибири, мечтая, как о земле обетованной, о родных местах.

По мере своего знакомства с Сибирью Шелгунов проявляет все большую озабоченность тем, что современное переселенческое движение – теперь уже в Восточную Сибирь – повторяет ошибки, которые были допущены на предыдущих этапах колонизации региона. На Амур, например, посылают солдат-штрафников, которых местное население боится как огня и которые, разумеется, вряд ли займутся освоением сибирских земель. Большая часть из них неженаты, и, будучи даже приписанными к казачьим слободам, они предпочитают заниматься грабежом и воровством. Уже имеющееся в Забайкалье население, как и в Западной Сибири, не отличается желанием трудиться, довольствуясь в своей жизни самым малым. Все это усугубляется более трудными, по сравнению с западносибирскими, климатическими и географическими условиями.

Довольно часто в подтверждение своих выводов Шелгунов приводит документальные аргументы – статистические данные, источником которых для него является «Статистическое обозрение Сибири» (1854) русского экономиста, члена-корреспондента Императорской академии наук Ю.А. Гагемейстера. Так, свое убеждение в том, что не от хорошей жизни бежали и бегут из России в Сибирь, Шелгунов доказывает весьма неутешительным процентным соотношением разного рода «новоселов» и коренного населения Сибири. Из этих цифр, по его мнению, вытекали самые тяжкие для развития Сибири последствия: от уменьшения рождаемости, сопровождающегося увеличением смертности «сильного населения», до нравственного падения жителей региона, который автор постоянно называет целой «страной».

Развивая ранее уже прозвучавший в очерке тезис о повсеместном обмане самих себя, Шелгунов приводит вопиющие факты несовпадения реальности и статистики, действительности и отчетных документов, судя по которым, в Сибири растут померанцы, апельсины, лимоны и персики, а приращение населения идет втрое быстрее, чем это происходит на самом деле. Автора очерка интересует возрастная и гендерная статистика, из которой следует, что в Сибири женщин (в том числе и вновь прибывающих) значительно меньше, чем мужчин, а половина мужского населения – старше 40 лет. Многие из них, добавляет Шелгунов свои рассуждения к цифрам, не склонны к оседлому образу жизни, к семейным отношениям.

Такой «статистически-цифровой» подход к осмыслению и изображению переселенца окажется востребованным в дальнейшем русской и сибирской периодикой не менее, чем его осмысление и изображение с нравственно-этической и психологической позиции. Не касаясь здесь проблемы синтеза данных подходов, являвшегося характерной чертой очерка Шелгунова и оказавшегося перспективным для центральной и региональной литератур, напомним лишь о наличии в фондах НБ ТГУ большого пласта разных ведомостей, отчетов о командировках по переселенческим участкам, серийных выпусков статистических сборников, разъяснений к законам, о чем мы писали выше.

Заключая свой очерк «Сибирь по большой дороге», где образ переселенца был создан на пересечении нравственно-психологического анализа и эстетики «живых цифр», что закреплялось и в российской, и в сибирской литературе второй половины XIX в., автор перечисляет природные богатства сибирского края и говорит, что на благоденствие его жителей, коренных и переселенных, само по себе это не оказывает большого влияния. С точки зрения Шелгунова, для дальнейшего *развития Сибири* нужны «лучшие условия *всей нашей жизни*» (выделено мною. – *И.А.*).

3. ПРОБЛЕМА ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ НА СТРАНИЦАХ СИБИРСКИХ ГАЗЕТ И В РЕЦЕПЦИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX в.

Если обратиться к знаменитой «Сибирской библиографии» В.И. Межова, то можно убедиться, что свои материалы он формировал главным образом на основе центральной периодики¹. В перечне публикаций по проблемам переселения и поселенцев указаны лишь несколько региональных изданий, таких как «Азиатский вестник», «Сибирь», «Томские губернские ведомости», «Владивосток», «Сибирский вестник». Большую часть библиографии составляет, повторимся, материал столичных изданий: «Восточное обозрение», «Оте-

¹ Межов В.И. Сибирская библиография: В 3 т. М., 1892.

чественные записки», «Вестник Европы», «Русский курьер», «Северный вестник», «Русская мысль», «Русское богатство» и другие.

С середины 80-х гг. XIX в. в центральных изданиях появляются публикации, посвященные аграрным миграциям в Сибирь. Характерно, что проблемы переселенческого движения рассматриваются в них прежде всего через призму интересов европейского населения, так как редакции волнуют вопросы, связанные с выселением крестьян из «внутренних» губерний. Н.Н. Родигина указывает на то, какой образ Сибири формировался в массовом сознании русских крестьян. Для его описания используются такие метафоры, как «вольные земли», «обетованная земля», хотя иногда эта далекая земля соотносилась и с самыми неожиданными топонимами, например с Китаем.

Сибирь, утверждает исследовательница, как правило, ассоциировалась в сознании европейца с «местом ссылки и каторги; родиной не испорченных европейской цивилизацией народов; малоизвестной и ментально не освоенной русским крестьянином территорией, особенно притягательной в связи со слухами об обилии земель и наличии государственной помощи желающим в ней поселиться; провинцией с активно формирующимся национальным самосознанием»¹.

Несомненно, указатель книг и статей о Сибири В.И. Межова был и остается ценнейшим материалом для исследователей, но его явная неполнота приводит к необходимости пересмотра самого метода и подхода к материалу.

Мы считаем принципиально важным выявить определенный механизм интерпретации темы в центральной и региональной прессе. В связи с этим обнаружилась необходимость фронтального просмотра и систематизации материалов сибирской и, в первую очередь, томской периодики последней трети XIX в., касающихся вопроса о переселенцах. Это позволяет в итоге пронаблюдать и исследовать формирование своеобразного сибирского дискурса о переселенчестве.

Появлению первых газет в Сибири предшествовало, казалось бы, незначительное событие: утверждение в сибирских губерниях новой должности – начальника газетного стола, который должен был отвечать за выпуск официального органа правления – «Губернских ве-

¹ Родигина Н.Н. Социальные конфликты как составляющая образа Сибири на страницах общественно-политического журнала «Русское богатство» // Вопросы социальной истории конца XVIII – начала XX вв. Омск, 2004. С. 52–53.

домостей», возникших в 1857 г. почти одновременно во всех четырех губерниях – Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской. Тем не менее благодаря этому в 1858 г. появилась местная томская пресса, и связано это было с выходом в свет «Томских губернских ведомостей»¹. Газета помещала, прежде всего, официальные сведения, но и немало в высшей степени ценных статей по различным отраслям изучения Томского края.

В эти годы зарождается и «сибирское областничество» как естественная реакция против централизма, против бесправия и хозяйственной отсталости окраин. Взгляды молодых сибирских областников – Г.Н. Потанина, Н.И. Наумова, Н.М. Ядринцева, С.С. Шашкова – сложились под влиянием мировоззрения Н.И. Костомарова и А.П. Щапова, идейных вождей студенчества Петербургского и Казанского университетов. В течение многих десятилетий областничество играло глубоко положительную роль, активно выступая за развитие сибирской культуры и хозяйственные преобразования, в которых был заинтересован и развивающийся сибирский капитализм.

Лидеры областничества, сблизившиеся в Петербурге, попадают в Сибирь осенью 1863 г. К этому времени относится активная работа Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева в «Томских губернских ведомостях», редактировавшихся учителем гимназии Д.Л. Кузнецовым, одним из культурнейших деятелей Томска 1860-х гг. Редакция много внимания уделяла областным сибирским вопросам, в частности возникшей в эти годы идее открытия сибирского университета.

Помимо официальной периодики в регионе стали появляться и частные издания. Но к середине 1860-х и до конца 1870-х гг. сибирская периодическая печать представлена была лишь двумя частными газетами, выходившими в Иркутске: «Сибирским вестником», издававшимся Б.А. Милютиным под редакцией В.И. Вагина, и «Сибирью», начавшей выходить под редакцией того же Вагина и существовавшей до 1888 г., являясь, по сути, межобластным

¹ См. об этом: *Любимов Л.С.* Сибирская печать в период развития промышленного капитализма 60–90-х годов XIX века // История сибирской печати. Иркутск, 1982. С. 33.

изданием. Сотрудниками «Сибири» были Г.Н. Потанин, Н.М. Ядринцев и ряд других ярких публицистов¹.

Значимыми для развития региональной, и в частности томской, журналистики стали 80–90-е гг. XIX в. К этому времени уже сложилась концептуальная составляющая сибирского областничества, где Сибирь представляла не привычным «придатком» центра, а краем невиданных богатств и неограниченных возможностей. Постепенно в круг активно обсуждаемых тем входит и проблема переселенцев.

В это время сибирский регион начинает рассматриваться как многоземельная, активно осваиваемая территория. А при условии проведения в ней либерально-реформаторских преобразований, строительства железной дороги, рациональной организации переселенческого движения, развития образования Сибирь, как считали многие, способна была превратиться из «страны изгнания» и «царства чиновничьего произвола» в процветающий край.

Тема Сибири уже давно звучит и в русской литературе, в творчестве Ф.М. Достоевского, Н.С. Лескова, В.Г. Короленко, Г.И. Успенского, А.П. Чехова. Но проблема русских переселенцев, как уже говорилось, наиболее активно начинает разрабатываться со второй половины XIX в., прежде всего в трудах исторического, социологического, этнографического характера.

Интерес к проблеме был связан с тем, как ставился и наконец был решен вопрос о крестьянах-переселенцах: на основании Закона от 13 июля 1889 г. государственные земли в европейской части России предоставлялись переселенцам сначала в аренду на 12 лет, а затем в бессрочное пользование. Именно поэтому в эти годы наблюдается невиданный приток переселенцев в Тобольскую, Томскую, Семипалатинскую области, так как крестьяне получали здесь землю сразу в постоянное бессрочное пользование, да и само обилие земель привлекало в сибирские края крестьян из европейской части России.

В местной периодике названных десятилетий можно выделить основные проблемы, которые представлялись редакциям самыми актуальными: выход переселенца из общества и ликвидация его хозяйства на родине; выбор места переселения; условия переезда; водворение на новых местах и проблема упорядочивания переселенче-

¹ *Любимов Л.С.* Сибирская печать в период развития промышленного капитализма 60–90-х годов XIX века // История сибирской печати. Иркутск, 1982. С. 33.

ского движения. Каждой из этих проблем издания посвящают целый ряд заметок, корреспонденций, статей. В таких газетах, как «Томские губернские ведомости», «Сибирская газета», «Томский листок», «Сибирская жизнь», «Сибирский вестник», представлен разнообразный материал по переселенческой проблеме.

Для ее осмысления мы исследовали материалы томских частных периодических изданий последней трети XIX в., когда особенно активным стал приток переселенцев и когда сформировался сам принцип краевых печатных и частных изданий с определенной концептуальной составляющей, уникальным кругом их участников, установкой на особую читательскую аудиторию. При этом мы опирались на классификацию сибирских газет Л.Л. Ермолинского¹.

Исследователь выделяет два типа местных изданий, которые формируются к этому времени. К первому относятся издания коммерческого характера, своего рода городские справочные листки, обслуживавшие нужды городского купечества. Таковым стал «Сибирский вестник», открывшийся в Томске 16 мая 1885 г. и объявивший себя «журналом политики, литературы и общедоступной жизни». Редакторами его были Г.В. Прейсман и томский адвокат В.П. Картамышев. Но фактическим редактором издания стал бывший уголовный ссыльный Е.В. Корш. Издание находилось на службе у губернских властей при поддержке центральных «Московских ведомостей» М.Н. Каткова и «Гражданина» кн. В.П. Мещерского.

На первый взгляд, это был типичный, так сказать, «репильный», охранительный орган, ведущий постоянную полемику с «Сибирской газетой», «Сибирью», «Восточным обозрением». Реклама в нем версталась ярко и броско, занимая все больший объем и постепенно вытесняя проблемные статьи. Но, несмотря на явную коммерческую направленность газеты, на ее страницах появлялась и масса публикаций, связанных с проблемой русских переселенцев.

Уже с первых выпусков в «Сибирском вестнике» открывается особая рубрика «Сибирская летопись», где печатаются различные сведения о переселенцах. В № 24 (23 марта) за 1886 г. сообщается об итогах четырехлетней работы переселенческой конторы. С мая по сентябрь (при открытии навигации это был самый активный период

¹ См.: Ермолинский Л.Л. Сибирские газеты 70–80-х гг. XIX в. Иркутск, 1995.

притока переселенцев) приводится подробная хроника их передвижений, даются разнообразные цифры, сообщения, из каких областей и в какие производятся поселения. Факты обратных переселений крестьян из Сибири в Европейскую Россию тоже подвергаются скрупулезному анализу (10 окт.).

В последнем декабрьском выпуске газеты за 1886 г. печатается подробная аналитическая статья Т. Попова «Переселенцы в Сибири». Все это демонстрирует явный интерес редакции, осознающей значение переселения и для страны в целом, и для экономического, политического, культурного развития окраин.

Но при этом в рубрике «Сибирская печать» ведется постоянная и не всегда корректная полемика с «Сибирской газетой» и иркутским изданием Н.М. Ядринцева «Сибирь», которые обвиняются в борьбе и несправедливых нападках на «Сибирский вестник». Полемика продолжается и в самых первых январских выпусках 1887 г. Здесь уже говорится об откровенной травле, которую газета «Сибирь» якобы развернула по отношению к «Сибирскому вестнику», а «Сибирская газета» обвиняется в том, что «повторяет чужие мысли и хорошие слова» (1 янв.).

Критике подвергаются и публикации «Сибирской газеты» по переселенческому вопросу. Выступая против ее «изумительной меры» для упорядочивания переселенческого движения» (6 февр.), редакция начинает полемику и с газетой «Владивосток» (17 апр.). Сообщая ли о наводнении в Томске (что затрудняло открытие навигации) или о сборе средств для переселенцев, указывая ли места их заселения и информируя о переменах в переселенческом деле, редакция не устает делать выпады в адрес других изданий, пользующихся читательской популярностью.

Но сам материал, который излагается в этом году на страницах газеты, необычайно содержателен. Из него мы узнаем об улучшении переселенческого движения в связи со строительством Западносибирской железной дороги (1887. 6 янв.); о спаде переселения в Томскую губернию (23 мая); передвижениях в Алтайский, Бийский, Барнаульский округа (19 июля); об обострении переселенческого вопроса в Тобольских и Курганских округах (26 июля). В одном из последних номеров печатается отчет заведующего переселенческим делом А.А. Чарушина за 1887 г. (28 нояб.), публикуется и ряд других материалов.

Публикации 1888 г. еще более подробно описывают ситуацию: это – проблема нарезки земли под переселенческие участки (6 янв.)

или рассуждения о страсти русского человека к переселениям (8 сент.), призыв к упорядочиванию переселенческого движения (16 сент.) или сообщение об огромном наплыве приезжих в этом году – около 20 тыс. чел. – в Томскую область (Там же). Наряду с этим печатаются статьи Н.С. Шукина (1 янв.), сообщается об открытии Томского университета (№ 50), целая полоса отводится материалам, посвященным юбилею известного этнографа, исследователя Сибири С.В. Максимова (14 дек.). На этом фоне не прекращается публикация сведений о русских переселенцах (9 окт.; 18, 23 нояб.). Все это, так или иначе, создает достаточно полную и объемную картину жизни края, переживающего важные социально-культурные процессы.

При всем этом продолжает ощущаться и достаточно нервный полемичный тон по отношению к другим региональным изданиям, что связано не только с желанием обозначить собственную концепцию, но и завоевать своего читателя. С самых первых выпусков 1888 г. обостряется полемика с уже упоминавшимися «Сибирской газетой», «Восточным обозрением», «Сибирью», очень популярными изданиями, отличающимися своей демократической направленностью.

Так, в разделе «Сибирская печать» указывается на неверные сведения в № 32 (16 марта) «Сибирской газеты» о переселенцах; в № 69 (16 окт.) сообщается о напечатанном в «Русских ведомостях» письме Глеба Успенского, воспользовавшегося неточными сведениями, которые ему, якобы, дала «Сибирская газета». В последних выпусках полемика с другими изданиями выходит уже за рамки местной периодики, так как предъявляются претензии журналу «Гражданин» и его редактору князю Мещерскому (Там же), ведется критическая дискуссия с самим «г-ном Ядринцевым» и его «Восточным обозрением» (11 дек.).

Краткий обзор продемонстрированных материалов «Сибирского вестника» уже позволяет говорить о достаточно сложной и противоречивой позиции издания, в котором, несмотря на явные признаки газеты коммерческого характера и на охранительные тенденции, создается интересная и насыщенная по материалу картина местной жизни. Poleмика же с другими изданиями по переселенческому вопросу демонстрирует неоднородность и актуальность этого явления, что ведет к постепенному формированию дискурса о переселенчестве.

Иным типом местного издания, по классификации Л.Л. Ермолинского, стала «идейная» областная газета, явившаяся типичным

органом молодой интеллигенции края¹. Она представляет собой уже действительно народно-демократическое явление, общественно-политическую газету, отражающую общий социально-культурный уровень области.

Главным типологическим признаком газеты являлась ее общественно-политическая составляющая. Такого рода первым частным периодическим изданием в Томске стала «Сибирская газета», основанная в 1881 г. П.И. Макушиным и через А.В. Адрианова осуществлявшая связь с лидерами сибирского областничества – Н.М. Ядринцевым и Г.Н. Потаниным. Закрыта газета была по распоряжению правительства в 1888 г. После этого П.И. Макушиным же был основан «Томский справочный листок», переименованный в 1897 г. в «Сибирскую жизнь».

По сравнению с другими региональными изданиями, это стало уникально тем, что объединило вокруг себя ссыльных народников. В «Сибирской газете» сотрудничали политический ссыльный Ф.В. Волховский, народнический публицист и этнограф Д.Л. Клеменц, писатель и фольклорист Г.А. Мачтет, писатель-демократ К.М. Станюкович, краевед С.Л. Чудновский, кяхтинский корреспондент и будущий редактор-издатель «Восточного обозрения» И.И. Попов.

Печатают здесь свои материалы и местные сибирские интеллигенты: писатель Н.И. Наумов, минусинский краевед Н.М. Мартыанов, педагог и общественный деятель К.В. Штильке, библиотекарь Н.А. Скорняков. Газете оказывали содействие видные областники Н.М. Ядринцев и Г.Н. Потанин, в ней публиковались известные русские писатели с народническими установками В.Г. Короленко и Г.И. Успенский.

На страницах «Сибирской газеты» нашли отражение все основные проблемы пореформенной русской общественной жизни. Именно поэтому, при очевидном стремлении к освещению местных вопросов, газета не стала провинциальной в узком смысле этого слова. Местные темы подняты ею на уровень высокого общественного звучания. Опираясь преимущественно на сибирский материал, делая ставку на «особые условия» края, нередко даже переоценивая эти условия, «сотрудники газеты стремились осмыслить кардинальные проблемы общественной жизни, стоявшие перед всем демократическим лагерем»².

¹ Ермолинский Л.Л. Сибирские газеты 70–80-х гг. XIX в. Иркутск, 1995. С. 129.

² Там же. С. 132.

Наиболее важными и актуальными газета считала темы местной жизни, традиционные для сибирской периодической печати: земельный вопрос и сельская община, положение русских крестьян и народностей Сибири, народный быт, кустарные промыслы, горное дело и положение приисковых рабочих, народное образование и здравоохранение, а также переселение и ссылка в Сибирь.

Уже в первые годы газета вышла к читателю с конкретной программой: «По нашему мнению, задача всякого периодического органа печати с публицистическим характером состоит, во-первых, в изучении края, во-вторых, в том, чтобы он, т. е. этот орган, представлял собою отголосок мнений лучшей части общества, идеалы этого общества, его стремление и т. д. и, в-третьих, – картину нравов, по возможности, всех слоев общества, со всеми дурными и хорошими его качествами»¹.

«Сибирская газета» имела четкую дифференциацию материалов, разбивая его на подборки центральных телеграмм, переводных статей, обзоров местной текущей жизни, публицистических и экономических обзоров, отдавая им очевидное предпочтение. При этом обнаруживалось явное пренебрежение к рекламе и объявлениям меркантильного характера, но большая доля объявлений посвящалась подписке, выходу в свет новых книжных изданий, сбору средств на различные пожертвования.

Постепенно в газете с явной народнической направленностью складывается тип бескорыстного литератора. И происходит это с четкой установкой на сибирского читателя, каковым теперь становится не столько представитель торговой буржуазии, сколько интеллигент-разночинец. В итоге издание берет на себя роль посредника между интеллигенцией и народом, сам же образ читателя-реципиента приобретает черты читателя-друга.

Проповедуя народно-демократические взгляды и считая себя своеобразным «голосом деревни», редакция посвящала немало статей вопросам о переселениях, ссылке, инородческому, крестьянскому и другим, во многом содействуя пробуждению общественного самосознания в Сибири. Сравнивая материалы «Сибирской газеты» и «Сибирского вестника» по проблеме русских переселенцев, вспомним, что, открывшись раньше (в 1881 г.), «Сибирская газета»

¹ Сибирская газета. 1883. 15 мая. С. 510.

первой и заявила основные проблемы по этому вопросу, сформировала определенную концепцию.

Отражая, прежде всего, интересы крестьянства, ее редакция выступала против колонизаторской политики царских властей, проводивших переселение крепостническими методами. С самого начала существования газеты в ней выделяется особая полоса и формируется специальная рубрика, где речь идет и о географии переселений, и о феномене самоходов, ходоков, и о бродяжестве¹.

Вечная тяга русского мужика к странствованию во многом асимметрировалась в этом историко-социологическом явлении. Но в растущей миграции населения усматривается и некая «роковая необходимость». Редакция во многом разделяла концепцию И.А. Гурвича, автора книги «Переселение крестьян в Сибирь», в которой доказывалось, что не пьянство, не лень, не фатальная склонность к бродяжничеству, а «чрезвычайная напряженность и экономическая безысходность заставляла выкидывать волны переселений в различные места русской империи»². Само исследование вышло в 1889 г., но частично стало известно раньше русскому читателю по публикациям в «Восточном обозрении».

И.А. Гурвич задается вопросом, почему именно в последние годы XIX в. переселенческое движение получило такой массовый характер. Он рассматривает причины, заставляющие переселенцев покидать родные края и искать счастья в новых местах, описывает ход переселения. Его интересует и то, откуда европейские крестьяне черпают сведения о новых землях. Оказывается, главным источником являются письма переселенцев, в дальнейшем частично опубликованные Г.И. Успенским.

Автор «Переселения крестьян...» подчеркивает, что тяга в Сибирь чрезвычайно развилась в русском крестьянстве к началу 1880-х гг., и основной поток переселенцев оседал к этому времени главным образом на юге Томской губернии, преимущественно в Алтайском горном округе. Переходя же на язык цифр, он указывает, что «за 33 года – с 1846 по 1879 г. – в Тобольскую губернию переселилось 43 753 человека, в Томскую – с 1852 по 1879 г. – 35 000, все-

¹ См.: Сибирская газета. 1882. 10 окт., 14 нояб.; 1883. 26 июня, 17 июля, 14 авг., 16 окт. и др.

² Гурвич И.А. Указ. соч. С. 26.

го же 78 753 человека». В 1881 г. в Сибирь проследовало уже «около 36 000 человек, в 1889 г. – 38 000, и это не предел»¹.

Интересуют автора исследования и мотивы, по которым снимается с насиженного места крестьянин, трогаясь в такой далекий, опасный путь. Он подчеркивает несомненный элемент стихийного, бессознательного начала в поведении массы: «В настоящее время крестьянин бежит в Сибирь без оглядки, не задумываясь о будущем, без всяких средств, без определенных представлений о новой стране, с единою верою в то, что так будет лучше, или хуже не будет»².

Опираясь на сведения, которые давала центральная печать, редакция «Сибирской газеты» тем не менее имела свой неповторимый и уникальный материал, который вел к постепенному формированию сибирского дискурса о переселенчестве. В публикациях 1883–1884 гг. говорится о необычайном наплыве переселенцев в Бийский, Алтайский округа; здесь же дается объявление о пожертвованиях в пользу нуждающихся больных переселенцев в конторе редакции «Сибирская газета» при книжном магазине Михайлова и Макушина (1883. 26 июня); сообщается о вопиющих фактах выдворения поселенцев из Красноярска (1884. 7 окт.). В № 38 (16 сент.) публикуется аналитическая статья преподавателя Тюменского реального училища А.И. Ефимова «Переселенческое движение, его значение для Сибири и как ему помочь».

Злом номер один местная печать считает «канцелярию с ее волокитой, бумажным отношением к живой действительности и человеку». С гневом и скорбью пишет газета о мытарствах переселенцев в пути. В сравнении с перевозкой людей сибирскими пароходчиками «бледнеют все предания о рабовладельческих кораблях, доставлявших негров из Африки на американские рынки»³.

С 1885 г. в газете уже существует постоянная рубрика «Хроника переселенческого движения», где ведется скрупулезный фактический и статистический анализ проблемы. На фоне этих злободневных тем редакция внимательно следит за событиями в культурной и литературной жизни. Характерно сообщение в № 47 (24 нояб.) о публикации рассказа В.Г. Короленко «Сон Макара» в журнале «Русская мысль» и «Очерков туриста» в журнале «Северный вестник».

¹ Гурвич И.А. Указ. соч. С. 6.

² Там же. С. 89.

³ Сибирская газета. 1883. 26 июня. С. 665.

Имя Короленко не случайно находится в поле зрения сотрудников газеты. Писатель, прошедший якутскую ссылку, во многом разделяющий народнические взгляды, близок по духу и редакции, и ее читателю. То, что Короленко следил за томской прессой и был знаком с одним из виднейших сотрудников «Сибирской газеты» Ф.В. Волховским, очевидно из его собственных мемуаров и воспоминаний современников. В декабре 1884 г., возвращаясь из ссылки, он посетил Томск и редакцию газеты, где прочитал еще не опубликованный вариант своего первого рассказа из сибирского цикла «Сон Макара».

История пребывания Короленко в Томске получит свое закономерное продолжение. В № 49 (8 дек.) за 1885 г. в разделе «Библиография» появилась анонимная рецензия на произведения писателя, напечатанные в периодике. По версии А.С. Янушкевича, она, скорее всего, принадлежала одному из участников чтения «Сна Макара» – С. Чудновскому или Ф. Волховскому¹. Имя писателя отныне тесно связано с газетой. Именно на ее страницах в 1888 г. появляется «единственная сибирская публикация из художественных произведений В.Г. Короленко» – очерк «Из записной книжки», получивший впоследствии название «Черкес»².

Материалы газеты 1886 г., особенно периода весны и лета, активной навигации, полны известий об очередных партиях переселенцев, прибывших из Центральной России. Сообщается о формировании особых переселенческих отрядов, призванных оказывать помощь (19 янв.); о ходоках в Акмолинской области (22 февр.); о больных переселенцах, прибывших пароходами (11 мая); о катастрофе с переселенцами на барже «Пермяк» (13 июля). В № 32 (10 авг.) говорится о невиданном размахе переселенческого движения в Томской области, которое уже привлекло внимание столичной печати. В № 42 за 19 октября подводится итог переселенческого сезона в Томске за 1886 г. с приведением подробной таблицы.

Последние два года существования издания отмечены еще большим вниманием к этой проблеме. В отличие от вопроса о ссылке, редакция не пытается оградить Сибирь от потока переселенческого движения, считая, что эти новые силы – «золотые руки» Сиби-

¹ Янушкевич А.С. Томские университеты В.Г. Короленко // Русские писатели в Томске. Томск, 1996. С. 89.

² Там же. С. 89.

ри, ее будущая экономическая сила, богатство и могущество. Но демократическая направленность газеты определяла, прежде всего, защиту прав крестьянина, принципов добровольности и свободного выбора мест. Так, в № 5 (1 февр.) за 1887 г. помещается объявление о кредите для переселенцев; в № 6 (21 янв.) за 1888 г. говорится об их бедственном положении, об отсутствии общих законов. Переселение в Приамурье и Уссурийский край, все большее заселение Алтайского, Тюкалинского, Омского округов происходит на фоне выселения неугодных, что приводит к формированию целого ряда таборов на берегу Томи (26 июня). В итоге газета ставит вопрос о формировании правовой системы в переселенческом движении (16 июня).

Внушительные размеры, которых достигает это явление, выражаются в цифрах, приводящихся по Амурской, Томской, Енисейской губерниям (29 июня, 17 июля). Благодаря этим публикациям мы узнаем, что за последние годы в Сибирь проследовало около 74 000 человек, т. е. почти столько же, сколько за предыдущее тридцатилетие! И темп переселения с годами возрастал. Примечательно, что все эти материалы подаются на фоне непрерывной хроники о готовящемся открытии Томского университета, которое, казалось бы, говорит об общих прогрессивных тенденциях, наблюдающихся в Сибири.

Но начало работы университета стало и последним днем в истории существования «Сибирской газеты». 24 июля 1888 г., когда весь номер издания был посвящен первому сибирскому университету, поступило распоряжение министра внутренних дел о его закрытии. Совещание трех министров признало газету «безусловно вредной», так как распоряжаются ею «всецело политические ссыльные и другие лица крайне неблагонадежного образа мыслей», да и сама редакция «служит притоном революционного кружка»¹. Таким образом закончила свое существование одна из лучших частных провинциальных газет России демократического направления.

Тем не менее в последние дни своего существования газета пережила знаковое культурное событие: ее редакцию посетил знаменитый писатель Г.И. Успенский, совершающий свое путешествие по Сибири в связи со сбором материала о русских переселенцах. Писатель принял участие в работе редакционного коллектива газеты. 22 июля, в № 55, в ней был напечатан его очерк «А.П. Шапов», написанный в память о выдающемся ученом, уроженце Сибири.

¹ Любимов Л.С. Указ. соч. С. 77.

В Томске Успенский увиделся с рядом политссыльных, сибирским писателем Н.И. Наумовым, принял участие в празднованиях по случаю открытия Томского университета. Писатель ознакомился с переселенческой станцией в Томске, побывал у новоселов, собрал обильный цифровой и фактический материал и уже 28 июля на лошадях отправился обратно в Тюмень через Колывань, Канск, Омск и Тюкалинск¹. Литературным результатом путешествия Успенского по Сибири стал цикл очерков «Письма с дороги», переименованный в дальнейшем в «Поездку к переселенцам». В общей проблематике очерков обнаруживаются явные точки соприкосновения с позицией «Сибирской газеты».

Разговор о Короленко и Успенском позволяет выйти к рассмотрению заявленной проблемы в контексте русской литературы второй половины XIX в. Что же касается проанализированного нами материала местной периодики, то здесь также выявляется крайне актуальная и перспективная для исследования картина. Представленный материал позволяет показать сибирскую периодику как динамически развивающуюся эстетическую систему, уникальное явление сибирской и русской жизни последней трети XIX в.

При всем концептуальном различии «Сибирского вестника» и «Сибирской газеты» очевидно, что их волнует схожий круг проблем. Само же отношение к русскому переселенчеству ведет, по сути, уже к смыканию интересов редакций принципиально разной направленности на почве понимания важности этого феномена, так активно повлиявшего на социально-культурную жизнь Сибири.

Местная периодика дает основание пронаблюдать и вехи становления регионального самосознания, что крайне показательно по сравнению с сознанием общеевропейским. На страницах сибирских газет и журналов краеведческий материал становится основой для осмысления Сибири как особого региона. С одной стороны, это намечает путь к явлению сибирского областничества, с другой – к осознанию сибирской истории как органической части истории общероссийской.

¹ См. об этом подробнее в следующем разделе нашей монографии.

4. «... ЕДУ В СИБИРЬ СЛУЖИТЬ» (Г.И. УСПЕНСКИЙ В ТОМСКЕ)

Решение о поездке в Сибирь вызревало у Г.И. Успенского несколько лет в контексте размышлений о судьбе России, о своей собственной судьбе. Характерно, что идея поездки возникла в 1884 г., вскоре после закрытия «Отечественных записок», разгрома народо-вольцев, одним словом, событий, в связи с которыми, как известно, положение Успенского, да и многих других писателей демократического направления очень осложнилось. Пространством, которое могло бы дать ответы на важнейшие социально-исторические, философско-этические и творческие проблемы времени и самого Успенского, и представляется ему Сибирь.

Однако путешествие в Сибирь, предпринятое летом 1884 г., закончилось в... Екатеринбурге. Домашние обстоятельства заставили писателя вернуться назад. Но эта неудачная попытка побывать в сибирской стороне еще больше укрепила Успенского в его решении: «Я непременно уеду в Сибирь <...> Я умру, если не уеду», – пишет он беллетристке Е.П. Летковой 8 декабря 1884 г.¹ Первое сибирское путешествие писателя, оборвавшееся на полпути, прояснило и конкретизировало ему цели поездки. Необходимость и значимость ее стали для него совершенно очевидной.

В письме к Е.П. Летковой же, писанном с дороги из Перми 10 июля 1884 г., Успенский рассказывал, как однажды утром его внимание привлек странный звук – «... будто бубенчики звенели. <...> гляжу, из-под горы идет серая бесконечная масса арестантов <...> Я полчаса стоял и смотрел на эту закованную толпу; все знакомые лица – и мужики, и господа, и воры, и политические, и бабы, и все, все наше из нутра русской земли... все это валило в Сибирь <...> и меня так и потянуло вслед за ними, как никогда в жизни не тянуло в Париж, ни на Кавказ, ни в какое бы то ни было место, где виды хорошие, а нравы еще того превосходнее. Все эти люди – наборный продукт <...> русских условий жизни, той путаницы, тоски, мертвечины, трусости или отчаянной смелости, среди которых живем мы, нессланные, томимся, скучаем, пьем чай с вареньем от скуки, врем и лжем, и опять мучаемся. Все эти, от воров до политиче-

¹ Успенский Г.И. ПСС: В 14 т. М., 1951. Т. 13. С. 400.

ских, не выдержали этой жизни, и их тащат в новые места. И мне охотой, а не на цепи, захотелось необузданно идти в новые места»¹.

Так естественное личное желание навестить своих друзей, сибирских политссыльных, – одна из первоначальных целей поездки – прямо в дороге перерастает у Успенского в потребность познать далекую, суровую страну ссылки, издавна принимающую в себя «все наше из нутра русской земли».

Но не только колонии ссыльных хочет увидеть своими глазами Успенский. Его волнует еще одна вина и беда России – судьба тысяч обездоленных переселенцев, уезжавших в Сибирь из центральных губерний в поисках земли и счастья. Это была разоренная, униженная и обиженная крестьянская толпа, которой надлежало начать новую жизнь в незнакомой стороне, по сути, с нуля.

Успенскому не дают покоя вопросы, куда идут эти «безземельные земледельцы», куда приходят и что их ждет там, «за тридевять земель». Его беспокоит и судьба России, болезненно выталкивающей из себя русские семьи, целые общины. Писатель уверен, что в глубине России, «выделяющей» из себя тысячи переселенцев, которые вереницей отправляются в неведомую даль, «что-то нехорошо». В сентябре 1884 г. писатель просит редактора «Русских ведомостей» В.М. Соболевского послать его в Бийский округ к переселенцам, чтобы пожить возле них зиму, понаблюдать за их жизнью.

Наконец, поездка в Сибирь связывается Успенским с возможностью выхода из духовного и творческого кризиса, в который, как он сам чувствует, попал. В письме от начала декабря 1884 г. писательнице Л.Ф. Ломовской он признается: «Не знаю, что со мной творится – такого холода, от которого руки даже коченеют, никогда не было в моей душе, как теперь... Невозможно выдумать, по крайней мере, для меня ровно, ровно ничего такого, от чего бы стало теплей. Мне надобно теперь просто только работать для семьи, и работать нелитературно: литературную работу я кой-как протяну до весны. Но весной окончательно прекращаю это дело и еду в Сибирь служить»². Сибирь много должна была сказать писателю, а через него русским людям, России.

Но Успенскому понадобилось еще четыре года, чтобы собраться в путь. Интересно, что в это время продумывается целый ряд аль-

¹ Успенский Г.И. ПСС. Т. 13. С. 380–381.

² Там же. С. 397–399.

тернативных вариантов, иногда прагматических, утилитарных. А Сибирь манит и пугает его. «Не знаю, куда мне ехать: за границу или в Сибирь... В Сибирь любопытно, но мрачно, чертова яма, холод, и вообще я поустал от мужика, его бороды, лаптей и вообще всего этого голодного и холодного. Больно смотреть, и голова откачивается мучиться об этом, просто утомилась»¹.

Более того, уже находясь на пути в Сибирь, Успенский делится сомнениями с В.М. Соболевским: «Меня пока берет раздумье – ехать ли туда? Соблазнительнейшие вещи прочитал я сегодня в газетах о Семеновском уезде, и меня туда тянет неумолимо. Эта поездка была бы мне по душе более, чем в чертову Сибирь»². В тот же день из Казани он пишет редактору «Русской мысли» В.А. Гольцову: «Сейчас уезжаю в чертово место – Сибирь, и не знаю, доеду ли туда»³, а жене сообщает, что ему до того нестерпимо сразу ехать в Сибирь, что он думает сначала побывать в Саратовской колонии, в одном раскольниковом селе, а уж после ехать в Сибирь, но не дальше Тюмени⁴.

Все эти письма указывают на ситуацию выбора, в которой находился Успенский, и тем самым лишь подчеркивают принципиальность принятого в конце жизни твердого решения: «Еду я в Сибирь». Ему важно было получить не только какие-то конкретные знания, факты, но и нечто, может быть, еще более существенное – моральное право писать, говорить о волновавших его и всю Россию проблемах.

Тема Сибири, сибирской ссылки, сибирских переселенцев завоевывалась Успенским самим решением отправиться в Сибирь, решением этически, гражданственно насыщенным. Факт биографии писателя таким образом оказывается важнейшей характеристикой, с одной стороны, личности Успенского и его произведений о Сибири, а с другой – места и роли Сибири в решении важнейших социально-исторических, нравственно-этических, философских вопросов времени.

Итак, несмотря на предстоящие трудности и лишения, которые Успенский, безусловно, предвидел, на неуверенность в собственном здоровье, в июне 1888 г. он отправляется в путь, предварительно договорившись с редактором «Русских ведомостей» о публикации

¹ Успенский Г.И. ПСС. Т. 14. М., 1954. С. 131 (В.М. Соболевскому от 17 мая 1888 г. из Петербурга).

² Там же. С. 139.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 140.

его очерков с дороги. Поездка окончательно осмыслена как важнейшее общественное и личное дело, которое нельзя не принять на себя.

Маршрут Успенского сложился так: около 10 июня он выехал на пароходе из Казани в Пермь. Из Перми по горнозаводской железной дороге приехал в Тюмень (16–17 июня). Здесь писатель провел примерно две недели и на пароходе отправился в Томск. Плавание по Тоболу и Оби заняло восемь суток, да в Тобольске пришлось шестнадцать часов ожидать парохода. Так что в Томск Успенский прибыл 13 июля. Об этом было сообщено в «Сибирской газете»: «В Томске гостит с 13 июля наш известный беллетрист Глеб Иванович Успенский. Отсюда общий любимец-художник отправится назад за Урал, но уже сухим путем»¹.

В Томске Успенского ждали. Еще 9 июня «Сибирская газета» поместила известие следующего содержания: «Наш знаменитый писатель Глеб Иванович Успенский будет в это лето путешествовать по Сибири и с одним из следующих пароходов прибывает в Томск. Как говорят, Глеб Иванович едет с целью ознакомления с переселенческим движением»².

В день прихода парохода встречать Успенского на пристани отправился Ф.В. Волховский, один из ведущих авторов газеты, политический ссыльный, давний друг писателя. Успенский еще из Перми послал своим томским знакомым телеграмму с сообщением о приезде и с просьбой прислать 150 рублей. Деньги послали. Позднее, из Тобольска, была получена еще одна телеграмма Успенского с просьбой встречать его в Томске с деньгами. Однако Волховский на пришедшем уже пароходе Успенского не застал.

По воспоминаниям другого сотрудника «Сибирской газеты», известного в свое время статистика и публициста П.А. Голубева, история несостоявшейся встречи на пристани выглядит так: «Доехал ли такой-то писатель?» – «Как же, как же!» – «Так где же его вещи, он к нам!» Приходят в каюту: она завалена какими-то коврами. «Что это?» – «Да это они в Тюмени накупили» – «Ну, надо вынести на извозчика...» Прислуга мнетя: «Да они задолжали буфетчику!» – «Сколько? Получите». – «Да они еще и у капитана денег взяли!» – «Сколько? Возьмите». Так Волховскому пришлось выкупать Успенского на томской пристани.

¹ Сибирская газета. 1888. 17 июля. С. 5.

² Там же. 9 июня. С. 5.

Позднее выяснилось, что «в Тюмени на пароход, по обычаю, явились торговки продавать эти ковры. Ковры, как ковры. Ничего особенного не представляют! Глеб Иванович... не торгуясь, уплатил за один. Немедленно его обступили и другие бабы и стали навязывать свой товар. Глеб Иванович покорно покупал ковер за ковром, пока не роздал всего, что было при нем. Глеб Иванович занял, наконец, денег у капитана... и завалил свою каюту совсем ненужными ему коврами. Уже не знаю, куда они делись в Томске», – заканчивает свой рассказ П.А. Голубев¹.

А Успенский между тем сам отыскал редакционную квартиру «Сибирской газеты». Ему понравилось здесь все – и само помещение, и главное – атмосфера, созданная сотрудниками, так что он принял решение: «Да я тут у вас и останусь!» Успенский ни за что не соглашался жить в подготовленном ему гостиничном номере: «Что я там один буду делать! Лучше я буду здесь проводить время» (из воспоминаний П.А. Голубева). Он и действительно большую часть пребывания в Томске провел в редакции газеты, в обществе ее сотрудников, административно-ссылных – А.И. Иванчина-Писарева, Г.Ф. Здановича, Ф.В. Волховского, С.Л. Чудновского. Успенский не застал в Томске Д.А. Клеменца, который в это время находился в научной экспедиции. Не было уже в Томске и К.М. Станюковича. Срок его ссылки закончился незадолго до приезда Успенского.

С кем-то из сотрудников газеты писателя связывало давнее знакомство, с кем-то его сдружил Томск. Так, первая встреча Успенского с Иванчиным-Писаревым и Клеменцом произошла еще в 1875 г. в Париже. В 1888 г. им довелось увидеться в Томске, куда Иванчин-Писарев, со студенческих лет примкнувший к народническому движению, являвшийся членом «Земли и Воли», «Народной Воли», был выслан в 1881 г. Сибиряком-старожилом к моменту приезда Успенского в Томск мог считать себя и Д.А. Клеменц, входивший в 1878–1879 гг. в редакцию нелегальной газеты «Земля и Воля», органа одноименной организации, и высланный за это в 1881 г. в Минусинск, откуда и перебрался в Томск. Успенский был искренне рад встрече с Г.Ф. Здановичем, находившимся за пропагандистскую работу с 1883 г. на поселении сначала в Иркутской губернии, а потом в Томске.

¹ Глеб Успенский в жизни. По воспоминаниям, документам и переписке. М.; Л., 1935. С. 401.

За несколько дней, проведенных в Томске, Успенский познакомился и сблизился с талантливейшим публицистом, одним из активных авторов «Сибирской газеты» С.Л. Чудновским. Как и Волховский, он был не просто другом, но первым наставником народовольца А. Желябова. Арестованный девятнадцатилетним юношей, Чудновский затем почти все время находился или под надзором, или в ссылке. В Сибири он сумел закончить свое образование и приобрел имя – автора истории развития образовательных учреждений в Сибири, опубликованной в «Ежегоднике Томской губернии» за 1885 г.; ученого, принимавшего участие в научных экспедициях; наконец, сотрудника из самых передовых органов сибирской печати – «Сибирской газеты».

Круг знакомых Успенского расширился случайным приездом в Томск О.Н. Фигнер (по мужу Фроловской), младшей сестры В.Н. Фигнер.

«Время его пребывания с нами летело незаметно, – вспоминал Иванчин-Писарев, – и день его отъезда сжимал сердца предчувствием, что без него опять начнутся скучные, серые будни. Оторванные от России, мы с жадностью воспринимали его живые, полные юмора характеристики разных явлений жизни, общих друзей и знакомых и сознавали, что общение с ним дополнит и расширит сферу наших представлений о русских делах, и естественно, сократившуюся благодаря подневольной жизни на чужбине»¹.

Сам же Успенский, осмыслявший свою поездку как проявление потребности делать добро, помогать ближнему, считал, что ему не удалось утешить своих друзей, развеять мрак их неволи. Уже на обратном пути Успенский писал Иванчину-Писареву из Омска 30 июля: «Я рад, что видел вас, Ольгу (Фигнер. – *И.А.*), Здановича, Петра Александровича (Голубева. – *И.А.*), Волховского, но я не рад, что привез себя к вам в таком гнусном виде: скучнее вам, милый Александр Иванович, стало от моего визита, не ободрил я вас ничем, ничем – вот что мне горько... Надо бы мне пожить у вас подольше, и я бы поправился, и мысли бы мои посвежели»².

В этом же письме писатель сожалеет о несостоявшейся встрече со ссыльными, целая колония которых жила не в самом Томске, а в пригородной Басандайке. «Я должен был там быть, а главное, сам

¹ Иванчин-Писарев А.И. Хождение в народ. М.; Л., 1929. С. 394.

² Успенский Г.И. ПСС. Т. 14. С. 151.

хотел душевно. Довольно я нажился в пустопорожном обществе, мне нужно ваше». Встреча не состоялась потому, что в приглашении басандайских ссыльных (Успенский называл их бахчисарайскими) он увидел желание побеседовать с «писателем, способным осветить какие-то вопросы спорного характера». Всегда далекий от мысли поучать кого-либо, проповедовать, Успенский не поехал на Басандайку, в чем потом все же сильно раскаивался¹.

Горький осадок от поездки в Томск, неудовлетворенность собою оставил в Успенском и тот факт, что именно во время его пребывания в городе закрыли «Сибирскую газету». Дело в том, что он приехал в Томск как раз в тот момент, когда редакционный коллектив был занят составлением специального номера газеты, посвященного открытию первого в Сибири Томского университета. Успенский, вспоминает Иванчин-Писарев, «быстро вошел в курс дела и, узнав, что в номере проектируется отдел “Замечательные сибиряки”, предложил нам написать биографию историка А.П. Щапова². Предложение было охотно принято, и Успенский принялся за работу.

Намерение написать очерк о Щапове возникло неслучайно. Успенский хорошо знал работы Щапова. А.В. Успенская, рассказывая о первых встречах со своим будущим мужем, вспоминала, например, как он, просивший что-нибудь почитать, благодарил ее за присланную книгу Щапова, за сам этот выбор, сделанный женою.

Афанасий Прокофьевич Щапов (1830–1876), сын дьячка из села Анга Иркутской губернии, прошел суровую бурсацкую школу в Иркутском духовном училище, окончил Духовную семинарию и поступил в Казанскую духовную академию. Став бакалавром кафедры русской истории, А.П. Щапов занимался целым рядом исторических исследований. В 1860 г. его пригласили преподавать русскую историю в Казанском университете. Он с огромным успехом читал лекции.

Однако его преподавание было недолгим. После опубликования манифеста 19 февраля 1861 г. среди крестьян начались волнения, закончившиеся кровопролитием. 16 апреля по убитым при усмирении в Казани была отслужена торжественная панихида, после которой Щапов произнес речь, посвященную разыгравшимся событиям. За это он был арестован, несколько месяцев провел в заключении и в

¹ Успенский Г.И. ПСС. Т. 14. С. 151–152.

² Иванчин-Писарев А.И. Глеб Успенский и революционеры 70-х годов // Былое. 1907. № 10. С. 48.

1863 г. выслан в Сибирь. В Иркутске Шапов провел последние годы своей жизни. Здесь он продолжал научную деятельность, предпринимал этнографические исследования края, участвовал в экспедициях, писал и публиковал отчеты о них.

Память о Шапове в Сибири была жива, о нем необходимо было сказать в дни открытия первого сибирского университета. Эту благородную задачу взял на себя Успенский. Свою статью он посвящает общественно-литературной деятельности Шапова, его историческим взглядам, объясняя их во многом сибирским происхождением, сибирским характером историка.

В то же время Успенскому чрезвычайно важна мысль о плодотворности соединения, взаимодействия двух культурных потоков – общерусского регионального сибирского, которое только и может дать, по мнению автора очерка, феномены, подобные «великорусу-сибиряку» А.П. Шапова.

При известной беспристрастности пера Успенского особенно замечен исключительно положительный характер оценок личности и жизнотворчества Шапова: «личность его является положительно обаятельной», «он был живой человек, слово и мысль которого были пламенны и животворны»¹ и т. п. Возвышенный тон и интонации рассказа о Шапове включали эту статью в глубокую национальную традицию и вместе с тем, безусловно, определяли идеалы современной Успенскому эпохи.

Автор сознательно акцентирует воспитательно-дидактический пафос созданного в очерке образа. И в этом плане публикация о «замечательном сибиряке» выглядит как публицистическая преамбула «Писем с дороги», в которых Успенский, включившийся в общерусский поиск положительных ответов на трагические вопросы своего времени, горячо и решительно утверждал право и роль Сибири в формировании настоящего и будущего лица России.

Статья Успенского «А.П. Шапов» была напечатана в № 55 «Сибирской газеты» за 20 июля 1888 г. А 22 июля должно было состояться торжество по поводу открытия университета. Успенский получил на него пригласительный билет.

Члены редакции «Сибирской газеты» составили адрес в ознаменование праздничного события. Участвовал в этом и Успенский, который открытию университета придавал чрезвычайно большое

¹ Успенский Г.И. ПСС. Т. 11. С. 461, 463.

значение в развитии Томска и Сибири в целом. Однако накануне торжества выяснилось, что «Сибирская газета» не будет на него допущена. Редакция не получила официального приглашения. Его вручили только издателю газеты, но не в качестве ее представителя, а только как «жертвователю» на университет.

От имени возмущенных сотрудников Волховский составил «ядовитое» письмо попечителю учебного округа В.М. Флоринскому, возглавлявшему строительство университета. Черновик письма, который следовало переписать и отправить за подписью официального редактора Гусева, по недоразумению, попал к Флоринскому. Это было явным доказательством того, что газетой руководят политссылные. В результате приглашение на торжество получил Гусев, дававший газете, по существу, только свою подпись, а сотрудникам, все-таки явившимся в актовЫй зал без приглашения, грубо предложили удалиться. Успенский был сражен таким поворотом событий. Он демонстративно ушел с чествования, отказавшись участвовать в торжественном обеде.

Писатель присоединился к редакционной группе, устроившей свой «домашний» вечер по поводу открытия университета в доме Н.И. Наумова, который, получив пригласительный билет, в знак протеста тоже не поехал в университет. В доме Т.Х. и Н.И. Наумовых вечером 22 июля допоздна читали стихи, вспоминали о петербургских друзьях и знакомых, делились творческими замыслами, обсуждали случившееся.

Несмотря ни на что, открытие университета все присутствовавшие в доме Наумовых считали большой победой. Своей радостью спешат поделиться с Г.З. Елисеевым, уроженцем Томской губернии, профессором Казанской духовной академии, редактором петербургской литературно-политической газеты «Неделя», через которого в свое время шли статьи в передовые центральные журналы о необходимости открытия сибирского университета и не где-нибудь, а именно в Томске. Телеграмма за подписями Успенского, Наумова, Иванчина-Писарева, Здановича. Волховского, адресованная Г.З. Елисееву, начиналась словами: «Университет открыт».

Позднее, уже по пути в Петербург Успенский выразит свои личные чувства по поводу открытия университета в письме Томской городской Думе: «Искренне присоединяю мою радость по случаю открытия Университета к радости всех сибиряков и всех томских

граждан в особенности <...> общественное развитие (что бы там ни было) несомненно должно пойти вперед»¹.

Овацией студентов, устроенной Успенскому около дома Наумовых, закончился вечер 22 июля 1888 г. А через несколько дней из Петербурга пришла телеграмма о приостановке «Сибирской газеты». Успенский, являвшийся не только очевидцем, но и участником всех событий, был возмущен и растерян чуть ли не больше всех. Сначала он просто отказывался верить сообщению: «Нет, это невозможно, тут какое-нибудь недоразумение! Это нужно разяснить» (из воспоминаний П.А. Голубева). И Успенский был готов отправиться с этой целью к самому Флоринскому: «Я лично пойду к нему и устрою дело». Однако редакция единодушно решила этого визита не допустить, зная непреклонный характер попечителя и его отношение к газете².

Уезжая из Томска, так и не найдя возможности защитить газету, Успенский тревожился: «Как же, как же вы теперь будете?»³ И уже с дороги домой он слал друзьям письма, в которых все говорил и говорил им о своей любви. «Поцелуйте первого Здановича. Я его люблю. И Петра Александровича (Голубева. – И.А.) люблю. Подлюбливаю и Волховского»⁴. «Милые, хорошие, добрые вы люди. Живите долго, и дай Бог вам всего хорошего»⁵. Личное участие, дружеская поддержка – единственное, чем мог помочь Успенский в сложившейся ситуации.

Покидая город, писатель не знал, что очень скоро опять окажется в центре событий, связанных с «Сибирской газетой». Началось все с совершенно безобидного замечания в ее адрес, прозвучавшего в одном из очерков «Писем с дороги» Успенского – «Два примера nepостижимых канцелярских тайн». Оно было неожиданно использовано литературно-политической газетой-журналом «Гражданин», издававшейся в Петербурге, для того чтобы выступить против областничества сибирских газет, чтобы подчеркнуть их «тенденциозность» вообще. Из указаний Успенского на неточность и путаницу в некоторых сообщениях «Сибирской газеты» по переселенческому движению «Гражданин» сделал, мягко говоря, неожиданные выводы.

¹ Успенский Г.И. ПСС. Т. 14. С. 155.

² См. об этом: Голос минувшего. 1914. № 1. С. 297–298.

³ См. там же: 1915. № 10. С. 227–229.

⁴ Успенский Г.И. ПСС. Т. 14. С. 152 (из письма Иванчину-Писареву от 30 июля 1888 г. из Омска).

⁵ Там же. С. 153 (из письма Н.И. и Т.Х. Наумовым от 30 июля 1888 г. из Омска).

Вот замечание Успенского: «Не сразу однако ж удалось мне разобраться в этом материале, собранном из местной прессы <...> одно известие противоречит другому и притом в одном и том же номере газеты» (и далее приводились, действительно, противоречащие друг другу известия, опубликованные в № 41 «Сибирской газеты»)¹.

А вот обобщение «Гражданина», сделанное со ссылкой на Успенского: «На сибирской печати <...> еще рельефнее выступают большие стороны русской печати вообще, которые сводятся к тому, что громадное большинство и пишущих, и издающих по большей части ищут в своей деятельности не правды, не изображения действительности, а иных, посторонних, преимущественно личных целей, для которых действительность и прикрашивается иной раз, а иной раз омрачается искусственно»².

В Сибири сразу отреагировали и на статью «Гражданина», и на замечания Успенского, использованные в ней, и на развернувшуюся в центре полемику вокруг сибирской прессы. В «Сибирском вестнике», созданном, как известно, самим губернатором И.И. Красовским в противовес «Сибирской газете», писали, в надежде окончательно уничтожить своего «противника»: «Кроме “Сибирской газеты” никакая другая сибирская газета неповинна в том сумбуре, который получился у г. Успенского благодаря штудированию “Сибирской Газеты” <...> За грехи “Сибирской Газеты” не станет, вероятно, отвечать “Восточное обозрение”, а тем менее мы. Нужно быть особенно благодарным г. Успенскому, что он фактически доказал степень достоверности сведений, помещенных в “Сибирской Газете”»³.

Вполне понятно, что все упреки в адрес «Сибирской газеты» во время ее приостановки могли губительно подействовать на ее судьбу. На защиту газеты встал А.И. Иванчин-Писарев, опубликовавший в «Восточном обозрении», тесно сотрудничавшем с «Сибирской газетой», открытое письмо Успенскому «По поводу “Писем о Сибири” Г.И. Успенского (письмо из Томска)»⁴. В нем давалось опровержение на замечания Успенского.

В свою очередь, газету взялся защищать и сам автор «Писем с дороги». В ответ на статью Иванчина-Писарева он пишет статью

¹ Успенский Г.И. ПСС. Т. 11. С. 117.

² Гражданин. 1888. № 264.

³ Сибирский вестник. 1888. № 69.

⁴ Восточное обозрение. 1888. № 45.

«Страшен черт, да милостив Бог (письмо в редакцию)», в которой все было названо своими именами¹. Дело в том, что Успенский из писем Иванчина-Писарева, из публикаций «Восточного обозрения» хорошо знал о характере «Сибирского вестника», о том, что представляют собой его официальный редактор В.П. Картамышев и фактический руководитель Е.В. Корш.

О первом можно судить по высказыванию Успенского из письма В.М. Соболевскому от 6.11.1888 г.: «... они же, картамышевы, только плутовали, пользуются репутацией проходимцев»². О втором весьма красноречиво высказались примерно в это же время в «Восточном обозрении»: «г. Корш еще раз показал, что злоупотребление чужим доверием, за которое вылетел он из присяжных поверенных (Е.В. Корш был сослан в Сибирь за растрату денег. – *И.А.*), стало его присяжной профессией в Томске»³.

Одним словом, Успенский сразу понял суть «полемики», возникшей вокруг «Сибирской газеты» и сибирской прессы в целом, и отводимую ему «Сибирским вестником» (и «Гражданином») роль в ней. Сразу после публикации письма Иванчина-Писарева Успенский пишет В.М. Соболевскому: «Отвечать на него крайне необходимо, тем более, что в нем никакого опровержения нет, а есть... страх за “Сибирскую Газету”... Дело это затеял “Сибирский Вестник” (с Коршем и пр.), которому нужно убить “Сибирскую газету”, которая теперь запрещена. “Сибирский вестник” и прикрывается мной»⁴.

В своей статье «Страшен черт, да милостив Бог» Успенский и сказал обо всем этом в полный голос: «... “опровержение” написано с вполне ясной целью: защитить “Сибирскую Газету” от несправедливого поклепа на нее со стороны “Сибирского Вестника”, который цитировал мое письмо <...> как доказательство редакционного хаоса, будто бы отличающего “Сибирскую Газету”. Вот в чем дело-то, господа! Как известно, “Сибирская Газета” в настоящее время приостановлена, и в том же Томске, где издавалась она, издается ее конкурент “Сибирский Вестник”. Пользуясь случаем закрытия газеты, он, конечно, спешит воспользоваться счастливым случаем безмолвия “Сибирской Газеты” и употребляет, конечно, для этого те сред-

¹ Русские ведомости. 1889.

² Успенский Г.И. ПСС. Т. 14. С. 199.

³ Восточное обозрение. 1888. № 46.

⁴ Успенский Г.И. ПСС. Т. 14. С. 255 (письмо от 11.01.1889 г.).

ства, которые найдет удобным. Я и думаю, что в числе этих средств он и задумал уронить репутацию “Сибирской Газеты”, сославшись на мое письмо<...> ее хотяг уколотить пред сибирским читателем, прикрывшись моим именем»¹.

«Плутовать потихоньку в своей тайге они не будут» – эти слова из письма В.М. Соболевскому красноречиво раскрывают благородные цели Успенского, которому важно было прежде всего показать широкому читателю правдивость и объективность «Сибирской газеты» по существу и то, как относятся к передовой печати в России и в Сибири, в частности.

Позднее при перепечатке очерка Успенский значительно его переработал именно в связи с развернувшимися вокруг него событиями. Было отброшено большинство цитат из «Сибирской газеты», были ослаблены выражения по поводу неточности и путаницы на ее страницах. Однако ничто не помогло, да и не могло, очевидно, помочь газете. Участь ее была по сути давно уже решена. О ее возобновлении, скорее всего, не могло быть и речи, ибо приостановка использовалась лишь как средство, которое должно было «смягчить» процесс закрытия «нежеланной» газеты.

За неожиданными хлопотами, возникшими у Успенского в Томске в связи с сотрудничеством с «Сибирской газетой» и участием в ее судьбе, за встречами с томскими друзьями писатель не забывал об основной (во всяком случае так ему казалось в начале поездки) своей задаче – сборе материалов о переселенцах.

С этой целью он посещает переселенческую станцию, предпринимает поездку в Сухореченский поселок, образованный переселенцами, знакомится с А.А. Чарушиным, чиновником Министерства внутренних дел, заведующим переселенческим делом в Томске. Успенский изучает все доступные ему документы (отчет Чарушина за 1887 г., «Памятную книжку Томской губернии» и др.), просматривает сибирские газеты, отыскивая публикации о переселенцах. Даже мимолетные встречи и знакомства (с ямщиками, станционными смотрителями и т. п.) он использует для того, чтобы глубже вникнуть во все детали и «мелочи» волнующего его дела.

Позднее все это найдет отражение в «Письмах с дороги», в частности в первом разделе цикла очерков «От Казани до Томска и обратно». Это был правдивый и точный анализ положения переселен-

¹ Успенский Г.И. ПСС. Т. 11. С. 231–232.

цев на разных этапах их долгого и мучительного пути из Центральной России в Сибирь, на новые места.

Успенский верно указывает характерные черты невеселой картины. Организация переселения в Томске поставлена крайне плохо. Если в других городах существовали частные благотворительные общества, оказывавшие помощь переселенцам, то томский заведующий переселенческим делом лишен этой поддержки. Не имея возможности опереться на общественную помощь, он практически ничем не может помочь приезжающим в Томск или следующим через Томск людям.

Переселенцы по прибытии размещались «табором» прямо на пристани и «далее, до полицейской будки, что у моста». Народу скапливалось несколько тысяч. Все это были люди, проведенные на баржах 15 и больше суток. Они привозят в город по несколько трупов умерших в пути, которые нужно похоронить. С ними множество больных оспой и корью детей, которых нужно лечить. Наконец, всех нужно просто накормить и определить их дальнейшую судьбу.

Писатель выясняет, что приютом, т. е. станцией для переселенцев – попросту бараком – может воспользоваться только пятая часть прибывающих, лечением – еще меньше, хлеб получают совсем немногие, а работы или хотя бы денежного пособия добиться не может почти никто. Ассигнования ничтожны и уходят в основном на ремонт барачков, выстроенных второпях на болотистом месте, каждую весну затапливаемом водой.

Путем несложных арифметических подсчетов Успенский вывел, что всякого прибывающего в Томск переселенца могли «обрадовать на всю предбудущую жизнь лишь одним только рублем серебра с гривенниками»¹. Но даже и этот рубль, как удалось выяснить писателю, оказывался чаще всего мифическим, поскольку большая часть средств, отпущенных государством на переселенческое дело, только «живописует размеры помощи, денег же никаких не означает»². К этому прибавляются «пустопорожняя канцелярская суматоха», отсутствие строгого учета («Сведения о переселенческом движении, которые мы можем получить... у заведующих станциями, совершенно не дают нам ни малейшего понятия о размерах этого движения»³), мошенничество чиновников.

¹ Успенский Г.И. ПСС. Т. 11. С. 101.

² Там же. С. 102.

³ Там же.

Даже в лучших случаях, т. е. когда переселенцу определялось конкретное новое место жительства, выделялась земля для обустройства, хорошего было мало. После поездки к новоселам Успенский ясно понимает, что у них – множество трудностей и проблем. Новоселы практически не имеют помощи со стороны коренного населения, которое они волей-неволей потеснили на их исконных землях. Переселенцы не знают местных условий жизни и ведения хозяйства.

Не приведет к успеху, считает писатель, и попытка слить в одну сельскую общину кержаков, поляков и прибывших из Центральной России. Все они «одинаково пашут, косят, сеют», но между ними огромная «нравственная отдаленность». И те, и другие, и третьи хотят жить отдельно, хотят строить поселок по-своему.

Вместе с тем Успенский уверен, что при надлежащей организации дела Сибирь могла бы принять и устроить очень многих людей, многим могла бы стать второй родиной, спасением, возможностью улучшить свою жизнь. Писатель поражен сибирскими просторами, нетронутостью сибирских земель: «...вся та местность, по которой мы ехали к новоселам и среди которой они устроили свое новое поселение, была поистине прекрасна, даже роскошна. Подгородние около Томска места чрезвычайно красивы и живописны. Это какой-то бесконечный роскошный парк, раскинувшийся на холмистой местности»¹.

Но это «райское» место и свободная, некрепостная жизнь не делали новоселов счастливыми, потому что они, в отличие от поляков и кержаков, начинали с нуля и без копейки денег. Дома строятся очень медленно, долгое время новоселы живут в «амбарах», ветхих постройках, в нищете и грязи, которую, впрочем, особенно и не замечают. Ведь для них свой дом, личный (не для барина) труд – это что-то неизвестное.

Познакомившись с делом, Успенский увидел и то, на что местные чиновники старались вовсе закрыть глаза. Например, он столкнулся с таким явлением, как «обратное переселение». Доведенные до полного отчаяния люди, потерявшие у себя на родине перед поездкой в Сибирь почти все, растратившие последнее во время нелегкого пути, поворачивали назад, поскольку не хватало ни средств, ни сил не только обзавестись хозяйством на новом месте, но даже добраться до него.

¹ Успенский Г.И. ПСС. Т. 11. С. 79.

Часто переселенцы возвращались на родину, где их никто не ждал, даже не попробовав жить на новом месте, поскольку их вынуждали к этому серьезные нервные расстройства, особенно у женщин. Женщине, действительно, было труднее всех. «Оторванная от привычных связей, родственных, соседских, оторванная от всех мелочей трудового дня, которые наполняли всю жизнь, лишенная в этой долгой длинной дороге возможности жить всем тем, чем жилось, и без чего все окружающее начинает только пугать неизвестностью и тайной, нервная женщина впадает в припадок какого-то безотчетного испуга, страха»¹, – пишет Успенский и далее приводит примеры, когда таких женщин связывали веревками, приковывали цепями к телеге, чтобы они не убежали. Успенского чрезвычайно беспокоило, что «обратное переселение» набирало силу, хотя, если судить по документам и даже публикациям в прессе, вообще как будто бы не существовало.

Успенский был изумлен и таким неожиданным, на первый взгляд, явлением, как внутреннее переселение, т. е. миграции жителей самой Томской губернии, которые покидали родные места и уходили на восток, по их словам, «от тесноты», возникшей вследствие ежегодного прилива новоселов. Писатель собирает конкретные цифры и факты и по этой проблеме.

Он выясняет, что местом ссылки официально была объявлена почти половина Томской губернии. Генерал-губернатор Казнаков «ввиду крайности» допустил в 1881 г. «переселение» в размере одной трети (сравнительно с количеством коренных жителей), хотя «нормой» являлась одна пятая. Однако «переселение» превзошло все нормы. Число ссылаемых «по вкусу, а не по суду», как убедился Успенский, возрастает год от года. Если прибавить к этому поток переселенцев, который, кажется, совсем никто не регулирует, становится ясно, что Сибирь и в самом деле «битком набита» бесприютным народом. Именно такой вывод делает Успенский, познакомившись с материалами не только по Томской, но и по другим сибирским губерниям.

Тракт от Томска до Тюмени открывает писателю еще одну проблему: выросшую в Сибири в связи с переселениями, с большим числом ссыльных преступность. «...иногда целый день, – вспоминает Успенский свои дорожные ощущения, – не встретишь ни единого,

¹ Успенский Г.И. ПСС. Т. 11. С. 56.

более или менее “благообразного” проезжего, но зато прохожего и притом всегда “неблагообразного”, встречаешь почти на каждом шагу. Бродяга, человек... то испуганный, то грубый, злобный, с нехорошим выражением темной души в бесстыжих глазах, постоянно... заставляет подумывать о чем-то, непохожем на размышления о красотах природы»¹.

Особенно поразил писателя один станционный смотритель. Вялый, сонный, от нечего делать он решил уточнить у Успенского, взволнованного очередным рассказом об убийстве на дороге: «Что, у вас там не пристукивают, что ли?» И оформляя расчет за повозку, он между делом сообщает, что «третьего дня прикокнули одну женщину... Прикокнули бабенку какую-то»². Рассказ об этом человеке, свыкшемся с самым страшным, как очень важный момент повествования о Сибири вошел в очерк Успенского «Обратный путь».

Собранные с большим трудом все эти цифры и факты, будучи приведены писателем в «Письмах с дороги», развенчали немало легенд о Сибири, черных, темных и розовых, светлых, которые существовали в сознании, воображении большинства жителей Центральной России. Успенский нарисовал правдивую картину, показал истинное положение дел. Самого писателя все эти материалы подтолкнули к изучению переселенческого вопроса в целом по России. Так что весной 1889 г. он, как известно, отправился в Башкирию, в еще один крупный район переселения.

Переселенческие проблемы, оказавшиеся сложнее и масштабнее, чем ожидал писатель, «общерусские», как он сам называл их, не оставили времени и сил для знакомства с собственно сибирской жизнью. В письмах томским друзьям, написанных после поездки, Успенский часто сожалеет о том, что ему не удалось «коснуться явлений собственно сибирских».

Его, например, заинтересовал сибирский крестьянин, «сибирский мужик», его характер, психология, мораль. Успенский сразу заметил в нем самое главное: «Не имеет он понятия... о “на конюшню”, о бурмистре, <...> не орудовал над ним барин-вольтерьянец <...> барин-аракчеевец, не был он проигран в карты, пропит с цыганками, <...> не был бит в морду Карлом Карловичем, <...> не был он доведен “до греха”», «до бегства на край света или до пересылки... по этапу»³.

¹ Успенский Г.И. ПСС. Т. 11. С. 141.

² Там же. С. 142.

³ Там же. С. 43.

Все интересует писателя – и «гордость» сибиряка, и его «нахрапистость», и его «раздолье». С просьбой прислать обо всем этом материалы Успенский обращается прежде всего к собрату по перу, писателю-томичу Н.И. Наумову. Они были знакомы еще со времен проживания Наумова в Петербурге. Известно, например, что весной 1880 г. Наумов присутствовал при встрече молодых литераторов с приехавшим из-за границы И.С. Тургеневым, происходившей в квартире Успенского. Наумов и Успенский близко сошлись, по-видимому, во время сотрудничества в артельном народническом журнале «Русское богатство».

Естественно, что, приехав в Томск, Успенский бывал у Наумовых в гостях, ведь еще до своего приезда он получил письменное приглашение Наумова остановиться в Томске в его доме. Позднее В.Н. Наумова-Широких, дочь Н.И. Наумова, вспоминала, что приезд Успенского в Томск был большой радостью для ее отца и что писатель был практически все время в их доме¹. Успенский подолгу и внимательно слушал рассказы Наумова, вернувшегося в Сибирь еще в 1884 г. и служившего чиновником сначала в Мариинске, а потом в Томске.

У них было о чем говорить – это и общие друзья и знакомые, и творческие замыслы, и проблемы переселенческого движения, к которым Наумов обратился впервые еще в Петербурге, а здесь в Сибири он уже лицом к лицу столкнулся с этим. Переселенческое дело уже стало одной из основных тем его творчества, а позднее оно войдет и в круг его профессиональных обязанностей как чиновника по крестьянским вопросам. Судя по письмам Успенского, он брал у Наумова некоторые материалы и документы.

30 июля с дороги домой Успенский писал Наумову: «...спасибо, глубокое спасибо Вам за Ваше радушие, – я так рад видеть Вас, и таким простым, милым, задушевным человеком! Как ни плохо в Сибири, но, ей-богу, она не повредила Вам так, как бы повредил за все эти годы Петербург. Уверяю Вас, что Вы там были бы раздражены не так, как раздражает Вас сибирская кляуза, а смертно, т. е. до безнадёжности. Я и приехал-то в таком состоянии, только крепился, а увидел Вас, ваше письмо простое и радушное, и сохранность полную в Вашей душе, – сам почувствовал себя лучше и хоть еду опять

¹ См.: Томский альманах. Томск, 1948. Вып. 3.

на смертную казнь беспросветной теперь уже насильственной работы журнальной, – но вот все-таки есть капля какого-то облегчения»¹.

Дальше в этом же письме Успенский просит Наумова прислать ему «что-нибудь по домашним семейным делам сибирских крестьян – это было бы хорошо, но все, что ни пришлете, все будет хорошо, и за все я буду бесконечно благодарен»². Кроме того, он просит Наумова передать г-ну Розанову, крупному чиновнику Управления Алтайского горного округа, с которым встречался у Наумовых, что он хотел бы получить от него некоторые материалы. «Не может ли г. Розанов <...> написать мне несколько сцен анекдотов <...> и отдать их в мое распоряжение, где была бы видна гордость сибирского мужика. Он так отлично его знает! Мне же нужны эти черты»³.

И далее Успенский вспоминает рассказанный ему Розановым диалог российского и сибирского крестьянина о Боге. Этот и другие рассказы Розанова писатель хотел бы получить «в свое распоряжение» в более точном и с психологической, и с речевой точки зрения варианте. «Мне это нужно. Забрала меня Сибирь за живое!» – заканчивает Успенский письмо Наумову⁴.

Очевидно, просьбы выполнялись. Так, из письма Иванчина-Писарева Успенскому от 6 октября 1888 г. следует, что он просмотрел для писателя объемное дело томского губернатора о переселенцах, многие материалы переписал и отправил в Петербург. Материалы эти Успенский предполагал использовать в неосуществившихся очерках для «Русской мысли». Позднее, в 1891 г. они все же были обработаны для очерков «Кочевники и русские переселенцы»⁵. Материал рассказов Розанова, в частности упоминавшийся разговор двух крестьян – сибиряка и из Центральной России – о Боге, получил развитие в рассказе «Не знаешь, где найдешь».

Дата отъезда Успенского из Томска требует уточнения. В отдельных статьях указывается, что он уехал из города 28 июля. Но судя по некоторым письмам Успенского, писанным с дороги в Томскую городскую Думу, Наумову, Иванчину-Писареву, по воспоминаниям последнего, писатель покинул Томск 25 июля.

¹ Успенский Г.И. ПСС. Т. 14. С. 153.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 154.

⁵ Русская мысль. 1891. Кн. 3.

Как бы там ни было, ясно одно: встретившись с друзьями, ознакомившись с переселенческим делом, собрав большой материал, Успенский уезжал из Томска, увозя с собой хорошие впечатления и тревогу, «капельку облегчения» и чувство вины, растерянность и готовность работать.

5. ВОПРОС О ПЕРЕСЕЛЕНЦАХ И ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА СИБИРИ В ХУДОЖЕСТВЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ Н.С. ЛЕСКОВА

Не обошел вниманием переселенческий вопрос, один из центральных в русской общественной и литературной мысли второй половины XIX в., и Н.С. Лесков, который сразу заявил о себе как писатель с очевидными демократическими установками, национальными и религиозными пристрастиями.

Лесков приходит в русскую литературу в начале 1860-х гг. и начинает сотрудничать с различными периодическими изданиями, печатая статьи на злобу дня: «О рабочем классе» (журнал «Современная медицина»), «Несколько слов об ищущих коммерческих мест в России» (газета «Указатель экономический»), «О наемной зависимости» (газета «Русская речь») и другие.

Одними из первых в этом ряду стали и статьи по переселенческому вопросу: «О переселенных крестьянах» (журнал «Век», 1861, № 14–19, за подписью «Николай Понукалов»), «О русском расселении и о Политико-экономическом комитете» (опубликовано в журнале М. и Ф. Достоевских «Время», в декабре 1861 г. с подписью «Н. Лесков»).

Как видим, статьи создавались уже по следам свершившейся крестьянской реформы. Вскоре после опубликования Манифеста 19 февраля 1861 г. были обнародованы «Положения», которыми предусматривались конкретные меры по переходу разных категорий крестьян в свободное состояние, т. е. формы их «развязки с помещиками». Лесков, безусловно, верит в избавленного от крепостной зависимости мужика. Смысла реформы он не отрицает, но сразу переходит в своих рассуждениях на уровень конкретного человека.

Так, например, в статье «О переселенных крестьянах» писатель рассуждает не о крестьянине вообще, но о мужике совершенно ре-

альном, которого «помещик Кондратьев» переселил из губернии в губернию, а вернуться домой ему нельзя даже после освобождения. Причем происходит это не по вине «плохого» помещика, а потому, что мир не принимает мужика на старое место: земля разобрана, время не повернуть вспять. В итоге крестьянину-переселенцу уже нет места на родной земле.

Непосредственным поводом для написания статьи явилось положение «О порядке надела землею крестьян, записанных по ревизии в имении одного помещика и водворенных в имение другого», высочайше утвержденное 17 июля 1861 г. Лесков сразу улавливает некое противоречие в законе, в соответствии с которым «крестьяне *разных помещиков*, переселенные из одного имения в другое, имеют больше прав, чем такие же крестьяне *одного и того же помещика*» (курсив Н. Лескова. – *Е.М.*). «На чем тогда основано различие?» – резонно вопрошает писатель и сам делает вывод: «Вопрос остается нерешенным, потому что несправедливое разрешение вопроса не уничтожается»¹.

В основу статьи «О русском расселении и Политико-экономическом комитете» положено выступление Лескова на заседании комитета 1 апреля 1861 г. Детализируя здесь свои доводы в пользу коммерческого способа переселения, автор дает красочные зарисовки передвижения крестьян на новые земли, в котором он сам принимал участие, будучи на службе у своего дальнего родственника А.Я. Шкота. В 1857 г. он «сводил» мужиков Орловской и Курской губерний в степи Заволжья и Жигули. Один из таких эпизодов позднее ляжет в основу его рассказа-очерка «Продукт природы».

Подчеркивая критическую ценность публикуемого материала, редакция «Времени» снабдила его следующим примечанием: «С удовольствием помещаем статью эту. Вопрос о колонизации в России так важен, что чем больше будут писать нам люди бывалые и знающие предмет, тем лучше»². В статье «О русском расселении...» Лесков продолжает разрабатывать вопрос о переселенцах и в частности выдвигает мысль о необходимости посылки «ходоков» на места предполагаемого расселения крестьян, которая не получила одобрения в комитете, посчитавшем, что есть более современные и оперативные средства организации переселения, например хорошие книжные описания.

¹ Лесков Н.С. Честное слово. М., 1988. С. 54–55.

² Там же. С. 324.

Но Лесков доказывает, что это и становится первым затруднением, с которым, как правило, сталкивается крестьянин: недостаток сведений о местах, удобных для заселений. Поэтому и возникает потребность в ходоках, «взгляды и вкусы которых в той самой мере сходны с понятиями переселенцев, с какой тождественны их общие интересы». И на аргумент членов комитета он выдвигает свой контраргумент: «Когда у нас появятся ясные, полные, верные и удобопонятные для народа описания открытых для заселения мест, тогда, может быть, народ не станет посылать своих ходоков»¹.

Образ «ходока» представляет для писателя не отдельное социальное явление, но некий национальный тип. Затем он отразится и в его «очарованном страннике», и во «вдохновенном бродяге», которые будут искать истину на больших дорогах, осмысливать ее не теоретически, а топографически, определять степень достоверности не казенной бумагой, а близостью к общим крестьянским проблемам и бедам.

Идея Лескова окажется весьма продуктивной и крайне перспективной. Особенно активное развитие «ходачества» придется уже в 80–90-е гг. XIX в., когда после открытия Сибирской железной дороги и налаживания продвижения по воде в путь тронутся беднейшие крестьяне. Но, несмотря на расширение коммуникативного пространства и кругозора сельских жителей, Сибирь продолжала ассоциироваться для многих с «каторжным краем», малоизвестным населению европейской части страны.

По официальным историческим данным уточняется, что примерно половина переселившихся вначале высылала в Сибирь своих представителей для предварительного осмотра места поселения. «Ходоков» собирали в дорогу и снабжали всем необходимым сельские общества или отдельные семьи. Осмотрев участки в Сибири, они приискивали удобное место, оставались там на постоянное проживание, заводили хозяйство, а затем отправлялись за семьей и земляками. Более того, по циркуляру 1897 г. «ходоки» должны были получать «свидетельства» за подписью своих земских чиновников. Им предоставлялась возможность проезда в оба конца по железной дороге по пониженным тарифам².

¹ Лесков Н.С. Честное слово. М., 1988. С. 60.

² Липинская В.А. Старожилы и переселенцы. Русские на Алтае: XVIII – начала XIX в. М., 1996. С. 53.

Но все это будет позже. В начале 1860-х гг. писателем выявляется круг острых и вместе с тем вечных проблем, которые получают разработку в его дальнейшем творчестве. Прежде всего, это проблема «русской розни», которая так важна Лескову для разгадки судеб народа и отечества.

Уже в ранней публицистике он обратит внимание на эту «расколотовость» русского общества, выразит свое сочувствие всем «вытолкнутым», скитающимся, вырванным из родного корня. В результате в своей статье он поставит вопрос не только о «ходаках», о возможности дать ход коммерческим способам переселения, но и о необходимости немедленного допущения нового способа переселения, по сути делая свой значительный вклад в дело разработки проблемы переселенцев.

Напомним, что вопрос о крестьянах-переселенцах в основе своей был решен в последней четверти XIX в. на основании закона от 13 июля 1889 г. «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли и о порядке перечисления лиц означенных сословий, переселившихся в прежнее время». Однако проект переселения малоземельных крестьян за Урал разрабатывался правительством еще в начале XIX в. Указ 1822 г. «О дозволении крестьянам перебираться на земли сибирских губерний» разрешал переселяться сюда малоземельным крестьянам из европейской России без правительственного содействия.

Сохранились свидетельства о «вселении» крестьян Витебской губернии в Тобольскую с 1824 г. До Сибири добирались целый год, пользуясь картами; пришедших пешком крестьян называли «самоходами». 8 апреля 1843 г., в рамках реформы управления, был принят указ, регламентировавший переселение государственных крестьян европейских губерний за Урал¹.

В целом сущность дореформенной переселенческой политики отражает заявление статс-секретаря А.Н. Куломзина о том, что «до крестьянской реформы 1861 г. переселенческого движения, как явления народной жизни, у нас не существовало». Первые же признаки постепенно нарастающего массового миграционного движения из центральных губерний России на окраины появились только вскоре

¹ Захарова Н.В. Крестьянские переселения в Сибирь в 1-й пол. XIX в. // Актуальные вопросы истории Сибири: 5-е научные чтения памяти проф. А.П. Бородавкина, 6–7 октября 2005 г. Барнаул, 2005. С. 7.

после отмены крепостного права, свидетельствуя об усложнении социально-экономической обстановки в центре страны.

Если до реформы в Сибирь направлялись преимущественно государственные крестьяне, то после отмены крепостного права в потоке аграрных мигрантов оказалось и немало прежних частновладельческих крестьян. Среди причин, побудивших крестьян уходить с обжитых мест и отправляться на поиски новых плодородных земель, были тяжелые последствия неурожая 1867–1868 гг.

Непосредственным же толчком к массовым миграциям послужило обнародование в губернской печати циркуляра от 13 апреля 1868 г. «О порядке переселения крестьян на свободные казенные земли». Хотя данным распоряжением не предусматривалось массовое переселение, крестьяне восприняли этот документ как «вызов правительства на переселение»¹.

Ставя в своих статьях вопрос о колонизации окраин Российской империи, говоря о необходимости «ходовков», которые могли бы заранее знакомиться с местами переселения, Лесков имеет в виду некое пространство, которое географически у него пока еще не обозначено, тем более что и переселения совершались в самые разные области России, в том числе и в Сибирь, к которой постепенно и обращается взгляд писателя.

Непосредственно к этой проблеме Лесков обратился в 1872 г., в связи с рецензией на книгу С. Турбина «Страна изгнания», напечатанной в № 119 от 9 мая в газете «Русский мир» за подписью «Н. Лесков». С писателем и статистиком, полковником Генерального штаба С. Турбиным Лесков был знаком лично и даже собирался писать с ним совместно книгу.

Ко времени выхода лесковской рецензии Турбин уже был известен своим исследованием под названием «Сибирь. Краткое землеописание» (СПб., 1871). В нем он дает достаточно редкие сведения о переселенцах, указывая на то, что их добровольный прилив из России в Сибирь последовал еще в XVI в., после прикрепления крестьян царем Борисом Годуновым. Смуты и неурядицы, которыми сопровождалось времена самозванцев и самобоярщины, также загнали в Сибирь много народа. Против добровольных переселенцев-самоходов были приняты самые строгие меры, но они не остановили общей наклонности.

¹ Захарова Н.В. Крестьянские переселения в Сибирь в 1-й пол. XIX в. // Актуальные вопросы истории Сибири: 5-е научные чтения памяти проф. А.П. Бородавкина, 6–7 октября 2005 г. Барнаул, 2005. С. 8.

Давая подробный обзор географическому, экономическому и социальному состоянию Сибири на период середины XIX в., Турбин делает пророческий вывод: «Вообще можно сказать, что Сибири предстоит богатая будущность. Малолюдые настоящего времени есть недостаток легко и скоро поправимый: новой земли не прибавится, а новых людей прибудет»¹.

Свою следующую книгу, «Страна изгнания», С. Турбин публиковал сначала в виде очерков в «Санкт-Петербургских ведомостях» в 1863–1864 гг., затем в «Сибирских ведомостях», и только потом, в 1872 г., она выходит отдельной книгой, на которую Лесков и дает рецензию. На титульном листе издания значится: С. Турбин и Старожил. «Страна изгнания и исчезнувшие люди. Сибирские очерки». Лесков в своей рецензии касался лишь очерков Турбина, имеющих подзаголовок «От Осы до Иркутска». Упомянутые в рецензии встречи с бродягой и переселенцами приводятся в очерке «От Тюмени до Томска».

В своей публикации Лесков не стремится к постановке каких-либо глобальных проблем, что вообще не свойственно его методу. Но, сказав в начале несколько слов об авторе книги, он останавливается на отдельных ее фрагментах – «картинках с природы», крайне его заинтересовавших: это описания встречи с каторжным бродягой, со ссыльным поляком и с добровольными переселенцами. Его интересуют, прежде всего, выведенные в очерках Турбина типажи, отличающиеся своим неповторимым лицом, своей судьбой, особой национальной психологией изгойничества и бродяжничества. В современных условиях они, в представлении Лескова, являют собой новый социально-экономический вариант паломничества в Сибирь.

Общий же вывод Лескова неутешителен: под властью обстоятельств, в заботе о хлебе насущном эти поиски, кружения, тоска по родине постепенно притупляются, «и переселенец становится старожилом, а потом и туземцем, которого новые пришельцы, в свою очередь, станут дразнить *чалдоном*, а он их считать *необразованными мужиками*». Вместе с тем, неся веру в «средне-свободного труженика», умеренного работника, сознающего закон и долг, писатель даст еще одно точное определение переселенцам, назвав их «*пионерами русской цивилизации в Сибири*»².

¹ Турбин С. Сибирь. Краткое землеописание. СПб., 1871. С. 142.

² Лесков Н.С. Честное слово. С. 202 (курсив Н.С. Лескова. – Е.М.).

Касается Лесков и другой стороны рассматриваемого явления, связанной с насильственным переселением крестьян, но теперь уже в связи с религиозными разногласиями. Показательна, например, его статья «Несколько слов по поводу записки высокопреосвященного митрополита Арсения о духоборских и других сектах», которая была опубликована в газете «Гражданин» в апреле 1875 г. Как замечает Л. Аннинский, «статья Лескова – блистательный пример чисто гражданской публицистики, иронически выдержанной в жанре богословского прения: защита вероисповедания, яростный протест против своеволия и нетерпимости властей, скорбь о насильственно переселяемых людях»¹.

Рассуждения писателя во многом смыкаются с проблемами, которые разрабатывает в своих исследованиях (находящихся в активном круге чтения Лескова) С.В. Максимов. В книгах этого известного писателя и этнографа, таких как «Год на Севере», «Сибирь и карторга», «Бродячая Русь Христа-ради», в многочисленных очерках быта различных местностей России показано, что начала самоуправления, дошедшие от времен вечевой вольности, позволяли народу без вмешательства разного рода пастырей устраивать свою жизнь. Напротив, всякое вмешательство в этот уклад было чревато вырождением, приводило к росту преступности и утрате смысла национального бытия.

По мысли Максимова, в системе духовных ценностей человека всегда на первом месте была воля. И не стремление ли к ней, рассуждает писатель, порождало массовый исход на окраины государства, где жилось тяжело, но без казенной опеки? Внутренняя свобода и духовная раскрепощенность позволили русскому человеку преодолеть жесткие рамки религиозных догматов и явить миру – пусть в форме бесконечных заблуждений – безоглядный размах религиозного творчества.

Крайне интересными представляются и рассуждения Лескова о месте, которое можно приготовить для ссыльных сектантов: «Место это должно быть очень пространно, потому что у нас сектантов много, а при усилении гонения на них число их, конечно, еще более увеличится, ибо народ наш и на сей раз не изменит своего убеждения, что “не та истинная вера, которая мучит, а та, которую мучат”...». Где же оно? В середине государства такого места не выберешь:

¹ Лесков Н.С. Честное слово. С. 339.

здесь и так все уже заселено, да и надзирать за общением сектантов с несектантами неудобно: пришлось бы закрыть проезжие дороги и оцепить границу ссыльного места кордоном. «Надо поискать просторное место для сектантов по окраинам», – пишет Лесков¹.

Развивая свою мысль, он выходит на проблему культурного пространства, где опять мерцает своими заснеженными горизонтами Сибирь. И это не случайно: ведь «идея места», учет «географического фактора» (по терминологии Д.С. Лихачева) проявляется, прежде всего, через региональную специфику и существует в «связанном виде», подчиняясь политическим, культурным, языковым и другим моментам.

Как видим, идея Сибири, развивающаяся в творческом сознании писателя, все более воплощается в некую образную систему. Прекрасный знаток русских крестьянских и религиозно-сектантских движений, Лесков внимательно присматривается к топографии их перемещений. Поэтому все чаще Сибирь становится для него своеобразным знаком, символом-сигналом «земли обетованной», куда бредут все гонимые и страждущие в поисках «потерянного рая».

Примечательно, что в этом же 1875 г. будет создан один из самых ярких и принципиальных для выявления специфики мировоззрения Лескова рассказ – «На краю света». Сама эта «формула», вынесенная в заглавие произведения, герои которого оказываются на «краю света» (курсив и подчеркивание наши. – Е.М.), точно выразит проблему амбивалентности сибирского хронотопа, тщательно разрабатываемого литературой и культурой последней трети XIX в. Лесков, ни разу в Сибири не бывавший, улавливает и предчувствует возможности Сибири на уровне своей неповторимой писательской интуиции.

Новым витком в осмыслении переселенческого вопроса в творчестве писателя станет рассказ-очерк 1893 г. «Продукт природы». В своем позднем творчестве Лесков не раз обращался к фактам катастрофического состояния русского крестьянства. В повести «Юдоль» (1892 г.) он показал страшные картины голода на орловщине. В основу рассказа «Импровизаторы» легли впечатления от холерной эпидемии, распространившейся летом 1892 г. Здесь создан потрясающий по своей ужасающей правде образ «порционного мужика». В рассказе «Загон» (1893 г.) Лесков создает символический образ

¹ Лесков Н.С. Честное слово. С. 209.

загона, в котором находится русский мужик. Не случайно произведение это получило одобрение Л.Н. Толстого, который отметил как главное достоинство опору писателя на правду, а не на вымысел.

Подобный метод становится определяющим именно в позднем творчестве писателя. Для него характерна сопряженность реальности и вымысла, документального и художественного начал. Как бы стирая грань между творчеством и жизнью, Лесков помещает себя, реального писателя, в пространство своих текстов, вновь обращаясь к отработанным моделям и удостоверяя их актуальность.

Рассказ «Продукт природы» был вызван вниманием прессы к бедственному положению крестьян-переселенцев. Ближайшим поводом для его написания стало заседание Петербургского общества для вспомоществования переселенцам 14 марта 1893 г. Сборник «В путь-дорогу», где впервые был напечатан рассказ, носил не только научно-художественный характер, но, прежде всего, был создан в поддержку нуждающимся переселенцам. Вскоре, в августе 1893 г., на него появилась рецензия в журнале «Русская мысль».

Автор «Библиографического отдела», после перечисления ряда статей Н.М. Ядринцева, Я.А. Абрамова, А.А. Кауфмана, отдельно выделяет рассказ Лескова. Он подчеркивает, что автор вспоминает о виденных им переселениях совсем особого рода, при крепостном праве, когда богатые помещики приобретали дешевые и пустынные земли в Заволжье, а в густонаселенных губерниях, Курской и Орловской, накупали у мелкопоместных дворян крестьян «на свод» и переселяли этот «продукт природы» в свои далекие поместья (повтор – в статье о Чехове).

Опубликование рассказа в специальном сборнике, посвященном крестьянам-переселенцам, было свидетельством того, что писатель осуждал не только прошлое, но и современное неустройство переселенческих дел. Критика же, как и во многих других случаях, ограничилась лишь подтверждением правдивости рассказа и самым общим суждением о силе его эмоционального воздействия на читателя: «Г. Лесков описывает очень просто лишь то, чему свидетелем был тридцать пять лет назад, и от этого простого повествования жутко становится, страшно за переселяемых и стыдно за переселяющих».

Принципиальным в повествовании становится сопряжение двух временных пластов. И.В. Столярова точно замечает, что «обобщение

¹ Русская мысль. 1893. № 8. С. 354.

в рассказе Лескова носит не столько конкретный, сколько общенациональный характер и захватывает не только дореформенную эпоху русской жизни, к которой восходит описываемый эпизод, но и новую эпоху, в условиях которой был написан рассказ»¹.

Очевидно, что писатель не стал бы на склоне лет упорно возвращаться к событиям полувековой давности, если бы видел какие-то существенные изменения в жизни народа и в уровне его самосознания. Он показывает, что с тех пор изменилось очень многое, но не все изменилось к лучшему для отправляющихся на «новые места». А что при этом приходилось выносить русскому крестьянину, «продукту природы», он и показывает с потрясающей точностью. И как всегда у писателя в изображении народного характера всего наполовину: темноты, забитости, но и простодушной наивности русского человека; стихийности поведения толпы, но и детской веры в добро; отчаянного бунта, но и обнаружения неперебродивших молодых сил.

Автор же рецензии, подводя итог своим размышлениям, апеллирует к сознанию просвещенного читателя: «Теперь переселенца гонит не чужой произвол, а собственная нужда, и потому нравственно ему легче, конечно, физически же, наверное, тяжелее, хотя, кажется, трудно себе представить более ужасное положение людей, чем то, какое описано г. Лесковым. В том же, что рассказана им только правда, сомневаться нельзя»².

Эта «правда» вела к тому, что рассказ Лескова часто называли *очерком*, что представляется принципиальным. На протяжении всего творческого пути писатель тяготел к малым литературным формам и промежуточным жанрам: рассказу, очерку, статье. Жанровые признаки очерка наличествуют во многих произведениях Лескова. Как и у любого очеркиста, фактический материал у него не только художественно обрабатывается, но и публицистически осмысливается.

Тем не менее эта пограничная составляющая художественного и публицистического письма особенно разовьется в позднем творчестве писателя. Сплав образа и публицистики становится теперь не только принципиальным, но и более органичным, так как все творчество Лескова пронизано «злобами дня», хотя при этом есть и специальный интерес к смешанным жанрам: «заметкам по поводу», «письмам», «былям», «отрывкам», «случаям», «апокрифам».

¹ Столярова И.В. Н.С. Лесков и Г.И. Успенский // Русская литература. 1974. № 3. С. 91.

² Русская мысль. 1893. № 8. С. 354.

Напряженный поиск адекватного жанра обнаруживается уже на уровне подзаголовков, где очевидна не только игра жанрами, но и напластование времен. Рассказы «Зимний день» и «Полунощники» определены как «пейзаж и жанр», повесть «Юдоль» – «рапсодия» и «историческое воспоминание». «Импровизаторы» получают жанровое уточнение – «картинки с натуры», «Домашняя челядь» – «историческая справка по современному вопросу». Рассказ «Загон» отнесен к «рассказам кстати», «Некрещеный поп» – к «невероятному событию», «Владычный суд» – «из недавних воспоминаний» и т. п.

Как видим, в позднем творчестве Лескова проявляется явное тяготение к определенному полижанризму, но при этом наиболее продуктивным жанром оказывается очерк. Как известно, очерк отличается от рассказа и повести отсутствием единого, острого, быстро разрешающегося конфликта и большей развитостью описательного изображения. В его рамках писатель, как правило, соединяет самые разнообразные формы публицистики, создавая оригинальный жанровый сплав, не всегда поддающийся точному определению.

И все более принципиальным для него становится «бесфабульный» жанр с так называемой обзорной композицией, где затрагиваются не столько проблемы становления характера в его конфликтах с устоявшейся общественной средой, сколько проблемы гражданского и нравственного состояния «среды», что мы и проследили в рассказе «Продукт природы».

Таким образом, можно утверждать, что очерковая литература становится ближе позднему Лескову своим более разнообразным и познавательным полем. Но при всем тяготении к публицистике, дававшей возможность непосредственного проявления его полемическому таланту, в главных своих произведениях он выступает как писатель, открывший новые возможности собственно художественного исследования народной жизни. В частности, в рассказе «Продукт природы», обращенном к более чем злободневной проблеме русских переселенцев, мы видим эту тонкую грань. Очевидно, что Лесков не просто фиксирует ужасающие факты действительности, но идет к художественному обобщению, характеризуя сущность русского народного типа. Неизбежно встающая перед писателем проблема характера и обстоятельств получает в итоге глубокое художественное решение.

6. «Я САМ СЕБЯ КОМАНДИРУЮ...» (СИБИРЬ И СИБИРСКИЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ В РЕЦЕПЦИИ А.П. ЧЕХОВА)

Знаменитое путешествие Чехова на Сахалин весной – осенью 1890 г. во многом оставило в тени не менее значимый для него маршрут – его поездку по Сибири. Она поначалу воспринималась писателем как некий «перевалочный пункт» по пути на каторжный остров и принципиального значения в его планах не имела. Тем не менее сама подготовка к путешествию, круг чтения и интересов, выявляющихся из писем Чехова, задумавшего поездку на Сахалин, обнаруживают неперемutable включение «сибирского вопроса» в «сахалинскую тему». Они существуют для него на взаимопересечении не только пространственных координат, но и общих «болевых точек».

Проблемы каторги, тюрьмы и ссылки, борьба против пожизненных наказаний, против насильственной колонизации Сибири ссылными, бродяжничество, преобладание асоциального элемента на далеких российских окраинах, произвол и развращенность местных властей, убийственные дороги и, конечно же, проблемы переселенчества – все это, так или иначе, были вопросы общие, которые не разводили, а соединяли для писателя сибирскую и дальневосточную тематику.

С начала февраля до середины апреля 1890 г. Чехов тщательно готовился к путешествию: изучал уголовный процесс, историю тюремного заключения и ссылки в России, историю колонизации Сибири и Сахалина; знакомился с работами исследователей острова: геологов, этнографов, статистиков, агрономов и др., с официальными отчетами главного тюремного управления, с корреспонденциями из местных газет и журналов, с описанием путешествий по Сибири и Дальнему Востоку; изучал труды по пенитенциарной системе.

Чехов специально выезжает в Петербург для работы в Публичной библиотеке. По его заданию сестра вместе с подругами составляет в Румянцевской библиотеке указатель статей о Сибири и Дальнем Востоке. Ему помогают в поисках нужных книг и журналов старший брат Александр и редактор «Новой газеты» А.С. Суворин. Показателен круг чтения писателя. В январе 1890 г. он составил библиографический указатель по материалам о Сибири и Дальнем Востоке, куда вошли 65 книг, статей, газетных публикаций.

В свете рассматриваемой нами темы – Сибирь в творчестве Чехова – важными в этом списке становятся следующие исследования:

«Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием» Фишера Иоганна Эбергарда (СПб., 1774), «Три года в Сибири и Амурской стране» Ив. Мевеса («Отечественные записки», 1863, т. V, VI, VII), «Путешествие на север и восток Сибири» А. Миддендорфа (СПб., 1867–1878), «Сибирь и каторга» С.В. Максимова (СПб., 1871), «Каторга и ссылка» М. Цебриковой (Женева, 1889), «Сибирь и ссылка» Дж. Кеннана, которого Чехов читает в лондонском издании 1887 г. Уже после поездки писатель знакомится с «Сибирской библиографией» В.И. Межова в трех томах (СПб., 1891–1893), «Очерками Сибири» С.Я. Елпатьевского (М., 1893), «В мире отверженных. Записки бывшего каторжника» Л. Мельшина (СПб., т. I, 1896, т. II, 1899).

В круг чтения писателя вошли и статьи известного сибирского областника, автора знаменитой книги «Сибирь и каторга» Н.М. Ядринцева: «Положение ссыльных в Сибири» («Вестник Европы», 1875, № 6), «Исправительное значение сибирской ссылки» («Голос», 1874, <12 дек.>, № 343). Сам Ядринцев будет горячо и подчас полемически давать в «Восточном обозрении» отклики на сибирские очерки Чехова, которые создавались на основе непосредственных впечатлений писателя от Сибири. В дальнейшем после его смерти Чехов приобретет книгу Б. Глинского «Николай Михайлович Ядринцев: Биографический очерк» с предисловием В. Острогорского и приложением воспоминаний Г. Потанина (М., 1895). Такой явный интерес к личности сибирского писателя, историка, статистика и публициста обнаруживает не только следы русско-европейского влияния на формирование образа Сибири у Чехова, но и несомненный встречный поток, связанный с региональной литературой и областнической доктриной, сформировавшей ряд принципиальных положений по так называемому сибирскому вопросу.

Как известно, Чехов совершает свое путешествие на фоне глубокого душевного и творческого кризиса и вытекающей отсюда неутолимой жажды куда-нибудь уйти от самого себя. Главный вопрос, который волнует писателя в этот трагический для него период, – вопрос о соотношении мира и человека, о восстановлении утраченной гармонии.

Такого рода раздумья отразятся в его принципиальных произведениях второй половины 1880-х гг.: «Степь», «Припадок», «Скучная история» и др. Ряд поездок, предпринятых Чеховым и предваряющих сибирско-сахалинское путешествие, по югу России весной 1887 г., на

Кавказ и Крым летом 1889 г., не удовлетворили писателя и вызвали потребность заглянуть в какие-нибудь другие «уголки» России. Вероятно, поэтому он и попытался сделать более отважный и широкий бросок в мир, который невероятно удивил не только его современников, но даже родных и друзей писателя.

Собственно сибирским очеркам сам Чехов не придавал большого значения и смотрел на них, скорее, как на эквивалент личных писем, по которым будет, «как по нотам», рассказывать о Сибири после возвращения. Сначала он хотел включить их в собрание сочинений, но потом сделал помету: «В полное собрание не войдет»¹. Тем не менее цикл очерков «Из Сибири» стал принципиальным не только для преодоления мировоззренческого и творческого кризиса писателя, но и в плане еще одного «варианта» освещения темы Сибири, уже достаточно разработанной русской литературой и культурой конца XIX в.

Как мы уже подчеркнули, описание Сибири не было для Чехова самоцелью: главной задачей для него являлось исследование каторги и ссылки. Поэтому в сибирских очерках он ограничивал себя, охватывал далеко не все вопросы, связанные с современной Сибирью, и описывал далеко не все места, в которых побывал. Перед отъездом, обещая А.С. Суворину присылать в «Новое время» путевые очерки, Чехов предупредил, что начнет их не ранее Томска, так как «путь между Тюменью и Томском давно уже описан и эксплуатировался тысячу раз»².

Но Суворин выразил в телеграмме нетерпение получить сибирские впечатления как можно скорее. И Чехов в первой «порции», посланной ему, все же осветил отрезок пути от Тюмени до Томска, сопроводив первые шесть глав такими словами: «Писал я только для Вас и потому не боялся быть в своих заметках слишком субъективным и не боялся, что *в них больше чеховских чувств и мыслей, чем Сибири*» (П, 4, 92; курсив мой. – Е.М.)³.

¹ В РГАЛИ хранится тетрадь (47 л.) – рукописная копия газетного текста. Рукой Чехова сделана помета: «1890, NB. В полное собрание не войдет».

² Достаточно вспомнить известную книгу писателя и статистика С. Турбина «Страна изгнания и исчезнувшие люди. Сибирские очерки», на которую дал рецензию Лесков в газете «Русский мир» от 9 мая 1872 г. Он коснулся лишь очерков Турбина, имеющих подзаголовок «От Осы до Иркутска». Упомянутые же в рецензии встречи с бродягой и переселенцами приводятся как раз в очерке «От Тюмени до Томска».

³ Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Сочинения: Т. 1–18. Письма: Т. 1–12. М., 1974–1982. Здесь и в дальнейшем ссылки на это издание будут даны в тексте с указанием тома и страницы, при цитировании писем – с добавлением литеры П.

Эта мысль крайне важна для понимания неповторимого и уникального образа Сибири, созданного писателем. В известных исследованиях о сибирских путешествиях С.В. Максимова, К.М. Станюковича, Дж. Кеннана и других Сибирь в основном подавалась с точки зрения этнографических и социальных установок. У Чехова же сибирские впечатления содержат много переключек с письмами родным, друзьям, коллегам, отправленными с дороги. Но очерки имеют при этом свою специфику.

Основой сюжетного единства в них становится протекание духовного процесса автора-повествователя, эволюция его сознания, постепенно изменяющееся видение мира и осознание своего места в нем. Крайне важно, что писатель создавал очерки о Сибири «по свежим следам», непосредственно в дороге, набрасывая тексты сначала карандашом в дорожном дневнике, в тарантасе, в деревенской избе, на почтовой станции, а затем переписывая их «набело» в городских гостиницах и тотчас же посылая в газету.

В итоге поездки в Сибирь стала для него не менее значимой, чем пребывание на каторжном острове. По точному наблюдению Н.Е. Разумовой, произошло это потому, что «она обладала преимуществом первенства, свежести восприятия, и потому, что объем и богатство полученных в ней впечатлений сопоставимы с тем, что Чехов встретил на Сахалине»¹.

Сразу скажем, что проблеме русских переселенцев Чехов в своих сибирских очерках специального внимания не уделял, но вопрос этот как контекстный всегда существовал в его творческом сознании. До его знаменитого путешествия появилось немало специальных работ о состоянии переселенческого дела, некоторые из них были в поле писательского внимания. В библиотеке Чехова находились исследования В.Н. Григорьева «Переселения крестьян Рязанской губернии» (М., 1885), Н. Серповского «Переселения в России в древнее и новое время и их значение в хозяйстве страны» (Ярославль, 1885), сочинения В.Л. Кигна-Дедлова «Переселенцы и новые места. Путевые заметки» (СПб., 1894), Н. Телешова «За Урал. Из скитаний по Западной Сибири. Очерки» (М., 1897) и ряд других.

В связи с поставленной проблемой можно назвать и такие факты. Через два года после публикации сибирских очерков Чехов принял

¹ Разумова Н.Е. Творчество А.П. Чехова: Смысл художественного пространства (1880-е гг.): Пособие по спецкурсу. Ч. 1. Томск, 1997. С. 61.

участие в научно-литературном сборнике в пользу общества для вспомоществования нуждающимся переселенцам «Путь-дорога» (СПб., 1893), в котором был напечатан его рассказ «Хористка». В «Острове Сахалине» он так описал быт и избу переселенцев, или, как тогда их называли, колонистов: «По обстановке это не изба, не комната, а скорее камера для одиночного заключения. Где есть женщины и дети, там, как бы ни было, похоже на хозяйство и на крестьянство, но все же и там чувствуется отсутствие чего-то важного; нет деда и бабки, нет старых образов и дедовской мебели, стало быть, хозяйству недостает прошлого, традиций. Нет красного угла или он очень беден и тускл, без лампы и без украшений, – нет обычаев; обстановка носит случайный характер, и похоже, как будто семья живет не у себя дома, а на квартире, или будто она только что приехала и еще не успела освоиться; нет кошки, по зимним вечерам не бывает слышно сверчка... *а главное, нет родины*» (курсив мой. – Е.М.). (14–15, 73).

Вопрос о русских переселенцах входил, и это главное, и в круг главных мировоззренческих проблем писателя, осмысления того, по какой причине русский человек снимается с насиженного места и идет в далекую неведомую страну, которая в традиционном сознании иначе как «страна-ад» не называется. Уже первая фраза, с которой начинаются очерки, демонстрирует характерную первичную реакцию европейца на это пространство: «Отчего у вас в Сибири так холодно?», на что следует не менее традиционный ответ: «Богу так угодно!» (14–15, 7). Очевидно, что для автора-повествователя Сибирь – не Россия, а чужеродный мир.

Важно, что в первом же очерке возникает магистральный для темы переселения в Сибирь образ дороги, по которой бредет, казалось, вся отверженная Русь, сдвинутая с места, потерявшая привычную норму и дом, которого лишен на данный момент и сам автор: переселенцы, каторжники, арестанты, «кержаки»-раскольники, возницы, перевозчики, ссыльные, «присланные сюда по приговорам обществ за порочную жизнь» (14–15, 10).

Главный акцент нарратор делает на том, как уродует Сибирь социально скованного человека. Поэтому постоянные мотивы холода, мрака, одиночества, гробовой тишины сопровождают большую часть очерка. Но тут же звучит и лирическая интонация, связанная с высоким поднебесным полетом журавлей, гимном сибирской природе, щедрым богатствам чужого края.

Тем важнее, что первые следы человеческого присутствия в этом диком и холодном крае связываются автором с переселенцами, для которых понятия «своей» и «чужой» земли очевидно осложняются. Уже на первых страницах очерков, среди множества впечатлений, автор описывает именно переселенцев: их жалкий домашний скарб, сваленный у ног, детей в лапотках, жмущихся от пронзительно-холодного ветра, сорокалетнего седобородого мужика с иронией в глазах, устремленной внутрь себя.

Первыми на своем пути повествователь встретил курских переселенцев, которые едут в кибитках и бредут по сибирскому тракту большой толпой. Как подробно писал И.А. Гурвич в книге «Переселения крестьян в Сибирь» (М., 1888), в Алтайскую и Томскую область в эти годы в основном стекались переселенцы из Курской и Тамбовской губерний. Особенно мощный их прилив начался после выхода закона от 13 июля 1889 г., связанного с порядком переселения на «законные» земли.

Незадолго до написания чеховских очерков в «Русских ведомостях» публиковались «Письма с дороги» Г.И. Успенского (1888). В них рассказывалось о переселенцах, которых писатель видел в тех же, что и Чехов, местах. Успенский отмечал, что курские переселенцы (ввиду «невероятного расстройтва Курской губернии») составляют самую многочисленную группу переселяющихся.

Он так же, как и Чехов, писал о мытарствах переселенцев во время пути, об их «горьком разочаровании в помощи и поддержке». Причины переселенческого движения Успенский видел, в соответствии со своими взглядами на «власть земли», не только в «расстройстве деревни, в малоземелье, но и в желании сохранить нравственные семейные связи, устои в сознании крестьян, желающих жить свободно, «трусами рук своих»¹.

Показательно, что в эти же годы и Н.С. Лесков создал свой рассказ-очерк «Продукт природы», о котором уже шла речь выше. И Успенского, и Лескова так или иначе интересовал общий *тип* русского переселенца из средней полосы России. Внимание же автора в чеховском очерке привлекает «*мужик, не похожий на других; под мышками две скрипки, завернутые в платки*» (курсив мой. – Е.М.) (14–15, 7). Уже по одному его виду понятно, что это «нестоящий

¹ См.: Комментарии М.Л. Семановой к очеркам А.П. Чехова «Из Сибири». ПССП. Т. 14–15. С. 766.

человек», который пошел в далекий край за семьей брата от безысходности, по инерции, так как «деваться некуда».

И автор прогнозирует ему типичную судьбу русского переселенца: «А когда придет на место, станет он зябнуть от сибирского холода, зачихнет и умрет тихо, молча, так что никто не заметит, а его скрипки, заставлявшие когда-то родную деревню и веселиться и грустить, пойдут за другивенный чужаку-писарю или ссыльному; ребята чужака оборвут струны, сломают кобылки, нальют в нутро воды...» (14–15, 8). Общая атмосфера сибирского безмолвия и «гробовой тишины» сольется в очерке со звуком оборванной струны, и этот «гиблый край» предстанет как страна безголосая, мертвая, лишенная духовного начала. Финальная же авторская фраза – «Вернись, дядя!» – звучит в данном отрывке как последняя попытка не разорвать связи с родиной и не погрузиться окончательно в леденящий холод и мрак.

На этом фоне повествователь вспоминает свою встречу с переселенцами, «еще когда плыл на пароходе по Каме» (14–15, 8). Мотивы движения, воды, переправы явно доминируют в очерках. Описывая Волгу, Каму, показывая страшные разливы сибирских рек, любуясь мощью и красотой Енисея, Иртыша, автор закономерно расширяет и свое духовное пространство, в котором все больше простора, все легче дышится, все больше возможности прорыва сквозь установленные окружающим социумом жесткие границы к высоким идеям и мечтам.

«Мужик лет сорока с русой бородой», переселенец, который вспоминается повествователю, поражает его фатальным смирением и какой-то удивительной иронией, устремленной вовнутрь, «на свою душу, на всю прошедшую жизнь» (14–15, 8). Его фраза-рефрен – «Хуже не будет!» передает всю степень отчаяния, но и надежды на свою дальнейшую судьбу. Она напоминает не менее характерную фразу героя постсахалинского рассказа Чехова «В ссылке»: «И в Сибири люди живут». Но в ответ на вопрошание-утверждение мужика следует суровая отповедь: «Будет хуже! – говорит с другой скамьи какой-то рыжий мужичонко-непереселенец с острым взглядом. – Будет хуже!» (14–15, 8).

Возвращаясь к тем переселенцам, которые бредут по сибирскому тракту, автор фиксирует их молчание, серьезные лица, сосредоточенность. За этим стоит понимание того, что не только безысходность, нужда двинули их в тяжелый путь. За этим кроется и духовное мужество русского человека, и неизбывная тяга к дороге, пере-

мене мест, изначально заложенная в национальном сознании. В итоге дорога, река, поля, тайга поэтапно, от очерка к очерку, расширяют для повествователя пространственную и духовную сущность Сибири.

В 1886 г. Чехов написал рассказ «Мечты», вошедший в сборник «В сумерках» (СПб., 1887). В нем повествуется о том, как двое сотских конвоируют пойманного ими жалкого, тшедушного, болезненного человека, «не помнящего родства» бродягу, бежавшего с каторги, на которую он был невинно осужден. Этот человек, изгнанный из общества как вредный преступник, «злоумышленник», мечтает о вольной жизни в Сибири, потому что жить на поселении, в отличие от каторги, «сущего ада» – «совсем другая статья»: «На поселении перво-наперво я к обществу припишусь на манер прочих. По закону начальство обязано мне пай дать... да-а! Земля там, рассказывают, ничем, все равно как снег: бери сколько желаешь! Дадут мне, парень, землю и под пашню, и под огород, и под жилье... Стану я, как люди, пахать, сеять, скот заведу и всякое хозяйство, пчелок, овец, собак... Поставлю сруб, братцы, образов накуплю... Бог даст, оженюсь, деточки у меня будут...» (5, 400).

Нисколько не идеализируя образ бродяги, как это происходит у Короленко, Чехов, однако, подчеркивает, как велико в людях стремление к свободе, если и в таком жалком, изуродованном жизнью человеке теплится желание вольной жизни. «Не боюсь я Сибири, – продолжает бродяга. – Сибирь – такая же Россия, такой же бог и царь, что и тут, так же там говорят по-православному, как и я с тобой» (5, 400). Здесь Чеховым отражены мечты русского человека о Сибири как о просторной и свободной стране.

В чеховское повествование о судьбе русских людей, переселяющихся в Сибирь, вдруг проникают, казалось бы, неожиданные интонации, поворачивающие проблему по-иному: «Я гляжу на них и думаю: порвать навсегда с жизнью, которая кажется ненормальной, пожертвовать для этого родным краем и родным гнездом может только *необыкновенный человек, герой...*» (курсив мой. – Е.М.). (14–15, 8).

Именно в сибирских очерках Чехова впервые получает закрепление новая эстетика писателя: красота – в обыкновенном, героика – в будничном, талант – в незаметном. На фоне общего «мелкотемья» и теории «малых дел», культура «усредненной» личности, характерных для литературной доктрины 1880-х гг., его все больше интересуют характеры героические, тот род людей, которые не боятся резко на-

рушить привычный ход жизни и обладают способностью к подвижничеству, а значит, к подвигу.

Такого рода раздумья особенно ярко выразились в некрологе «Н.М. Пржевальский», напечатанном в № 4548 за 1888 г. в газете «Новое время». Статья вышла без заглавия и подписи, но комментаторы текстов установили принадлежность статьи Чехову на основании его письма к Е.М. Линтаревой от 27 октября 1888 г., в котором он пишет: «Сегодня в “Новом времени” (среда, 26 октября) есть мой короткий вопль по адресу покойного Пржевальского – образчик моих передовых. Таких людей, как Пржевальский, я люблю бесконечно» (16, 498).

Некролог этот крайне интересен как документ, указывающий на сложные поиски Чеховым идеала в окружающей жизни. Признание в огромной любви к людям, подобным Пржевальскому, – свидетельство обретения писателем очень определенной позиции. В его сознании в этот период окончательно сформировались два полюса. На одном – люди подвига, веры и ясно осознанной цели, «подвижники, нужные, как солнце» (16, 237), на другом – некая безликая масса, вялая, апатичная, лениво философствующая, холодная, которая не патриотична, уныла, бесцветна. Для Чехова важно, что «такие люди, как покойный (Пржевальский. – Е.М.), во все века и во всех обществах, помимо ученых и государственных заслуг, имели еще громадное воспитательное значение. Один Пржевальский или один Стенли стоят десятка учебных заведений и сотни хороших книг» (16, 236).

Заметим, что и поездка Чехова была связана с желанием обогатить свою творческую, человеческую память новыми впечатлениями, рассказать о том, «как 25–30 лет назад наши же русские люди, исследуя Сахалин, совершали изумительные подвиги, за которые можно боготворить человека» (П, 10, 416). Именно это заставило писателя выбрать маршрут, очень трудный по условиям того времени, путешествие по которому связано было с риском для здоровья и жизни, граничило с подвигом. Предполагалось ехать по железной дороге от Москвы до Ярославля, затем плыть пароходом до Перми и вновь железной дорогой добираться до Тюмени. Великого Сибирского пути еще не было.

До Сахалина надо было проехать более четырех тысяч верст в течение почти двух месяцев «конно-лошадиного странствия» (П, 4, 118). Неслучайно в письмах периода подготовки к путешествию Чехов подчеркивал, прежде всего, личную значимость задуманного: «Я

сам себя командирую» (П, 4, 29); «я еду для того, чтобы полгода пожить не так, как я жил до сих пор» (П, 4, 45); «пусть поездка не даст мне ровно ничего, но неужели все-таки за всю поездку не случится таких двух-трех дней, о которых я всю жизнь не буду вспоминать с восторгом или с горечью?» (П, 4, 31–32).

Закономерно, что значимость личности Пржевальского писатель видел в его целеустремленности, служении родине, которые понятны и дороги каждому порядочному человеку. Такого рода концепция героического способствовала преодолению тяжелого кризиса, раздвигала пространственные и духовные горизонты творческой личности писателя. В отличие от Короленко, сполна выразившего идею героики в своих сибирских рассказах и очерках и создавшего романтический образ бродяги, Чехов находит героическое в самой реальной жизни и воплощает его в очерково-документальных жанрах – путевых записках и очерках.

Книга «Остров Сахалин» представляет собой своеобразный синтез – очерка-исследования, сочетающего жанр диссертации, с необходимым обзором источников, библиографией, ссылками, подстрочными примечаниями, журналистского расследования и художественного очерка. Возникшее у Чехова желание видеть и обследовать каторгу и ссылку было обусловлено именно стремлением писателя опереться в своем творческом росте на конкретный, хотя и очень специфический, жизненный материал. И это будет единственное произведение, где писатель выступит как ученый и как художник.

В написанной незадолго до путешествия повести «Скучная история» герой, интересно рассуждая о современных студентах, «озвучил» эту писательскую стратегию: «Все затруднительные вопросы, имеющие более или менее общественный характер (например, переселенческий), они решают подписными листами, но не путем научного исследования и опыта, *хотя последний путь находится в полном их распоряжении и наиболее соответствует их назначению*» (курсив мой. – Е.М.) (7, 288). В результате в сибирско-сахалинском цикле текстов жесткой жанровой альтернативы для писателя не возникло, так как он на практике показал подвижность границ литературного и внелитературного ряда.

Основной принцип, которым Чехов руководствовался в путешествии и при написании очерков, – ничего не принимать на веру, наблюдать, изучать, сопоставлять, делать самостоятельные выводы. В цикле очерков «Из Сибири» по мере продвижения путешественника

по суровому краю происходит важное преодоление им устойчивых стереотипов, повествователем совершается своего рода демифологизация Сибири. Звучащая рефреном фраза нарратора – «говорили мне» – сменяется своей, сформированной в пути по Сибири точкой зрения.

В заключительном (девятом) очерке цикла происходит своеобразная авторская «реконструкция» сибирского пространства, которое воплощается уже в своей целостности. Возникают мысли о «полной, умной и смелой жизни, которая осветит со временем эти берега» (14–15, 35). Сибирское пространство максимально расширяется вплоть до горизонта, наполняется цветом, запахом, звуком, а финал очерка звучит как гимн человеку, его таланту, «который и в тайге так же знает себе цену, как и у нас в больших городах» (14–15, 38).

Таким образом, при несомненном учете предшествующей традиции, о чем свидетельствует более чем внушительный список круга чтения писателя, в его творческом сознании произошла принципиальная переработка привычных тем и понятий о Сибири. В центре внимания будут не специальные проблемы края, а отдельные драматические судьбы его обитателей, старожилов и новоселов, с точки зрения возможности проживания и ассимиляции человека на этой суровой земле. Изображение духовного процесса человека, познающего Сибирь, станет в цикле основой его сюжетного единства.

Поездка в Сибирь и на каторжный остров привела писателя, как уже было отмечено выше, к важной смене позиций как в творческом, так и в мировоззренческом плане. Знаменитое чеховское выражение: «все теперь просахалинено» – становится той мерой, которой писатель, по сути, проверяет все. В фельетоне «В Москве», написанном уже после путешествия, он замечает: «От журналов я требую честного направления и главным образом, чтобы статьи были подписаны профессорами или людьми, побывавшими в Сибири. Кто не профессор и кто не был в Сибири, тот не может быть истинным талантом» (7, 503–504).

Как мы уже подчеркнули, в первом очерке цикла «Из Сибири» автором-путешественником сразу акцентировалась ситуация отчужденности от окружающего мира, прежде всего, потому, что Сибирь для него не Россия и отталкивала она от себя своей непохожестью уже на уровне природном: «Да, уже май, в России зеленеют леса и заливаются соловьи, на юге давно уже цветут акации и сирень, а здесь, по дороге от Тюмени до Томска, земля бурая, леса голые, на озерах матовый лед, на берегах и оврагах лежит еще снег...» (14–15, 7).

Напротив, в «Записных книжках» 1891–1894 гг., в набросках к повести «Три года» находим такую фразу: «А мне хочется в Сибирь. Сидишь где-нибудь на Енисее или Оби с удочкой, а там на пароме арестантики, переселенцы. А здесь я все ненавижу: эту сирень за окном, эти дорожки с песочком...» (17, 14). Противостояние человека и мира, как видим, сменилось их взаимодействием и взаимопроникновением, и духовные силы человека оказались здесь решающими. В преодолении же былой оппозиции «здесь» и «там» объединяющим началом послужил человек, его личность и трагическая судьба.

* * *

Поездка Чехова совершалась в ту пору, когда вопрос о заселении Сибири стал крайне злободневным. Неслучайно очерки Чехова, в которых были поставлены серьезные проблемы общерусского и местного значения: Сибирь и ссылка, причины переселенческого движения и положение русских переселенцев, – привлекли и центральную, и местную прессу, в которой эти же вопросы освещались особенно настойчиво, прежде всего, газеты «Сибирский вестник» и «Восточное обозрение».

Для сибирской общественности путешествие Чехова само по себе стало значимым культурным событием. На его приезд в Томск сразу откликнулся «Сибирский вестник»: «Утром 16 мая в Томск из Омска прибыл известный русский писатель Антон Павлович Чехов, автор драмы «Иванов». Здесь он пробудет несколько дней» (№ 55)¹. Писатель прожил в Томске до 21 мая в гостинице «Европа». За это время он успел встретиться с ординатором клиник медицинского факультета Томского университета Н.М. Флоринским, архитектором С.М. Владиславлевым (сыном московского оперного артиста М.П. Владиславлева), редактором газеты «Сибирский вестник» В.П. Картамышевым и некоторыми сотрудниками этой газеты – «любителем литературы» приставом П.П. Аршауловым и Всеволодом Сибирским (Долгоруковым). В это же время Чехов обрабатывает свои дорожные записи для отправки в «Новое время» и в письме Суворину из Томска уточняет: «Свои путевые заметки писал начисто в Томске при сквернейшей номерной обстановке, но со старанием <...>. Общее

¹ Сибирский вестник. 1890. 18 мая. С. 3. Информация не совсем точная, так как Чехов прибыл в Томск 15 мая вечером.

название можно дать “Из Сибири”, потом “Из Забайкалья”, потом “С Амура” и т. д.» (П, 4, 92–93).

Показателен материал «Сибирского вестника», служащий контекстом для интересующего писателя комплекса проблем. В этом же, 55-м, номере сообщается, например, о новом исследовании Г.Н. Потанина, посвященном происхождению русского народного эпоса; в следующих дается подробная информация по переселенческому движению¹.

В номере от 27 мая вновь появляется информация о Чехове: «Известный писатель и врач Антон Павлович Чехов, пробыв в Томске несколько дней, отправился в дальнейший путь – в Восточную Сибирь. А.П. Чехов намерен посетить Иркутск, Владивосток и остров Сахалин. На последнем он рассчитывает пробыть месяца два. В Россию вернется морским путем»².

В номере 86-м, от 29 июля, дается информация комитета по сооружению памятника адмиралу Невельскому³, а уже в 91-м публикуется очерк «От Барнаула до Томска» с подзаголовком «путевые заметки» за подписью «Случайный турист». В нем описываются переправа через Обь, новоселы-переселенцы, спешащие в Барнаул, курские переселенцы Сурджанского уезда, повторяющие фразу: «Много нас в Сибирь пошло».

В поле зрения автора оказываются также переселенческие таборы, расположившиеся на берегах Томи, описание реки, паромов, Томска, университета. Казалось бы, в тексте даются привычные, устойчивые картины края. Тем не менее очевидны и приметы эпигонства, так как сам жанр путевого очерка, маршрут, манера повествования, образ автора удивительно напоминают сибирские очерки Чехова, уже появившиеся в июньских номерах суворинского «Нового времени»⁴.

В этом же, 91-м, номере «Сибирского вестника» дается и перепечатка главы из чеховского цикла, а уже в следующем в рубрике «Фельетон “Сибирского вестника”» появляется заметка об очерках

¹ Сибирский вестник. 1890. № 56, 67, 73, 75, 78, 92, 96, 110. В основном статьи выходят за подписью Б-ко и Всевол. Сиб-ский.

² Там же. 27 мая. С. 3.

³ Там же. 29 июля. С. 2.

⁴ Там же. 10 авг. С. 1–2. В № 93 и 129 за 15 августа и 9 ноября публикуется еще ряд подобного рода очерков: «Из Екатеринбурга в Омск» (Путевые заметки) за подписью Н. Вагин, «От Тобольска до Тюмени». Подпись – А. Б-ий.

Чехова под названием «Чем мы живы (В Томске)». Некий «Вінъ», выступающий в последующих номерах под псевдонимом Г. Язвинь, пишет: «Кстати, уже о литературных новостях. Мы нарочно перепечатали одно из писем г. Чехова как образчик непредубежденного наблюдения над нашей жизнью. В немногих, но ярких строках подмечены посторонним нам человеком те черты местной жизни, которые ускользают от нашего внимания, разбрасывающегося в массе нашей повседневной обывательской жизни»¹. Все это обсуждается на фоне публикаций, посвященных принципиальным проблемам сибирской жизни: вопросам о строительстве железной дороги, усовершенствовании пенитенциарной системы.

Не менее активно на путешествии Чехова откликнулось иркутское издание Н.М. Ядринцева «Восточное обозрение». Первая информация о путешествии писателя появилась в газете 10 июня: «На этой неделе приехал в Иркутск и пробыл здесь несколько дней А.П. Чехов, молодой русский беллетрист, известный городской публике как автор остроумных водевилей и драмы «Иванов», дававших в минувшем сезоне на сцене городского театра. А.П. Чехов отправляется на Сахалин (куда он послан в качестве наблюдателя жизни и нравов редакцией одной большой петербургской газеты)»². Затем в большой статье В. Ошуркова «Заметки о туристах и сторонних наблюдателях сибирской жизни» был сделан подробный разбор третьего очерка писателя.

В этой статье подчеркивается объективность автора в подаче материала: «Описания г. Чехова нельзя упрекнуть ни в сентиментальности, ни в какой-либо тенденциозности. Он рассказывает лишь то, что сам видел и слышал, а, главное, понял. Все рассказы его отличаются крайнею простотою, но они глубоко правдивы и реальны. Его симпатии всегда на стороне трудовой честной жизни. Он берет людей такими, какими их создала суровая природа края, их тяжелый упорный труд, своеобразные условия жизни»³. Обильно цитируя текст, автор отмечал живые фигуры деда-возницы, перевозчиков-ссылных на пароме, переселенцев и других.

В таком контексте органично воспринимается информация газеты о сибирской железной дороге и переселенцах, о ссылке в Якут-

¹ Сибирский вестник. 12 авг. С. 1.

² Восточное обозрение. 1890. 10 июня. С. 2.

³ Там же. 29 июля. С. 10.

скую область и задачах Томского университета¹. Интересна публикация путевых записок епископа иркутского и ярославского Нила «Сибирь за полвека»². Характерен и очерк «С дороги», печатающийся в ряде номеров за подписью Б.Л.А., также представляющий образец стилизации цикла очерков Чехова.

Передовая статья в № 37 «Восточного обозрения» под названием «По поводу слухов о судебных преобразованиях в Сибири» (Письмо из Томска)³ связана с еще одним знаковым событием. 4–12 июня 1890 г. в Петербурге проходил Четвертый Международный пенитенциарный конгресс. В нем участвовало 26 стран. Одновременно с конгрессом была открыта международная тюремная выставка, где показывались предметы обстановки в тюрьмах и исправительных заведениях для малолетних; модели и рисунки тюремных зданий, камер одиночного заключения, экипажей, вагонов и пароходов для перевозки арестантов; образцы арестантского труда. «Сибирская газета» и «Восточное обозрение» ответили на это событие рядом публикаций. Но особенно остро и критически отнесся к работе конгресса и сопровождавшей его выставки Н.М. Ядринцев.

Сначала в «Восточном обозрении» была опубликована его статья «Тюрьма и ссылка»⁴, являющаяся вариантом доклада на конгрессе. В следующем номере, за подписью «Н.Я.», была дана информация «С тюремного Международного конгресса (Письма из Петербурга)», в которой, в частности, говорилось: «Улучшилась ли каторга, исчезли ли ее прежние недостатки, прекратились ли побег и наводнение каторжными Сибири – выставка не отвечает»⁵. Вполне понятно, почему так пристрастно отнесся Ядринцев и к очеркам Чехова, так как главной причиной его упреков было недостаточное знание специфики сибирской жизни.

26 августа в рубрике «Восточного обозрения» «Хроника сибирской жизни» появляется очередное сообщение: «Странствующий по Сибири корреспондент «Нового времени» г. Чехов печатает теперь, как уже известно нашим читателям, в упомянутой газете свои путевые впечатления»⁶. Здесь же перепечатана часть очерков «Из Сиби-

¹ См.: Восточное обозрение. 1890. 29 июля; 5 авг.; 12 авг.

² Там же. 19 авг. С. 6–8.

³ Там же. 16 сент. С. 1–2.

⁴ Там же. 15 июля. С. 1–4.

⁵ Там же. 29 июля. С. 7–9.

⁶ Там же. 26 авг. С. 5.

ри», где говорится о плохом состоянии дорог и самоуправстве администрации. Большая статья, за подписью «N», под названием «Из грязного города», опубликованная в этом же номере и принадлежащая перу Н. Ядринцева, представляет собой резкую критику на седьмое письмо цикла очерков.

Речь в нем идет о пожизненном наказании преступников и о встречах автора с «уголовными интеллигентными ссыльными», которых Чехов, как и Ядринцев, отделял от простых уголовников. «Это письмо г. Чехова из Томска, – с сарказмом отмечает Ядринцев, – отдает запахом грязного города. Кого принял г. Чехов за местную интеллигенцию, вечно пьющую водку? Правда, “Сибирский вестник” имел смелость перепечатать это письмо на своих страницах. Правда, некий Винъ из этой газеты причислил себя к местной интеллигенции и остался доволен сходством портрета с оригиналом» (здесь автор намекает на уголовное прошлое самого редактора газеты – В. Картамышева. – *Е.М.*). Ядринцев выражает несогласие и с обрисовкой Чеховым сибирской женщины и с тем, что, якобы, «“серое небо” Сибири в этом виновато»¹.

В следующей статье Ядринцева за подписью «Добродушный Сибиряк», в которой он упрекает современную литературу в «нововременстве» и приводит в пример очерки «без идей и тенденций», продолжается разговор о сибирских текстах Чехова: «Читаю я, например, письма г. Антона Чехова; не знаю, куда и зачем он едет. Одни говорят – на золотые промысла Восточной Сибири, другие уверяют – на Сахалин. Ведь выберут же, думаю, местечко. Ну, ехали бы в какое-нибудь более “благовоспитанное место”, в какой-нибудь губернский город наших провинций, где есть порядочный отель на европейский манер, с хорошим номером, с метрдотелем, с Пожарскими котлетами...»².

Будучи глубоким специалистом в области «сибирского вопроса», Ядринцев прочитывает чеховские очерки изнутри, с точки зрения их социально-этнографической составляющей, поэтому сибирские путешественники, подобно Чехову, представляются ему «случайными туристами».

В № 39 продолжается полемика вокруг публикующихся очерков писателя с обильной цитацией текстов. В рубрике «Хроника сибир-

¹ Восточное обозрение. 1890. 26 авг. С. 10.

² Там же. 16 сент. С. 7–9.

ской жизни» читаем: «Если г. Чехов промахнулся в характеристике женщины Сибири, то зато метко обрисовал в “Новом времени” ее тайгу»¹. В этом же номере за подписью «N» публикуется еще одна большая статья Ядринцева «Новый защитник “богадельни” (Из картинной галереи современников)», где очерки Чехова стали уже причиной полемики с чуждым «Восточному обозрению» по духу региональным изданием – «Сибирским вестником». В его рубрике «Сибирская печать» велась также постоянная и не всегда корректная полемика с «Сибирской газетой» и иркутским изданием Н.М. Ядринцева «Сибирь».

«Наша заметка по поводу комментариев «Сибирского вестника» к известному читателям письму г. Антона Чехова о Томске и сибирских женщинах, – с иронией сообщает Ядринцев, – нашла себе оппонента в лице некоего Дигаммы, нового иркутского корреспондента названной томской газеты»². Автор статьи упрекает Чехова в том, что он весьма неудачно выбрал источник сведений о сибирской женщине: со слов какого-то старожилы «турист-литератор» сообщил, что сибирячка скучна, «жестка на ощупь». Сам же Ядринцев подчеркивает, что верит в прогресс и изменения в Сибири.

Не менее важен спор сибирского областника с Чеховым о влиянии климата и природы на натуру человека. Для усиления своей мысли он приводит примеры из книг В.Л. Дедлова, Д.А. Клеменца. В процессе систематического осмысления судьбы Сибири Ядринцев использует весь спектр гуманитарного знания – историю, геополитику, экономику, лингвистику. Постигая, например, историю Сибири в пространственных категориях, он определяет место ее развития не Европой и не Азией, но той особой территорией-конгломератом, которой предостоят новая роль и новые задачи.

В статье за 7 октября, «В столичной прессе о Сибири», вышедшей в «Восточном обозрении» под псевдонимом «Неисправимый резонер», Ядринцев вновь пишет о седьмой главе очерков Чехова «Из Сибири». Начинает он статью достаточно показательно: «Сибирью интересуются. Она положительно вошла в моду. Помимо разных статей беллетристических, ученых, публицистических и иных, внимание к Сибири доказывают и путешествия в нашу страну медведей наших столичных литераторов. Путешествуют не какие-

¹ Восточное обозрение. 1890. 30 сент. С. 5.

² Там же. С. 9.

нибудь Тряпичкины-очевидцы, но люди с именем. В 1889 году по Западной Сибири путешествовал Глеб Успенский, в нынешнем мы имели удовольствие видеть лично и читать в “Новом времени” очерки нашего симпатичного беллетриста Антона Чехова, посвященные сибирским впечатлениям. Талантливого автора мы не один раз цитировали на страницах «Восточного обозрения»¹. Но в очередной раз обратившись к чеховскому описанию уголовных ссыльных, Ядринцев снова резко критикует писателя за то, что он не увидел в Сибири других интеллигентных людей.

Вместе с тем многие анонимные авторы «Восточного обозрения» отдавали должное меткости наблюдения, тонкости изображения сибирской природы и людей «талантливым беллетристом» Чеховым. В то же время они напоминали автору, что в Сибири есть и «другие ссыльные», например политические, сетовали на «односторонность трактовки» им некоторых явлений сибирской жизни, порою «неточность выводов», объясняя это «беглостью впечатлений»².

Здесь особенно очевидна разница мировоззренческих и эстетических стратегий региональной публицистики и масштаба мысли Чехова. Для него Сибирь стала не только краем со своими местными особенностями и нуждами, он стремился увидеть в ней и то, что роднило ее со всей страной: в противоречиях культурной, социальной и политической жизни писатель обнаруживал общерусские проблемы.

Пристальный интерес сибирской прессы к путешествию Чехова продолжался на протяжении всей его поездки, и в январском номере «Восточного обозрения» в хронике сибирской жизни сообщается: «Наш молодой беллетрист А.П. Чехов возвратился из своей поездки на остров Сахалин. Он отправился туда через Сибирь и возвратился морем через Суэц в Одессу. На северном Сахалине, где находятся поселения каторжных и ссыльных, он пробыл два месяца, тщательно изучая быт и нравы»³.

Таким образом, рассмотренный нами материал позволяет утверждать следующее: 1) путешествие Чехова в Сибирь и на остров Сахалин привело к важной смене его позиций как в творческом, так и мировоззренческом плане; при постижении далекого экзотичного

¹ Восточное обозрение. 1890. 7 окт. С. 8–9. По поводу поездки Г.И. Успенского автор не точен, так как она состоялась летом 1888 г.

² Там же. С. 6.

³ Там же. 1891. 20 янв. С. 6.

для европейца пространства в центре внимания писателя оказались не специфические местные проблемы, а общерусские противоречия культурной, социальной и политической жизни; 2) изначальная авторская установка в очерках «Из Сибири» формируется на оппозиции «свое-чужое», но постепенно, в ходе повествования, ломались привычные стереотипы автора-повествователя, что приводило к своеобразной демифологизации Сибири; антропоцентризм Чехова выдвинул в центр повествования отдельные драматические судьбы, в преодолении начальной оппозиции «здесь» и «там» (России-дома и Сибири, страны-ада) объединяющим началом становится человек; 3) в результате крайне актуальной для писателя оказалась проблема русских переселенцев, людей, в представлении Чехова, с трагической судьбой, но стремящихся к постоянному развитию, умеющих покорять пространство и вести диалог с миром; 4) в рецепции региональной сибирской прессы «Очерки из Сибири» Чехова обнаружили факт встречи двух культурных потоков и в то же время параллельные масштабы видения и осмысления российско-сибирских проблем, в том числе и проблемы переселения в Сибирь.

Часть вторая

1. МОТИВНЫЙ КОМПЛЕКС ОЧЕРКОВ О ПЕРЕСЕЛЕНИИ В СИБИРЬ

Активные поиски новых эстетических форм диалога культур центра и провинции, обновление самих его принципов во всей их сложности и перспективности очень наглядно демонстрирует тема переселения в Сибирь в рецепции русской классической и сибирской литературы послереформенного периода. Предметом данного раздела являются очерки местных и столичных авторов, которые занимают преобладающее место среди сочинений по переселенческому движению XIX в. (и по переселенческой проблеме в целом). Позиционируемая как некий бессюжетный жанр, далекий от художественного вымысла, опирающийся на строгие цифры и факты, очерковая литература о переселении в Сибирь между тем отличается активным использованием довольно объемного комплекса разнообразных мотивов, что и будет представлено ниже. Мы обратимся к названной проблеме в аспекте семантической трактовки мотивов, их структуры и системности, эстетической значимости, связи с темой и жанром, ориентированным на определенную группу реципиентов, на обеспечение желаемого воздействия на них.

* * *

В первую очередь рассмотрим очерки, посвященные истории переселения в Сибирь: «Ермак. Краткий очерк завоевания Сибири» анонимного автора, опубликованный в Санкт-Петербурге отдельным изданием в 1875 г., «К вопросу колонизации тайги. Очерк попыток поселений в южной части Мариинско-Чулымской тайги» А. Духовича, вышедший в Томске в 1896 г., очерк «Как заселялась Сибирь» местного неизвестного автора, опубликованный в 1895 г. в «Томском листке», а в следующем году отдельной брошюрой.

Исследуя заявленный уже в заглавиях очерков вопрос, все авторы вводят в повествование мотив покорения Сибири, как нам представляется, генетически связанный с древнейшим мотивом завоевания (отвоевания) невесты, в трактовке которого О.М. Фрейденберг подчеркивает «равносильность» отвоевания «новому оживанию»¹. Интерпретация названного мотива сибирскими и столичными очеркистами, разумеется, специфична. Прежде всего, завоевание Сибири понимается как покорение сибирской природы, неизвестной европейцам и пугающей их мощью и своенравным характером. Так, например, очерк «Ермак» начинается с цитаты из «Повести временных лет», с упоминания в ней о том, как зыряне в 1093 г. «”прорубили оконце” в Сибирь, т. е. прорубили просеку «лесом чрез Уральский хребет до Оби и проложили себе путь от реки Вогулки до реки Сосвы»². И далее в очерке речь идет о стремлении европейцев овладеть несметными природными богатствами сибирского края. Как об одном из первых шагов на пути к покорению Сибири говорит очеркист о зарождении торговли, которую удалось развить новгородцам, добывавшим сибирские меха и серебро, золото и медь и продававшим все это Европе.

Мотив завоевания Сибири как освоения ее природных богатств, прежде всего, ее земель, приспособление их под земледелие находим и в очерке анонимного автора «Как заселялась Сибирь», где очевидна семантика посева зерна в землю как овладения ею, как оплодотворения ее новой жизнью: «...истинная основа жизни в крае залегла, когда в землю завоеванных... пало первое хлебное зерно завоевателя». Зерно, брошенное в сибирскую землю переселенцами, здесь осмысливается как «сильнейшее орудие», которое может помочь завоевать «такую обширную страну, как Сибирь» (с. 5), как знак победы над Сибирью³. Мотив завоевания Сибири сопровождается также темой семьи, тесно связанной с образом семени, мотивом посева. Автор очерка перечисляет все царские указы, согласно которым в Сибирь переселяли «женок» казаков, а также «девиц для женитьбы казаков», позже стали ссылать женщин-преступниц, а также переселять жен и детей ссыльных (по их желанию).

¹ Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. М., 1997. С. 237.

² Ермак: Краткий очерк завоевания Сибири. СПб., 1875. С. 2. Далее указываю страницы этого издания в тексте статьи в скобках.

³ Там же. С. 70.

Не менее частотной оказывается трактовка анализируемого мотива как покорение русскими посланцами местных племен, в связи с чем автор вспоминает походы в Сибирь под предводительством Василия Скоробы (1462), Федора Курбского и Ивана Тропина (1483), но главной фигурой завоевателя предстает Ермак (образ которого мы рассмотрим ниже). Именно здесь к мотиву покорения присоединяется мотив даров, с помощью которых осуществлялась русско-сибирская «дипломатия», мирное продвижение русских в Сибирь, дополняющее ее завоевание с помощью силы. Благодаря дарам, пишут очеркисты, устанавливались отношения между сибирскими князьями и русскими царями, русскими поселенцами и государством, между Ермаком и остяками, Ермаком и царем Иваном Васильевичем и т. д. Интересен и показателен характер даров: Сибирь отдавалась «собоями и белкой», а власть даровала «жалованные грамоты», позволяющие владеть сибирскими землями, заводить на них селения и пашни. Только Ермаку в ответ на его победные походы против Кучума царь дарует вместе с прощением его преступлений деньги, сукно, серебряный ковш, шубу «с своих плеч» и два «богатых панциря», которые и принесли смерть покорителю Сибири (по легенде, Ермак, одетый в тяжелый панцирь, не смог переплыть реку, уходя от врага).

Покорение Сибири, трактуемое как распространение царской власти на сибирские земли, нередко интерпретируется и как распространение православной веры на восток и север Российского государства. Неслучайно Ермака и его предшественников автор «Краткого очерка завоевания Сибири» называет «христианскими витязями», «грудью стоявшими за область христианскую» (с. 10). С точки зрения очеркиста, Ермак завоевывает Сибирь потому, что его воины «стреляли огнем», отличались «неодолимым мужеством» и, главное, шли на бой с молитвой на устах. В письме к царю Ермак, «человек весьма набожный», по характеристике автора, писал, что его казаки «шли на смерть и присоединили к России великую державу во имя Христа» (с. 19). Иван Васильевич же, узнав о покорении Сибири Ермаком, служит благодарственный молебен и раздает бедным милостыню.

Параллельно в повествование вводится мотив предсказания сибирскими шаманами того, «что держава Кучума падет от нашествия

христиан» (с. 10). Мысль о завоевании Сибири как богоугодном деле подтверждается и царским повелением отправить в Сибирь 10 священников «с их семействами для водворения православия в неверном крае» (с. 19). И ниже, описывая последовавшее за завоеванием заселение сибирского края, автор указывает, что оно «совершалось в духе христианском; везде сооружались часовни, церкви, монастыри и соборные храмы. Где было зимовье, там крест или часовня; где крепость, там церковь» (с. 20). Однако тут же упоминается, что «для окончательного усмирения жителей Иоанн прислал туда несколько сот стрельцов» (с. 20).

Рассмотренные интерпретации мотива завоевания Сибири, открывающего и ей, и России новую, лучшую жизнь, и мотивы, сопутствующие ему, свидетельствуют о явной идеализации очеркистом процесса колонизации сибирских земель и колонизаторов (особенно Ермака). В полном соответствии с этим находится и представление о Сибири как о некоем почти потустороннем «благодатном крае», который может стать «неоценимым приобретением» для России (с. 25). В описании этой «целой обширнейшей страны» на первое место вновь выходит мотив даров. Но на сей раз речь идет о дарах природы, которые она щедро «расточила» в Сибири, представленной в очерке неиссякаемым рогом изобилия, «сокровищницею богатства России». Сибирский регион возводится до образа «первозданного мира, каким он вышел некогда из рук Божьих... со всеми красотою творения» (с. 28).

Спустя 20 лет после выхода рассмотренного сочинения А. Духович начнет свой очерк с весьма красноречивым названием «К вопросу колонизации тайги» с того же мотива: Сибирь – это *terra incognita*, так и не покоренная, не раскрывшаяся в своих естественно-исторических и экономических условиях и возможностях. Автор, например, с удивлением констатирует, что даже границы Сибири, отдельных ее областей, особенно с севера, до сих пор не обозначены. Главное же внимание автора сосредоточено на таком специфическом явлении, как сибирская тайга, о которой, как он пишет, «до настоящего времени не имеется почти никаких сведений»¹. В своем

¹ *Духович А.* К вопросу колонизации тайги: Очерк попыток поселений в южной части Мариинско-Чулымской тайги. Томск, 1896. Далее при цитировании указываю страницы этого издания в тексте статьи.

очерке Духович делает попытку назвать хотя бы «предполагаемые границы» тайги, дать приблизительные описания таежных рек и их притоков. Автор, в соответствии с жанром¹, приводит множество цифр, которые, однако, отличаются, в противовес очерковой установке на точность, приблизительностью. Протяжение Чулыма, например, указывается так: «верст на 600–700», его ширина в верховье – «7–12 сажень», ближе к низовьям «30–40 и 50 сажень», и далее: «ниже... верст на 200» (по течению Чулыма. – *И.А.*) «выступает каменный уголь» (с. 4).

Развивая мотив непокорности и непокорности Сибири, Духович представляет читателям тайгу как живой, целостный, самодостаточный и саморазвивающийся организм. Таежные реки «выполняют миссию» (с. 8) дренирования земли и не приспособлены для сплава леса. Таежная земля болотистая, но именно «эти болотца, соединяясь между собой проточками и ручейками, вливаясь... одно в другое, дают начало... притокам» рек (с. 8). После пожаров, возникающих исключительно в полосе, прилегающей к населенным местам, тайга самовосстанавливается, «под пологом лиственных пород появляется подрост хвойных», и тайга снова приобретает свой характер «черной тайги», т. е. темной, непроходимой, какой и делают ее хвойные породы деревьев (с. 8).

Жизнь тайги как символа Сибири представлена Духовичем вечным движением по кругу, имеющим свои онтологические смыслы. И автору очень важно понять, может ли человек, особенно пришлый, более того, переселенный в Сибирь чаще всего насильно, с помощью приказов и приговоров, войти в этот круг, и какими могут быть последствия такого вхождения, в реальной практике выливающегося в попытки подчинить себе (покорить, завоевать) это космического масштаба круговращение.

В раскрытии проблемы «поселенец и тайга» очеркист активно пользуется мотивом пожара. Типичное для сибирских лесов явление – пожар – представлено автором в свете вечных метафор борьбы человека с природой, его «нашествия» на нее, в котором главной оказы-

¹ Жанр сочинения А. Духовича сложен по своей природе: очерковые принципы нарратива удваивают свое звучание за счет авторской установки на жанр проблемной статьи («*К вопросу колонизации тайги*»), кроме того, важен подзаголовок публикации: «Доклад Томскому отделу Императорского московского общества сельского хозяйства», подчеркивающий документальный характер текста.

вается семантика смерти и жизни, движения вперед и возвращения. Лесные пожары, происходящие от неосторожного обращения новоселов с огнем или даже с целью выжечь тайгу и освободить земли под пашню, осмысливаются Духовичем как события, ведущие к «циклическому возврату в первооснову», пожар в тайге – это, безусловно, гибель природы, за которой обязательно «наступает реновация»¹. В результате пожаров тайга перерождается в елани, появляются гари, почти безлесные пространства, заваленные валежником и покрытые кочками. Но и то, и другое остается непригодным для земледелия и потому со временем становится новой тайгой, по-прежнему не желающей отступать перед поселенцем, а если и пускающим его в свои пределы, то только для того, чтобы в конце концов выдворить его. На протяжении всего очерка Духович подчеркивает, что хлебопашество, главное, ради чего и осуществлялось переселение в Сибирь, не приживается в тайге, которая губит посевы полеганием, вымерзанием или вымоканием.

Выживают в тайге лишь те, кто сумел органично войти в естественный круговорот ее жизни. К таким, по убеждению Духовича, относятся весьма немногие, например, «раскольники-богомолы», занимающиеся сбором грибов и ягод, рыбной ловлей, охотой. Что же касается их методов земледелия, то они характеризуются пониманием того, что нужно земле: они оставляют ее «на отдых», пускают ее «в залежь», оставляют «под паром», входя в естественный круговорот: «залежь – пар – хлеб – пар – хлеб – залежь» (с. 25). Позиция автора очерка в отношении освоения (завоевания) тайги очень близка к этому. Он считает необходимым предоставить переселенцам возможность заниматься не столько земледелием, сколько лесным хозяйством, для чего научить их лесотехнике, помочь в расчистке рек и пр.

Во всех рассмотренных нами очерках можно усмотреть амбивалентность мотива завоевания Сибири. С одной стороны, он несет в себе (за счет сопутствующих образов семени, семьи) семантику укоренения новоселов на новом месте, начала новой жизни и для осваиваемой территории, и для ее новых поселенцев, с другой – идею нестабильности, постоянного движения, вследствие чего одним из центральных в повествовании о переселенцах оказывается мотив дороги. В очерках о переселении в Сибирь движется все и все. Автор описывает сибирских князей, которые ехали в Москву, чтобы при-

¹ Фрейденберг О.М. Указ. соч. С. 164.

нять русское подданство, казаков, едущих в Сибирь по указу царя, бегущих туда преступников, крепостных, сосланных с сибирскую каторгу, переселенцев, добровольно покидающих центральную Россию и отправляющихся в Сибирь за лучшей жизнью, а затем скитающихся по сибирской земле с той же целью и мечтающих о возвращении на родину, ходоков, которые ехали в Сибирь «на разведку», чтобы найти переселенческому коллективу подходящие земли и т. д.

Сибирь, в которой всем новоселам сразу бросается в глаза отсутствие дорог, предстает в очерке пространством хаотичного, часто бессмысленного и безрезультатного движения, захватывающего своей мощью не только людей разного социального положения, возраста, пола, но и потоки хлеба, пошлин, льгот, оброков, документов, а также страданий, болезней, смерти. Однако позиция авторов чаще всего сводится все же к идее упорядочивания процесса заселения Сибири с помощью межевых комиссий, переселенческих комитетов, создаваемых на местах и т. п.

Одним из самых востребованных в очерках о переселении в Сибирь оказывается «двуединый», как его называет Н.Д. Тамарченко¹, мотив преступления и наказания, развиваемый во всех сочинениях о ссыльных поселенцах. Специфика его использования заключается, во-первых, в том, что, осмысливая причинно-следственные связи наказания и преступления, авторы подчеркивают их несоразмерность: в Сибирь могли сослать за самую малую провинность или даже невинных людей, поскольку ссылка почти изначально выполняла не столько пенитенциарную, сколько колонизационную функцию. Более того, в «Исторических очерках русской ссылки в связи с развитием преступлений» известный сибирский публицист и общественный деятель, исследователь Сибири, один из основоположников сибирского областничества Н. Ядринцев пишет о том, что наказание ссылкой использовалось как средство реформировать Россию, и потому ссылали за «сопротивление брадобритию», за мелкое воровство, за долги, за «старую веру», «в зачет рекрутов», за то, что помещику не нравилось или, напротив, очень «нравилось» лицо крепостной женщины, и т. д. Петр I, по словам Ядринцева, с помощью ссылки в Сибирь «приучает народ к правильной уплате податей, принуждает чиновников к исправности, дворян к военной службе и

¹ *Тамарченко Н.Д.* Мотивы преступления и наказания в русской литературе (Введение в проблему) // Сюжет и мотив в контексте традиции. Новосибирск, 1998. С. 38.

обязательному образованию»¹. Вследствие этого в Сибири оказывалось огромное количество людей озлобленных, с «затаенной тоской», с антипатией к новому месту жительства, с чувством совершенной по отношению к ним несправедливости и т. д.

Во-вторых, во всех очерках о сибирских ссыльных речь идет о том, что наказание ссылкой, которое, как любое другое, должно снимать вопрос о преступлении, само практически всегда превращается в преступление против личности и преступников, и тех, кто их окружает в Сибири. Здесь прежде всего важен акцент, который делают все очеркисты на восприятии ссыльными поселенцами Сибири как тупика, адского дна. Поистине с кругами ада ассоциируется классификация преступников и меры их наказания, данная в соответствии с жанром очерка в виде таблиц, цифр, подтверждаемых документально, в «Историческом очерке колонизации Сибири» 1859 г. известного этнографа и бытописателя Г. Пейзена. Автор упоминает и цитирует именной указ 1797 г., в соответствии с которым преступников, отправляемых в Сибирь, принято было делить на 3 группы. Уголовных преступников, убийц и «произносителей дерзких слов против Императорского Величества, возмутителей народа» после телесного наказания следовало «отсылать в Нерчинские работы»; преступников «других родов, приговариваемых на поселение, отправлять в Иркутск, на тамошнюю суконную фабрику; осужденных... за долги... отправлять к крепостным строениям, куда кто способен»².

Далее автор, подобно герою «Божественной комедии», начинает спуск по кругам истории сибирской ссылки, давая им яркие описания, которые в отличие от средневековой поэмы не являются плодом авторской фантазии. География (пространство) в очерке тесно переплетается, как и у Данте, с историей. Так, сначала Пейзен представляет первое место, выбранное для ссылки в Сибирь: им были берега реки Лены и впадающих в нее Вилюя и Амги. «Водворенные среди якутов... не имея нигде... сношений с русскими», сосланные сюда люди «все заняли от якутов, вступая с ними в брак, утратили даже тип русского происхождения» (с. 21). Не выполнив возложенной на них задачи, они не распространили земледелие на севере Сибири,

¹ Ядринцев Н. Исторические очерки русской ссылки в связи с развитием преступлений // Дело. 1870. № 10. С. 225. Далее указываю страницы в тексте статьи в скобках.

² Пейзен Г. Исторический очерк колонизации Сибири // Современник. 1859. № IX. С. 19. Далее указываю страницу в тексте статьи в скобках.

не научили этому якутов, а, напротив, сами потеряли свою индивидуальность, впали в нищенское состояние, привыкли довольствоваться в еде рыбой и скудными дарами северной природы, например сосновой корой.

Позже, пишет Пейзен, стали ссылать в Охотск и на Камчатку с той же целью, но природа и там «наотрез отказала в хлебопашестве» (с. 23), заставив ссыльных подчиниться голоду и холоду. В 1761 г. «положено было приступить к заселению» ссыльными тракта через Барабинскую степь до Томска. Подробнее описывая, как происходило освоение этого пространства «непроходимых лесов» и «необитаемой степи», Ядринцев в очерке 1870 г. «Колонизационное значение русской ссылки» писал, что здесь «легли костями» тысячи ссыльных поселенцев «под изнурительными работами, под жестокими наказаниями, в лихорадках, тифе, в цинге»¹.

Во второй половине XVIII в. был издан указ о ссылке на берега рек Бухтарма и Иртыш, «на удобные к хлебопашеству места» (с. 25). Однако, отмечает очеркист, при этом не было учтено, что многие земли здесь на самом деле непригодны для земледелия, а «удобные» уже заселены казаками и крестьянами Колывано-Воскресенских заводов, и, кроме того, что эти районы входили в опасную пограничную зону с Китаем. Спуск в сибирский ад продолжился по указу о заселении ссыльными дороги между Якутском и Охотском, славящейся тем, что не всякая лошадь выносила ее от начала до конца. Тракт был «проложен» среди болот и тундры, превращавшихся летом в непроходимые топи, или среди гор и горных рек, постоянно менявших свое направление, так что невозможно было устроить «перевозы» (переправы). До Забайкалья же, куда начали ссылать по указу Павла I, где всем переселенцам полагались большие льготы, вплоть до постройки домов за счет государства, люди просто не доезжали, умирая по дороге. Доехавшие не находили практически ничего из обещанного.

Томская и Иркутская губернии в Москве представлялись самыми удобными местами для ссыльных поселенцев. Здесь их ждали дома, строившиеся на две семьи, запасные магазины, куда они должны были уже с первого урожая сдавать хлеб, и непосильный труд на старожилов за кусок хлеба и какую бы то ни было одежду. Домом

¹ Ядринцев Н. Колонизационное значение русской ссылки: Исторический очерк // Дело. 1870. № 12. С. 8. Далее указываю страницу в тексте.

такого переселенца чаще всего, пишет Г. Пейзен, становился кабак, а семьей – целовальник.

В «Историческом очерке русской ссылки в связи с развитием преступлений» Ядринцева находим дополнительные характеристики «адской Сибири». Автор подчеркивает мысль о том, что ссылка в Сибирь означала лишение всех прав, что поселенец переходил на новом месте в разряд даровой рабочей силы, и главное – что в Сибирь ссылали пожизненно. В целом ряде своих очерков о ссылке автор утверждает, что такая «утилитаризация преступников», в которую превратилось наказание ссылкой, «уничтожила личность человека... и законность самого наказания» (с. 222). Ссылка своей жестокостью, стремлением ограничить наказуемых «в личной свободе, в занятиях, в приобретениях», наложить на них знаки отверженности – клейма, бритые головы, особая одежда (с. 237), что начиналось уже по пути к местам поселения, воспитывала в людях только страх и злобу всех на всех.

Болезненная работа ума, заставлявшая ссыльных искать выход из своих страданий и унижений, подсказывала им идеи побега, самоубийства и подталкивала к продолжению преступной деятельности. Причем Ядринцев, Пейзен, Чудновский, Малиновский, Шелгунов и другие авторы, писавшие о сибирской ссылке, ни в одном своем очерке не привели примера исправившегося в Сибири преступника. Напротив, судьбы ссыльных поселенцев, представленные разными авторами, описаны как под копирку, они параллельны друг другу и своей повторяемостью показывают пространство Сибири как совершенно не подходящее для наказания и исправления преступников.

Закреплению в ссыльном тяги к преступлению способствует, по мнению очеркистов, то, что они отправляются в Сибирь без средств к пропитанию, полураздетыми, больными. Ядринцев пишет о беременных женщинах, рожавших по дороге к месту ссылки в телегах. Не меньшую роль играет «казенное», формальное отношение чиновников к ссыльным. В историческом очерке «Колонизационное значение русской ссылки» Ядринцев пишет о «казенных деревнях», устраивавшихся в Томской губернии и сравнивает их с военными поселениями Аракчеева. Из этих деревень, в которых немедленно давала о себе знать «полнейшая деморализация» поселенцев, бежали так часто, что приходилось прибегать к чрезвычайным мерам, к каковым относились избиение палками и розгами и так называемая общая ответственность, заключающаяся в том, что в случае побега

секли всех подряд, пока кто-нибудь не указывал на преступника. Не лучше обстояло дело и в специально для ссыльных подготавливаемых земледельческих колониях, где поселенцы «строили дома, сеяли хлеб... пока их принуждали, но... как только прекращались принудительные меры», поселенцы «разбрелись на все четыре стороны» (с. 18).

Осознания своего преступления, раскаяния, желания начать новую жизнь в таких условиях не возникало, так что Сибирь с ее первозданной природой, патриархальностью, множеством свободных земель, по мнению Ядринцева, не выполняла и не могла выполнять исправительной функции. Голодные, «вечно желчные», проклинаящие Сибирь ссыльные, забывая окончательно о своей человеческой природе, о Боге, не испытывая мук совести и не боясь греха, всегда были готовы «вступить в первое же отважное предприятие. <...> Нередко через несколько дней по присылке они уже за какую-нибудь провинность препровождались в местный острог» (с. 26).

Особое искушение для ссыльных представляли, по наблюдению Ядринцева, золотые прииски, где они были востребованы, потому что не имели семьи, хозяйства и могли надолго уходить в тайгу. Здесь работали «среди вьюг и непогод», болели, платили хозяину втридорога за «испорченную солонину» и плохую одежду – и все ради того, чтобы по окончании работы, получив расчет, «неделю или две... провести в разврате и буйных оргиях», продолжая свое падение в пропасть. «Соблазн, опутывающий поселенцев, так велик, – пишет Ядринцев, – что от него не удерживаются самые стойкие» (с. 30). И далее он приводит историю, рассказанную ему одним поселенцем, семь лет не выходящим с приисков и копившим деньги. «Наконец вышел оттуда с порядочным запасом денег и с твердым намерением зажить теперь своим домом оседло в Сибири. Он, конечно, очутился прежде всего в торговом таборе, выехавшем встречать рабочих. “Захотела душа моя, – говорит он, – один шкалик, только один. <...> Захотела душа моя еще один шкалик... Ничего не поделаешь с душой! <...> на другой день лежал без шаровар в канаве”» (с. 30).

В историческом очерке «Исправительное значение русской ссылки» Ядринцев делает особый акцент на идее бурного распространения преступности на территории всей Сибири, где ссыльные становятся не добродетельными людьми, а закоренелыми преступниками. Не касаясь провиденциального смысла мотива преступления-наказания, автор сосредоточивается на его социально-крими-

нальном и отчасти нравственно-психологическом звучании. «Нравственный переворот», возбуждающий раскаяние, «сожаление о прошедшем и надежду на будущее»¹, – все это ссыльный поселенец, утверждает автор, переживает только в теории. В действительности сама разлука с родиной и семьей уже обрекает его на совершение новых преступлений (побегов и связанных с этим грабежей и убийств) – ради возвращения домой. Эта «изнанка» мотива возвращения к людям как условия возрождения преступника к новой жизни заставляет очеркиста воскликнуть: «Невольно задаешь себе вопрос: в какой мере справедливо побег ссыльных на родину считать преступлением». Преступление ходит по кругу не только в Сибири, сибирская ссылка возвращает России ее преступников, которые пробираются на родину «ползком, тайком», «волей-неволей воруют, грабят <...> Упорство, с каким они стараются достигнуть своей родины... делает их совершенно непреклонными и готовыми на самую ожесточенную борьбу»².

Другая сторона проблемы, по мнению Ядринцева, заключается в том, какое негативное влияние оказывают ссыльные на коренное население, «которое находится в постоянном страхе за свою жизнь и имущество, в результате чего местные крестьяне вооружаются: в лесах Сибири ведется ожесточенная война со ссыльными <...> Победенные бродяги мстят выжиганием сибирских сел. Дороги и большие тракты Сибири... крайне небезопасны» (с. 185). Убийства, пишет очеркист, начинают совершать даже в городах, «на больших улицах; в многолюдных кварталах вырезались целые семьи. Жители, выходя из дома, вооружались ножами» (с. 186–187). По рассказам полицмейстера Л., переданным Ядринцеву, Томск, например, «представлял открытое поле грабежей и разбоев... хаотическое смешение всех... мошенников». Ссыльные поселенцы «заражали и соблазняли мирных граждан», не только привлекая их к своей преступной деятельности, но огрубляя их нравы «вследствие жестокой борьбы», которую местные крестьяне и горожане вынуждены были вести с поселенцами. Ссылка распространяла «свой яд», развращая даже «целомудренные убежища крестьянских семей» (с. 191). И несмотря на энергию полиции, «злодейства» в Сибири невозможно было по-

¹ Ядринцев Н. Исправительное значение русской ссылки // Дело. 1871. № 1. С. 193.

² Ядринцев Н. Исправительное значение русской ссылки (Окончание) // Там же. № 2. С. 177. Далее указываю страницу в тексте статьи.

бедить, «они только видоизменялись», но не исчезали (с. 188). Идея выхода преступления из-под контроля на территории, предназначенной для наказания и исправления, лейтмотивом проходит через весь очерк Ядринцева, по убеждению которого, в Сибири никакие суды «не устрашали и не предупреждали преступлений» (с. 189).

Новые семантика и функция мотива преступления и наказания, связанные с очерковой природой нарратива, с его публицистичностью, бытописательностью, документальной конкретикой и выходом на глубинное осмысление кризисных общественно-исторических ситуаций, оказывались способны трансформировать весь мотивный комплекс текста. Особенно показательным в этом отношении является яркое сочинение И.П. Белоконского¹, отличающееся синтезом жанровых традиций очерка и травелога, что закреплено авторской волей в самом заглавии – «По тюрьмам и этапам. Очерки тюремной жизни и путевые заметки от Москвы до Красноярска». Автор активно использует здесь целый арсенал древнейших мотивов, наделяя их новой семантикой, структурой, функциями и выстраивая их в строгую систему.

Очерки Белоконского открываются одним из самых востребованных в литературе мотивов – мотивом утра как начала не только нового дня, но новой жизни, как вечного возобновления бытия, как пробуждения ото сна, традиционно уподобляемого смерти, уходу от реальности. Описание утра заключенных, которым в ближайшем будущем предстоит пойти по этапу в Сибирь, начинается с вполне сочетаемых с ним мотивов усиливающегося света (свет постепенно освещает здание тюрьмы, двор) и тишины (как предвестника рождения нового)², но они идут в паре с мотивом мрака, камня, смерти (в «тюремном замке» «мертвая тишина», светает над «мрачной, камен-

¹ И.П. Белоконский – писатель; больше года провел в одиночном заключении и затем был сослан в Восточную Сибирь (1879), где стал постоянным сотрудником «Восточного Обозрения», «Сибири», «Сибирской Газеты», посылая вместе с тем статьи и в центральные издания («Отечественные Записки», «Дело»).

² Интересно, что с мотивом утра, света, пробуждения ото сна в очерке Белоконского связан, в соответствии с традицией, мотив ворот, определяемый, как известно, семантикой небесно-загробного горизонта, борьбы смерти и света, границы между «тем» и «этим» светом, «светового и воскрешающего из смерти божества», рождения новой жизни (см.: *Фрейдберг О.М.* Указ. соч. С. 70, 143, 183, 189–190). Ворота в тюрьме или пересыльном пункте – это, по описанию, очеркиста, «всегдашний сборный пункт, особенно утром; всякий инстинктивно подходит к этому единственному выходу из тюрьмы, точно ожидая чего-то... их влечет к этому месту какая-то непонятная сила; всякий, как только просыпается... стремится к воротам и чего-то ожидает, чего-то высматривает» (с. 4).

ной, мертвой тюрьмой», «все страдания утонули в глубоком утреннем сне»). Характерен и акцент на противоестественно резкой границе между утром и ночью, которую «проводит» для заключенных «шумный треск барабана», «вдруг» раздающийся «среди невозмутимой тишины». «Утренняя зóря» – барабанная дробь «ттррр-трах-тата, трах-та-та, ттррр...», будящая арестантов, прямо противоположна утренней заре, она не столько извещает их о начале нового дня, сколько дает «чувствовать всем, находящимся в месте печали, что они все тут, а не на свободе, что все, виденное ими только что... было лишь сном»¹. Неслучайно лейтмотивом через данное описание проходят вырванные из утренних разговоров часовых и заключенных фразы: «Умираю!» и «Одним меньше, сдыхай!».

Мотив ночи, также активно используемый Белококонским в очерке, как и мотив утра, оказывается значительно трансформированным, лишенным одной из важнейших своих семантических и функциональных составляющих. Ночь в повествовании очеркиста выступает лишь метафорой смерти и не пересекается с темой любви, с мотивом огня, песни, с актами рассказывания, произнесения слова как преодоления мрака. Ночь в тюрьме для будущих ссыльных передается следующими деталями: хождение по коридорам внутренних часовых, прислушивающихся к каждому шороху в камерах, их неожиданные окрики: «Стой! Кто идет?», от которых только мертвый «не вскочит, как сумасшедший», «лязг дверных замков, пьяная ругань офицеров» и, наконец, наступающая «безмолвная, мертвая, тягелая тишина» (с. 49, 52).

«Ночные» мотивы любви, музыки и песни между тем достаточно активно востребованы в очерковом нарративе, но они связаны у Белококонского с описанием дневной «публичной» жизни арестантов. Их любовные свидания, например, происходят «на виду у всех». Боятся лишь часовых, из-за которых любовникам приходится идти на встречу «тихими шагами», «прислушиваясь к стуку у ворот»; горячо целуясь на глазах смотрящих на них во все окна заключенных, «они быстро разбегаются в стороны» от малейшего шороха часового.

Тюремные песни и музыка (исполняемая без музыкального инструмента, языком) звучат только днем и всегда в присутствии

¹ Белококонский И.П. По тюрьмам и этапам. Очерки тюремной жизни и путевые заметки от Москвы до Красноярска. Орел, 1887. С. 2. Далее в скобках указываю сдвиг в тексте статьи.

«публики», передавая при этом внутреннее состояние арестантов, приговоренных к ссылке в Сибирь, их мысли и мечты. Здесь автор очень близок к архаической трактовке мотивов пения и звучания музыки как замены словом и ритмом желаемых действий, подчеркивается также их амбивалентность, равноценность в них семантики смерти и жизни. Приведем примеры:

«Обыкновенно молчаливый, он (заключенный старик. – *И.А.*), по просьбе молодежи, играет языком, взяв лишь для большего обмана слуха две палочки, которые заменяют ему скрипку и смычок; играет до того хорошо, что даже зная, что в этой музыке принимает участие лишь один язык, обманываешься и слышишь звуки сельской скрипки. Воображение переносит тебя на какую-нибудь сельскую свадьбу, где под непринхотливую музыку сельского скрипача пляшут молодые пары, а иногда и старик войдет в круг. И как грустно, тяжело делается, когда действительность, после минутной иллюзии заставит осмотреться вокруг и увидеть высокие стены тюремного двора (с. 24–25).

Или:

Одна (песня. – *И.А.*) произвела на нас особо сильное впечатление <...> автор этой песни мечтает, как бы он ушел в «лес зеленый» и «вольной пташкой» улетел бы на «волю» в милые места, где его семья, дети. Песня вообще чрезвычайно поэтическая и весьма подходящая к тюремным условиям; при грустном мотиве она производила очень сильное впечатление на арестантов; обыкновенно после пения все стихало и наступала мертвая тишина, среди которой, в 9 часов вечера, громко раздавалась вечерняя «зоря» (с. 47).

Возвращаясь к мотивам утра и ночи, обратим внимание на особую поэтику описания предпасхальной «чудной, весенней» ночи и утра светлого Христова Воскресенья, таинство которых позволяет заключенным, которым предстоит спуск в сибирский ад, вместе с «миллионами душ» не спать, готовиться к встрече великого праздника, о наступлении утра узнать по колокольному звону (он воспринимается как «море гармонии», в которое вливается и тюремный колокол, «звучащий как-то особенно приятно среди ночной темноты»), не чувствовать никакой злобы, «точно всех любишь», и забыть, «где ты». Сопровождающим мотивом здесь становится сакральный мотив огня, света, поддержанный богатой звуковой палитрой, разрушающей мотив «мертвой тишины», встречающейся во всех остальных «ночных» фрагментах очерка: «На площадке и по дорожкам зажжены площадки, освещающие светлыми пятнами тюремные стены; церковь вся залита огнями, а сверху таинственная тьма, переполнен-

ная звуками. <...> Сегодня их праздник, праздник страждущих, несчастных, которых Великий Учитель не отталкивал, находя и для них слова добра и прощения. Умолкли звуки колоколов, слышен говор, шум, поцелуи, веселые поздравления» (с. 69). Три дня Пасхи для арестантов – это время щедрых подаваний и относительной свободы и равенства («арестантов не затворяли, а все поверки производились во дворе», «начальство даже лобызалось в ответ на хором произнесенное арестантами “Воистину, Ваше Высокоблагородие, воскресе!”», с. 72). К этой идиллической картинке, построенной на мотиве воскресения, автор добавляет лишь одну деталь, сразу превращающую повествование в очерковое: все «льготы» предоставлялись заключенным «потому лишь, что все... в лоск были пьяны» (с. 72)¹.

Одним из главных в «Очерках тюремной жизни» является мотив пути, отмеченный семантикой изгнания, отверженности, страдания, смерти. Для арестантов дорога из московской тюрьмы в Сибирь оказывается тяжелым испытанием и началом наказания, своего рода инициацией, из которой, однако, очень немногие выходят новыми людьми, очищенными от греха, осознавшими его и готовыми к новой жизни. Путь в Сибирь описан Белокопским как спуск в ад. Своеобразным лимбом этого адского пространства оказывается пространство за воротами тюрьмы, где «всех расставляют рядами и несколько раз пересчитывают» (с. 77). Красноречивыми деталями этого «лимба», где уже начинается нивелировка личности, становятся одинаковые арестантские халаты и шапки ссыльных, монотонный звон их кандалов.

Следующим этапом пути в Сибирь становится вокзал и посадка на поезд, окна вагонов которого взяты в решетку и всегда закрыты. Далее арестантам предстоит движение по реке на барже, которая в описании очеркиста (как и поезд) предстает преисподней. Мотив воды и корабля здесь полностью утрачивают семантику рождения новой жизни, возрождения, подчеркивая усиливающуюся отгороженность заключенных от общества, их разрыв с людьми. Баржа представляет собой большое судно «с маленькими невысоко над во-

¹ Горькой пародией мотива воскресения (обновления) оказываются сцены, в которых описываются банные дни в тюрьме. Автор постоянно подчеркивает, что в тюремной бане всегда не хватало воды, веников, времени, что после бани арестантам выдавали старое, рваное белье, что в бане не было предбанника, и арестанты «голыми, красными, как раки, путешествовали по двору в камеры» (с. 55).

дою окнами и крытой палубой; крыша палубы укреплена на железных столбах, между которыми натянута густая проволочная решетка...; такая же решетка разделяет палубу на 2... части, которые общаются посредством двигающейся на блоках, решетчатой железной двери; такие же двери при входах. <...> палуба напоминает те клетки, в которых... возят на базар животных» (с. 84). Наконец последний этап сибирского бездорожья арестанты преодолевают пешком или на тройках, двигающихся в облаках пыли летом и в сопрождении жутких ветров зимой.

Особую роль в описании пути ссыльных в Сибирь Белоконский отводит образу пограничного столба, разделяющего Россию и Сибирь, он интерпретируется как черта между «тем» и «этим» светом. Неслучайно автор обращает внимание читателей на надписи, которыми испещрен пограничный столб. Они сделаны теми, «кто въезжая в Сибирь, уже не надеялся вернуться». Общий пафос надписей сводится к формуле «Прощай, жизнь!», «впереди тьма, голод и холод, быть может, опять преступление» (с. 108), так что мотив пути, образы арестантов-путников, поезда, корабля, повозки, генетически связанные в культуре с актом рождения и возрождения, полностью утрачивают в очерках Белоконского свою исконную семантику, приобретая прямо противоположное ей значение движения к смерти, духовной и физической.

Таким образом, семантические акценты сюжета переселения в Сибирь, развиваемого в очерках сибиряков и столичных авторов, дают возможность интерпретировать их как мотивный комплекс, а очерки как некий единый текст о так и не состоявшемся (или во всяком случае дающем совсем не те, что ожидалось, результаты) завоевании Сибири. В этом заключалась на конец XIX в. правда о диалоге российского центра и периферии, адекватно отражаемая в мотивах покорения, смерти, пожара, изгнания, отверженности, преступления и наказания, превращающегося в новое преступление, страдания и испытания. Отражая деформированность, искаженность диалога России и Сибири, должностующего и способного, судя по успехам колонизационной политики США, с которой заселение Сибири постоянно сравнивают, принести обществу прогресс, трансформируются и многие архаические мотивы, используемые в очерках о переселенцах. Перевернутость самой природы этого диалога наиболее ярко запечатлена в новой трактовке мотивов пути, возвращения на родину, ночи и утра, любви, музыки и песни, воскресения и др. Их

семантика часто оказывается буквально вывернутой наизнанку, смещая общее звучание текстов о завоевании Сибири, которое задумывалось как великое благо и для сибирского края, и для всей России, в сторону бессмысленной национальной трагедии, длящейся на протяжении нескольких столетий. Вся печаль рецепции этих «сочинений» заключалась в том, что читателю предлагался очерковый дискурс, далекий от художественной условности, но, напротив, построенный на документах, цифрах, личных наблюдениях и прогнозах специалистов и, главное, честных, порядочных людей, душой страдающих за Россию и Сибирь.

2. СПЕЦИФИКА НАРРАТИВА В ЦИКЛЕ ОЧЕРКОВ Г.И. УСПЕНСКОГО «ПОЕЗДКА К ПЕРЕСЕЛЕНЦАМ»

Цикл очерков Г.И. Успенского «Поездка к переселенцам» был написан по следам путешествия писателя по Сибири летом 1888 г. В отличие от Лескова, о котором шла речь выше, для Успенского эпоха 1860-х гг. – наиболее «совестливая» в истории России, так как она стала принципиальным рубежом для решения крестьянского вопроса. Именно этот тезис изначален в его цикле очерков о переселенцах.

Восприятие и понимание сибирского пространства становится уже достаточно устойчивым к концу XIX в. Сибирь к этому времени была не только освоена Российской империей геополитически, но и усвоена русской культурой в качестве некоего концепта. На это указывает В.И. Тюпа, говоря о том, что «Сибирь с ее каторгами, пересыльными тюрьмами, принудительными поселениями и одновременно искателями счастья (переселенцами) в национальном сознании мифологизировалась, стала достоянием «доксы», общепонятным хронотопическим образом некоторого способа присутствия человека в мире»¹. На рубеже 1880–1890-х гг. Сибирь начинает вызывать самостоятельный интерес у народнических публицистов. Появляются многочисленные рецензии на научно-популярные и художественные произведения о регионе, сообщения, касающиеся отдель-

¹ Тюпа В.И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской культуры // Сибирский филологический журнал. Новосибирск, 2002. № 1. С. 27.

ных аспектов экономической и культурной жизни края. Конкретная биография многих писателей и публицистов, К.М. Станюковича, В.Г. Короленко, С.Я. Елпатьевского и других, тоже связана с Сибирью. Несомненно, что содержание образа региона, существовавшее в индивидуальном сознании того или иного писателя-публициста, писавшего о Сибири, во многом детерминировалось обстоятельствами его пребывания в крае и рефлексией по этому поводу¹. Успенский, в отличие от Лескова, ни разу в Сибири не бывавшего, принимает добровольное решение о поездке. Несмотря на предвестия тяжелой душевной болезни и гнетущее настроение, он считает своим долгом посетить этот «гиблый край».

Но сама подготовка к путешествию, как это уже было показано выше, шла достаточно долго и мучительно. Напомним здесь еще раз письмо Успенского Е.П. Летковой от 10 июля 1884 г., в котором он сообщает о важном прорыве, произошедшем в его сознании, ставшем, по сути, точкой отсчета в формировании его образа «виноватой России», к которой он относит и себя («... выглянул в окно, гляжу – из-под горы идет серая, бесконечная масса арестантов. Скоро все они поравнялись с моим окном, и я полчаса стоял и смотрел на эту закованную толпу: все знакомые лица, и мужики, и господа, и воры, и политические, и бабы, и все-все наше, из нутра русской земли, – человек не менее 1500, – все это валило в Сибирь из этой России»²). Письмо это очень показательное по стилю, нарастающему тону, радости открытия истины, к которой он так мучительно шел. Оно отличается и определенной драматургической составляющей, где есть своя завязка, кульминация и принципиальный итог. Повествовательный тон сменяется на личностную рефлексию автора: «И меня так потянуло вслед за ними, как никогда в жизни не тянуло ни в Париж, ни на Кавказ <...> Ведь эти люди – отборный продукт... русских условий жизни»³.

Итак, принципиальная формула Лескова по отношению к народной массе, «продукт природы», меняется у Успенского на позитивно-оценочную: «отборный продукт». Продолжая письмо, он фикси-

¹ См. об этом: *Родигина Н.Н.* Социальные конфликты как составляющая образа Сибири на страницах общественно-политического журнала «Русское богатство» // Вопросы социальной истории России конца XVIII – начала XX в.: Сборник научных трудов. Омск, 2004. С. 54.

² *Успенский Г.И.* Полн. собр. соч.: В 14 т. М.: АН СССР, 1952–1954. Т. XIII. С. 380.

³ Там же. Курсив автора. – *Е.М.*

рует тот важный момент, когда принципиально чужое пространство Сибири становится его, личным пространством: «И мне *охотой*, а не на цепи захотелось необузданно идти на новые места: мне также не подходит “жить” (а не бороться) с людьми, с которыми приходится много лгать, бесплодно, бесцельно, и изживать русский теперешний век – бесцветно, неинтересно, безвкусно и вообще скучно и неумно»¹. Писателя давно уже волнует тема взаимоотношений между «концами» русского общества, народом и интеллигенцией. В цикле очерков 1880-х гг. «Концов не соберешь», «Грехи тяжкие» он ставит вопрос о виновниках бедствий народа и к их числу относит не только людей, облеченных властью и имеющих административные права, но и представителей русской интеллигенции, уклоняющихся от помощи народу. Нарастание взволнованной интонации в рассматриваемом письме Е.П. Летковой связано именно с пониманием писателем личной вины и ответственности: «Отчего переселяются только мужики, а интеллигенцию тащат на цепи? И нам надо бросать добровольно запуганные, тяжкие, ненужные отношения, хотя бы они были старые, привычные, и искать мест и людей, с которым можно чувствовать себя искренней и сильней. И тут-то вот я и остановился: так много на меня пахнуло нового и светлого, что я совершенно стал забывать мою работу, которую думал делать в дороге, она мне стала казаться ненужной, а, между тем, не работать было нельзя».

Как свидетельствовала Е.П. Леткова, Успенский «вернулся из этой, хотя и не удавшейся на первый взгляд поездки бодрый, с широкими планами и решением очень серьезно работать»². Преодолевая усиливающуюся болезнь и семейные неурядицы, определенные стереотипы, сложившиеся в сознании русского европейца в отношении к Сибири (страна холода – зимы – ночи, безлюдного и беспредельного пространства), Успенский погружается в переселенческие проблемы и с середины июня 1888 г. начинает активно писать и пересылать в «Русские ведомости» свои материалы. Очерки, написанные им в дороге или сразу «после дороги», были непосредственным откликом на увиденное, услышанное, пережитое в Сибири. В своем первоначальном виде они имели характер газетных корреспонденций, фельетонов. Но первые публикации, как правило, служили ис-

¹ Успенский Г.И. ППС. Т. XIII. С. 381 (курсив автора. – Е.М.).

² Венья. 1935. № 5. С. 726.

ходным материалом для дальнейшей творческой работы. Как известно, писатель и в следующем, 1889 г. предпринял поездку – на этот раз в Уфимскую и Оренбургскую губернии – по переселенческим местам. И главным творческим результатом этих двух поездок стал цикл очерков, которому он дал затем общее название «*Поездки к переселенцам*» (1888–1890). Первая часть очерков – «От Казани до Томска и обратно» – первоначально печаталась под традиционным названием «*Письма с дороги*».

По точному наблюдению Л.Я. Гинзбург, «образ человека строится в самой жизни, и житейская психология откладывается следами писем, дневников, исповедей и других «человеческих документов», в которых эстетическое начало присутствует с большей или меньшей степенью осознанного»¹. Нарративная позиция Успенского, сам тип повествования, движение единого словесного потока особенно ярко проявляются в этих письмах-очерках. Признанного мастера очерковой формы Г.И. Успенского отличало парадоксальное отношение к жанру. С одной стороны, его характеризует вроде бы абсолютный жанровый индифферентизм, а с другой – внутри своих очерков Успенский почти постоянно полемизирует с традиционными жанрами. Называя изначально цикл «Письма с дороги», он, прежде всего, лишает главных составляющих сам жанр письма. Отсутствуют обращение к конкретному адресату, датировка событий, следы обратной связи, обязательные в переписке. Сменяя же название цикла на «Поездку к переселенцем», он подчеркивает свое движение к жанру путевого очерка. Но это, скорее, жанр «путевых записок», «заметок», так как в тексте мы наблюдаем ряд непосредственных путевых впечатлений, включающих бытовые картинки, сопутствующие им экскурсии в историю, рассуждения по поводу увиденного и обобщения на основе этих рассуждений.

На своеобразную «обрывочность» писаний Успенского указывал еще при жизни писателя Н.К. Михайловский, соотнося это с характером темы его очерков. Сопоставляя художественную манеру Успенского с «традиционными формами беллетристики», критик особо отметил присущее его произведениям сочетание «содержательности» и краткости, граничащей с «аскетизмом». Как принципиальное нововведение рассматривал критик умение писателя строить свои очерки и рассказы без «длиннейших описаний природы или внешней

¹ Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. Л., 1977. С. 12.

обстановки», без «непомерного размазывания психологических тонкостей», без «множества вводных и для хода рассказа совершенно излишних лиц». В итоге Успенский для него – «художник-аскет, отвергнувший всякую роскошь, все, не ведущее прямо к намеченной цели»¹.

Думается, что дело не только в художественном аскетизме писателя, но и в принципиально ином временном отсчете его путешествия. 80-е гг. XIX в. изменили формы жизни, лишившейся гармонической целостности, и внесли изменения в структуру традиционного жанра. Особенно актуальной для этого времени становится проблема документальной литературы, ее соотношения с литературой вымысла, ее специфических тем, объектов исследования и изображения. В литературе конца века происходили поиски новых жанровых образований, которые явились бы преодолением прежней жанровой системы и были бы адекватны новой концепции действительности, народа и личности. По наблюдению Г.В. Старостиной, вместо большой повествовательной формы у Успенского («На пространстве трех-четырёх томов...»), – иронизирует он по этому поводу) путешествие вызывает к жизни лишь «путевые заметки», «структурным стержнем которых является *личность путешественника*, проникающего в факты открывающейся действительности, отбирающего их и выявляющего в них насущность российского бытия»².

Как видим, для творческой манеры Успенского свойственна определенная синкретичность. С одной стороны, его сюжет изначально проблемный, поездка к русским переселенцам задает семантику текста и названия. Интересуясь конкретными фактами и реальными событиями, писатель делает сознательную установку на документальность. С другой стороны, мы наблюдаем наращение привычных для жанра путешествия мотивов случайных встреч, дороги, воды, переправы. Наблюдаем, как «злоба дня» сменяется «мечтаниями» героя, что уже выводит к понятию дискурса, так как в литературе последней трети XIX в. определяющим становится личностное повествование, субъективно окрашенное рассказывание, устанавливающее обратную связь с реципиентом и не всегда претендующее на объектив-

¹ Михайловский Н.К. Г.И. Успенский // Михайловский Н.К. Сочинения. СПб., 1897. Т. 5. С. 82, 114.

² Старостина Г.В. О продуктивности изучения структуры межжанровых образований (на материале очерка Г.И. Успенского «Волей-неволей») // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9: Филология, 1999. № 1. С. 60 (курсив мой. – Е.М.).

ность. Принципиальным видится и то, что герой не только ведет повествование от имени автора, но сам этим автором, со своим именем, судьбой, биографией, и является.

Важно и то, что в своих письмах, а затем и очерках Успенский не только подробно прописывает свой маршрут, но и фиксирует внимание на средствах передвижения: «Не знаю только, ехать ли водой до Томска, или же до Омска водой, а оттуда сухим путем в Ургу. Скучно уж очень плыть на пароходах»¹. И дальше: «Ехать ли мне до Тюмени и в Бийск или же в Омск пароходом, а от Омска на лошадях, либо в Тюмень опять, либо к Уди»². Читателю сообщается, что путешественник использует все наличные транспортные средства: пароходом он добирается до Казани, до Перми и до Томска (по Оби), по Уральской горнозаводской дороге до Екатеринбурга и Тюмени, пешком до жилищ переселенцев. И это не только стремление писателя скрупулезно зафиксировать событие, что является яркой приметой его метода, но и попытка создать объемный, панорамный образ Сибири. Как видим, специфика путевого очерка Успенского заключается в том, что его герой путешествует по пространству не вымышленному, а реально существующему, «его интересуют факты, четко очерченные проблемой, идеология как бы “строит” сюжет»³.

Литература конца века характеризуется отказом от какой-либо игры с иллюзией реальности, от аффектации мотивов сочиненности. Показательно, что и формирование Успенского-художника происходит, прежде всего, через личностную ситуацию, связанную с поездкой в Сибирь. Но тем принципиальнее на общем фоне представляется его нарративная позиция, так как писатель пытается изучить проблему изнутри. Эстетика «живых цифр» тоже будет характерна для его метода: он кропотливо собирает на местах статистико-экономические данные и широко использует их в тексте. Однако Успенский делает это уже в целях художественного анализа действительности, открывая сквозь реальную призму глубинную сущность, подоснову факта. Манера повествования, восходящая к очерковым циклам Успенского, задаст целую традицию в русской лите-

¹ Успенский Г.И. ПСС. Т. XIV. С. 143.

² Там же. С. 145.

³ Шипилова Н.А. Очеркистика Гл. Успенского и Н. Лескова (к проблеме функционирования жанра) // Творчество писателей-орловцев в истории мировой литературы. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию К.Д. Муратовой. Орел, 2004. С. 162.

ратуре. Позже, например, Чехов, работая над книгой «Остров Сахалин», учтет этот опыт документально-автобиографической прозы, соединения личного переживания с фактом, выкладкой, цифрой. В итоге, с одной стороны, Сибирь предстанет для Успенского краем неизведанных возможностей, областью, где можно жить «по старине», то есть «самым живым, справедливым, божеским образом», о чем он напишет в своем очерке о А.П. Шапове. С другой стороны, побывав на самих местах переселений, писатель будет потрясен открывшейся перед ним картиной бедственного состояния переселенцев и чудовищных злоупотреблений местных властей и столичных чиновников. В его письмах, очерках, рассказах происходит постепенное наращивание своеобразного «сибирского дискурса», в котором создается все более объемный и глубокий образ Сибири.

Не случайно цикл очерков «Письма с дороги» откроется самостоятельным этюдом о «виноватой России», воплощением которой стала для писателя Сибирь, и об общей вине, которая не должна давать человеку покоя: «Но чем дальше шел пароход, тем менее оставалось у меня надежды на какое-либо самое малейшее успокоение. С каждым поворотом винта я приближался к таинственной стране, в которую задумал было поехать, к той виноватой России, которую называют “Сибирь”, – и, разумеется, мысль об этой “виноватой” России была вовсе не такая мысль, которая бы способна была радовать и веселить...»¹. Однако в своих положительных устремлениях писатель исходит из демократических идеалов, из глубокой веры в народ. Он продолжает всестороннее исследование явлений, в которых народная сила и разум найдут яркое воплощение. Преодолевая Сибирь душевно, топографически, физически, Успенский преодолевает и ту «тоску-печаль», которая так долго его сопровождала. Его письма редактору «Русских ведомостей» А.С. Посникову становятся все более энергичными, оптимистичными. Он понимает теперь важность и смысл задуманного, поэтому с радостью сообщает, что пришлет сразу много материала. И «много, ужасно много важного. Чего стоит *крестьянин, не знавший крепостного права*. Вот тут-то меня и продирает мороз по коже. Уж истребил, сукин сын, леса до того, что неурожаи стали хроническими. Жрет такой хлеб, что собака не тронет. Все это я должен знать подлинно – и зря не напишу»².

¹ Успенский Г.И. ПСС. Т. XI. С. 22.

² Там же. Т. XIV. С. 147.

3. ФОРМИРОВАНИЕ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОГО ДИСКУРСА В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ Н.М. ЯДРИНЦЕВА

Творческое наследие Ядринцева изучалось в разные историко-культурные эпохи. Большая серия статей, воспоминаний, биографических очерков появилась сразу после его трагической смерти¹. Попытка осмысления его творческого вклада в областническую идею и постановка вопроса о специфике мировоззрения сибирского публициста, писателя и историка делается уже в исследованиях начала века².

Следующий всплеск интереса к его творчеству намечается в 70–80-е гг. XX в., когда заново осмысляются идеи регионализма, провинциальной литературы, критики и печати. Творческому наследию лидеров сибирского областничества посвящается ряд авторитетных исследований, монографий, диссертаций, выходят два тома из серии «Литературное наследство Сибири», в которых печатаются статьи, письма, воспоминания, стихотворения Ядринцева³.

1990-е гг. отмечены новым качественным уровнем осмысления так называемого сибирского вопроса, пониманием места Сибири в общем российском пространстве в плане ее идентификации и самоидентификации, а вместе с этим актуализации спора-диалога провинции и центра, колонии и метрополии. Современные исследования по творчеству сибирских областников отмечены подходом к

¹ Глинский Б. Николай Михайлович Ядринцев: Биографический очерк, с предисловием В. Острогорского и приложением воспоминаний Г. Потанина. М., 1895; *Острогорский В.* Памяти Н.М. Ядринцева // Восточное обозрение. 1894. № 104, 105; *Потанин Г.Н.* Николай Михайлович Ядринцев: Некролог // Этнографическое обозрение. 1894. Кн. 23. № 4; *Пытин А.Н.* Н.М. Ядринцев // Вестник Европы. 1894. Кн. 7; *Швецов С.П.* Н.М. Ядринцев и инородческий вопрос // Сибирский вестник. 1894. 8 июня; и др.

² *Лемке М.Н.* Николай Михайлович Ядринцев: Биографический очерк. СПб., 1904; *Фарафонтнова Т.М.* Н.М. Ядринцев // Юбилейный сборник Западно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества. Омск, 1902. С. 1–22.

³ *Коржавин В.К.* Общественно-политические и исторические взгляды Н.М. Ядринцева: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1973; Литературная деятельность Н.М. Ядринцева // Очерки русской литературы Сибири. Т. 1: Дореволюционный период. Новосибирск, 1982. С. 424–432; Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1980. Т. 4–5; *Постнов Ю.* Литературные очерки. Новосибирск, 1985; *Сесюнина М.Г.* Г.Н. Потанин и Н.М. Ядринцев как идеологи сибирского областничества 2-й половины XIX в.: Дис. канд. ист. наук. Томск, 1967.

этим проблемам с точки зрения философии, историософии, геополитики, с активным привлечением нового архивного материала, последующей атрибуцией многочисленных статей и очерков Ядринцева¹.

Во всех этих работах выдвигаются принципиальные проблемы, находящиеся в центре внимания сибирского публициста: пенитенциарная, колониальная, инородческая. Проблема русских переселенцев закономерно присутствует в этом перечне, но как отдельная, принципиальная, она еще до конца не осмыслена². В ряде исследований даются статистические факты и выкладки по этому вопросу на основе многочисленных статей и очерков Ядринцева, но почему этот вопрос стал для него центральным в позднем творчестве, по сути, тоже еще до конца не объяснено.

Проблема русских переселенцев как закономерное продолжение колониального вопроса освещалась практически на всем протяжении публицистического творчества Ядринцева. Нас в основном интересуют его публикации 1880–1890-х гг. в разнообразных столичных и местных изданиях, когда проблема переселенцев достигла в русской литературе и культуре особой остроты и актуальности. Большой интерес и принципиально новый материал представляют черновые автографы писем, статей Ядринцева, их писарские копии, хранящиеся в фонде Отдела редких книг Научной библиотеки Томского университета. Материалы архива частично были

¹ *Емельянова Т.Н.* Областничество Н.М. Ядринцева как философия российской действительности. СПб., 2004; *Кандеева А.Г.* Слово о Ядринцеве. Омск, 2001; *Серебренников Н.В.* Проблемы и перспективы русской провинциальной литературы. Великий Новгород, 2000; *Он же.* Опыт формирования областнической литературы. Томск, 2004; Сибирское областничество: Библиографический справочник / ТГОУНБ им. А.С. Пушкина при поддержке Ин-та «Открытое общество» (Фонда Сорос); Ред. кол.: С.С. Быкова (гл. ред.) и др. Томск, 2001; *Чередниченко И.Г.* Н.М. Ядринцев – публицист, теоретик и организатор провинциальной печати. Иркутск, 1999; *Чмыхало Б.А.* Н.М. Ядринцев и вопросы «сибирской литературы» // Очерки литературной критики Сибири. Новосибирск, 1987. С. 18–29; *Шиловский М.В.* Сибирское областничество: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1990.

² См.: *Головачев Д.М.* Н.М. Ядринцев и переселенцы 1891 г. // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1980. Т. 5. С. 361–362; *Емельянова Т.Н.* Указ. соч.; *Шиловский М.В.* Эволюция взглядов Н.М. Ядринцева на оценку процесса колонизации Сибири в 60–70-е гг. XIX в. (К 160-летию со дня рождения) // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 2002. № 2. С. 3–6.

апробированы исследователями¹, многие же из них впервые вводятся нами в научный оборот².

Для осмысления заявленной темы необходимо, во-первых, рассмотреть проблему периодизации и эволюции взглядов Ядринцева, с точки зрения идей сибирского областничества. Во-вторых, важно показать сам процесс формирования переселенческого дискурса в творчестве сибирского публициста, закономерно развивающегося наряду с колониальным и пенитенциарным дискурсами. Принципиальным видится рассмотрение этих проблем в рамках теории диалога как постоянного общения в культуре и фронта как постоянно передвигающейся границы в национальном культурном пространстве.

Согласно концепции М.В. Шиловского, в эволюции мировоззрения Ядринцева можно выделить четыре периода³. Первый определяется 1860–1865 гг. – временем его пребывания в Петербурге, активным участием в сибирском землячестве и в формировании областнической доктрины. В 1865–1873 гг. Ядринцев находится в тюрьме и ссылке, но ведет активную переписку с Г.Н. Потаниным, публикуется в «Камско-Волжской газете». 1874–1881 гг. – период расцвета деятельности Ядринцева и завершения формирования его общественно-политических взглядов. 1882–1894 гг. в основном связаны с организацией и изданием в Петербурге и Иркутске газеты «Восточное обозрение».

На начальном этапе формирования мировоззрения Ядринцев испытал несомненное влияние народнических идей Герцена и Чернышевского, анархо-федералистских представлений М.А. Бакунина, земско-областной теории А.П. Щапова, исторических сочинений Н.И. Костомарова, вольнолюбивой поэзии Т.Г. Шевченко. Первое

¹ См.: См.: *Сесюнина М.Г.* Г.Н. Потанин и Н.М. Ядринцев как идеологи сибирского областничества 2-й половины XIX в.: Дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1967; *Кандеева А.Г.* Слово о Ядринцеве. Омск, 2001; *Серебренников Н.В.* Проблемы и перспективы русской провинциальной литературы. Великий Новгород, 2000; *Он же.* Опыт формирования областнической литературы. Томск, 2004.

² Архив Ядринцева поступил в 1920 г. в НБ ТГУ в составе архива Г.Н. Потанина, с 1998 г. он был выделен в самостоятельный фонд. В настоящее время опись архива составлена сотрудником ОРК НБ ТГУ Н.В. Васенькиным. Автор раздела выражает благодарность сотрудникам Отдела редких книг за помощь в работе.

³ *Шиловский М.В.* Эволюция взглядов Н.М. Ядринцева... С. 3–6.

изложение своих взглядов он дает в лекции «Общественная жизнь в Сибири», прочитанной 11 ноября 1864 г. в Омске. Этот период отмечен и рядом публикаций в газете «Томские губернские ведомости», где было напечатано пять статей Ядринцева. Главное их содержание связано с причинами и характером проникновения русских в Сибирь со времен Ермака.

Показательно, что значительное влияние на становление и эволюцию взглядов Ядринцева оказала история западноевропейских колоний, политические и экономические теории того времени. Через всю жизнь у него проходят увлечение Североамериканскими Штатами и уверенность в том, что Сибири уготовано столь же прекрасное будущее. Западные идеи и колониальный опыт в значительной мере стали для будущих областников толчком к осознанию колониального положения Сибири в составе Российской империи¹.

Тем не менее современный исследователь А.Д. Агеев подчеркивает, что, в отличие от американского запада, Сибирь на протяжении четырех веков была не столько передовой линией постоянно расширяющегося государства, сколько его глубоким тылом, вместительным материальных и в какой-то мере людских ресурсов, обеспечивающих жизнеспособность и выживание России «доуральской». Как утверждает ученый, «до начала развития капитализма в России Сибирь по способу эксплуатации была не переселенческой колонией, а колонией-владением. Царизм стремился эксплуатировать Сибирь монополично, предельно ограничивая доступ туда иностранного капитала и товаров. Именно слабая вовлеченность Сибири во всероссийское и тем более в международное разделение труда имела своим следствием экономическую неразвитость огромных пространств на востоке страны»². Таким образом, в отличие от американского Юга в Сибири отсутствовала социально-экономическая основа для сепаратистских тенденций. Более того, Сибирь всегда нуждалась в связях с метрополией в силу колониального характера своей экономики, вследствие чего ее самостоятельное государственное существование

¹ См. письмо Г.Н. Потанина А.Д. Шайтанову, в котором он развернул целую программу идейного воспитания областника: *Потанин Г.Н.* Письма: В 5 т. Иркутск, 1987–1992. Т. 1. С. 65–66.

² *Агеев А.Д.* Сибирь и американский Запад: движение фронтиров. М., 2005. С. 18.

и морфологически, и функционально было невозможно, поэтому богатые возможности в крае не привели к его процветанию.

Основную причину этого Ядринцев видит в том, что правительство превратило Сибирь в регион тюрьмы и ссылки. Сама ссылка уже во многом являла феномен переселенчества, но изначально вынужденного. Тем принципиальнее для него стало явление русского переселенчества второй половины XIX в., так как оно обусловило формирование нового этноса, сочетающего свойства азиатских племен со свойствами европейско-русской расы. Свою мысль он выразил в статье «Этнологические особенности сибирского населения», сопоставляя местные процессы с процессами американскими¹. Так сибирский публицист и историк становится одним из наиболее заметных русских защитников и теоретиков децентрализации. Потанин же видел залог будущего развития Сибири в общинном, артельном начале, поэтому ему важно было указать на ту разницу, которая существовала между сибирской и американской колонизацией.

В центре внимания Ядринцева оказываются те социальные слои русского общества, которые так или иначе связаны с ситуацией перемещения, освоения новых земель: ссыльные, каторжники, переселенцы, раскольники, промышленники, торговцы. К середине 1860-х гг. он фиксирует завершение этапа промыслового освоения региона и перехода от сельскохозяйственного его развития к созданию «заводской промышленности». Оптимальный вариант дальнейшего развития Сибири Ядринцев связывал с реанимацией общественных традиций, не искаженных крепостным правом, вследствие чего Сибирь могла бы предстать как новейшая колония с усвоением лучших передовых результатов науки XIX в. Поиски теоретического обоснования областнической идеи, выявление специфики Сибири как края, выраженное в многочисленных письмах и статьях Ядринцева, вылились в капитальный труд «Русская община в тюрьме и ссылке» (СПб., 1872), который стал своеобразным подведением итогов первого этапа развития областнической доктрины и решения одного из принципиальных ее вопросов – пенитенциарного.

Следующий этап в жизни и деятельности Ядринцева связан с тюрьмой и ссылкой (1865–1873 гг.). После вынесения окончательно

¹ Томские губернские ведомости. 1865. 23 апр. 7–14 мая.

го приговора по «делу сепаратистов» он оказался в Шенкурске Архангельской губернии. В эти годы у него завязывается активная переписка с Потаниным, который находится на каторжных работах в Финляндии, затем высылается в Тотьму и далее в Никольск Вологодской губернии. Несмотря на недостаток средств, будущим лидерам областничества удается в ссылке получать многие периодические издания, выписывать труды западноевропейских писателей по вопросам истории, этнографии, географии, знакомиться с сочинениями Прудона, Лассаля, Сен-Симона, Руссо, читать «Капитал» Маркса.

Они принимают активное участие в деятельности «Камско-Волжской газеты», основанной в 1872 г. в Казани Н.Я. Агафоновым и К.В. Лаврским. Газета, которая с первого же номера заговорила о ситуации в провинциальной прессе, стала, по сути, и первым органом областничества, создавая прецедент местного издания. Активность и Ядринцева, и Потанина в написании статей в духе «сибиризма» была так велика, что некоторые ее номера называли «совершенно сибирскими». Потанин впоследствии вспоминал: «Мы оба писали в нее с таким жаром, как будто это была та самая газета, которую мы мечтали когда-нибудь основать в одном из сибирских уместных центров»¹.

В этот период происходит окончательное складывание областной доктрины. Эволюционным этапом в мировоззренческой системе ее лидеров, в освоении и усвоении мира станет отделение «своего» пространства от «чужого», «иног», что неизбежно вывело к понятию границы и ее пересечения, поиску идеального локуса для воплощения своих идей, осознания истории Сибири в плане идентификации и самоидентификации.

К середине 1870-х гг. завершается и формирование общественно-политических взглядов Ядринцева. По его убеждению, Сибири была уготована своего рода посредническая миссия, так как в силу географического положения она находилась на стыке двух миров – восточного и западного, выполняя исторически и геополитически роль некоего культурного синтеза, объединяющего эти два начала².

¹ Потанин Г.Н. Воспоминания // Сибирская жизнь. 1914. 26 сент.

² См. об этом: Емельянова Т.Н. Областничество Н.М. Ядринцева как философия российской действительности. СПб., 2004.

При таком ракурсе видения этот край уже представлял собой особый социокультурный мир.

Во второй половине 1870-х гг. в многочисленных печатных органах появляются статьи Ядринцева по самым разнообразным проблемам Сибири. После ссылки (1876–1881 гг.) он поступил на службу в Главное управление Западной Сибири, активно работал в комиссии по поземельному устройству крестьян, служил в Акмолинском областном тюремном управлении, в комитете для обсуждения мер к возведению в степи русских поселений и для определения количества земли, нужной казахам для оседлости. За это время в центральной периодике появилось около 50 публикаций Ядринцева по самым актуальным вопросам местной жизни.

Летом 1878 г. он совершает свою первую экспедицию в Горный Алтай, подробный отчет о которой (под названием «Поездка по Западной Сибири и в Горный Алтайский округ с Программой для собирания сведения о переселенцах») печатает во второй книжке «Записок Западно-Сибирского отдела Русского Географического общества». Цель поездки заключалась в исследовании местности в географическом, этнографическом и экономическом отношениях, но главным образом, в том, чтобы проследить современное Ядринцеву колонизационное движение из России на юг Томской губернии.

Тотчас же после возвращения он пишет Потанину письмо, полное дорожных впечатлений и живых картин: «Знаменитая деревня Качки запружена новоселами и зарылась в пуху соломы. Строятся новые мельницы, маслобойни, церковь. Пестрые наряды новоселов разнообразят улицы. Скрипят телеги с пологами колонистов. Идет жаркая полемика между старожилами и новоселами. Но новоселы уже завладели селениями и вносят массу новой культуры. Мы остановились у старого сибиряка <...>. Он протестует против нашествия новоселов; он стар, угрюм и озлоблен, но новая жизнь совершает свое дело и давит его»¹.

Теперь коренным образом меняются взгляды публициста на колонизацию Сибири в пользу аграрной составляющей этой проблемы.

¹ Цит. по: *Фарафонтова Т.М.* Н.М. Ядринцев // Юбилейный сборник Западно-сибирского отдела Императорского Русского Географического общества. Омск, 1902. С. 8.

Как уточняет М.В. Шиловский, история Сибири делится Ядринцевым на следующие этапы: завоевание, заселение, освоение и эксплуатация природных ресурсов, культурно-земледельческое развитие, складывание зачатков гражданского общества¹. В результате смешения переселенцев с аборигенами на востоке России, считает Ядринцев, происходит формирование нового этнографического типа населения, названного им «русско-сибирским». Сама Сибирь, по его убеждению, была той средой, которая принимала разных богов и терпела любые культуры, не уничтожая духовной общности, поэтому здесь должны примириться все племена.

Сибирь всегда манила русского человека романтической свободой, богатствами и одновременно пугала своей неизведанностью, особенно каторгой и ссылкой. Не случайно пенитенциарный вопрос все время «сопровождает» в публицистических текстах Ядринцева вопрос переселенческий. Сибирь, в представлении публициста, всегда была громадным вместилищем антисоциального элемента, что не могло не сказаться на всех сторонах сибирской жизни. Несомненно, что ссылка, каторга и тюрьмы препятствовали становлению общественных отношений на основе собственности, так как сама грань между собственностью и присвоением была размыта. По убеждению современного исследователя, главной фигурой колонизационного процесса должно было стать российское крестьянство, вытесняемое в Сибирь малоземельем или «утеснением на местах»². Ядринцев постоянно указывал на важность культурного значения переселенцев в применении различных новых способов и приемов хозяйства, разведения лучших пород лошадей и овец, развитии различных промыслов в городах и селах.

По прошествии многих десятилетий А.Д. Агеев, проводя параллель между историей Сибири и Америки, также выделяет как основную проблему взаимоотношения пришельцев с аборигенами, подчеркивая, что если американцами новые земли *завоевывались*, то русскими – больше *осваивались* (курсив мой. – Е.М.). Не случайно, когда в США возник цивилизованный конфликт, то его исход был

¹ Шиловский М.В. Указ. соч. С. 5.

² См. об этом: Ядринцев Н.М. Русская народность на Востоке // Дело. 1874. № 11; 1875. № 4; Он же. Колонизационное значение русской ссылки // Дело. 1870. № 12.

предрешен: произошла ликвидация первобытного уклада. В Сибири же, даже на ее юге, Россия сохранила местные народы. Интенсивная динамика заселения Америки «имела результатом почти полное подавление одной культуры другой». В Сибири, напротив, процесс взаимодействия был длительным, менее интенсивным и «имел следствием значительно больший уровень взаимопроникновения культур». В итоге «взаимная ассимиляция являлась главной чертой продолжавшегося антропогенеза теперь уже “русско-сибирской”, или евразийской цивилизации»¹. И тот факт, что коренные народы Сибири сохранили свою этническую жизнеспособность, видится исследователю самым позитивным в истории ее освоения.

Размышления Ядринцева, его различные статистические выкладки приводят и к другой, не менее острой социальной проблеме: «Беспомощное и жалкое положение русского переселенца-новосела, совершающего историческое призвание заселения русской земли, заставляет задуматься. Создается же в других странах помощь переселениям, устраивается обеспечение их во время пути; для этого за границей существуют целые учреждения и колонизационные общества, открывается государственный кредит. Там на переселенца смотрят как на государственную силу, как на драгоценное приобретение и культурное средство. Почему же русский переселенец не имеет никакой помощи и поддержки для облегчения своего подвига? Мы предоставляем обсудить эти факты русскому обществу и русскому земству», – пишет Ядринцев в статье «Судьба русских переселенцев за Урал»². В статье «Сибирская Швейцария» он дает яркие зарисовки самобытной природы Алтая, на фоне которой особенно контрастно предстает страшная участь людей, прибывших сюда из Европейской России³. Размышляет он об этом и в ряде других публикаций: «Привольные места в Сибири», «Результаты переселения в Сибирь и помощь им», «Обетованные земли» и др.⁴.

И все-таки, несмотря на явные издержки в переселенческом вопросе, Ядринцев продолжает активно ратовать за стимуляцию пере-

¹ Агеев А.Д. Указ. соч. С. 230.

² Ядринцев Н.М. Судьба русских переселенцев за Урал // Отечественные записки. 1879. № 6. С. 160.

³ Русское богатство. 1880. № 8. С. 47–88.

⁴ Отечественные записки. 1880. № 4; Сибирь. 1881. № 14; Неделя. 1881. № 33.

селенческого движения и формирования правового поля как важнейших элементов государственной политики. Но возможно это, считает сибирский публицист, лишь при решении ряда принципиальных вопросов. Прежде всего, настойчиво повторяет он, надо устранить препятствия для свободного переселения крестьян в Сибирь, организовать помощь и ввести систему льгот для переселяющихся добровольно. Необходимо образовать земельный фонд для переселенцев, предоставить им налоговые льготы и освободить их от платежей до полной адаптации в местах приписки. Ядринцеву представляется важным ускорить на местах причисление переселенцев к сельским обществам, создать благотворительный переселенческий или колонизационный фонд для организации помощи на обустройство¹. Не случайно на данном этапе он выказывает и особое отношение к строительству железной дороги в Сибирь, проводя аналогию с США и называя Сибирь «черным негром» для метрополии. В этом вопросе очевидно влияние на Ядринцева Потанина, который настойчиво распространял среди областников мысль о том, что железная дорога не может не принести Сибири разорения. Он опасался, что железная дорога разрушит старожильческий быт сибирской деревни, подорвет хозяйство, усилит влияние центра, приведет к увеличению «штрафной колонизации», и тогда ни о каком «сепаратизме» мечтать не придется.

Известно, что вопрос о строительстве Великого Сибирского пути обсуждался еще с начала 70-х гг. XIX в. Основная цель, побудившая русское правительство к осуществлению этого грандиозного проекта, состояла в том, чтобы укрепить военно-стратегические позиции России на Дальнем Востоке, что помогло бы проводить экономическую экспансию, которую уже осуществляли в Китае и других странах Восточной Азии главные империалистические державы. Наряду с этим преследовалась задача заселения Сибири и Дальнего Востока и экономического развития регионов. Но самым важным, как выделил В.О. Ключевский, из побочных предприятий сибирской дороги оказалось устройство переселенческого дела для заселения полосы,

¹ См. об этом: *Ядринцев Н.М.* Положение переселенцев в Сибири // *Вестник Европы.* 1881. № 8. С. 613–619. Черновой автограф этой статьи без начала и конца находится в архиве Ядринцева // ОРК НБ ТГУ. Ф. 3. Д. 37.

просекаемой магистралью, особенно заселение пустынных пространств Восточной Сибири. Согласно приводимым историком цифрам, число переселенцев с началом эксплуатации железной дороги увеличилось существенно: «Ежегодно число переселенцев, до 1880-х годов не превышавшее 2 тысяч, в 1896 г. достигло 200 тысяч»¹. Таким образом, по логике Ключевского получается, что не государство покорило и присоединило Сибирь, а, напротив, русская колонизация расширила «московскую территорию», так как освоение Сибири было продолжением процесса «собирания» земель.

Итогом этого периода для Ядринцева станет публикация крупного этнографического исследования с разнообразными статистическими выкладками «Сибирские инородцы, их быт и современное положение» (СПб., 1881).

С 1881 г. Ядринцев выходит в отставку и переезжает в Петербург. Начинается новый и, пожалуй, самый яркий период его деятельности, который исследователи областничества называют «ядринцевским», так как Потанин к этому времени все меньше выступает в печати по общественно-политическим вопросам, отдавая предпочтение научной и экспедиционной работе. Ядринцев же, покинув со службой в Западной Сибири, занялся обработкой собранных им материалов. К трехсотлетию Сибири, в качестве юбилейного, появился еще один его капитальный труд «Сибирь как колония» (СПб., 1882), ставший своеобразной энциклопедией по сибиреведению.

В это же время Ядринцев становится сотрудником и главным редактором газеты «Восточное обозрение», которая с 1886 г. существовала в качестве приложения к «Сибирскому сборнику», а с 1 января 1888 г. начала выходить в Иркутске. Уже в самом названии – «Восточное обозрение» – была задана масштабность географических границ обозреваемого региона: Сибирь, страны Северо-Восточной Азии – Монголия, Китай, Корея, Япония. На страницах газеты сибирский публицист выступал как автор передовых статей, очерков, фельетонов, литературно-критических и мемуарных статей, стихотворений. В этом издании было напечатано и самое большое количество его публикаций по «переселенческому вопросу».

¹ Ключевский В.О. Краткое пособие по русской истории. М., 1992. С. 150.

Ядринцева интересуют социокультурные мотивы переселения, крайне важные для понимания адаптации переселенцев к новым условиям и выяснения особенностей коллективного сознания в ситуации фронта.

«Восточное обозрение» постоянно публиковало контекстные к статьям Ядринцева заметки по переселенческому делу, корреспонденции, рассказывающие конкретно о положении переселенцев, об устройстве того или иного их потока, о затруднениях и бедствиях, претерпеваемых в пути. Большое место отводилось этому вопросу и в отделе хроники. Число статей и помещаемых корреспонденций увеличивалось из года в год¹. Их цель состояла в том, чтобы убедить общественность Сибири в пользе колонизации, вызвать ее поддержку в устройстве переселенцев, а также доказать необходимость поощрения переселения.

Б.Н. Миронов в своем фундаментальном исследовании социальной истории России выделяет отчетливую миграционную парадигму, которая существовала в сознании русского крестьянства XVIII–XIX вв. и которая делала крестьянина психологически подготовленным для переселения. Действительно, начиная со времен раскола, «русский человек идеализировал акт миграции, рассматривая его как уход от несправедливой “новизны” и перенесение на новое место справедливой “старинны”»². В то же время парадигма миграции утверждалась самим фактом постоянной колонизации, а мечта о далекой прекрасной стране чаще всего разрушалась суровой реальностью.

Статью «Странник на золотом озере (Из путешествия по Алтаю)» Ядринцев пишет по следам своей второй экспедиции в Горный Алтай, которую он предпринял для исследования главным образом инородческого населения³. Здесь он делится с читателями впе-

¹ Если в 1882 г. количество статей по переселенцам в «Восточном обозрении» отражало еще эпизодический характер обращения к этой проблеме, то с 1883 г. они заняли место передовиц. В 1889 г. передовые статьи уже соответствовали количеству сообщений в хронике и рубрике «Корреспонденции» и появлялись, практически, в каждом номере. См. об этом: *Сесюнина М.Г.* Г.Н. Потанин и Н.М. Ядринцев как идеологи сибирского областничества 2-й половины XIX в.: Дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1967.

² *Миронов Б.Н.* Социальная история России. Т. 1. СПб., 2000. С. 28.

³ См.: Отчет Н.М. Ядринцева о поездке по поручению Западно-Сибирского отдела Русского Географического общества в Горный Алтай, к Телецкому озеру и в

чатлениями о Телецком озере, называя его «заколдованным», так как оно напомнило ему вариант далекого Беловодья. Северное предание о нем повествует, что лежит эта загадочная земля где-то на китайской границе, в непроходимых дебрях, и живут там русские люди привольно, без властей, без податей, со многими угодьями, и нет там неизбывного крестьянского горя.

В самом начале статьи возникает печальная картина встречи автора с переселенцем. Его портрет-описание фиксирует характерные черты пришельца, волей судьбы оказавшегося на чужбине: «Несколько нескладная и как бы растерянная фигура, лицо простодушное, почти глуповатое, взгляд открытый, но упрямый, признак настойчивости характера, нескладная, тугая, с трудом выживаемая речь, русая голова, крестьянские согнутые рабочие руки, следы долгого пути на ногах, в лице спокойствие, покорность и в то же время какое-то изумленное выражение и еще неостывшее недоумение перед случившимся»¹. В связи с этим публицист осмысляет очень острую и болезненную проблему возвращенчества русских европейцев из Сибири, что являлось следствием дезадаптации к среде (А.Д. Агеев), невозможности переселенцев освоиться на новых местах. Ведь возвращенчество нередко проявлялось как нежелание навсегда остаться в Сибири, поскольку само пребывание в этом крае чаще всего было вынужденным, ощущалось как насилие против человеческого «я».

Дискурс о переселенчестве, формирующийся в последней трети XIX в., приобретал все большую широту и самостоятельность. Данная проблема начала ассимилироваться с вечными национальными концептами странничества, бродяжничества, пути. Она оказалась важной для жанра этнографического очерка, одним из излюбленных персонажей которого стал бродяга, беглый каторжник, переселенец-скиталец. Эти явления толкали науку и литературу к идеали-

вершины Катунь // Записки Зап.-Сиб. отд. Русского Географического общ. 1882. Кн. IV. С. 123–124.

¹ Восточное обозрение. 1882. 1 апр. С. 12. Не только на Алтае, но и в Тюмени Ядринцев наблюдал крестьян-переселенцев, больных, голодных, нищих, возвращавшихся назад и так и не нашедших «земли обетованной». См. его статьи: «Переселенческое горе» // Восточное обозрение. 1888. 26 июня; «На пароходе (Дорожный набросок с натуры)» // Там же. 1891. 31 марта. С. 9–10.

зации номадизма¹, выразившейся в сочувственном исследовании Ядринцевым кочевых этносов. Несомненная связь прослеживается в этом плане и с теорией А.Н. Веселовского о «бродячих мотивах», и с бахтинской идеей «внеаходимости автора». По утверждению И.П. Смирнова, такого рода явления «всегда учитывались и обсуждались, пусть с несходными оценками, большими писателями русской литературы»². В итоге очевидным для этого периода становится явное нарастание взаимотяготения культурных импульсов столицы и Сибири в подходе к общим проблемам, в том числе к вопросу о переселенцах.

Очень показательным в этом плане стал заочный диалог Ядринцева и Г.И. Успенского. Напомним, что Успенский, по сравнению с другими писателями, его современниками, пережившими сибирскую ссылку, принимает добровольное решение о поездке. Основным поводом послужило желание видеть переселенцев на новом месте и в новых условиях, как чуть позже у Чехова – интерес к каторге и ссылке. Но сама подготовка к путешествию шла достаточно долго и мучительно, о чем свидетельствуют письма писателя. Впервые тема Сибири прозвучала в них еще летом 1884 г., когда задуманная поездка сорвалась, и Успенский, не доехав до Екатеринбурга, возвратился домой. Но, будучи еще в пути, он в письме к жене выражает желание, чтобы «поездка не была бесплодной»³.

В статье «Скучающая публика и бедствующие переселенцы» Ядринцев подчеркивает, что теперь этому вопросу уделяет внимание «один из даровитых русских публицистов» – писатель Г.И. Успенский. Статья была написана еще задолго до поездки писателя в Сибирь, в 1885 г., и Ядринцев поместил ее в виде переложения статьи Успенского «Несбыточные мечтания», напечатанной в «Русских ведомостях». Сибирский публицист с большим сочувствием отнесся к основному пафосу статьи, в которой обличалось равнодушие «скучающей публики» к общему делу, каким являлся переселенческий вопрос. «Анализируя причины переселения, – пишет он, – Г. Успен-

¹ Здесь имеется в виду идеализация кочевничества как основного принципа складывания народностей в концепции Ядринцева. См. об этом: *Смирнов И.П.* Странничество и скитальчество в русской культуре // *Звезда*. 2005. № 5. С. 208.

² Там же.

³ *Успенский Г.И.* Полн. собр. соч.: В 14 т. М., 1954. Т. XIII. С. 367.

ский видит их в том, что крестьянству на старом пепелище оставаться невозможно, что ему сделалось невтерпёж; он видит причины этого явления в малоземелье, в расстройстве хозяйства и вообще прежнего бытового склада, в том «адском душевном состоянии», как выражается он, на которое обречен крестьянин, обречен жить при расстроженных поземельных отношениях...»¹.

В статье второй Ядринцев замечает и некоторые недостатки концепции Успенского, подчеркивая, что «обращение к людям с капиталами, как и последующее обращение к крупным землевладельцам со стороны нашего народного писателя, нам кажется большой наивностью. Какой же расчет покровительствовать переселенцу, когда здесь прямая выгода удержать его, причем получится только повышение в цене земель и понижение рабочей платы». Сам исследователь не строит на этот счет никаких иллюзий, верно учитывая исторический опыт.

Заканчивает же он статью собственным резюме: «Мы позволим себе заметить, что на окраине нашей начало помощи переселенцам уже положено. Сибирь гораздо более чутко отозвалась на это дело <...>. Трудно ожидать многого также от «скушающей интеллигентной публики» столиц: она долго еще будет философствовать, но есть люди в русских областях, в земстве, которые могли бы поднять этот вопрос и начать создание фонда для переселенцев»².

В другой статье, «Письма странствующего корреспондента», Ядринцев показывает возможности решения этой проблемы. Рассказывая об осмотре переселенческих бараков в Тюмени, о заведении особого больничного барака, бани, он приходит к принципиальному выводу: «Важно то, что вы теперь уже не стоите с безысходным горьким чувством у моря крестьянских страданий, вот есть исход вашей жалости, вы можете не одним словом, а делом помочь народу, к которому обращено столько громких слов»³.

Как уточняется в комментариях «Литературного наследия Сибири», Успенский, видимо, знал Ядринцева по его произведениям конца 1860-х – начала 1870-х гг., когда они стали появляться в сто-

¹ Восточное обозрение. 1885. 2 мая. С. 10–11.

² Там же. 16 мая. С. 8, 18.

³ Там же. 1886. 20 марта. С. 7.

личных журналах, в том числе и в «Отечественных записках», где нередко печатался и сам писатель. В письме к А.В. Каменскому от 8 июня 1875 г. он рекомендует привлечь в журнал «Библиотека дешевая и общедоступная» Ядринцева и Шашкова¹. Трудно сказать, когда состоялось их личное знакомство, но в объявлении, данном в «Восточном обозрении» за 1887 г., сказано, что на литературно-музыкальном вечере в пользу общества содействия учащимся сибирякам в Петербурге выступит Г.И. Успенский.

Готовясь в 1888 г. к поездке в Сибирь, писатель, естественно, с особым вниманием читал «Восточное обозрение». Предпринявший путешествие в Сибирь по собственной воле, он воспримет ее поначалу как крест, как движение в сторону ада, которое должен пройти каждый человек. Но при этом у него произойдет и принципиальное столкновение-конфликт «книжного» представления о Сибири и собственного «открытия» места. Сибирская формула писателя – «виноватая Россия», поразительная по своей экзистенциальной глубине и реально-исторической сущности – выразится не только в главном творческом итоге путешествия – цикле «Поездка к переселенцам», но буквально «пронзит» все его дорожные записи, дневники, письма с дороги. Сибирь для него, так же как для Короленко и Чехова, станет выражением непрекращающейся русской драмы.

В статье 1888 г. «Г.И. Успенский о переселенцах. Литературная хроника» за подписью «Н» без труда узнается стиль Ядринцева, который пишет об этой поездке с большой долей восхищения и уважения: «В “Русских Ведомостях” помещено уже несколько писем с дороги в Сибирь нашего наиболее любимого писателя-народника, Глеба Ивановича Успенского. Письма эти касаются интересов нашей родины, – и потому, насколько это возможно по объему газеты, мы постараемся познакомить нашего читателя хотя вкратце с их содержанием <...>. Во всяком случае, письма Г.И. Успенского заставят хоть немного подумать в Европейской России об обеспечении людей с места выселения. Одно сибирское общество весьма мало может помочь им»².

¹ Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1980. Т. 5. С. 291-294.

² Восточное обозрение. 1888. 18 сент. С. 10–11.

В следующей статье «По поводу писем о Сибири Г.И. Успенского (Письмо из Томска)», за подписью «Читатель», Ядринцев даст жесткий ответ «Сибирскому вестнику», его обвинению «Сибирской газеты». Суть претензий состояла в том, что редакция газеты, якобы, передала писателю неправильные факты по переселенцам¹. В последней бесподписной статье из этого цикла, «Мнение Успенского о ссылке», публицист делает общий вывод: «Мнение такого писателя, как Г.И. Успенский, заслуживает внимания уже потому, что он может служить лучшим свидетелем того положения, которое испытывает сибирское население и которое, увы, совершенно непонятно в России, где язва ссылки не чувствуется. Это мнение человека непристрастного должно показать представителям столичной печати, насколько взгляды их в защите ссылки как наказания были ошибочны»².

Интересна попытка продолжения диалога по переселенческой проблеме в письме Ядринцева Успенскому от 13 февраля 1889 г.: «Глубокоуважаемый Глеб Иванович! Рекомендую Вам нашего сибиряка А.В. Янчуковского, он хороший наш друг и прекрасный человек, знаком с Потаниным, со мной, со Станюковичем. Служит он на Амуре и может вам сообщить многое любопытное о переселенцах на Амуре <...>. Я собирался дать ответ Сибиряку на Ваши письма о Сибири в “Русских ведомостях”. Конечно, письма были бы не polemические, но чисто дружественные. Я бы объяснил кое-что, что остается неясным в сибирской жизни. Видите ли “Восточное обозрение”? Сообщите адрес, и я Вам вышлю ее. Преданный Вам и глубоко уважающий Н. Ядринцев». И далее следует важная приписка: «“Сибирскую газету” закрыли, ждем и мы своей очереди, и тогда воцарится сибирский мрак»³.

Как видим, общая проблематика вела к выработке стратегий межкультурного диалога, к нарастанию взаимодействия культурных импульсов столицы и Сибири в вопросе о переселенцах и его отражении в литературе и публицистике. Итоговой в этом плане стала статья Ядринцева «Десятилетие переселенческого дела», сначала напечатанная в журнальном варианте, а затем помещенная в научно-

¹ Восточное обозрение. 1888. 13 нояб. С. 11–12.

² Там же. 25 дек. С. 3–4.

³ Литературное наследство Сибири. Т. 5. С. 293.

литературный сборник в пользу общества для вспомоществования нуждающимся переселенцам «Путь-дорога»¹.

Многочисленные статьи Ядринцева интересны и с точки зрения эстетической организации текстов, так как они представлены в самых разнообразных жанровых доминантах: «заметка», «статья», «замечания на статью», «статья с продолжением» и пр. Тем не менее сам уровень авторской номинации отличает явное тяготение публициста к жанру очерка, с его свободной композицией, организуемой «рассказчиком» или «идейным заданием». Если учесть, что очерковая природа текста коренится в конкретности, «адресности» факта, преобладании элементов публицистики, то в этом видится и специфика нарративной позиции автора². В статьях Ядринцева практически представлен весь спектр очерковых жанров: этнографический, статистический, топографический, биографический. Но наиболее частотным и многофункциональным в его творческой системе становится очерк-исследование. Более чем распространенный в эпоху конца века жанр путевого очерка у исследователя обрастает географическими, топографическими, демографическими и статистическими описаниями, так как он стремится создать комплексную картину края, дать объективную оценку происходящему. При этом аналитический аспект неизбежно преобладает над эстетическим, наглядно-образным. Нередко для создания иллюзии совместного путешествия автора и читателя очерки публиковались с продолжением. В частности, в серии статей об Успенском можно выявить различного рода жанровые диффузии, где представлена и «заметка», и «статья», и «замечания на статью», и «статья с продолжением».

Таким образом, многоаспектная и требующая различного рода статистических, аналитических подходов проблема русских переселенцев рождает у Ядринцева множественность нарративных стратегий. Его многообразные творческие псевдонимы: «Благожелатель», «Восточный поэт», «Добродушный Сибиряк», «Овидий с Томи», «Семилуженский», «Сибирский патриот», «Старый странник», «Странствующий корреспондент», «Фельетонист», «Чалдон» и дру-

¹ См.: Вестник Европы. 1891. № 8; Путь-дорога. СПб., 1893.

² См.: Казарина Г.А. Жанр очерка на страницах «Томских губернских ведомостей» // Сибирский филологический журнал. Барнаул; Иркутск; Кемерово; Новосибирск; Томск, 2009. № 1. С. 70–74.

гие – задают показательную диалогическую позицию по отношению к читателю-реципиенту. Открытость авторского «я», приобщающего читателя к миру наблюдений, чувств, размышлений повествователя, становится характерной составляющей очеркистики сибирского публициста, экономиста, историка и писателя.

Как видим, сама Сибирь обладала определенной сюжетообразующей функцией. Она породила определенный тип сюжета, героя, жанра, разнообразие нарративных стратегий. Два культурно-литературных потока, русско-европейский и сибирский, особенно репрезентативно развивались именно в ситуации последней трети XIX в. Очевидное движение от художественного письма к публицистическому в творчестве позднего Лескова, Короленко, Успенского, Чехова происходило во многом за счет принципиального открытия и осмысления пространства Сибири. В сибирской же литературе, напротив, намечается художественное осмысление проблем, отработанных в публицистическом, историческом, статистическом аспектах.

О прямой взаимосвязи этих культурных потоков говорить сложно, но несомненно, что подлинные открытия в сибирской литературе происходили в большом пространстве русской культуры. Разнообразные архивные источники, многочисленные статьи областников в центральной и региональной прессе, их дневники, письма, вкупе с исследованием русско-европейских литературных процессов, дают возможность показать, как многие геополитические и геоэкономические обстоятельства второй половины XIX в. помогли становлению культурного регионализма в Сибири и формированию очередного локального мифа российской цивилизации.

Этому способствовал ряд благоприятных факторов, особенно ярко проявившихся в последние десятилетия XIX в.: явный поворот культуры в сторону собирания и обработки фольклора различных народов Российской империи, мощное развитие русской этнографии, следовавшей во многом западным, позитивистским образцам. Огромное значение в это время имели многочисленные экспедиции, предпринятые Русским географическим обществом на далекие российские окраины, целью которых было не только открытие новых территорий, но и стремление запечатлеть обычаи, уклад, традиции и нравы практически не известных этносов. Все это сопровождалось

дальнейшим постижением «русской идеи», поисками национально-православной идентичности.

После смерти жены и тяжелого периода депрессии Ядринцев начинает активную культуртрегерскую работу, о чем свидетельствуют его письма и статьи последнего периода. В 1889 г., при поддержке Потанина, он совершил поездку в Монголию и обнаружил там остатки древнего города Каракорума. В декабре 1889 г. возвращается в Петербург, куда с 1890 г. переезжает и Потанин. Этот же год отмечен поездкой Ядринцева в Париж, где он сделал доклад о своем научном открытии. В 1891 г. он совершил экспедицию, а в следующем возглавил санитарный отряд для больных переселенцев в Тобольскую губернию.

Особо значимой стала для Ядринцева поездка в Америку и посещение выставки в Чикаго, открытой по случаю 400-летия Нового Света. Как мы уже подчеркнули, для областников Америка была идеалом цивилизации и исторического развития. Более того, открытие Америки и присоединение Сибири к России они считали событиями равнозначными и называли эти страны «континентами будущего».

Но какой горечью и сожалением пронизаны письма Ядринцева из Америки! В письме к А.Н. Пыпину он вопрошает: «Может быть когда-нибудь, в отдаленном будущем, в Сибири создастся хотя бы слабое подобие американской цивилизации. Мы верим в будущее. В прогресс, доступный всем народам. Хочется видеть нечто светлое впереди и с этой надеждой умереть»¹. В известном письме Потанину, опубликованном Т. Фарафоновой в «Восточном обозрении», проявляется весь спектр эмоционального состояния Ядринцева, в котором сочетаются восхищение человеческой цивилизацией и боль за свою страну: «Америка меня поразила; это – Сибирь через 1000 лет, точно я вижу будущее человечества и родины... Пишу Вам 4-го июля – праздник независимости. Представьте мои чувства... Сердце замирает, и боль, и тоска – за нашу родину. Боже мой! Будет ли она такою цветущей?»²

Последняя поездка вновь заставила Ядринцева размышлять над вопросом, занимавшим его давно: о месте Азии, а, следовательно, и

¹ РНБ. Архив А.Н. Пыпина. Ф. 621. Ед. хр. 1027. Л. 10–12.

² Восточное обозрение. 1903. 14 авг.

Сибири в судьбах человечества. Самобытная беллетристика, публицистика, разнообразные этнографические исследования этих лет ведут исследователя к созданию таких принципиальных трудов, как «Сибирские инородцы, их быт и современное положение» (2-е изд., СПб., 1891), «Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении» (СПб., 1892).

Как подчеркивает современный исследователь, в процессе систематического осмысления судьбы Сибири Ядринцев использует весь спектр гуманитарного знания – историю, геополитику, экономику, лингвистику. Постигая историю Сибири в пространственных категориях, он определяет место ее развития не Европой и не Азией, но той особой территорией-конгломератом, которой «предстоит новая роль и новые задачи»¹. Так в творческой системе Ядринцева происходит окончательное формирование колониального дискурса, впервые представленного в областнической доктрине последней трети XIX в.

По убеждению публициста, в результате колонизации Сибири сложился новый социокультурный мир, который был свободен, не замкнут в себе, который постоянно принимал приток нового населения (переселенцев и ссыльных), во многом изменяющего и свои, и местные нравы. Сибирь рассматривается Ядринцевым как особое географическое, натуралистически-антропологическое пространство России, то конкретное место, где проявилась самостоятельная сфера человеческого бытия, сложная, противоречивая и настоятельно требующая глубокого осмысления. С точки зрения фронтальной ситуации, Сибирь в представлении Ядринцева все больше приобретала черты подвижной зоны закрепления и освоения, зоны, которая не столько разделяла, сколько сближала внутреннее и внешнее пространство России. И колонизация, по его убеждению, была направлена на снятие, перенесение границы между уже освоенным и осваиваемым пространствами, на преодоление культурной дистанции.

Не случайно в центре внимания Ядринцева остается проблема русских переселенцев, так как российский колониальный дискурс уже с середины XIX в. осложнился пересечением понятий «пересе-

¹ Емельянова Т.Н. Указ. соч. С. 98.

ление» и «колонизация»¹. Говоря об открытости сибирского общества для всех, он подчеркивает и вечное движение в сибирской жизни, которое происходит, главным образом, из-за постоянного прилива переселенцев, обновляющих сибирское население, вливающих «новые соки» и прибавляющих «новые черты», составляющих «пеструю амальгаму жизни!»²

Деятельность публициста в разработке этого вопроса становится особенно активной с конца 1880-х гг., о чем он пишет своему другу и личному врачу В.И. Семидалову: «Вообще с 1889 года я работал над переселенческим материалом, любил это дело и старался быть полезным ему»³. В своих корреспонденциях Ядринцев освещал как положение переселенцев, так и свою многогранную деятельность в этом вопросе. Из писем видно, что он верил в действенность общественного мнения и ходатайств, о чем с удовлетворением писал: «Пришло письмо Деспота-Зиновича, где говорится, что мои письма произвели впечатление на Ф. Плеве и переселенцам переведено теперь около 90 тысяч, из них 10 тысяч в Томск»⁴.

Важные сведения и уточнения неустанно развивающейся мысли Ядринцева дают нам материалы архива, хранящиеся в Отделе редких книг Научной библиотеки ТГУ. Черновые автографы и писарские копии статей, заметок, писем Ядринцева, датирующихся в основном 1880–1893 гг., проявляют не только активную, просветительскую позицию автора, но и общую интонацию подведения итогов, стремление собственным социокультурным действием решить важнейшие проблемы сибирской жизни.

Черновой автограф статьи «Вопрос переселений <колонизационный вопрос>» представляет собой рукопись с многочисленными зачеркиваниями, пометами красным карандашом. Текст отличает попытка аналитического подхода к, казалось бы, уже разработанной проблеме: «Прежде чем приступить к рассмотрению этого вопроса в его текущих жизненных проявлениях и обсудить то, что для него могло бы быть сделано, мы постараемся хотя отчасти указать, какое

¹ См. об этом: Сибирь в составе Российской империи. М., 2007.

² Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. СПб., 1892. С. 108.

³ Письмо от 15 октября 1893 г. // Архив Томского областного краеведческого музея (ТОКМ). Д. 25. Л. 97.

⁴ Там же. Л. 122.

значение он имеет для обеих сторон, колонизируемой и колонизирующей, и во что обошлось пренебрежение этого вопроса для Сибирского и русского общества». Давая примеры из истории Соединенных Штатов, Англии, Австралии, Ядринцев уточняет: «Нам незнакомы были воззрения свободного европейского общества, которое создало не одну колонизацию, но терпимо смотрит и на самую эмиграцию. “Право переселения – это право жить”, – говорят французы. “Это право, присущее абсолютно человеку, священное право улучшать свое положение”»¹.

В сохранившемся фрагменте статьи «Вопрос поземельного устройства сибирских крестьян» Ядринцев продолжает рассматривать местные проблемы, напоминая, что «вопрос крестьянского землеустройства в Европейской России имеет целую богатую литературу, множество исследований, возбужденный одновременно с освобождением крестьян после 14 февраля <...>. Не менее важные последствия должно произвести и в Сибири. При разрешении поземельного вопроса в Европейской России явились и готовые материалы, накопленные предшествующим межеванием... явились и знатоки народного хозяйства, здесь были землевладельцы, практики и т. д. Что же все это в Сибири, и кто явится на помощь при обсуждении этого вопроса?»². В другой неоконченной статье он продолжает отслеживать вопрос о переселенцах: «... двенадцать лет назад мне выпало на долю произвести наблюдения над переселениями в Сибирь. С тех пор я не переставал следить за переселенческим вопросом, как в жизни, так и по книгам. После личных наблюдений мне приходилось слышать различные прения о переселениях в разных обществах, среди «сведущих людей»³.

В авторизированной писарской копии статьи «Прибыль и дефицит населения при переселениях», с исправлениями и уточнениями автора, поднимается еще одна принципиальная для Сибири проблема, также связанная с переселенческой, – демографическая. Вопрос о приросте населения в обживаемых местностях, плодovitости, рождаемости и

¹ Вопрос переселений <колониационный вопрос>. Статья. Фрагмент. Черновой автограф. 4 листа. СПб. [1880-е] // ОРК НБ ТГУ. Архив Ядринцева. Д. 40. Л. 3.

² «Вопрос поземельного устройства сибирских крестьян...». Статья. Фрагмент. Черновой автограф. 1 лист. [СПб.] [1890–1893 гг.] // Там же. Д. 45. Л. 1.

³ Статья о переселенцах в Сибирь. Фрагмент (без конца). Черновой автограф. 15 листов. [СПб.] [1890–1893] // Там же. Д. 48. Л. 1.

смертности переселенцев представляется Ядринцеву весьма существенным и капитальным: «Его нельзя упускать из виду при заселении, так как один прилив населения или сбывт без рассмотрения условий, при которых это население переселяется, а затем существует, не может гарантировать еще его сохранение и размножение». Для сравнения Ядринцев опять дает пример из истории Северной Америки, переселение в которую давало, казалось, самые благоприятные результаты. Но через некоторое время обнаружился факт, возбуждавший общее изумление и заставивший задуматься многих: «После первого заселения страны у переселившихся из Европы через несколько поколений, когда колонист превратился в туземца, замечено было ослабление рождаемости и уменьшение плодovitости из поколения в поколение»¹.

В сохранившейся (без подписи) рукописной редакции «Заметки в газету о докладе Н.М. Ядринцева о переселении в Сибирь на географической выставке», датированной 1892 г., характерные уточнения обнаруживают, насколько для докладчика был важен и знаком язык статистического факта, живых цифр: «Коснувшись истории колонизации, он сделал объяснение к карте, указывающей постепенное заселение Сибири. Затем остановился на движении переселений за последние годы. Как видно из приведенных статистических данных и точной регистрации переселенческого движения, переселение год от года увеличивается и выросло с 9000 и 15000 в 1886–87 гг. на 30000, затем на 60000 в 1891 г., наконец в нынешнем году к 1 сентября достигло 75000»². Об этом Ядринцев продолжает размышлять в черновом автографе статьи о межевании переселенческих участков, в набросках статьи по крестьянскому землепользованию в Сибири³.

Представляется крайне важным, что кроме выработки теоретических программ по изучению переселенческого движения, составления докладов и статей публицист-исследователь непосредственно

¹ «Прибыль и дефицит населения при переселениях»: Статья. Авторизованная писарская копия с дополнениями и исправлениями Н.М. Ядринцева. 10 листов На об. л. 10 помета рукой Ядринцева: «В редакцию «Недели». [СПб.?] [1891 ?] // ОРК НБ ТГУ. Архив Ядринцева. Д. 51. Л. 1.

² Заметка в газету о докладе Н.М. Ядринцева о переселении в Сибирь на географической выставке: Черновой автограф. 2 листа. [СПб.] [1892] // Там же.

³ Статья о межевании переселенческих участков. Разрозненные листы: Черновой автограф. 5 листов [СПб.] [1892–1893] // Там же. Ф. 3. Д. 55; Наброски статьи по крестьянскому землепользованию в Сибири: Автограф. 3 листа. [СПб.] [1893–1894] // Там же. Д. 58.

участвовал в организации экономической и медицинской помощи переселенцам. Интересен, например, «Отзыв неустановленного лица о деятельности Н.М. Ядринцева по организации санитарных отрядов в Тобольской губернии». В нем сообщается, что «отставной чиновник – член Императорского Географического общества и исследователь Сибири Н.М. Ядринцев летом 1892 г. с мая месяца принимал участие в размещении санитарных отрядов студентов-медиков, командированных на счет И.М. Сибирякова в Западную Сибирь». Действительно, находясь при переселенческих санитарных отрядах, Ядринцев ходатайствовал перед Тюменским городским обществом об отводе новой площади для переселенцев, предложил думе устроить санитарные попечительства и склонил Сибирякова к пожертвованию 4000 рублей на постройку барака, бани и прачечной для переселенцев. Имея связи с Сибиряковым и обращаясь к сибирскому обществу через печать, он содействовал притоку благотворительных средств во время бедствия, постигшего население. «Принимая все это во внимание, – пишет далее автор отзыва, – я признаю, что деятельность Ядринцева в организации санитарного и переселенческого дела в Западной Сибири и содействие, благотворительность была полезно. Независимо от этого, своими исследованиями по переселенческому делу он старался служить к выяснению этого важного для государства вопроса, как видно из его книги «Сибирь в этнографическом и историческом отношении»¹.

Об этой экспедиции сам Ядринцев сообщает в статье «Пути прочного устройства переселенческого дела». Прежде всего, он подчеркивает, что «опыт прошлого лета и первая попытка организации санитарного и гигиенического дела, во время переселенческого движения, не пропала даром и не прошла бесследно». И далее, излагая историю своей экспедиции со студентами-медиками по оказанию помощи переселенцам при эпидемии тифа и холеры, делает закономерный вывод: «Несомненно, дополнительную и важную заботу должно явиться также своевременное и достаточное отведение участков для переселенцев. Не следует заставлять их томиться в ожида-

¹ Отзыв неустановленного лица о деятельности Н.М. Ядринцева по организации санитарных отрядов в Тобольской губернии. Писарская копия. 1 лист [Тобольск ?] [сент. – дек. 1892 ?] // ОРК НБ ТГУ. Архив Ядринцева. Д. 76. Л. 1об.

нии нарезки земель, нужен заботливый и внимательный выбор плодородных земель, устранение той небрежности и ошибок, которые вели к обратному выселению. В этом направлении предстоит еще многого желать»¹.

Общий пафос всех исследований Ядринцева направлен на утверждение мысли о том, что важнейшую роль в строительстве Российской империи сыграли не столько военные и чиновники, сколько мирные крестьяне-переселенцы. Они не только изменили цивилизованные границы империи, но и отождествили себя с русским государством больше в Сибири, нежели в центре, что укрупнило проблему национальной идентичности.

В 1893 – начале 1894 г. Ядринцев снова живет в Петербурге, принимая активное участие в журналах «Мир Божий», «Русское богатство», в газете «Сибирский листок». Но больше всего он сотрудничал с «Русской жизнью», где помещал статьи по текущим сибирским вопросам за подписью «Сибиряк»². Его творческие замыслы прервала смерть-самоубийство в Барнауле, и обстоятельства, приведшие лидера сибирского областничества к трагическому финалу, не только имели личный характер, но и выражали состояние всего областнического движения на рубеже веков в целом.

Г.Н. Потанин узнал о смерти Ядринцева в Петербурге и, потрясенный гибелью единомышленника, много писал о своей личной вине по отношению к нему. Теперь он больше всего озабочен двумя вопросами: увековечением памяти друга и судьбой оставшейся после него газеты «Восточное обозрение». В журнале «Этнографическое обозрение» он публикует некролог «Н.М. Ядринцев», пишет о нем воспоминания для книги Б. Глинского «Николай Михайлович Ядринцев» (вышла в 1896 г.). С этой же целью в ноябре 1894 г. Потанин обращается к Глинскому как к редактору «Исторического вестника» с просьбой «переписать и переделать его записку о

¹ Восточное обозрение. 1893. 27 июня. С. 2–3.

² См.: Покинутые переселенческие дети // Русская жизнь. 1892. № 350; Очередные задачи переселенческого дела // Там же. 1893. № 6; Великая сибирская дорога и переселение // Там же. № 9; Заселение окраин // Там же. № 26; Новая иллюстрация к переселенческому делу // Там же. № 68; Есть ли спасение от малоземелья при колонизации Сибири? // Там же. № 95; Сибирское многоземелье и малоземелье // Там же. 1894. № 14; и др.

Н.М. Ядринцеве». Одновременно с этим редакция «Восточного обозрения» обратилась к видному историку и журналисту М.К. Лемке с аналогичной просьбой. Оба заказа были выполнены, и книги вышли¹. Заново в эти годы Потанин пересматривает и концепцию областничества, понимая, что программа культурного преобразования края, заявленная областниками, так или иначе воплотилась в жизнь. Но ушли из жизни соратники: Н.С. Щукин, А.П. Щапов, С.С. Шашков, Ф.Н. Усов, А.В. Потанина, Н.М. Ядринцев. Потанин, по существу, остается один и принимает решение вернуться в Сибирь.

С 1900 г., переехав в Иркутск, Потанин руководил областным отделом в «Восточном обозрении» и твердо стоял на том, чтобы газета не утратила местного колорита, как того желали некоторые сотрудники редакции. Вокруг него образовался кружок читателей во главе с К.А. Козьминой и Т.М. Фарафоновой, которой было поручено разобрать архив Ядринцева. Об этом мы узнаем из писем Потанина В.И. Семидалову, хранящихся в фондах Томского краеведческого музея и впервые опубликованных Н.В. Серебренниковым.

В июльском письме за 1902 г. из Барнаула Потанин сообщает: «Дорогой Вениамин Иванович, посылаю Вам письмо Таисии Михайловны Фарафоновой <...>. Я, считая себя душеприказчиком своего покойного друга, разрешил ей разбор бумаг Ник<олая> Миха<й>ловича. Ник<олай> П<етрович> Левин нашел маленькие средства, которые дают возможность Т<аисии> Мих<айловне> не обременять себя посторонними занятиями для заработка и значительную часть досуга посвящать этой работе. Она увлеклась работой. Я ей доверяю, так как знаю ее давно. Она тоболячка, кончила Высшие женск<ие> курсы, занимается литературой, в “В<осточном> о<бозрении>” подписывается Фарь. Пожалуй<й>ста, отнесите к ее просьбе благосклонно»². В другом письме, написанном из Томска 4 октября 1904 г., Потанин уточняет, что пишет его со своей приительницей Таисией Михайловной Фарафоновой, «которой я пере-

¹ Глинский Б. Николай Михайлович Ядринцев: Биографический очерк, с предисловием В. Острогорского и приложением воспоминаний Г. Потанина. М., 1895; Лемке М. Николай Михайлович Ядринцев: Биографический очерк. СПб., 1904.

² Цит. по: *Серебренников Н.В.* Проблемы и перспективы русской провинциальной литературы. Великий Новгород: Изд-во НовГУ, 2000 (автограф – ТОКМ. Оп. 14. № 12. Л. 25–26).

дал материалы о Н.М. Ядринцеве, какие были в моем распоряжении». А уже 3 июля 1905 г. сообщает тому же Семидалову, что «Тайс<ия> Мих<айловна> Фарафонтова обратилась ко мне за разрешением пользоваться моими письмами, которые писал Ядринцеву в Шенкурск. Я не имею ничего против того, чтоб Вы выдали их ей. Я думаю, что она воспользуется ими настолько осторожно, что читатели не припишут мне охоты порисоваться перед ними. Она умная девица»¹.

Именно Т.М. Фарафонтовой удалось разобраться с многочисленными письмами, документами, рукописными фрагментами неоконченных статей, хранившихся в архиве Ядринцева. В Иркутск она приехала из Петербурга вместе с Потаниным, где они вместе сотрудничали в журнале «Байкал». Будучи в 1902–1907 гг. сотрудником «Восточного обозрения», Фарафонтова в 1902–1904 гг. напечатала в газете в виде многочисленных фельетонов обширные материалы для биографии Ядринцева под общим заголовком «Из бумаг сибирского патриота». Для этой цели она использовала его письма к Г.Н. Потанину, хранившиеся у последнего, а также часть рукописных и незаконченных статей по самым разнообразным вопросам сибирской жизни². Эта серия статей имела действительно не только просветительскую, но и научную ценность, так как впервые был опубликован целый ряд неизвестных материалов. Важно, что их публикация пришлась на пик споров о сути и проблеме реализации областнической идеи на рубеже веков.

Первая публикация появилась 7 июня в «Восточном обозрении» к восьмилетию годовщины смерти Ядринцева. В ней автор уточняет, что источником для создания статей стали документы и бумаги сибирского публициста, хранящиеся в Иркутском Восточносибирском отделении Русского Географического общества. Но отсутствие полной библиографии затрудняло проблему с датировкой и фактами опубликования той или иной статьи. Такая же проблема возникла у Фарафонтовой и в связи с авторством статей, если учесть обилие

¹ *Серебренников Н.В.* Проблемы и перспективы русской провинциальной литературы. Великий Новгород: Изд-во НовГУ, 2000 (автограф – ТОКМ. Оп. 14. № 12. Л. 32–32 об.).

² См.: *Фарафонтова Т.М.* Из бумаг сибирского патриота // Восточное обозрение. 1902. № 131, 139, 148, 160, 168, 172, 188, 237; 1903. № 128, 145, 184, 226; 1904. № 54, 62, 72, 77, 86, 94, 103, 114, 126, 130, 134, 145, 152, 164, 168, 178.

псевдонимов и бесподписных публикаций Ядринцева¹. В следующей статье она оговаривает, почему берет в основном материалы из последнего пятилетнего периода жизни и деятельности публициста. Главная причина, по словам Фарафоновой, заключается в том, что многие его публицистические и биографические материалы оказались неопубликованными, поэтому потребовали атрибуции, расшифровки и введения в научный оборот².

Проблематика архивных бумаг «сибирского патриота», как указывает Т. Фарафонтова, – самая разнообразная. Прежде всего заслуживают внимания материалы о первом выпуске газеты «Восточное обозрение», вышедшей с характерным эпиграфом – «"Область" – вот девиз, с которым мы выходим среди других органов русской печати»³. В другой статье «Взгляд Н.М. Ядринцева на колониальный вопрос вообще и на Сибирь как колонию России. Условия, необходимые для успешного развития Сибирского края»⁴ Т. Фарафонтова сообщает о том, что за год до смерти, после поездки в Америку на выставку в Чикаго, в 1893 г., Ядринцевым была задумана и наполовину написана обширная работа, озаглавленная «Путешествие в Америку. Очерк из жизни и истории европейских колоний». Он писал в это время Потанину, что задумал книгу под названием «Сибирь и Америка», уточняя: «... это было бы мое последнее слово». Значимой в этом же номере газеты является публикация статьи «Взгляд Ядринцева на колонизационный вопрос вообще и на сибирское переселение в частности», являющейся отрывком из его не законченной рукописи. Здесь находим уже знакомую страстную мысль публициста: «Зияющая рана нашего переселения, его бедствия, открывающиеся перед нами из года в год, доказывают, что переселение у нас не организовано стройно, а судьба переселенца не обеспечена»⁵.

¹ *Фарь Т.* Из бумаг сибирского патриота: (Материалы к биографии Н.М. Ядринцева) // Восточное обозрение. 1902. 7 июня. Л. 2–3. Характерно, что и на сегодняшний день не существует полной библиографии работ Ядринцева за исключением рукописной, составленной той же Фарафоновой еще в начале века. См: РГАЛИ. Ф. 580. Оп. 1. Д. 25.

² Восточное обозрение. 1902. 11 июля. Л. 2.

³ Там же. 13 авг.

⁴ Там же. 9 окт.

⁵ Там же. 1903. 14 авг.

Во вновь опубликованных материалах изложены взгляды Ядринцева на историческую роль Тихого океана и стран, с ним сопредельных; рассказывается о поездке исследователя в Монголию и обнаружении там Каракорума¹. Исследовательница впервые печатает незаконченную рукопись с эпитафией из писем Ядринцева о путях-дорогах, публикует отрывки из его путевого дневника и записных книжек, в которых фиксировались впечатления о путешествии по степям и пустыням Монголии². Неоконченная рукопись «Преступники перед судом литературы» представлена как продолжение темы тюрьмы и ссылки, а статья «О буддизме как религии несчастья» связывается с его общей разработкой инородческого вопроса³.

Дальнейшая судьба бумаг и писем Ядринцева оказалась поистине драматичной, так как вокруг его архива закрутилась целая интрига. Потанин, который сам поручил Фарафоновой разобраться в этих документах, пишет ей 14 июля 1904 г. из Томска: «Что касается до пачки писем, писанных ко мне Ник<олаем> Михайловичем <Ядринцевым>, то ими Вы можете располагать особенно по Вашему желанию. Мне даже приходит мысль подарить их вам, но об этом мы еще посоветуемся»⁴. В октябре он сообщает А.Е. Черемшанскому: «Многоуважаемый Александр Евграфович! Пишу это письмо Вам с Таисией Михайловной Фарафоновой, которой я передал все, какие у меня были, материалы, относящиеся к биографии Н.М. Ядринцева. Я направил ее к вам, как к человеку, который близко знал покойного»⁵. В архиве Ядринцева хранится сопроводительная записка Фарафоновой к его бумагам, которую она составила при отъезде из Иркутска в 1906 г.: «Находящиеся здесь рукописи представляют часть архива Н.М. Ядринцева, сохранившегося в Иркутске при музее Географического общества. Это письма и статьи и другие материалы для его биографии. Переданы они на сохранение через ред. «Былое» Т.М. Фарафоновой до востребования мною, а в случае моей смерти должны поступить в Ирк<утский> Музей, собственность которого и

¹ Восточное обозрение. 1904. 4 марта.

² Там же. 13 марта.

³ Там же. 28 июня, 19 авг.

⁴ Потанин Г.Н. Письма: В 5 т. Иркутск, 1992. Т. 5. С. 69–70.

⁵ Там же. С. 72.

составляют. Я ими пользовалась в литер<атурных> целях с согласия Г.Н. Потанина. Т. Фарафонтова»¹.

Но уже в 1907 г. Потанин с сожалением пишет В.Б. Шостаковичу: «В Отдел (Русского Географического общества. – *Е.М.*) был помещен ящик с рукописями, альбомами и печатными материалами к биографии Ядринцева. В числе материалов была пачка писем Ядринцева ко мне и пачка писем его жены к нему, когда она была невестой. Целы ли эти рукописи, и в каком они положении? Ими пользовалась Таисия Мих<айловна> Фарафонтова. Не будете ли любезны сообщить мне об этом»². Исследователи склонны такую «забывчивость» Потанина приписывать его достаточно преклонному возрасту, так как он настойчиво продолжает поиски писем Ядринцева, сам, по сути, подарив их Фарафонтовой.

В письме из Томска к ней за 1913 г. он совершенно искренне сетует по поводу «пропажи»: «У меня большое огорчение: ящик с материалами Ядринцева из <Восточно-Сибирского> Отдела <Географического общества> исчез. Я просил секретаря отдела вынуть из ящика пачку писем Ядринцева ко мне и выслать в Томск, но их так не нашлось. Без Вас в библиотеке архива хозяйничал Овчинников. Очевидно, кто-то, знающий цену рукописям, прикарманил эти письма. Как вы думаете – кто?»³. И в письме В.И. Семевскому в начале следующего года уточняет: «Фарафонтова, пересылая письма Бурцеву, на корзинке, в которой они были закупорены, сделала надпись, что письма составляют собственность Отдела Географического общества в Иркутске. Это не так. Я эти письма отделу не жертвовал. Заехав в Большое село Рязанской губ., я забрал все, что может служить материалом для биографии Ядринцева, и отправил все это в Иркутск на имя учительницы Калерии Александровны Яковлевой, впоследствии Козьминой, которая обещала составить биографию Николая Михайловича»⁴.

Когда же Таисия Михайловна напомнила Потанину историю с письмами, он попытался ее оправдать более чем своеобразным спо-

¹ Сопроводительная записка к архиву Н.М. Ядринцева. Автограф. 2 листа. СПб., 16 авг. 1906 // ОРК НБ ТГУ. Архив Ядринцева. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–2.

² Потанин Г.Н. Письма. Т. 5. С. 88.

³ Там же. С. 116.

⁴ Там же. С. 118.

собом: «Сердиться на Вас не могу, во-первых, потому, что Вас люблю, во-вторых, потому, что нахожу оправдание в Вашем поведении. Вы бросали Сибирь и увозили с собой драгоценные для Сибири рукописи. Вы чувствовали, что для меня это был непримиримый факт, и потому думали, что я не допустил бы их увоза из Сибири. Вы увезли, а потом стали бояться, что они могут погибнуть во время обысков и арестов. Понимаю, что Вам было очень трудно отослать их мне, т. е. раскрыть истину. Я долго был убежден, что письма лежат в музее, но один писатель обратился ко мне с просьбой разрешить пользоваться ядринцевским материалом. Я встревожился и написал письмо в Иркутск, чтобы эту пачку выслали мне в Томск. Но получил ответ, что в музее никакой пачки нет. После этого я два года мучился мыслью, что пачка потерялась. Мои друзья стали подозревать Овчинникова и других прикосновенных музею лиц». И дальше добавляет: «Мне хочется получить эту пачку снова в свои руки. Я найду в Сибири деньги, чтобы издать письма Ядринцева. Конечно, никто не может их комментировать так, как я»¹. В ноябре 1915 г. он сообщает Т. Фарафоновой, что «возня с письмами Ядринцева продолжается», а уже 10 декабря подводит итог этому драматическому «сюжету»: «Дорогая Таисия Михайловна! Спешу Вас известить, что корзина с бумагами Ядринцева, которую Вы передали Бурцеву, наконец, мною получена»².

Несмотря на этическую сложность ситуации, очевидно, что всеми поступками и чувствами Потанина руководили благородные мысли увековечить память друга и не дать пропасть тем ценным документам, которые являлись важным дополнением ко всему его публицистическому творчеству. Будучи уже совсем немощным к концу своей жизни, Потанин продолжает хранить память о Ядринцеве и любовь к нему и к тому общему делу, которому они так искренне и страстно служили. Письмо П.А. Казанскому, написанное Потаниным 14 мая 1919 г. из Томска, выражает его желание не поддаваться общему унынию в ситуации политического разброда и экономической разрухи, а помнить об иных ценностях: «Многоуважае-

¹ Письма Ядринцева к Потанину были изданы последним лишь частично, в 1918 г., они связаны с периодом ссылки обоих адресатов – 1872–73 гг. *Потанин Г.Н.* Письма. Т. 5. С. 119–120.

² Там же. С. 138, 140.

мый Порфирий Алексеевич. Пожалуйста, напишите мне, как барнаульцы собираются ознаменовать день 7 июня (25-летие со дня смерти Н.М. Ядринцева), готовятся ли какие статьи в газеты? Будет ли какое-нибудь публичное выступление с докладом о жизни и литературных произведениях Ядринцева или о его значении для области? Здесь «Сиб[ирская] жизнь» к этому дню будет наполнена статьями и, может быть, будет устроено в каком-нибудь зале публичное заседание. Желательно было бы, чтоб и в других городах были прочитаны доклады. Это подновило бы память о сибирском публицисте и расшевелило бы спящую Сибирь. Нет ли у Вас кого-нибудь в Бийске, с кем можно списаться по поводу 7 июня? Какой там есть живой человек? Сообщите его имя и адрес и сами ему напишите. Преданный Вам Григорий Потанин»¹.

Таким образом, представленный материал позволил продемонстрировать эволюцию мировоззрения Ядринцева от 60-х к 90-м гг. XIX в. с акцентировкой ряда важнейших проблем. Во-первых, на протяжении всего своего публицистического творчества он работает над выработкой идеи сибирского областничества, с точки зрения идентификации и самоидентификации Сибири. При этом становится все более очевидным, что для Ядринцева проблемы колониальной политики, тюрьмы и ссылки, инородческий и переселенческий вопросы существуют в неразрывном единстве, так как оказываются в ситуации постоянного диалога. Это, в свою очередь, позволяет говорить о формировании и явном выделении переселенческого дискурса в его позднем творчестве как главного. По убеждению Ядринцева, в результате добровольной колонизации Сибири к концу века сложился новый социокультурный мир, который был свободен, не замкнут в себе. Этот процесс закономерно привел к снятию, перенесению границы между уже освоенным и осваиваемым пространствами, к преодолению культурной дистанции.

Во-вторых, публицистическое творчество Ядринцева необычайно интересно и с точки зрения нарративных позиций, различных

¹ Потанин Г.Н. Письма. Т. 5. С. 158. В примечаниях к «Письмам» уточняется, что «вся библиография по Ядринцеву этого года, к сожалению, не учтена, но в Сибири, несмотря на неблагоприятную обстановку, часть периодической печати откликнулась на день смерти писателя и ученого. Журнал «Сибирские записки», в частности, почти целиком был посвящен Ядринцеву (1919. № 2)». С. 214.

жанрово-стилевых парадигм, все большим тяготением к эстетизации и мифологизации мысли. Общая проблематика ведет к выработке стратегий межкультурного диалога столицы и Сибири в подходе к вопросу о переселенцах и его отражению в параллельно развивающихся литературно-культурных потоках: русско-европейском и сибирском. Сибирь в русской истории и культуре последней трети XIX в. исследуется Ядринцевым как особое географическое пространство России, настоятельно требующее художественного осмысления. Это позволяет поставить вопрос и об особой сюжетобразующей функции Сибири, типологии героя, жанров, устойчивых нарративных стратегий в столичной и региональной литературе названного периода.

**4. К ВОПРОСУ О ЖАНРОВОМ СВОЕОБРАЗИИ
ПУТЕВЫХ ЗАМЕТОК О ПЕРЕСЕЛЕНЦАХ
(«Переселенцы и новые места. Путевые заметки» В.Л. Дедлова
и «В далекие края. Путевые наброски и картины»
К.М. Станюковича)**

Жанр путевых заметок имеет давнюю традицию исследования в научной литературе. Детально изучены его генезис, вопрос о его хронотопе, композиции. К числу важнейших относится вопрос о повествовании, об образе нарратора и его соотнесенности с биографическим автором путешествия. Рассматривались вопросы о сюжетостроении травелога, о синтезе в нем документального и художественного. Вместе с тем, тема переселенцев, ставшая основной в целом ряде путевых заметок, созданных во второй половине XIX в., позволяет по-новому поставить вопрос и о специфике этого жанра, и о его эволюции, и о месте, которое он занимает в литературном процессе.

* * *

Отправной точкой нашего обращения к «Путевым заметкам» В.Л. Кигна (Дедлов – литературный псевдоним), практически неизвестного сегодня писателя, а в свое время довольно популярного

беллетриста, литературного критика, ученика И.С. Тургенева, сподвижника А.П. Чехова, является, во-первых, тот факт, что он верой и правдой отслужил в переселенческом управлении МВД четверть века, а во-вторых, традиционное представление о жанре записок о путешествии, в котором еще со времен сентиментализма принято выделять географическую и философско-публицистическую разновидности, где соответственно преобладают описательное или аналитическое начало. Представляется интересным проследить жанровое своеобразие путевых заметок писателя-чиновника Дедлова и обусловленность жанровой специфики его сочинения темой переселения в Сибирь.

Начнем с того, что перу Дедлова принадлежит целый ряд путевых заметок, многие из которых являлись результатом не столько путешествия в привычном для литературы смысле этого слова, сколько поездок автора, носивших служебный характер (в качестве корреспондента, потом – государственного чиновника)¹. В частности, в 1891–1893 гг. он жил в Оренбурге, как чиновник особых поручений при переселенческом управлении много ездил по Уралу и Сибири. Результатом одной из таких долгосрочных командировок стали его «Переселенцы и новые места. Путевые заметки», опубликованные в 1894 г. в «Вестнике Европы» и в этом же году отдельным изданием в Санкт-Петербурге. Книга была высоко оценена критикой за правдивое изображение бедствий переселенцев, страдающих от голода, болезней, нерасторопности и равнодушия чиновников².

Итак, в случае с путевыми заметками Дедлова необходимо принять во внимание, что их пишет беллетрист и одновременно государственный служащий, занятый проблемами переселенцев профессионально: наложение дескрипции на анализ дает нарративу комплекс картин, эмоций и рефлексии, окрашивая вполне традиционное описание пути нарратора в глубоко личные тона и придавая ему, с одной стороны, ярко выраженную достоверность, документальный характер, а с другой – страстный общественный пафос.

¹ О такой разновидности рассматриваемого жанра, как отчет о командировке в переселенческие поселки, см. в 1-й части данной монографии.

² См.: Литературные приложения к «Ниве». 1894. № 12. С. 749; Мир божий. 1894. № 12. С. 199–201; Вестник Европы. 1894. № 10. С. 851–861.

Своеобразный ключ к жанровой специфике путевых заметок Дедлова дает также письмо И.С. Тургенева, написанное ему 16 июня 1876 г. в ответ на послание начинающего автора, который спрашивал о том, что такое «объективный писатель». Здесь симптоматичны и постановка вопроса молодого прозаика, и разъяснения Тургенева, который писал: «... Вы задали мне трудную задачу: как это в коротком письме рассказать Вам, как я работаю, и как надо работать вообще, и что за штука объективное писание, которое Вы даже величаете эпическим! <...> придумать сюжет иногда забавно бывает, потому тут происходит некоторая игра фантазии, а привести его в исполнение – изложить на бумаге – трудно и хлопотно. Что касается до вопроса, есть ли в Вашем таланте объективность, то я на это вот что скажу: если Вас изучение человеческой физиономии, чужой жизни интересует больше, чем изложение собственных чувств и мыслей, если, например, Вам приятнее верно и точно передать наружный вид не только человека, но простой вещи, чем красиво и горячо высказать то, что Вы ощущаете при виде этой вещи или этого человека, – значит, Вы объективный писатель и можете взяться за повесть или за роман. Что же до труда – то без него, без упорной работы всякий писатель или художник непременно остается дилетантом, нечего тут ждать так называемых благодатных минут, вдохновения; придет оно – тем лучше, а ты все-таки работай. Да не только над своей вещью работать надо, над тем, чтобы она выражала именно то, что Вы хотели выразить, в той мере и в том виде, как Вы этого хотели; нужно еще читать, учиться беспрестанно, вникать во все окружающее, стараться не только улавливать жизнь во всех ее направлениях, но и понимать ее, понимать те законы, по которым она движется и которые не всегда выступают наружу; нужно сквозь игру случайностей добиваться до типов – и со всем тем всегда оставаться верным правде, не довольствоваться поверхностным изучением, чуждаться эффектов и фальши. Объективный писатель берет на себя большую ношу: нужно, чтоб его мышцы были крепки. <...> Вот сколько я наговорил, а в результате выходит одно: есть у Вас объективный талант – так есть, а нет его – Вы себе его не добудете. Но, чтобы узнать, имеется ли он, надо попробовать на деле, а там видно будет»¹.

¹ Тургенев И.С. Собр. соч. М., 1858. Т. 12. С. 492.

Нетрудно заметить, что советы Тургенева выстраивают концепцию писателя (и вообще человека) как существа, постоянно развивающегося, работающего над собой, добывающегося в идеале гармонии интереса к самому себе и к миру.

Эта тема – созревания личности – была заявлена Дедловым уже в его первом рассказе – «Экзамен зрелости» и впоследствии стала ведущей в его творчестве. Именно идея равновесия объективного и субъективного начал бытия, его познания, о которой писал Дедлову Тургенев, определяет презентацию предмета изображения в путевых заметках «Переселенцы и новые места», авторскую позицию в них. В русле традиции травелога автор представляет ряд зарисовок из жизни переселенцев, стремясь быть точным и объективным. Эмоциональную атмосферу нарративу придают своего рода лирические отступления автора, которые неотрывны от публицистической аналитики. Так выстроен весь текст.

Вот, например, сцена разговора повествователя с ямщиком-переселенцем, который разворачивается между ними по пути к переселенческому поселку (часть «Новые места», глава «От Оренбурга до Орска»). Собственно диалога (вербального) здесь нет, говорит практически только возница. Он рассказывает нарратору-чиновнику о киргизах, башкирах, казаках, пафос его речи сводится к тому, что все притесняют переселенцев и что неплохо бы было отобрать землю у первых, лес у вторых, третьих отправить поближе к китайской границе. Исключением ямщику представляются только старообрядцы, которые привлекают его тем, что в своих поселениях живут дружно, разводят лес и штрафуют даже своего за срубленную «хворостину».

Во имя объективности повествователь сохраняет не только позицию, мировоззрение, но и стиль рассказа ямщика, лексические, синтаксические и даже фонетические особенности его речи:

А не слышать... быдто у киргизов за казенный долг землю отберут и мужикам отдадут? <...> У башкиров лес больно хорош. <...> Бают, росейским мужикам его на пользу начальство хочет отдать? <...> Слышно вот тоже и насчет казаков, что их на Китайский клин для защиты переводят. Они тут вовсе лишние. <...> Так теснят, так стесняют! По рублю за десятину земли им платим! Подводы от сел гоняют! На починку дороги выгоняют!

И далее о старообрядческих поселениях:

Дружно живут... Что положено сходом, то свято. Да ведь что-о: лес разводят, березовый! Поди ты! <...> свой срубит, скажем, хворостину,

так и то три рубля штрафа. <...> Пьянства ни-ни: штраф. И чудные! Соглашаются православного попа взять, но чтобы по их выбору: не курящего, не питущего, не женатого¹.

Однако центральное положение остается все же за автором-повествователем, глазами которого увиден ямщик, представлены его образ, понимание проблем переселенчества – главной темы путевых заметок. Эмоционально-аналитическое отступление нарратора, следующее за рассказами возницы, является результатом его восприятия услышанного рассказа о переселенцах:

В последнее десятилетие многие тысячи мужичьих голов бредили Кустонаем. Земля киргизская <...> возьмешь в аренду... 10 десятин, а паши 30: ничего не понимают, вовсе простяки! Строиться надо – в 20 верстах лес ...; хочешь, покупай, – хочешь, тихим манером бери <...> Месяцы проходят в пути и в мытарствах, – и наконец, вот он и Тобол... В степи воют бураны... солнце палит, в безобразной реке вода мутна... но мужик чувствует себя в мужичьем раю: вольно, просторно ... ни бар, ни полиции (с. 47).

Ниже повествователь описывает поведение переселенцев, с которыми он встречался ранее. Его взгляд на переселенцев отличается своими акцентами. Он отмечает, что прибывшие на новые места без паспортов они часто хитрят, притворяются, будто ничего не понимают, называют чиновников вместо «высокоблагородия» «высокопревосходительством», «пока тот не махнет на них рукой: “...пусть их живут”» (с. 49). Совсем по-другому, в представлении нарратора, переселенцы ведут себя с коренными жителями:

Киргизам поселенцы выставляют... хлеб-соль, штоф водки и на тарелке, придавив камнем от ветра, 3 засаленные рублевые бумажки. Киргизы подскакали, мужики – шапки долой и в ноги. «Здравствуйте, батюшки! Здравствуйте, киргизушки! Примите дары, не побрезгуйте. А мы-то вас ждем, не дождемся». Начальник-то страсть сердитый. Кричит: «Контрахт где, почему киргизы не едут контрахту писать!» «Погоди, мол, твое благородие: некогда им; приедут хозяева наши...» <...> Киргизское сердце вовсе простое: все за чистую монету принимает <...> мужиков оставляют.

На следующий год к двум первым землянкам прибавляется двадцать новых. Еще на следующий – сто. Еще чрез год – двести, и тогда уже киргизам вместо хлеба-соли достаются камни в голову. Проходит десять лет – и вырастает город, с церковью, с аптекой, с каменными

¹ Дедлов В.Л. Переселенцы и новые места: Путевые заметки. СПб., 1894. С. 27. Далее при цитировании указываю страницу в скобках.

складами. По Тоболу примерно таким манером в десять лет поселилось примерно 35.000 народу (с. 50).

Повествование в путевых заметках Дедлова, в полном соответствии с традицией жанра, ведется от первого лица, т. е. весь текст путевых заметок, включая речь описанных переселенцев, это – сфера сознания автора-повествователя (нравственно, идеологически и биографически очень близкого писателю-чиновнику В.Л. Кигну). В связи с этим встает вопрос о личности нарратора. Любопытно, что у него нет имени, читатель не знает, сколько ему лет, как он выглядит, не сообщается о его социальном положении и главное – о цели поездки. Судя по тексту, трудно понять, что речь идет о служебной командировке чиновника. По мере развития повествования можно догадаться лишь об одном: он хорошо осведомлен о переселенческих проблемах – приводит цифры, сравнивает увиденное во время данной поездки с другими впечатлениями, сразу обращает внимание на положение переселенцев, задает конкретные и всегда уместные вопросы и т. д.

Кроме того, путевые заметки открываются своего рода вступлением, в котором излагается довольно необычная позиция повествователя в отношении переселенчества: предлагается направлять потоки переселенцев не на восток («в Азию, где пока достаточно военной казачьей колонизации»), а на запад и на юг Европейской России. В противном случае, считает повествователь, Россию вытеснят из Европы, и «мы должны» будем «уйти в Азию, где и одичаем» (с. 3). Не останавливаясь на сути этой позиции, за которую многие осудили Дедлова¹, подчеркнем ее личностный характер. Здесь же отметим и такие индивидуальные черты повествователя, как наблюдательность, аналитизм, внимание к факту, общительность, высокую гражданскую позицию и чрезвычайный интерес к личности переселенца.

В первую очередь, нарратора привлекает национальный аспект переселенческой проблемы, который рассматривается в разных его гранях – психологической, ментальной, нравственно-этической. Увенчивает этот спектр вопросов проблема культурного диалога переселенцев, вынужденных вступать в сложные взаимодействия не только со старожилами, но и друг с другом, с новоселами, чужими им по национальности. Отметим здесь же заложенную традицией травелога обращенность повествователя к читателю, который явно находится вне мира и коренных жителей Урала и Сибири, и пересе-

¹ См., напр.: Вестник Европы. 1894. № 10.

ляющихся туда из Центральной России. Читатель находится и вне мира повествователя, который на протяжении всего текста как бы подтягивает его к уровню своего знания, своего владения проблемой «переселенцев и новых мест».

Все это сказывается на композиции путевых заметок Дедлова, в которых выделены две части – «Новые места» и «Переселенцы». В главах первой части описываются переселенческие поселки и дороги, соединяющие их, пейзажи, характеризующие местную природу. Уже здесь подчеркивается, как по-разному устраиваются на новых землях малороссы, великороссы и немцы. Если последние «строят школу, строят запасной магазин», «выбирают старосту», закрепляются надолго, то «наши колонисты, собравшиеся хоть и из 30-ти разных губерний, но из одного и того же царства, и не подумали ни о чем подобном» (с. 56). На новом месте они живут не по-хозяйски, «в своей привольной стране» привыкшие «снимать сливки, а молоко выливать вон», они при первых же неудобствах, неурожае «бросают земли и дома, опять налаживают кибитки» (с. 51). Но самое главное наблюдение нарратора касается разобщенности российских переселенцев, не желающих помогать друг другу и единых только в одном – в требовании «от правительственной власти пенсии» (с. 63). Повествователь в очередной раз сражен всеобщей нищетой переселенцев и их безразличием к собственным разваливающимся избам, к отсутствию средств пропитания и т. д. Бедности никто из новоселов не стыдится, «беден – так уж до позора: ставни на одной петле; крыша сползла... на потолке лебеда... стекло выбито» (с. 71).

В первой части путевых заметок находим несколько беглых портретных зарисовок, передающих национальный колорит. Это – переселенец из Владимира, выживающий за счет денег родственницы, выписанной им к себе, которая «на своем владимирском наречье» выплескивает повествователю ужас от того, с чем столкнулась в Сибири. Это татарин-извозчик, рассказывающий нарратору, что русских здесь пускают в мечеть, «а в Истамбуле не пустят», и мечтающий о том времени, когда все будут татарами. Это Исаак из Витебска, которого жена называет чувашом и который, «пройдя чуть ли не всю Россию», осел в Троицке, «мечтая, правда, накопить денег и уехать домой» (с. 76). Есть здесь и коллективный портрет переселенцев, которым задают вопрос о том, почему они так не по-хозяйски обустраиваются на новых местах. С помощью отдельных деталей передается разная реакция на вопрос, так и оставшийся без ответа:

Малороссы укоризненно качают головами и молчат. <...> великороссы азартно чешутся <...>. Мордвины вытягивают вперед шеи и усиленно моргают своими умными светло-голубыми глазами (с. 59).

Более пристально, в полифонии микросюжетов тема рассматривается во второй части путевых заметок Дедлова, которая так и называется – «Переселенцы». Она, в свою очередь, тоже делится на две части: «Толпа» и «Герои». Как в классицистической трагедии, здесь соблюдено единство места, времени и действия: описывается переселенческая контора, события, происходящие в ней с утра до вечера. Собственно, в конторе разворачивается одно событие – туда прибывают новоселы из разных губерний, разных национальностей, с единственным вопросом: как и где им жить дальше.

Вновь прибывших читатель видит глазами повествователя и чиновников, вынужденных решать, кому помочь, а кому отказать в помощи, которой на всех не хватает. Каждая картинка, на первый взгляд, имеет свою колористику, свои акценты, детали. Вот, например, описание самарцев и уфимцев:

Народ хороший. Не франт: рубахи не ситцевые, а домотканые, синие, с белой ниткой. Не пьяница: лица свежие, у стариков бороды <...> Не хамы. <...> Просят пособия. Вгляделись в лица, в ухватки, в одежду, осмотрели телеги и лошадей. Действительно, у одной два колеса слабы, у другой лошадь ... не надежна... А путь бесконечный, до Иркутска, а народ хороший ... помочь разве? <...> только вот тут симбирцы (с. 98).

И далее идет портрет симбирцев, выстроенный по той же модели:

Тоже ничего народ, а израсходовались сильно. <...> «Ну-ка, симбирцы, подожди». Подошли. Тоже не франты, не пьяницы и не хамы. И тем, и этим разве дать? <...> Только останется ни на осень обратным? (с. 98).

В этом потоке за «способием» самарцы, туляки, киевляне, екатеринославцы, черниговцы становятся все на одно лицо, превращаясь в толпу, движущуюся «на восток и обратно». В толпе теряются различия по материальному и семейному положению, возрасту, состоянию здоровья, по интеллектуальным способностям, жизненному опыту и т. д. «Идут Русь и татары, мордва и чуваша <...> Куда они идут? <...> Зачем они идут? <...> Отчего они идут?» (с. 102). Серия этих вопросов нарратора, соединяющих зарисовки в общее полотно и представляющихся риторическими, получает вполне конкретный ответ из его же уст: дело не в малоземелье, а «в необходимости перехода от первобытного хозяйничанья... к более сложному хозяйст-

ву. Всем им (переселенцам. – И.А.) предстоит <...> либо ломать земледельческую культуру, которой народ держался со времен Рюрика, либо идти по белу свету искать таких мест, где Рюриковы времена еще не прошли» (с. 102–103). Итак, перемещение народов, населяющих Россию, в физическом пространстве, осмысливается автором как историческое развитие многонациональной страны, ее движение во времени, и тому, и другому придается характер объективной данности и даже закономерности.

Неслучайно местонахождение нарратора в том или ином переселенческом поселке приводит его к одним и тем же наблюдениям и выводам. Отличия между новоселами есть на уровне одежды, внешнего вида, голоса и говора, манеры поведения, характера. Туляки и рязанцы, например, отмечает повествователь, «гонятся за мечтой», а узнав, что придуманная ими Сибирь существует только в их воображении, просят денег уехать назад. «Пензенец никогда не вернется назад: срам и перед людьми, и перед домашними, и перед самим собой; он пойдет куда задумал» (с. 117) и т. д. Но главное в другом – все они «мужики, крестьяне, землепашеством занимаются» (с. 112).

Таким образом, впечатления, эмоции, размышления повествователя вытекают из главной темы его путевых заметок, они подчинены осмыслению судьбы России и ее многонационального народа, драматически и даже трагически прокладывающего свой путь с запада на восток, из прошлого и настоящего в будущее, из одной цивилизации в другую. Именно с познанием повествователем названных процессов связаны единый сюжет и целостность композиции произведения Дедлова. Повествователь, следуя по пути передвижения переселенцев, одновременно преодолевает путь духовного прозрения, все более глубокого проникновения в суть волнующей его проблемы, что позволяет ему быть не только честным чиновником, профессионалом, но и личностью и гражданином, свободно ориентирующимся в мире, имеющим свою позицию в обществе.

Сюжет и композиция путевых заметок Дедлова отражают сам процесс взглядывания повествователя в окружающую действительность. В связи с этим в части «Герои» выделяется еще несколько глав – «Немцы», «Малороссы», «Великороссы» и «Курьезы». Основная проблема, как видим, дробится и таким образом конкретизируется. Все чаще нарратор обращается к сопоставлению переселенцев разных национальностей, подчеркивая их разные подходы к переезду на новые места. Если немцы, к примеру, ощущают себя изна-

чально колонистами, арендаторами, собственниками и, прежде чем двинуться в путь, основательно штудируют закон о переселениях, чтобы не упустить ни одного случая и воспользоваться своими правами, но и для того, чтобы исполнять свои обязанности «с величайшей аккуратностью» (с. 123), то малороссы представляются: «Крестьяне мы, попросту мужики» (с. 131) и ведут себя соответственно.

Стержнем названных глав становится проблема переселенца как отдельного человека, вовлеченного в общественное явление многонационального переселения из центра России в Сибирь. Повествователь создает целую галерею портретов, высвечивающих именно неповторимость, яркую индивидуальность каждого, с кем ему довелось встретиться в пути. Остановимся на одном из таких образов. Это русский поселенец Евстафий Шалохин, образ которого автор выписывает как подвижника, как опору России. Этот человек, внешне похожий на медведя, сразу поразил автора ясным пониманием проблемы, умением точно выразить ее словом. Он пришел просить помощи и защиты 1500-м переселившимся самовольно и в силу этого лишенным какой бы то ни было поддержки и даже находящимся под угрозой выселения. На вопрос чиновника: «В чем же дело?» – он отвечает без обиняков: «Да вот в чем: смерть нам приходит!» (с. 144).

«Да, медвежонок не врет», – замечает наблюдающий за Шалохиным нарратор:

Произнося последние слова, он вдруг побледнел, даже губы побледнели, а в больших голубых глазах, которые тоже неожиданно показались из-под бровей, ясно можно было прочесть ту усталость, которую причиняет внезапное сознание неминуемой беды.

Отчаяние стирает в сознании Шалохина все социальные границы, и он неожиданно обращается к чиновнику просто как к человеку, выговаривая слова тихим голосом, как молитву:

Измаялись мы. И так думаем, и этак прикинем, все одно смерть выходит. Действительно, мы самовольные. Ну прегрешили; однако неужели нам прощения не будет?! Куда нам теперь на старину идти? На старине-то наше место пусто, а тут у меня 17 лошадей... да дом, да две коровы (с. 144).

На возражение чиновника, что земля принадлежит старожилам, он отвечает, что земля *им* нужна «позарез», что их «полторы тысячи душ», что «халатники» сегодня «тута, завтра в Индею ушли», а им идти некуда. Шалохин готов стоять за своих до последнего, готов

дойти до министра. Его фигура, спокойная, «непоколебимо упорная, говорит, что он действительно не оставит». И в этом упорстве автор не видит ничего «нелепого, деревянного»:

Нет, Шалохин сознательный подвижник. Пьянство, плутни, грубости участковому... забыты, отринуты. Нет прежнего Шалохина, суетного, мирского человека: теперь Шалохин подвижник. Шалохин стоит за других, стоит за правду, как он ее понимает; он просит за ближних; быть может, и грешных; он искупает их грехи, он вымаливает им прощение. И весь Шалохин так и светится подвигом <...> Его речь стала правдивой, его манеры благородны, – не заносчивы, но и не принижены. <...> Он не утаит ни одной копейки из денег, которые ему дал мир на ходатайство (с. 146).

Таким Шалохина сделала жизнь на новом месте, и он так действует на вас, продолжает повествователь, «что вы, точно загипнотизированный, забываете все его грехи, помните только одно: что им всем зарез, – и начинаете помогать ему» (с. 146–147). Рассуждая далее о том, чем «берет этот великоросс», повествователь вновь погружается в историю, отмечая одно за другим объяснения того, как создавалось русское государство и останавливаясь на мысли, что именно на таких подвижниках, как Шалохин, у которых «в важные минуты личной и народной жизни царит... неподкупленная совесть» (с. 148) и которые всегда отличаются внутренней свободой, и строилась Россия. Шалохин «ни разу не поколебался под принятой на себя ношей» и все-таки «добился для своих доверителей ссуды на продовольствие» (с. 148) и заключения арендных отношений с исконными владельцами земли.

Портрет подвижника сменяется изображением другого типа переселенца – праведника, который «не действует», а «только праведно существует». Повествователь рисует образ безымянной «маленькой-премаленькой худой старушки», которая, получив положенное ей по закону «способие», обещает молиться «за всех добрых людей», имея в виду всех, находящихся в пункте переселения: немцев, малороссов, чувашей, русских, чиновников и новоселов, и у всех в этот момент становится хорошо на душе, «перед тем, как заговорить, все прокашливаются... верный знак, что что-то особенное произошло» (с. 153).

Словно уравновешивая эти возвышенные страницы путевых заметок, нарратор заканчивает их серией картинок, посвященных людям, желающим уехать назад. Смешное переплетается здесь с серьезным, комическое с трагическим. За рассказом о приехавшей из

Спасского-Лутовинова крепостной крестьянке, не знающей о том, кто такой Тургенев и что такое литература вообще, но мечтающей о возвращении в покинутое имение, следует история мальчика Феоктиста Сувойкина, который был оставлен в приюте родителями, двинувшимися в обратный из Сибири в Центральную Россию путь. Ребенок не помнит, как зовут его отца («звали тятькой»), «ни села, ни губернии, ни уезда тоже не знает: жили дома» (с. 173).

Сквозным образом путевых заметок Дедлова о переселенцах становится дорога, имеющая здесь форму кольца, люди движутся по ней постоянно, отправляясь на восток, мечтают вернуться на запад. Скрепляющим является и образ переселенческой конторы, как той конкретной точки, к которой устремляются переселенцы в надежде найти там ответы на все свои вопросы, но которая, будучи открытой с утра до вечера, оказывается тесным, душным помещением, где не помогают, потому что не хотят, а чаще не могут, практически никому и где люди сталкиваются с правдой о новой жизни на новых местах лицом к лицу.

Сцена, заключающая путевые заметки Дедлова, весьма символична в этом плане. Действие происходит все в той же конторе, куда прибегает заплаканная баба, из переселенцев. Она бросается на колени, обнимает чиновника за сапоги и «воет», рассказывая, что ночью умер ее муж-кормилец: «“Батюшка-а! Родимый мой! Что же с деточками малыми без мужа я делать буду-у!.. Отправь ты меня с этой каторжной новой стороны на старину-у...” Баба снова хочет ухватиться за каблуки. От этого с живостью уклоняются...» (с. 201).

Итак, пройдя путь переселенца, автор-повествователь провел за собою и читателя, и в этом он видит не менее важный, чем государственные законы, залог решения проблемы переселения в Сибирь, одной из самых болевых для пореформенной России. Он пробуждает совесть русского человека, его гуманизм, заостряет его социальное зрение, придавая переселенчеству по-настоящему общественный, демократический, народный (не только государственный!) масштаб, заставляя читателя переживать это явление как глубоко личное. Чем больше таких, как Шалохин, «маленькая-премаленькая старушка», как автор-повествователь, тем менее неразрешима проблема. Насколько Дедлов был прав в своем мнении, показывает вся история заселения Сибири, которая уходит в самую что ни на есть современность, в начало XXI в., отмеченное активизацией миграционных процессов и связанных с ними проблем самого разного уровня, от

социально-политического, экономического до нравственно-этического и психологического.

Как путевые заметки, «Переселенцы и новые места» В.Л. Дедлова несут в себе память жанра, причем обеих его ветвей. Вместе с тем их тема значительно трансформирует жанровый канон травелога. Описанная здесь поездка, восходя к традиции географического путешествия, между тем отличается строго заданной темой переселенцев маршрутом, в свою очередь, обуславливающим впечатления, наблюдения и рефлексию нарратора, который чем более погружается в проблемы жизни переселенцев, тем более поднимается над самим собой и многими окружающими в своем мировоззрении и мироотношении, увлекая за собой читателей. В путевых заметках Дедлова объединены высокий профессиональный, государственный подход к одной из самых злободневных общественных проблем России и беллетристическое начало, обращенное к массовому читателю, в котором автор надеется пробудить гражданина и гуманную личность.

* * *

На фоне путевых заметок В.Л. Дедлова интересно рассмотреть написанные чуть ранее «путевые наброски и картины» К.М. Станюковича «В далекие края», которые были опубликованы в журнале «Русская мысль» в 1886 г. под псевдонимом «Л. Нельмин». В начале лета 1885 г. писатель вместе с семьей выехал в административную ссылку в Томск. Впечатления от этого вынужденного путешествия и легли в основу его «путевых набросков» «В далекие края». В роли нарратора здесь выступает совершенно сторонний переселенческому движению человек, волею обстоятельств (которые, разумеется, не уточняются) совершающий поездку в Сибирь в одном поезде, а потом на одном пароходе с переселенцами. Характер его пути во многом соотносится с парадигмой первооткрывателя «страны золота и классического “Макара”»¹. Опираясь на традиционное представление о Сибири, он вместе с тем дает новую интерпретацию и темы переселенцев, и жанра путевых заметок, даже акцентируя это нетрадиционным жанровым подзаголовком – «путевые наброски и картины». Специфика заключается в синтезе «свежего» взгляда на проблему, обретенного неожиданно, можно сказать даже неволью, в

¹ Станюкович К.М. Собр. соч.: В 10 т. М., 1977. Т. 1. С. 238. Далее при цитировании указываю в скобках страницы этого издания.

силу того, что проблема режет глаз, и общественной позиции нарратора, с которой он отправляется в Сибирь.

Одной из первых причин, побудивших повествователя описать свой путь «в далекие края», представляется осознание таинственности и непознанности пространства, в которое ему предстоит шагнуть (Сибирь и «неизведанные места центральной Африки» для повествователя вначале – явления одного ряда, и ему кажется, что легче составить маршрут в Китай или Калифорнию, чем, «находясь в столице империи, сообразить способы сообщения, время и стоимость экскурсии по ту сторону Уральского хребта» (с. 238); все, что пишут о Сибири – неточно, скупо, покрыто стереотипами и никак не отражает повседневной жизни края), и глубокое потрясение буквально от всего, с чем он лично столкнулся на пути в Томск – название путевых набросков Нельмина в этом плане более чем показательное.

Итак, нарратор входит в сибирское пространство как принципиально «чужой» ему человек и как сложившаяся личность, оценивающая все увиденное с позиции определенных, твердых убеждений. Акцент в путевых набросках Нельмина делается на мировоззрении повествователя, его ощущение себя «другим» довольно быстро сглаживается, заменяясь чувством причастности к тому миру и людям, его населяющим, который первоначально привел его чуть ли не в шок.

Поездка на поезде в Сибирь для повествователя является перемещением не столько в пространстве, сколько во времени. «По мере удаления из Петербурга на восток, замечает он, – <...> чувствуется все большая и большая потребность в терпении и персидском порошке. Путешествие приобретает все более и более патриархальный характер, несколько напоминающий путешествие по девственным странам. Поезды двигаются медленнее и опаздывают чаще; часы отхода и прибытия пароходов находятся в большей связи с вдохновением и с милостью Господней, чем с печатным расписанием. Поездная прислуга теряет свой столичный вид, казарменную вежливость и расторопность» (с. 251). Поезд везет столичных пассажиров назад, к более низкому уровню цивилизации, культуры, соблюдения законов и прав человека.

Продвижение на восток сопровождается также заострением, обнажением самых злободневных, по мнению нарратора, проблем. В частности, увеличивается количество жалоб случайных попутчиков на отсутствие «на местах» такого человека, который бы честно выполнял свой служебный, государственный и человеческий долг пе-

ред обществом: «Эти... жалобы увеличиваются к востоку с таким "crescendo", что вам начинает казаться, что чем дальше, тем реже будет попадаться "человек", и, наконец, чего доброго, совсем исчезнет из обращения» (с. 253).

Наконец, «изменение долготы» обозначается и встречами с переселенцами, «направляющимися из разных концов России на привольные земли места далекого края, а из Тюмени плывете, имея на буксире арестантскую баржу, в которой скучена партия человек в семьсот будущих невольных жителей отдаленных и не столь отдаленных мест Сибири, плывущих на каторгу, поселение или в административную ссылку» (с. 255). Примечательно, что устройство художественного пространства, в котором происходит встреча повествователя с переселенцами, демонстрирует ту самую жизнь, от которой бегут эти люди, в основном крестьянские семьи со множеством детей.

С весьма выразительными подробностями описывается палуба парохода, «набитая пассажирами, которым предоставлялось полное право изображать собой сельдей в бочонке» (с. 273). Автор называет их «живым грузом», направляющимся из «тесной» Центральной России, на тесных палубах и в тесных вагонах, «с разных безземельных мест России, на "вольные места" Сибири, преимущественно в южные округа Томской губернии и (незначительная часть) на Амур. С этого дня мы уже не переставали видеть переселенцев. Проехавши с ними до Перми, видели их целые вагоны по Уральской железной дороге, обгоняли их между Екатеринбургом и Тюменью, плыли вместе девять дней до Томска и на пути обогнали два парохода с баржами, специально нанятыми переселенцами. Это усиливающееся в последние годы движение в страну ссылки начинается с открытия навигации и заканчивается осенью. Двигаются партии до Тюмени предпочтительно водяным путем*» (с. 273). Под знаком * автором делается следующее примечание: «Из 5589 переселенцев, проследовавших с мая по октябрь настоящего года через Томск, 4639 человек прибыли в Томск водою и только 950 человек сухим путем».

В повествование входит категория пути как определяющая в ситуации переселения в Сибирь, которая осмысливается повествователем как реальное перемещение в пространстве и как некий ритуальный переход из одного мира в другой, из одной жизни в другую. Первый семантический пласт связан с общественно-политической проблематикой:

Труден и скорбен бывает иногда долгий путь этих будущих колонизаторов Сибири, хотя они и пробираются не по каким-нибудь лесным дебрям или непроходимым пустыням, а передвигаются цивилизованным способом – на пароходах и баржах, на глазах у публики, иногда даже на глазах у петербургских сановников, отправляющихся из столицы вносить мир и цивилизацию в классическую страну пустопорожних мест, взятки и бесправия. Прежде чем добраться переселенцам до этого самого «пустопорожного места», ради которого они отправляются в неведомый край, бросая свои насиженные гнезда, им предстоит перенести немало серьезных невзгод и лишений. Целые толпы народа по нескольку дней стоят лагерем под городами в ожидании парохода, не зная, куда двинуться. Тиф нередко косит этих людей (с. 273).

И далее:

На обоих пароходах, на которых довелось мне плыть (на пермском и сибирском), на небольшом пространстве, остающемся свободным между рубкой, вторым классом, складом дров, дымовую трубой, машиной и бортами, было скучено множество людей, в том числе женщин и детей, без всякого соображения о праве пассажира хотя на некоторую свободу движения (без преувеличения люди сидели один на другом) и, разумеется, без каких бы то ни было приспособлений, намекающих на удобства, исключая, впрочем, покрывки на корме, защищающей от дождя, если только он не хлещет наискось (с. 274).

Ниже называется еще одна проблема, общая для России, но обоим переселенцам, – жесткая общественная иерархия, недалеко ушедшая от Средневековья, стирающая все личные отношения, вообще все человеческое:

Из пароходов, плавающих по Волге, только на американских пароходах немца Зевеке да на пароходах общества «Кавказ и Меркурий» существуют приличные помещения для палубных пассажиров, в виде удобных крытых нар для каждого пассажира. На остальных таким пассажирам предоставляются лишь узенькие скамейки по бортам и проходы на палубе. Скамейки обыкновенно занимаются пассажиром «почище», а в распоряжении «серых» остаются проходы, разные закоулки и свободные пространства под скамьями. Затем классных пассажиров берут обыкновенно по числу имеющихся на пароходе мест, а палубных, и особенно переселенцев, – «сколько влезет», и так как кулачество парходчиков ничем не отличается от самого первобытного и варварского, то, по их мнению, «влезть» может народу много. По закону, разумеется, должно быть определено, сколько может «влезать» на каждый пароход для безопасности его плавания и для удобства пассажиров, и такой список, за подписью надлежащих лиц, должен находиться на каждом пароходе, но даются ли такие удостоверения, я не знаю, а что закон не со-

блюдается паромщиками и что за этим никто не смотрит – это факт общеизвестный. Берут на пароходы гораздо более, чем «влезет» (с. 274).

Особая «забота» о чистоте и порядке на палубе, замечает нарратор, наступает, когда, «на беду, в числе пассажиров находится какая-нибудь “особа”. В заботах об удобствах особы паромная администрация старается “очистить” возможно большее пространство вокруг рубки первого класса, и тогда палубного пассажира сбивают совсем в невозможную кучу на корму, подальше от “большого света”» (с. 275).

Эту «адскую дорогу» к новой жизни чаще всего не выдерживают, погибая в пути, дети. Свои собственные наблюдения повествователь подтверждает фактами, ставшими достоянием общественности, что, впрочем, никак не изменило положения дел:

Из числа нескольких подобных фактов, оглашенных в печати (а сколько неоглашенных?), приведу следующий, бывший на пароходе «Ермак». На этом пароходе прибыло из Тюмени в Томск 37 семейств переселенцев, у которых было 18 детей, больных скарлатиной, и, кроме того, в пути умерло трое детей. На обоих пароходах, на которых мне пришлось ехать, были больные дети в переселенческих семьях, оставшиеся, разумеется, без всякой помощи, пока кто-то из пассажиров случайно не узнал об этом и не обратил на них внимания случившегося на пароходе врача. Ходил даже слух, будто один ребенок на сибирском пароходе умер от дифтерита и был поспешно похоронен на ближайшей пристани. Паромная администрация тщательно отрицала этот факт, чтобы не смущать «чистую» публику, тем более, что в числе последней был один важный административный «чин», ехавший на службу в Сибирь с семейством (с. 275).

Второй аспект реализации категории пути переселенцев на новые места связан в путевых набросках Станюковича с потрясающим равнодушием к ним окружающих, что не устает отмечать повествователь. К бедам переселенцев абсолютно равнодушны и они сами, и начальство, и те, кто вместе с ними, но в лучших условиях, плывет на корабле. Они для окружающих – не люди, а переселенцы, «серые», которым «полагается» страдать «по статусу». Переселение осмысливается как ритуал, инициация, по определению подразумевающая необходимость испытаний и мытарств. Это выворачивание наизнанку древнейшей в культуре человечества идеи движения личности по вертикали позволяет обществу с циничным спокойствием относиться к переселению как к «неизбежному» страданию.

На такие факты, разумеется, никто не обращает внимания. Да и кому дело до переселенцев? Господа капитаны, внимательные к «хорошему» пассажиру, с которым можно закусить и выпить, и лебезящие перед пассажиром, которого, в качестве «чина», можно трепетать, обращают ноль внимания на остальных и в особенности на безответных «серых», привыкших бояться всякого начальства. Я, по крайней мере, ни разу не видал, чтобы кто-нибудь из пароходного начальства, хотя бы для вида, позаботился взглянуть, как размещаются на ночь палубные пассажиры, спросить об их удобствах и т. п. По-видимому, подобные заботы никогда не приходят никому в голову, и когда один нервный господин, из так называемых «беспокойных пассажиров» (чем дальше от столиц, тем реже встречается этот типичный русский «беспокойный пассажир»), поднял было вопрос о тесноте помещения переселенцев и возмутился, что с них берут за кипяток по пять копеек, то сияющий и щеголеватый наш капитан даже вытаращил свои маленькие глазки, очевидно, удивленный подобному вмешательству не в свое дело и едва ли понимавший, как это теснота может беспокоить палубного пассажира, да еще сиволапого. – Помилуйте! Чем им нехорошо? – воскликнул он. – На других пароходах не так теснятся, а у нас довольно даже поместительно. У нас, с позволения сказать, на Волге всякие такие «филантропии» вовсе не известны. Никто из переселенцев не заявляет претензии, и вы только себя напрасно беспокоите пылким «воображением фантазии», – ядовито прибавил капитан (с. 275–276).

Вводя в повествование образ «беспокойного пассажира», который, в отличие от абсолютного большинства «публики», все-таки «впутывается в “истории”», но который оказывается, скорее, исключением из правила, повествователь задает читателю риторический вопрос и сам на него отвечает: «Что же делается на буксирных пароходах и на баржах, где, кроме переселенцев, никого нет? Там уж вовсе не церемонятся с людьми и нередко обходятся совсем варварски» (с. 276). И далее он приводит очередной пример из реальной жизни, почерпнутый им из «Памятной книжки Томской губернии на 1885 г.», с указанием страниц документа – «стр. 25 и 26»:

Так, например, в 1883 году, в конце июня месяца, прибыла в Томск на буксированной пароходом Ерш барже Тура огромная партия переселенцев в 2500 человек, втиснутых в пространство, на котором едва бы могло поместиться 800 человек. Подвергаясь всякого рода притеснениям со стороны пароходовладельца и, главное, терпя недостаток в продовольствии, партия эта привезла с собою 80 детей, больных скарлатиной, корью, дифтеритом и кровавым поносом. На самой барже найдено 5 трупов, и в первые сутки по прибытии умерло 9 детей, а, по рассказам крестьян, во время перехода водой было еще 20 умерших (с. 276).

Путь переселенцев на новые земли представляется их инициацией и повествователю, в сознании которого, как и у «беспокойного пассажира», эта категория окрашена в трагические тона, смыывающие не только присущий ее восприятию «публикой» цинизм, но и какую бы то ни было амбивалентность, характерную для данного архесюжета. Переселение в Сибирь, как его видит повествователь путевых набросков «В далекие края», это меньше всего разрыв со старой жизнью и приобщение к новой жизни и мировосприятию. Да, начальная стадия этого явления – мечта о привольной жизни на сибирских землях, которая заставляет людей бросить родной дом, иногда семью. Духовный настрой решившегося на переселение вроде бы меняется, в его воображении открываются светлые перспективы, возникает желание начать все сначала. Но уже первые этапы пути переселенцев в Сибирь только усугубляют их прежние проблемы, вытравливая из человека и мечту, и веру, и надежду, и самоуважение, и чувство собственного достоинства.

Духовного преобразования переселение на землю обетованную, каковой многим издалека представлялась Сибирь, не дает. Напротив, переселенец в своих бедах и несчастьях погружается в еще большее одиночество, в состояние отверженности. Неслучайно, пройдя путь в Сибирь, состоящий из сплошных преград, большинство переселенцев не утверждается в новом статусе, точнее, они его не обретают, и инициация продолжается. «...мытарства переселенцев не кончаются и тогда, – говорит повествователь, – когда они после всех испытаний добираются наконец (случается, христовым именем) до желанной “самары”, как называют они Томскую губернию. Новые и немалые затруднения ждут их на этой “самаре” и особенно в Алтайском горном округе, куда главным образом и стремятся переселенцы» (с. 277).

В связи с трудностями, «испытываемыми на вольных землях переселенцами», нарратор обращается к оборотной стороне этой проблемы – к «земельному неустройству старожилов», что влияет и на положение переселенцев, и на отношение старожилов к ним. Для большей убедительности он вновь обращается к «Памятной книжке Томской губернии на 1884 г.», изданной статистическим комитетом, откуда берет «малоизвестные публике сведения о землеустройстве на «”благодатном” Алтае». В частности, он сообщает, что до сих пор отсутствуют четкие земельные границы между коренным населением и новоселами, и между теми и другими и горным ведомством, что приводит к бесконечным спорам и даже волнениям крестьян.

Здесь повествователь вновь от «пространственных» проблем органично переходит к истории:

Начало этой безурядицы идет не со вчерашнего дня. Крестьянская реформа отозвалась на Алтае освобождением горнозаводских крестьян от обязательного труда и устройством крестьянских учреждений, но положения о земельном устройстве крестьян и о выкупе не применены, ввиду того, что большая часть земель, занятых бывшими заводскими крестьянами и разбросанных на громадной площади, не была точно обмежевана. Некоторые из земель подверглись в 20 годах обмежеванию, но столь неудовлетворительному, планы и пояснения на планах представляли такое несходство с натурой, что подобное межевание не могло служить основанием для земельного устройства бывших горнозаводских крестьян. На основании этих-то соображений и было постановлено: «Впредь до приведения в известность земель Алтайского горного округа предоставить крестьянам, в оном поселенным, пользование всеми усадьбами, пашенными, сенокосными и другими угодьями в тех размерах, в каких ныне угодья сии в их пользовании состоят», и за такое пользование в доход кабинета его величества взыскивалось по 6 р. оброку с каждой ревизской души (с. 278).

Этот закон показал свою несостоятельность еще в 1865 г., когда земли Кабинета Его Величества были открыты для переселенцев. «С тех пор, – отмечает повествователь, – границы “условного пользования” стали мало-помалу уничтожаться, а между тем никаких мер к более правильному земельному устройству алтайских крестьян не предпринималось, и земли все еще “не приведены в известность”. Мало того, закон, предоставлявший алтайским крестьянам неограниченное пользование угодьями в размерах, в каких они пользовались при обнаружении положения 8 марта 1861 г., был нарушен восстановлением заведомо негодных планов 20–30 гг., на основании которых крестьян обязали пользоваться землей. Отсюда земельные споры о границах, до сих пор не прекратившиеся и разоряющие крестьян. Еще более тягостными являются стеснения тех же крестьян в пользовании лесом. Хотя в 1881 г. и было разъяснено, что крестьяне могут пользоваться лесом в пределах своих наделов безусловно, а из заводских дач за пользование более ценным лесом на собственные только надобности обязаны отбывать повинности – опалку заводских дач и тушение лесных пожаров, – тем не менее ни закон, ни разъяснение его не исполнялись лесным ведомством; оно запретило крестьянам пользоваться лесом в пределах их наделов даже по неудовлетворительным планам. Возвращенный и сберегаемый крестьянами лес вдруг оказался под запрещением» (с. 278–279).

Ниже, ссылаясь на Ядринцева, повествователь приводит вопиющие факты невыполнения законов в отношении переселенцев, которые могут находиться по 10–12 лет в «переходном состоянии», как бы не принадлежа «ни к тому, ни к другому обществу», не имея паспорта, денежного пособия, но обязанного нести и податную тяжесть, и повинность на новом месте. И далее вновь приводятся цифры – количество «взысканий», «перечисленных в Сибирь душ», оставшихся в живых, имеющих имущество, «непричисленных крестьян, которых существование находится в полной зависимости от снисходительности, разумеется, небескорыстной, сельских и административных властей, могущих всегда придрататься за просрочку паспортов или бесписьменность» (с. 280).

Самым трудным испытаниям подвергаются те, кто приезжает «на Самару» вообще без денег или «с ничтожным запасом». Повествователь отмечает:

Таким переселенцам прежде чем сесть на хозяйство, приходится нередко батрачить у местных крестьян, причем труд их оплачивается хлебом, лесом на постройку и частью деньгами. Нельзя сказать, судя по рассказам наблюдателей, чтобы старожилы по-братски рассчитывались с «Россией». Они не прочь закабалить при случае рабочего, и тогда переселенцу приходится жутко. <...> Пустят сперва переселенцев к себе, продадут им дома, уверяя, что обзаведшийся домом легче получит приемный приговор, и затем отказывают в приеме и выживают новоселов. Дело доходит до серьезных столкновений. Переселенцы, рассчитывавшие на «перечисление» и затратившие на покупку домов последние деньги, добровольно не уходят, несмотря на приговоры о выдворении. В одной из волостей, где старожилы сперва было позволили поселиться новоселам, но, увидав значительный их наплыв, испугались «тесноты», был постановлен приговор просить исправника об удалении новоселов «ввиду упадка сельского благосостояния», и исправник предписал волостному старшине «не допускать заниматься хлебопашеством всех непричисленных переселенцев и, назначив им сроки для приискания другого места жительства, выдворить» (с. 281–282).

Определяя свои замечания о переселенцах как «неполные и отрывочные», автор-повествователь между тем без тени сомнения делает общий вывод о «безотрадном положении переселенческого дела в настоящем его виде» и о том, что «дело это, помимо простой человеческой справедливости, требует самого серьезного внимания», поскольку, «как ни затрудняют переселенцев лица, обязанные им содействовать, каким испытаниям ни подвергаются переселенцы в пути и каких только мытарств ни предстоит им на новых землях, но

дома так сильно “утеснение”, что партия за партией идут в далекие страны, идут часто христовым именем, эти искатели нового счастья, старающиеся разрешить трудную проблему: где же наконец хорошо жить русскому человеку?» (с. 286, 289).

Нарратор, оказавшийся «беспокойным пассажиром», в течении своей поездки в «далекие края» пристально всматривавшийся в жизнь переселенцев, о которой в начале своего пути имел весьма приблизительное представление, принявший на себя их беды как свои личные, заканчивает свои «путевые наброски» целой программой конкретных действий. Он настаивает на необходимости серьезной помощи переселенцам со стороны государства, на более правильном урегулировании крестьянских переселений, на более тщательном выборе людей, посылаемых для наблюдения за ними («Ведь от этих людей зависит нередко буквально участь людей! Боже сохрани, разумеется, чтобы переселенческое дело попало в руки чиновников, то есть чтобы расселения происходили по их указанию» – с. 285).

Особенно остро ставится проблема принудительной колонизации. Автор путевых набросков утверждает, что нужно предоставлять «полную свободу самим переселенцам селиться, где они хотят, выбирать места, какие они знают (лучше самих заинтересованных никто не распорядится), но необходимо заранее давать верные сведения о свободных землях, об условиях пользования ими и т. п. и сообщать их в земства. Вообще не мешало бы желающим переселиться дать возможность хотя несколько познакомиться с тем, что ожидает их впереди: со стоимостью пути, с расходами по перечислению, – словом, с теми нехитрыми сведениями, знание которых значительно облегчит движение переселенцев. В то же время необходимо устроить на всех важных пунктах переселенческие станции, где бы переселенцы могли найти хотя какой-нибудь призор, и, что главное всего, серьезно помочь нуждающимся переселенцам при уходе из дома и при устройстве на новых местах. Такая помощь, хотя бы в виде займа, с раскладкою на несколько лет, конечно, не ляжет бременем на государство, если бы даже и потребовала значительных сумм, так как подобный расход действительно производительный» (с. 287).

Подводя итог разговора о путевых набросках и картинах К.М. Станюковича «В далекие края», следует отметить, что они стали ярким событием в литературе конца XIX в., открыв новые грани осмысления переселенческой темы. Глубочайший общественный пафос, страстная личная позиция, которыми пронизано сочинение,

органично сочетается с документально-аналитическим подходом к увиденному явлению. Причем одно другому не противоречит, напротив, создается целостное представление об освоении Сибири, о ее заселении представителями Центральной России. История, быт, социология, политика, вошедшие в путевые наброски в связи с проблемами сибирских новоселов, становятся той почвой, на которой реализуется и развивается духовный мир повествователя. Утверждение взгляда «беспокойного пассажира» К.М. Станюковича на процесс переселения в Сибирь было чрезвычайно важно как для отечественной литературы 1880–1890-х гг., так и для России этого периода.

* * *

Возвращаясь к главной проблеме данного раздела – проблеме жанрового своеобразия путевых заметок о переселенцах, сделаем некоторые общие выводы из проведенного анализа путевых заметок В. Дедлова «Переселенцы и новые места» (1894) и путевых набросков Л. Нельмина (К.М. Станюковича) «В далекие края» (1886). Во-первых, они обнаруживают чрезвычайно злободневность темы переселенцев, которая, даже не являясь изначально центральной для сочинения (как, например, в очерках Станюковича), формирует его сюжет, композицию, хронотоп. Мы видим, как в обоих текстах повествователь из любого наблюдения за переселенцами выходит к размышлению не только об этом социальном явлении, но и о России, человеке, истории в целом. Во-вторых, осмысление темы переселения в Сибирь играет особую роль в организации повествования и образа нарратора в рассмотренных путевых заметках и набросках. В обоих проанализированных книгах его можно определить точными словами Станюковича – «беспокойный пассажир», не позволяющий себе равнодушно проходить мимо жизни, мимо своей страны, мимо человека, с чем связан профессиональный (основанный на цифрах и конкретных фактах, добытых самим повествователем) подход к изображаемому и осмысляемому материалу, который генерирует глубоко личное отношение к собранным в пути данным и яркий публицистический пафос рассказа о них, обращенного к читателю.

**5. «Я ЧУТЬ НЕ КАЖДЫЙ ДЕНЬ ВИЖУ ЭТИ СЦЕНЫ»...
«АХ, ЕСЛИ Б БЫЛО ВРЕМЯ ПИСАТЬ!»
(СИТУАЦИЯ «ВНУТРЕННЕГО ПОГРАНИЧЬЯ»
В СЛУЖЕБНОЙ И ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
СИБИРСКОГО ПИСАТЕЛЯ Н.И. НАУМОВА)**

Николай Иванович Наумов – один из тех сибирских писателей, которому, с одной стороны, исследователи заслуженно отдают должное, а с другой – так и не определена роль в общелитературном процессе. Чаще всего речь о нем идет как о писателе «второго ряда», творчество которого не получило дальнейшего продолжения. В известной статье Г.В. Плеханова, написанной еще при жизни писателя, по сути, был вынесен приговор Наумову-художнику: «... странно было даже и говорить о художественном элементе в произведениях Наумова. Теперь времена изменились, и никто уже не будет так увлекаться сочинениями Наумова, как увлекались ими лет двадцать назад»¹. В многочисленных статьях Н.М. Ядринцева, Г.Н. Потанина, А.М. Скабичевского, А.И. Богдановича, написанных на рубеже XIX–XX вв., его творчество рассматривается не с эстетической точки зрения, а исключительно исходя из общественно-социологической его составляющей².

Дальнейшие попытки исследователей вписать творческое наследие Наумова в общелитературные процессы приводили, как правило, к выводу об «ограниченности» его художественного кругозора и сосредоточении писательского внимания исключительно на «локальных проблемах» жизни сибирского крестьянства. Подобного рода утверждения приводили к таким понятиям, как «бытописание», «этнографизм», но практически выводили за пределы собственно литературы разговор о специфике художественного метода писателя, тем более, что материалом для анализа служили произведения, созданные в основном в петербургский

¹ Плеханов Г.В. (Н. Каменский). Н.И. Наумов // Новое слово. 1897. № 5.

² См.: Потанин Г.Н. Роман и рассказ в Сибири // Сибирь. 1876. № 40, 44, 51 (Под псевдонимом «Авесов»); Скабичевский А.М. История новейшей русской литературы. 5-е изд. СПб., 1903; Ядринцев Н.М. Письма Г.Н. Потанину. Красноярск, 1918. Вып. 1; Богданович А.И. Критические заметки // Мир Божий. 1897. № 2.

период его жизни и творчества (1869–1884 гг.)¹. В исследованиях М.С. Горячкиной, И.Г. Попова, Ю.С. Постнова намечается определенная акцентировка сибирского опыта в творческом развитии Наумова, но проблема еще не выносится как центральная².

Наиболее продуктивной оказалась работа с материалом архива писателя, хранящегося в Научной библиотеке Томского университета. Впервые к его изучению обратился С.Е. Кожевников в связи с подготовкой собрания сочинений Наумова в трех томах (1938–1940 гг.). После прижизненного двухтомного оно до сих пор является наиболее полным изданием, так как в него включены и новые найденные в архиве произведения, и те, что не входили ранее ни в один отдельный сборник писателя. Во многом выборочное описание архива (исследователя интересовали в основном незаконченные отрывки художественных произведений Наумова), открыло, несомненно, новые перспективы в изучении его творчества³. В дальнейшем с архивом писателя работали Н.Ф. Бабушкин и Н.Н. Прозоров⁴.

В последние десятилетия наметился явный позитивный поворот в изучении творческого наследия Наумова. Современные научные концепции литературоведческого, культурологического, историософского плана, наряду с интересным и убедительным

¹ См.: *Бельчиков Н.Ф.* Вступительная статья к книге: «Наумов Н.И. Сочинения». М.; Л., 1933. С. 7–41; *Беспалова Л.Г.* Рассказы и очерки Н.И. Наумова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1962; *Кожевников С.* Бытописатель старой Сибири // Наумов Н.И. Рассказы о старой Сибири. Новосибирск, 1937; *Соколов Н.И.* Наумов // История русской литературы: В 10 т. М.; Л., 1956. Т. 9, ч. 1. С. 375–386; и др.

² *Горячкина М.С.* Художественная проза народничества. М., 1970; *Попов И.Г.* Жизнь и творчество Н.И. Наумова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1967; *Постнов Ю.С.* Н.И. Наумов // Очерки русской литературы Сибири: В 2 т. Новосибирск, 1982. Т. 1. С. 391–399.

³ *Кожевников С.Е.* Литературное наследство Наумова // Наумов Н.И. Собр. соч. Новосибирск, 1940. Т. 1. С. 3–31; *Он же.* Комментарии к кн.: Наумов Н.И. Собр. соч. Новосибирск, 1938. Т. 3. С. 397–410; *Он же.* Н.И. Наумов: Очерк о жизни и творчестве писателя. 1838–1901. Новосибирск, 1952.

⁴ Речь писателя Н.И. Наумова в день 300-летия покорения Сибири. Публикация Н.Ф. Бабушкина // Томск. Альманах. Томск, 1948. Вып. 3. С. 114; *Прозоров Н.Н.* Н.И. Наумов в 60–70-е годы XIX в. // Ученые записки Енисейс. пед. ин-та, 1960. Вып. 4. С. 149–154; *Соколов Н.И.* Наумов // История русской литературы: В 10 т. М.; Л., 1956. Т. 9, ч. 1. С. 375–386.

привлечением архивного материала, отличают работы Е.Г. Новиковой и Н.В. Серебренникова¹.

Наша работа продолжилась в русле изучения архива Наумова, что позволило обнаружить новый ряд не опубликованных ранее текстов и документов 1880–90-х гг., выявляющих специфику уникального метода писателя. Будем помнить, что в последний сибирский период, который начался с середины 1880-х гг. и продолжился до конца жизни, Наумов не просто служил в должности чиновника по крестьянским делам, но и совмещал это с напряженным писательским трудом. В незаконченных рукописных отрывках, письмах, записной книжке писателя все время ощущается присутствие живой реальной действительности, в которой проходила его служебная и творческая деятельность. В то же время при изучении архива и опубликованных произведений писателя приходит понимание, что характерная незаконченность, обрывочность его текстов связана не просто с закономерной нехваткой времени у чиновника Наумова, но и с явным внутренним конфликтом, особо остро проявляющимся в письмах к родным и друзьям. Это связано со свойственным для писателя трагическим мироощущением, с его постоянным духовным поиском, задающим определенную ситуацию внутреннего пограничья, фронта, ставшую, в конечном счете, и общей трагедией писателя, в полной мере не реализовавшего себя. Попытаемся с этой точки зрения осмыслить феномен Наумова.

В свое время в одном из писем Г.Н. Потанин очень точно сказал: «Нет, или Ник<олай> Ив<анович> не поэт, или поэт другого рода»². «Неоправдавшейся надеждой» назвал сибирского писателя и современный исследователь Н.В. Серебренников в своей авторитетной

¹ Новикова Е.Г. Жанровая специфика поздних произведений Н.И. Наумова и некоторые проблемы сибирской литературы. Статья первая. «Картинка с натуры» // Проблемы метода и жанра. Томск, 1991. Вып. 17. С. 132–156; *Она же*. Жанровая специфика поздних произведений Н.И. Наумова и некоторые проблемы сибирской литературы (Статья вторая. «Эскизы без теней») // Проблемы метода и жанра. Томск, 1994. Вып. 18. С. 208–221; *Она же*. Томск в жизни Н.И. Наумова. Эскизы без теней // Русские писатели в Томске. Томск, 1996. С. 128–146; *Серебренников Н.В.* Н.И. Наумов: неоправдавшаяся надежда // Серебренников Н.В. Опыт формирования областной литературы. Томск, 2004. С. 175–183.

² Потанин Г.Н. Письма: В 5 т. Иркутск, 1987–1992. Т. 2. С. 18.

монографии. Следуя логике работы, он принципиально акцентирует не эстетический, а концептуальный аспект проблемы, размышляя о том, можно ли Наумова называть писателем-областником, и вообще, к какой литературе следует относить его творчество: народнической, областной или областнической? Утверждение исследователя, что Наумов «был более фактограф, нежели областник, к каковым его невозможно отнести», подкрепленное выводом о том, что писатель «не коснулся ни одной областнической идеи»¹, представляется излишне категоричным. Но немаловажно, что в свой последний сибирский период жизни и творчества Наумов работал в должности чиновника и постоянно общался со всеми теми, кто определял специфическую «физиономию» российской колонии: ссыльными, каторжниками, беглыми, разбойниками. Особо значимой для него стала организация быта русских переселенцев².

Н.В. Серебрянников при исследовании областнической концепции видит развитие переселенческой проблемы, «более поздней и не столь острой», уже только в творчестве сибирского писателя начала XX в. Н.Д. Гребенщикова. При разговоре о проблемах областничества он, по сути, игнорирует вопрос о переселении в Сибирь. Для нас же он является принципиальным в контексте и общей проблематики эпохи второй половины XIX в., и своеобразия ее отражения в творческой и служебной деятельности Наумова.

В 60–70-е гг. XIX в. областническая идея уже оформилась в четыре известных пункта программы: 1) проблема тюрьмы и ссылки и вопрос об их отмене; 2) вопрос об экономическом аспекте колонизации края и мануфактурном иге со стороны центра; 3) вопрос о сибирской интеллигенции и учреждении сибирского университета (при общем поиске формулы соединения сибирского патриотизма с

¹ *Серебрянников Н.В.* Опыт формирования областнической литературы. Томск, 2004. С. 181.

² Проблема «Наумов и переселенцы» впервые была исследована в работах Л.Г. Беспаловой. См. ее работы: Н.И. Наумов о переселенчестве в Сибирь // Ученые записки Тюмен. гос. пед. ин-та, 1960. Каф. рус. яз. Вып. 1. С. 173–192; Крестьянство Тобольской губернии в XIX веке (По произведениям Н.И. Наумова) // Ежегодник Тюмен. обл. краевед. музея, 1961. Вып. 2. С. 73–84; Переселение крестьян в Сибирь в творчестве русских писателей // Земля Тюменская: Сб. Тюмен. обл. краевед. Музея. Тюмень, 1965. Вып. 4. С. 53–63; Писатель-сибиряк Н.И. Наумов // Сибирские просторы. 1963. № 10. С. 138–150; Рассказы и очерки Н.И. Наумова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1962.

общечеловеческим стремлением к свободе и справедливости); 4) вопрос об инородцах и коренных народах колоний (очевидно, что он вытекал из изучения обширной литературы о положении коренных народов Америки). Таким образом, пятым пунктом становился вопрос о переселенцах. На первых порах развития областнической концепции он находился только в стадии зарождения. Резкий всплеск интереса к нему наблюдается уже в последние десятилетия XIX в., когда утверждается ряд законов по переселенческой проблеме и в центральных изданиях появляется огромное количество публикаций, посвященных аграрным миграциям в Сибирь.

В самой областнической концепции к этому времени тоже наметилась явная эволюция, связанная с усилением внутреннего спора по проблеме границы¹. Наряду с историей колоний и колониальной политики областники обращаются к изучению вопроса о положении провинции в Европе, прежде всего во Франции, Англии и Швейцарии. В итоге Ядринцев становится одним из наиболее заметных русских защитников и теоретиков децентрализации. Потанин же видел залог будущего развития Сибири в общинном, артельном начале. Для него важно было указать на ту разницу, которая существовала между сибирской и американской колонизацией. Отличие Сибири от России – в отсутствии крепостного права, поэтому, прежде всего, из общины вырастает сам принцип федерализма. Именно Сибирь, по убеждению Потанина, должна совершить этот переход, и в этом ее мировое значение². Таким образом, от общинной организации жизни областники шли к выяснению социальной и хозяйственной роли кооперации. Обратим внимание, как сами лидеры областничества искали пути воплощения своей концепции, которые выразились в их жизненных и идейных скитаниях.

Потанин в последней четверти XIX в. все меньше пропагандирует свои идеи, но больше занимается научной работой. Его влечет Восток. В эти годы он совершает экспедиции в Южный Китай, Восточный Тибет, Монголию. Выпускает 2-томник «Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия» (СПб., 1893).

¹ См. письмо Потанина А.Д. Шайтанову в апреле 1863 г., в котором он развернул целую программу идейного воспитания областника // Г.И. Потанин. Письма: В 5 т. Иркутск, 1987–1992. Т. 1. С. 65–66.

² См.: *Ядринцев Н.М.* Письма к Г.Н. Потанину. Красноярск, 1918.

Ядринцев, после многолетнего проживания в Петербурге и посещения Швейцарии в 1886 г., едет опять в Сибирь. В 1888 г. он принимает предложение Потанина перенести «Восточное обозрение» из Петербурга в Иркутск. Потанин тоже переезжает туда и становится главой Правления Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества.

Ядринцев в конце 1880-х гг. переживает глубокий духовный кризис. Связано это и со смертью жены, и с тем, что он лишается в Томске поддержки «Сибирской газеты», тяготевшей к областничеству, но закрывшейся в июле 1888 г. Тем не менее уже следующим летом при поддержке Потанина он совершает поездку в Монголию, а в декабре возвращается в Петербург. В 1890 г. туда переезжает и Потанин. В этом же году Ядринцев совершает поездку в Париж, в 1893 г. посещает выставку в Чикаго. Потанин же предпринимает новое странствие в Китай, но вскоре возвращается в Россию из-за смерти жены. При этом все очевиднее выявляются идеи западничества у Ядринцева, евразийства у Потанина, но специфика областничества как раз и заключалась в попытке удержать эти две противоположные позиции, обычно конфликтующие между собой.

В итоге в последние десятилетия XIX в. областническая идеология представляла собой ориентированный на Сибирь сложный сплав российских социально-мессианских надежд с западными социальными доктринами. Это была еще и попытка не только воспринять западные идеи и опыт, но и стремление развить свое, во многом оригинальное, учение о путях развития Сибири. Такого рода тезис подтвердился известной мыслью Потанина: «Нужно переводить с иностранного не на язык, этого недостаточно, а на формы русской жизни, на формы русского чувства»¹.

Важно, что взгляды первой сибирской «областнической молодежи» – Г.А. Потанина, Н.И. Наумова, Н.М. Ядринцева, С.С. Шашкова – сложились под влиянием исследований о Сибири П.А. Словцова, исторических сочинений Н.И. Костомарова, земско-областной теории А.П. Щапова, что в дальнейшем повлияло на формирование областнической доктрины, идеи сепаратизма. Русское население Сибири этнически и конфессионально всегда тяготело к России, было

¹ Потанин Г.Н. Письма: В 5 т. Иркутск, 1987–1992. Т. 2. С. 75.

политически и экономически привязано к ней. Поэтому сами областники (особенно на первом этапе развития) чаще лишь на словах объявляли о своей укорененности в сибирской жизни. При этом они оставались людьми европейского мышления, которое сформировалось в атмосфере Петербурга под влиянием народнических идей Герцена и Чернышевского. Таким образом, в самой сути областнической идеи и духовно-топографическом пути ее лидеров мы наблюдаем постоянную ситуацию фронта, пересечения границы, поиска идеального локуса для воплощения своей доктрины.

Сама граница определяется условиями места, времени, жизненных, исторических и иных обстоятельств. Но человек может осуществить выбор, и тогда граница может быть раздвинута, перенесена или вовсе снята. Творческий и жизненный путь Наумова представляется неким срединным вариантом поиска своего пути, того пространства, где бы он смог реализовать себя наиболее адекватно. Будущему сибирскому писателю было суждено проучиться в Петербургском университете меньше года, так как 12 декабря 1861 г. он был арестован за участие в студенческих волнениях и демонстрациях и заключен в Петропавловскую крепость. С середины 1860-х гг., вместе с Ядринцевым и другими, он был привлечен по делу «Общества независимости Сибири» и только 8 апреля 1868 г. освобожден от суда и наказания. Но уже в Петербурге, по словам Потанина, «Наумов был патриотом, т. е. хотел непременно возвратиться на родину и ей посвятить свою деятельность»¹.

В 1864 г. Наумов, несмотря на первый писательский успех, уезжает из Петербурга в Сибирь. Как человек, несомненно, прекрасно знающий край, он по рекомендации известного этнографа, исследователя Сибири С.В. Максимова получает место участкового земского судьи в Тобольске, затем работает в Омске, в Кузнецком округе в должности чиновника по крестьянским делам. Сам писатель объяснял свой отъезд молодостью и желанием познакомиться с жизнью народа. Реальная действительность разобьет его иллюзии, но и активизирует творческую деятельность.

¹ Дело об отделении Сибири от России / Сост. Н.В. Серебренников. Томск, 2002. С. 177.

В 1869 г., обогащенный большим количеством материала из жизни сибирского крестьянства, Наумов снова вернется в Петербург, где начнется расцвет его творчества и где он узнает настоящий успех и славу. После длительного писательского молчания он теперь печатается в различных изданиях народнического толка, выпускает ряд сборников. Писатель и сам принимает активное участие в открытии новых журналов. В мае 1880 г. Ядринцев сообщал Поникаровскому: «Наумов теперь в союзе с беллетристами, изучающими народный быт, Глебом Успенским, Златовратским, Гаршиным и др.; создают новый журнальчик «Русское богатство»¹. Вместе с С.Н. Кривенко он пытается возобновить запрещенный в 1881 г. журнал «Слово»².

Продлится этот плодотворный период до 1883 г. А затем опять повлечет Сибирь, и вернется туда Наумов уже в чине надворного советника в должности неперменного члена по крестьянским делам. По точному замечанию Е.Г. Новиковой, «впервые в его сибирском жизненном опыте служба чиновником соединилась с писательством и разнообразной просветительской деятельностью»³. В самой Сибири он из Мариинска стремится в Томск, где желает улучшить не только свой служебный рост и материальное положение, но и получить возможность погрузиться в более культурную и интеллектуальную среду. Томск станет последним местом проживания Наумова, и здесь пройдут его последние годы в попытке реализовать до конца свою служебную деятельность и писательскую миссию.

С точки зрения служебного роста Наумов делает блестящую карьеру, которая только и могла состояться в Сибири. С 1892 г. он приобретает новый качественный статус, принадлежа теперь к Ведомству Кабинета Его Императорского Величества и занимая должность члена Томского Губернского совета от Ведомства Кабинета Е.И.В. по делам Алтайского округа. Благодаря этому он уже непосредственно связан с Петербургом. Как представитель Кабинета Наумов оказался в центре проблем, связанных с переселенческим движением. В 1895 г. он получает чин коллежского советника, в 1898-м – тайного. Таким образом, отъезд на родину, возвращение в столицу и снова отъезд в Сибирь – это та модель, которая не раз по-

¹ Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1980. Т. 5. С. 249.

² РНБ. Ф. 1029. № 82–83.

³ Новикова Е.Г. Томск в жизни Н.И. Наумова. Эскизы без теней // Русские писатели в Томске. Томск, 1996. С. 141.

вторится в жизни писателя. Потанин писал, что «как Антею для восстановления сил нужно прикоснуться к земле, – так Наумову для душевного возрождения нужно было спускаться в народ»¹.

Пространство, которое собирается из вещей и событий человеческого существования, всегда исполнено равновесия и свободы, не имеет границ только в физическом смысле слова. Поэтому движение в пространстве представляет собой и *путь*, который проходит человек, чтобы образовать «свое» пространство, пространство-сферу. Сама судьба Наумова – это по сути постоянное пересечение границы и осмысление ее не только в контексте областничества, вечной оппозиции Востока и Запада, но и личного, индивидуального мирозерцания, нахождения своего, особого места в сибирском локусе, хотя отношение его к нему крайне неоднозначно.

Его многочисленные письма друзьям, соратникам по цеху будут наполнены бесконечной тоской по Петербургу, стремлением вырваться из привычной среды, покинуть хоть ненадолго эту «проклятую» Сибирь. В письмах к А.М. Скабичевскому, известному литературному критику и историку литературы, связанных с последним сибирским периодом жизни и творчества, Наумов пишет о своей постоянной тоске, старости, нищете. Вместе с тем, несмотря на явную тоску-печаль, он продолжает активно следить за новыми литературными публикациями, соотнося их с собственным служебным опытом. В письме от 4 октября 1886 г. он пишет: «С каким интересом я прочитал “Пестрые письма” Щедрина в сентябрьской книжке “Вестника Европы” – вот это талант! < ... > Глубокое впечатление произвел на меня также своей жизненной правдой рассказ, помещенный в той же книге “Вестника Европы”, “Лето среди переселенцев”. Ах, как верно все это схвачено! Я чуть не каждый день вижу эти сцены и потому имею право сказать об них слово, тем более что каждое лето мне, как мировому посреднику, приводится разбирать возникшие между новоселами и старожилами-сибиряками споры о земле и примирять их. Верно, верно... все верно. Обрати внимание на этот рассказ»². Эпитет «верно» становится той высшей похвалой, которой писатель мерит ценность художественного произведения, так как критерий «жизненной правды» для него, безусловно, ведущий.

¹ Литературное наследие Сибири. Т. 7. С. 132.

² Архив А.М. Скабичевского // ИРЛИ. Ф. 283. Оп. 1. № 27. 22 письма Н.И. Наумова к А.М. Скабичевскому 1881–1899 гг. Л. 10 об. – 11.

На фоне общих разговоров о Сибири, ее холодах и неурожае, Наумов высказывает неприменную мечту побывать в Петербурге. В письме от 24 октября 1893 г. он продолжает говорить о скуке и одиночестве, но и о создании рассказа «Картинка с натуры» с характерным добавлением: «Пишу, чтобы убить время и пристроить куда-нибудь для самоуслаждения»¹. Тоска по Петербургу звучит и в письмах 1894 г., где он жалуется на безденежье, писательское бесплодие, оскудение своего таланта. В письме от 30 января читаем: «Писать, но как прав был Салтыков, что писать можно только в Петербурге. У меня много материалу ценного, но при таких условиях, как относится ко мне, например, “Русское богатство”, разве можно писать? И думаешь, что устарел, что потерял способность писать. Но будь я в Петербурге с этим материалом, не то бы и было»².

В июле 1888 г. произойдет знаковая для Наумова встреча с Г.И. Успенским, и здесь мы увидим принципиально различное восприятие сибирского пространства писателем-областником и писателем-европейцем. Успенского, который оказался в Сибири после ряда сомнений и душевно-топографических скитаний, она не только восхитила, но и во многом возродила. «Забрала меня Сибирь за живое», – написал он Наумову уже на обратном пути из Томска. Тот же в письме к Скабичевскому от 29 августа 1888 г. отметил, что Сибирь Успенскому понравилась, но и выразил сомнение, что в ней «можно нравственно отдохнуть». «Она ему понравилась сгоряча», – резюмирует он, испытывая грусть от расставания и от того, что его мечта о Петербурге становится все нереальнее³. Но в том же письме Успенский возражает Наумову: «Как ни плохо в Сибири, – но ей-богу она не повредила Вам так, как бы повредил за все эти годы Петербург. Уверяю вас, что Вы там были бы раздражены не так, как раздражает Вас сибирская кляуза, а смертно, то есть до безнадежности»⁴.

Тем не менее и в переписке с С.Н. Кривенко, известным публицистом-народником, знакомство с которым у Наумова произошло еще в 1870-е гг. в Петербурге, писатель будет продолжать говорить о

¹ Архив А.М. Скабичевского // ИРЛИ. Ф. 283. Оп. 1. № 27. Л. 26.

² Там же. Л. 29.

³ Там же. Л. 15.

⁴ Архив Н.И. Наумова // ОРК НБ ТГУ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 181. Л. 1.

тяготах сибирской жизни. Его жалобы подкрепляются и раздумьями о невыносимой жизни крестьян, с которыми он имеет дело по должности. Сообщая Кривенко о своей службе крестьянским чиновником, он пишет о страшных условиях жизни переселенцев, которых наблюдал в мороз, об их выселении из Алтая.

Благодаря этим впечатлениям у Наумова родился рассказ «Картинка с натуры», который был напечатан в «Русском богатстве» в августе 1894 г. В письме от 9 сентября 1893 г. Наумов сетует, что не успел отправить рассказ в сборник «В путь-дорогу», создававшийся в помощь голодающим и переселенцам, так как «отняла время сама служба по переселенцам». Вместе с тем добавляет: «Я без похвальбы скажу, что первый поднял вопрос о необходимости подавать переселенцам пособия. <...> А с моей легкой руки из казны стали подавать им подобные пособия сначала одним хлебом, а теперь уже выдают деньгами»¹. 19 октября 1896 г. он сообщает Кривенко о замысле нового рассказа из быта переселенцев, который так и не был напечатан (скорее всего, речь идет об очерке «По новоселам»).

В письме от 19 января 1897 г. писатель приглашает и своего адресата приехать в Сибирь, чтобы не только погостить, а и «посмотреть на житье-бытье переселенцев и их условия жизни», хотя добавляет, что развилась буквально «мода на переселенческий вопрос»². 29 августа он поделился радостью по поводу выхода в свет своего первого собрания сочинений, изданного в Санкт-Петербурге О.Н. Поповой и во многом подытожившего его творческий путь. В письме от 10 марта Наумов рассуждает об отказе С.Н. Кривенко от журнала «Новое слово» в пользу О.Н. Поповой, сообщает о передаче рассказа «В пользу голодающим» в журнал «Новое слово» через дочь Веру, советует Кривенко основать свой артельный журнал и тут же выступает с резким несогласием оценки творчества писателей-народников в статье Г.В. Плеханова, выступившего под псевдонимом Н. Каменского, причем больше говорит в защиту не своего творчества, а Г.И. Успенского³.

¹ Неизвестные письма Н.И. Наумова / Публикация, вст. статья и примечания Н. Якушина // Сибирские огни. 1969. № 3. С. 158.

² Там же. С. 161.

³ Там же. С. 163.

Как видим, письма Наумова этой поры наполнены не только явной тоской по культурным центрам, но и напряженной работой, как в общественном, так и в творческом плане. Глубокий внутренний «пограничный конфликт» писатель во многом снимает своим конкретным социокультурным действием и творчеством. Более того, в силу своих служебных и писательских пристрастий, он выдвигает на первый план проблему русских переселенцев, которая еще только получает разработку в литературе конца века. И, вопреки утверждению Н.В. Серебрянникова, что Наумов не коснулся ни одной областнической идеи, можно с уверенностью сказать, что освещением этого последнего пункта областнической программы литература Сибири обязана прежде всего именно ему.

В одном из поздних писем к Потанину, в ответ на его призыв к работе, Наумов ответит: «Материала у меня много, но не поднимается рука. <...> Пошли новые люди, а с ними новые песни и стремления, но, к сожалению, не утешительные. Рисовать таких крестьян, каких рисует г-н Гарин (Михайловский) в “Русском богатстве”, я не умею, да к счастью и не встречал таких. <...> И будет мой голос диссонансом среди хора новых певцов. Так уж лучше молчать, молчать, молчать»¹. Но, как видим, Наумов не молчит, и, несмотря на утверждение Плеханова о полном забвении и неактуальности его творчества, создает такие тексты, которые дают основание пронаблюдать вехи становления регионального самосознания, что крайне показательно по сравнению с сознанием общеевропейским. В его очерках краеведческий материал становится основой для осмысления Сибири как особой области, особого региона. С одной стороны, это намечает путь к явлению сибирского областничества, а с другой – очерчивает перспективы, выходящие за рамки узкой концепции, так как ведет к осознанию сибирской истории как органической части истории общерусской.

Если учитывать, что Сибирь связана с самой печальной темой в литературе и культуре – темой глухомани, бесприютности, бродяжничества и в то же время постоянного стремления на родину, в «Рассею» – то переселенческая тема задает иные мотивы, также связанные с пересечением границы. Но теперь это уже не вынужденная, а добровольная миграция с Запада на Восток, предлагающая сюжет

¹ Цит. по: *Кожевников С.* Бытописатель старой Сибири // Наумов Н.И. Рассказы о старой Сибири. Новосибирск, 1937. С. XIV.

поиска и обретения «утраченного рая». В свое время стремление на запад создало уникальный вариант территории переселенцев – Америку. Можно утверждать, что движение на восток в последней трети XIX в. создало и новую Россию.

Для областников, в свою очередь, была принципиальной концепция Сибири как края, который, несмотря на свою культурную неразвитость и отсталость, имеет колоссальные возможности духовного роста. Специфика же взгляда Наумова на культурную ситуацию в Сибири выразилась как раз в разработке темы ее отсталости. И здесь сказалось не только характерное для него трагическое мироощущение, но и конкретная служба по крестьянским делам, выявляющая печальные картины общего состояния края. В незаконченном рукописном отрывке «Из жизни в сибирском бедламе», представляющем собой автограф писателя с большим количеством исправлений, Сибирь предстает лишенной европейского начала. Напротив, «здесь царствуют грязь, дикость, невежество»¹.

В сибирской периодике и литературе последней трети XIX в. можно выделить следующие основные темы: отъезд переселенцев из родных краев; потеря дома и хозяйства на родине; скитания в поисках нового места жительства; законодательная база переселенческого движения. В то же время самодержавная власть желала видеть в Сибири такого же мужика, какой обитал в центре, и отнюдь не стремилась стимулировать развитие капитализма в Сибири.

Подобного рода проблемы получают разработку и в творчестве Наумова, но на фоне общего изображения чиновничьего произвола он сам, будучи чиновником, показывает свое нередкое бессилие против общей бездушной системы. «Это какая-то поголовная оргия хищничества, – пишет он Скабичевскому. – Хищничество, возведенное в закон»². В описании Сибири, ее громадных пространств у писателя всегда доминирует мысль о судьбе отдельного человека, обживающего этот «дикий край», о его страданиях и надеждах.

Необычайно важна в этом плане жанрово-родовая специфика воплощения темы. В свое время, в 1876 г. в газете «Сибирь», была опубликована статья-рецензия Г.Н. Потанина «Роман и рассказ в Сибири». Проблему жанра критик, в силу своего мирозерцания,

¹ Архив Н.И. Наумова // ОРК НБ ТГУ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 37.

² Цит. по: Очерки русской литературы Сибири. Т. 1: Дореволюционный период. Новосибирск, 1982. С. 393.

решает в определенном социокультурном плане, исходя из того, что жанр романа тесно связан с дворянской культурой и поэтому не адекватен Сибири. С учетом же реального социального состава края, «беллетристика в Сибири могла начаться только рассказом из народной жизни»¹. Анализируя творчество сибирских писателей, И. Омуревского, И. Кущевского, Н. Наумова, Потанин явное предпочтение отдает последнему.

Применив понятие границы, можно достигнуть более точного описания механизма жанровой системы, которая является важным показателем определенного типа культуры. Несомненно, особенности нарратива, стратегии межкультурного диалога в текстах Наумова связаны с его личным опытом и сибирским материалом, задающим самую разнообразную жанрово-нарративную природу произведений. Но если учитывать, что многое может дать взаимодействие жанров, чьи контуры пересекаются в пределах одного произведения, то преобладающее место в творчестве Наумова занимает очерк, размывающий границу между художественным и документальным письмом. Основная тема его произведений – жизнь народа в многообразных ее проявлениях, изображение пестрого люда, крестьян, купцов, обозников, переселенцев, пустившихся в путь по России. Практически все сюжеты очерков писателя связаны с дорогой, сибирским трактом, сам же автор выступает в них не просто как чиновник по крестьянским делам, но и как «невольный турист».

Такого рода ракурс видения проблем, где все движется, развивается, изменяется, не получив завершённую форму, задает и специфику жанра, выраженную в характерных подзаголовках: «сцены», «психологический этюд», «истинное происшествие», «бытовые наброски», «очерк из сибирских нравов». По рукописным архивным источникам, отражающим ход работы писателя над очерком «Эскизы без теней», обнаруживаются различные варианты его подзаголовков, выявляющие скрупулезный поиск адекватной формулы содержания уже на уровне номинации: «Из жизни сибирского крестьянства», «Из записок невольного туриста», «Дневник невольного туриста», «Из дневника невольного туриста», «Сцены из жизни темного люда», «Картинки обыденной жизни темного люда»². Как видим,

¹ Литературное наследие Сибири. Новосибирск, 1980. Т. 7. С. 231.

² Архив Н.И. Наумова // ОРК НБ ТГУ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 15–17.

понимание писателем особенностей современной Сибири приводит к отказу от традиционного жанра рассказа, о чем он пишет в одном из писем к Скабичевскому в 1896 г.: «Ведь, как, например, хорошо знакомо мне положение переселенцев. <...> Но никак те картины, которые я видел, не укладываются в рассказ, а именно только в те сцены, в тот род, который, как ты говоришь, совсем не идет мне»¹.

Его обращение к «картинке», «сцене», «наброску» представляет наиболее адекватным той «бродящей», «сдвинувшейся» с места Сибири, которую он наблюдает не только точным писательским взглядом, но и по каждодневному долгу службы. В итоге перед нами предстает не просто цикл очерков человеческих судеб, а многоголосый и разноязыкий диалог, переходящий в своеобразный полилог – все то, что уже можно назвать «говорящей Сибирью».

Одним из первых произведений Наумова, связанных с проблемой русских переселенцев, является очерк «Роковая встреча» (1883 г.), написанный еще в Петербурге и опубликованный в № 15, 21 газеты «Восточное обозрение». Он редко переиздавался, поэтому относится к числу малоизвестных текстов писателя. Между тем в нем затронут чрезвычайно важный и большой для Сибири вопрос – бродяжество и разбой. Встреча переселенцев с бродячим разбойником в очерке Наумова станет действительно роковой. Предстанет же герой под именем «Гуляя Незеваича», как называет себя он сам, а затем и автор.

Для очерка характерна явная романтизация образа разбойника уже на уровне портрета: «Черная всклокоченная борода его космами падала на полуобнаженную грудь. Загорелое лицо, изрытое морщинами, носило следы утомления и тревоги»². Внешняя характеристика героя переходит и на другие уровни, задавая типичные романтические мотивы бунта, мести, оторгнутости от социума, в результате чего вырастает концепция сибирского разбойника как могучей, свободолюбивой натуры. Очевидна типологическая близость подобного рода романтизированного героя с бродягами из сибирского цикла В.Г. Короленко, также занимающими позицию бунтующих героев-одиночек. Но в произведении Наумова сюжет выстраивается и как первая встреча переселенцев с Сибирью, которая приведет к разрушению их иллюзий и надежд и покажет крушение европейского мифа о «земле обетованной» в целом. Образы переселенцев еще не за-

¹ Архив А.М. Скабичевского // ИРЛИ. Ф. 283. Оп. 1. № 27. Л. 33.

² Наумов Н.И. Собр. соч.: В 3 т. Новосибирск, 1938–1940. Т. 3. С. 107.

нимают основного места в сюжете, они представлены больше как наивные жертвы сибирского разбойника. Принципиально и то, что повествование ведется от третьего лица, некоего безличного автора-повествователя.

Следующий очерк «Картинка с натуры» (в рукописной редакции с подзаголовком «По переселенцам») Наумов создает уже в Сибири в январе 1893 г., но появится он в свет только в августе 1894 г. В нем еще более очевидна типологическая составляющая жанра очерка, так как из самого сюжета выявляется, как на опыте собственного, личного впечатления чиновника Наумова рождается творческий замысел, а его наблюдения и раздумья «прорастают» в ткань художественного текста. И постоянный лейтмотив его писем: «Я чуть не каждый день вижу эти сцены» – закономерно выливается в другой: «Ах, если б было время писать!»

Автограф очерка хранится в томском архиве писателя и демонстрирует напряженную работу над текстом, что выражено в многочисленных следах правки, подчеркиваниях, пометах на полях¹. В произведении, как мы подчеркнули, уже напрямую отразились личные впечатления сибирского служебного опыта Наумова. Он показывает, как в целом благотворное явление переселения крестьян в Сибирь оборачивается страшными формами для конкретных переселенцев. Несовершенными оказываются законы, сами условия организации их быта. Важно, что теперь в очерке уже и сибирские крестьяне выражают сочувствие русскому мужику. Кроме того, история переселенцев дана с двух точек зрения: сибирского мужика и сибирского интеллигента-народника, так как в центре повествования находится чиновник, Миколай Иванович, с кем и ведет диалог вся эта «говорящая Сибирь». Поэтому «стихийное» слово сибирского мужика здесь не менее активно, чем «разумное», аналитическое слово автора-повествователя. Но теперь эти привычные голоса подкрепляются и третьим звучащим словом – русского переселенца.

Таким образом, специфика данного произведения проявляется в том, что история переселенческого поселка предстает как реальный случай из служебной практики самого писателя. В «Картинках с натуры» мы видим прямое действие автора, представляющего позицию писателя-народника, его момент «борьбы» за судьбы переселенческого движения. Художественное единство очерка созда-

¹ Архив Н.И. Наумова // ОРК НБ ТГУ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 19.

ется, прежде всего, за счет образа рассказчика-чиновника, который сначала знакомится с положением дел в переселенческом поселке, а затем, опираясь на этот материал, высказывает общие соображения об улучшении участи прибывающих в Сибирь крестьян. Вследствие этого все больше выявляется нарративная специфика сибирских текстов писателя, для которых характерна двухчастная структура: сначала подается определенная «зарисовка», «сценка», «картинка с натуры», а затем следует авторская рефлексия, уже практически размывающая грань между образом повествователя и «чиновником по крестьянским делам» – Николаем Ивановичем Наумовым. Не случайно монологическая форма повествования, сохранившаяся в рукописных вариантах очерка, сменяется в окончательной редакции текста активным диалогом.

Совершенно естественно, что Наумову было важно не только, чтобы его произведения увидели свет, но чтобы их тематика сомкнулась с общими проблемами русского общества. Поэтому он так болезненно реагирует на небрежение его поздним творчеством столничными изданиями, тем более что в критике складывается уже устойчивое представление об упадке таланта стареющего писателя. В письме к Скабичевскому от 24 октября 1893 г. он пишет: «В январе нынешнего года написал рассказ «Картинка с натуры» и послал в «Русское богатство». Получил сведение, что рассказ понравился Н.К. Михайловскому, но тем все и ограничилось. Хотели напечатать в летних месяцах, но отложили до осенних... Наступили осенние месяцы, а рассказа нет да нет»¹. В следующем письме он делает через Скабичевского напоминание-просьбу Кривенко². История публикации рассказа оказалась достаточно долгой, так как напечатан он был только в восьмом номере «Русского богатства» за 1894 г. Тем не менее принципиальным становится сам факт появления сибирского произведения в центральном издании, что подчеркивает несомненный общерусский интерес к проблеме.

Об истории создания этого рассказа-очерка Наумов пишет С.Н. Кривенко 9 сентября 1893 г.: «Свой рассказ “Картинка с натуры” я начал писать по получении приглашения принять участие в издании сборника “В путь-дорогу”. Но едва написал страницу, как подоспела казенная неотложная по службе работы, <...> тоже по

¹ Архив А.М. Скабичевского // ИРЛИ. Ф. 283. Оп. 1. № 27. Л. 26.

² Там же. Л. 29.

поводу переселенцев. Исполнив ее и закончив рассказ, я рассчитал, что он уже не поспеет в сборник, и послал его в “Русское богатство”. Но совесть не мучит меня, что я не дал посильной лепты для вспомоществования переселенцам. Я много потрудился на пользу их в бытность мою крестьянским чиновником. <...> Теперь у меня по тому же вопросу, об устройстве переселенцев, водворившихся на жительство на Алтае, завязалась упорная борьба с томским губернатором, которая, по всей вероятности, будет безынтересна для Вас, и Вы, может быть, найдете возможным по поводу того, что я сообщу Вам, сделать заметку в «Русском богатстве». <...> Я прямо объявил ему, что не подпишу ни одного журнала о выселении переселенцев из Алтая»¹.

В этом письме, как и в письмах Скабичевскому, мы видим характерную и принципиальную позицию Наумова: в последний сибирский период его отношение к литературному творчеству воспринимается как закономерное и органичное продолжение служебной и общественной деятельности. Для него помощь переселенцам крестьянского чиновника, участие писателя в благотворительном сборнике в пользу переселенцев, наконец, создание произведения о них – явления одного порядка, объединенные и уравненные ценностными ориентациями народника 1860–1870-х гг. В данном случае интересным видится и то, что он просит Кривенко дать «заметку» в журнале. Заметки не получилось, но был написан «рассказ-очерк», и в самой жанровой системе, которой отдает предпочтение Наумов, очевидно стремление к мобильности контакта литературы с жизнью, соединения документа и факта с творческим его воплощением². Отсюда и специфика жанровой позиции писателя, который ищет форму, адекватную содержанию. В том же письме к Кривенко он сообщает: «Вообще о своих литературных занятиях могу сказать одно, что я растерялся в той массе материала, каким обладаю, и не знаю, за что взяться и в какие рамки что уложить. <...> Думаю, что лучше всего писать *небольшие картинки* (курсив мой. – Е.М.) из народной жизни, захватывая ту или другую сторону ее»³. В письме от 19 января 1897 г. уточняет: «О, Боже мой, да каких, каких картинок не рассмотрелся я, ну как их уместить, в какую рамку!»⁴.

¹ Неизвестные письма Н.И. Наумова... С. 158–159.

² *Скабичевский А.М.* Н.И. Наумов // Новое слово. 1897. № 2.

³ Неизвестные письма Н.И. Наумова... С. 159–160.

⁴ Там же. С. 162.

Не случайно подобного рода «картинки с натуры», «этюды», «сценки» он рисует не только в художественных текстах, но и в письмах друзьям. К примеру, в ответ на письмо Н.М. Ядринцева о публикациях «Восточного обозрения» по поводу ссыльных крестьян Наумов дает свои «зарисовки» крестьянского быта, но говорит еще и о тяжелых условиях чиновников, сельских писарей – всех тех, кто тоже тянет эту невыносимую ляжку: «Возможно ли еще истинно интеллигентному и честному человеку служить при таких условиях, какими обставлены крестьянские чиновники?»¹. И с такими чиновниками он имеет дело постоянно.

В архиве писателя хранятся письма исполняющего должность начальника Алтайского округа В.К. Болдырева, в которых прослеживается вся напряженная и рутинная чиновническая работа. В письме от 8 октября 1892 г. из Барнаула Болдырев сетует, что «ежедневно поступает и выходит масса бумаг, поэтому большую часть времени приходится проводить в канцелярии»². Но уже в следующем письме сообщает Наумову, что «в течение этой зимы мне удалось объездить весь округ; посетить все рудники и заводы, даже пробраться в бочатские каменноугольные копи. <...> В настоящее же время я занят вопросом о причислении к селениям старожилы переселенцев, водворившихся в округе до 1893 г. без приемных договоров; другими словами, желаю распространить на Алтайских переселенцев III отд. Закона от 13 июля 1889 г. и от 22 октября 1892 г.»³. Письмо он пишет 24 марта и уже 15 апреля получает от Наумова ответ: тот соглашается с обязательной необходимостью применения законов в решении подобных проблем⁴. Из писем Болдырева очевидно, что он ценит Наумова не только как чиновника, но и как человека творческого. В новогоднем письме-поздравлении от 30 декабря 1892 г. он делает характерную приписку: «Чтобы в будущем году шевельнули Вашим пером общественную мысль. Не забывайте “Алтайского сборника”». А 2 июня 1897 г. благодарит его за присылку собрания сочинений, «которое прочел с большим интересом», но тут же добавляет: «Усердно прошу вас продолжать наблюдение за действием томской казенной Палаты по причислению переселенцев»⁵.

¹ Архив Н.И. Наумова // ОРК НБ ТГУ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 112. Л. 2.

² Там же. Д. 121. Л. 1 об.

³ Там же. Д. 121. Л. 8.

⁴ Там же. Д. 81. Л. 5.

⁵ Там же. Д. 121. Л. 4, 14.

Интересны в этом плане и письма чиновника А. Розанова, производителя работ по устройству переселенческих участков в Западной Сибири. В одном из них он обращается с просьбой к Наумову разобратся в жалобе и проверить факты по отношению к Шумдатскому переселенческому обществу¹, в другом сообщает, что пишет из села Тарское Седельниковского урмана, где изучает проблемы быта кержаков-переселенцев². В письме от 19 декабря 1893 г. из Петербурга Розанов советуется с Наумовым по поводу составления «Положения о поземельном устройстве крестьян-переселенцев, горнозаводских людей, инородцев, казаков, горожан и духовенства Алтайского округа»³. В августе, уже находясь на службе по Кабинету в Барнауле у В.К. Болдырева, он сообщает об отправке в Томск документа-уведомления о том, что «в Казенной Палате послан запрос почти о двух тысячах душ переселенцев, давно не перечисляемых Палатою»⁴. В письме же от 5 сентября 1896 г. он просит Наумова достать ему книгу «Список населенных мест Томской губернии», официальное издание 50–60-х гг. Министерства внутренних дел, так как «Василий Ксенофонтович (Болдырев. – Е.М.) поручил мне написать историю колонизации Алтая с древнейших времен. <...> Попросите у губернатора на недельку послать такую книжку и мне»⁵. Как видим, сама сибирская реальность формировала подобного рода чиновников, каждодневно имеющих дело с казенной рутинной, но и постоянно накапливающих знание, практический опыт.

Итак, деятельность Наумова в последний сибирский период, подобно деятельности его современников, П.И. Макушина, Н.М. Ядринцева, Г.Н. Потанина и других, носит типичный культуртрегерский характер. Он одновременно совмещает писательское творчество и службу чиновника по крестьянским делам, корреспондента центральных и местных изданий, популяризирующего современные научные взгляды. Несомненно принципиальной в этом плане является народническая позиция писателя при актуализации всего его теоретического и практического опыта. Проблема самопознания, на которой сосредоточилась молодая сибирская культура конца века, преж-

¹ Архив Н.И. Наумова // ОРК НБ ТГУ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 51.

² Там же. Л. 5.

³ Там же. Л. 10.

⁴ Там же. Л. 22 об.

⁵ Там же. Л. 25 об.

де всего требовала нового самобытного материала, который необходимо было накопить. И писатель понимает, что он подчас ценнее художественного, так как фиксирует всю ту подвижную, разнообразную и зыбкую действительность, изображение которой, так или иначе, ведет к размыванию привычных жанров.

Эстетика Наумова базируется на методологии позитивизма, поэтому в ней крайне важным становятся проблема материала, а также вопрос о том, как его «внедрить» в художественную ткань текста. В архиве писателя хранятся черновик и беловая копия письма от 7 февраля 1895 г., приложенного к очерку «Эскизы без теней», отсылаемому им в редакцию «Недели». В письме Наумов обращается к ее редактору-издателю В.П. Гайдебурову с характерным комментарием: «Посылаемая статья суть начало обширного предпринятого мною труда. В течение десятилетней службы крестьянским чиновником я ежедневно набрасывал по свежим впечатлениям все то, что доводилось мне подмечать, слышать при разбирательствах по просьбам и словесным заявлениям, какие приводилось производить мне. Теперь, обрабатывая настоящий материал, я держусь того же порядка, в каком он записан мной, выбирая из него только более характерные сцены и явления. Если Вы пожелаете, то я могу помещать на страницах журнала две или три главы в год и даже более, если Вы признаете это удобным»¹.

Таким образом, все больше выявляется, что для писателя одной из самых принципиальных и трудно разрешимых проблем становится проблема жанра. Показательно, что на первом этапе своего развития он нашел, казалось бы, наиболее адекватный для своих сюжетов жанр, организующий его многочисленные произведения в некое художественное единство, – жанр сборника. В 1870–1880-е гг. с определенной последовательностью выходят его известные сборники, представляющие мир крестьянской провинции: «Сила солому ломит», «В тихом омуте», «В забытом краю». Но ориентация на живой голос крестьянина приводит постепенно к формированию уже иной жанровой единицы – очерка, который, в свою очередь, разбивается на «картинки», «этюды», «зарисовки». Эта жанровая реконструкция вытекает из самого метода писателя, для которого характерно выделение отдельных индивидуальных голосов, перерастающих в своеобразный народный «хор», так называемую говорящую Сибирь,

¹ Архив Н.И. Наумова // ОРК НБ ТГУ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 100. Л. 1.

снова и снова возвращающих к реальной действительности. И этот поток сибирского материала уже невозможно выразить с помощью привычных жанровых форм.

В архиве писателя имеется третий вариант художественного воплощения темы русских переселенцев – черновой набросок очерка «По новоселам»¹. Характерен уже сам уровень номинации. «Картинам с натуры» в рукописном варианте Наумов дает подзаголовок «По переселенцам», следующий текст называет «По переселенцам», по сути демонстрируя общий характер служебного задания, командировки, вылившийся в очередную творческую рефлексию. Очевидно, что это как раз начало того рассказа, который Наумов обещает прислать Скабичевскому в письме от 19 октября 1896 г. В сохранившихся отрывках писатель, судя по всему, намеревался осветить больной в те времена в Сибири вопрос о взаимоотношениях старожилов и новоселов в борьбе за землю. Очерк выстраивается по привычной для наумовских текстов схеме: поначалу следует какая-либо случайная встреча, затем – рассказ знакомого о сути конфликта, а в завершении – резюме автора, чиновника по крестьянским делам.

В центре повествования Наумов предполагал изобразить богатого крестьянина-старожила Рогожина, представляющего уже новый сибирский вариант крестьянина-кулака: «Человек он был крупно зажиточный и, по мере возрастания благосостояния, у него возрастали и процессы с крестьянами соседних деревень о потраве лугов, пашен, о порче лошадей и т. п. Особенно много причиняли ему «вредительства», как выражался он, переселенцы, появившиеся вблизи его заимки»². В черновике набросан небольшой диалог, но крайне показательный, так как в нем выявляется попытка разрешения вечного конфликта и признания силы и мощи «новоселов», перед которыми вынуждены сдаваться даже самые талантливые сибирские старожилы:

Афанасий Иванович под конец всегда переводил разговор на переселенцев, и при этом ничто уже не могло остановить потока его жалоб.

– И што это за народ поплывет к нам, братец, из России? Диву даешься, – обычно говорил он, разводя от удивления руками. – Ровно, слышь, отродясь они путного хлеба не едали, право. <...> И гляди, как обижают нашего брата старожила.

– Да чем же они обижают?

¹ Архив Н.И. Наумова // ОРК НБ ТГУ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 31.

² Там же. Л. 2.

– Жадны. И-и, Боже мой, как это завистливы. Ведь уж дали им земли, кажись бы, вдвое. Нет, все снова, это, норовят кабы ишло урвать и у тебя, хоть клочок, какой, да урвать. Сколь это греха у меня с ними, не доведи Господи, прорва, как есть, прорва¹.

Таким образом, поездка к Афанасию Ивановичу для рассказчика становится удобным поводом для постановки волнующей его социальной проблемы, которая к финалу отрывка уже звучит подчеркнуто публицистически: «Меня давно интересовало посмотреть, как устраиваются в Сибири переселенцы, хлынувшие за последние годы широкою волною из России, тем более что мне много доводилось слышать жалоб, как от переселенцев, так и от сибирских крестьян-старожилов на возникавшие между ними неурядицы с землепользованием»².

Во всех этих текстах ощущается, что симпатии и автора и самого писателя-чиновника Наумова на стороне переселенцев, так как очевидна ирония по отношению к старожилу-кулаку и сочувствие его противникам. Писатель, демонстрирующий явные народнические установки, приветствует умение русского человека преодолеть границу: не просто внедриться в чужое пространство, но и ассимилировать его под себя, придать ему новые смыслы. В итоге повествователь реализует идею общественного договора между различными классами русского общества и тем самым воплощает мысль о бескровном примирении конфликтующих сторон. Несомненно, что лаконизм его образа, ограниченность в словесном выражении однотипными репликами связаны не со «скудостью таланта», а с глубоко трагической концепцией жизни, когда вечные «проклятые вопросы» невозможно решить по закону.

Об особенностях художественного стиля писателя-сибиряка в свое время однозначно высказался Плеханов в уже упомянутой нами статье, категорично резюмируя, что в «огромном большинстве случаев странно было бы даже говорить о художественном элементе в произведениях Наумова: он там почти всегда совершенно отсутствует...»³. Для критика явной марксистской направленности практически не актуален областной колорит произведений Наумова, в первую очередь, он интересуется его как писатель определенного «направле-

¹ Архив Н.И. Наумова // ОРК НБ ТГУ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 31. Л. 2.

² Там же.

³ Плеханов Г.В. (Н. Каменский). Н.И. Наумов // Новое слово. 1897. № 5. С. 22.

ния». Рецензия эта публикуется в журнале «Новое слово» почти одновременно со статьей А.М. Скабичевского, в которой учитывается специфика нарративной позиции писателя как раз с точки зрения «сибирского» топоса его прозы. Говоря о чрезвычайно богатом народном языке, «образном, метком, отличающемся неповторимым юмором», критик акцентирует главное: «Примите, наконец, во внимание и поразительное знание всех деталей жизни сибирских крестьян, вы должны будете по справедливости признать, что они заключают в себе не только интерес этнографических фактов, но занимательны и в художественном отношении, как ряд ярких, полных животрепещущего драматизма, картин сибирской народной жизни»¹.

Рукописный отрывок очерка «По новоселам», тем не менее, остался неопубликованным и не вошел в первое прижизненное собрание сочинений Наумова. И из ряда предположений о причинах неудавшейся судьбы произведения наиболее точной представляется мысль Е.Г. Новиковой о том, что, скорее всего, поиск адекватной жанровой формы, «вытекающий из сложной, хаотичной, еще не обретшей “кристаллических” форм самой сибирской жизни, стал препятствием на пути к воплощению текста»². Не случайно поиски новых форм продолжились у писателя и в других словесных воплощениях. Вследствие этого все более очевидно, что в поздний период творчества для писателя становится важнее не «эстетизация» материала, а сам этот материал, организованный по принципу «дневника», «заметки», «наброска» – всех тех жанров, которые относятся, по терминологии Л.Я. Гинзбург, к разряду «промежуточных».

Интересны в этом плане письма Наумова жене, Татьяне Христоворвне, которые он присылает из очередной экспедиции в горах летом 1898 г. В них он рассказывает о своей работе в специальной комиссии, выехавшей на Алтай для разрешения конфликта, возникшего между переселенцами и сибирским казачеством. Ответные письма просит присылать по адресу: г. Усть-Каменогорск, в Станичное правление для отсылки на Бийскую казачью линию по месту нахождения Высочайше утвержденной Комиссии по отводу земель

¹ Скабичевский А.М. Н.И. Наумов // Новое слово. 1897. № 2. С. 156.

² См. об этом: Новикова Е.Г. Жанровая специфика произведений Н.И. Наумова и некоторые проблемы сибирской литературы. Статья первая. «Картинка с натуры» // Проблемы метода и жанра. Томск, 1991. Вып. 17. С. 154.

казакам Бийской линии. Важно, что, даже будучи в таком преклонном возрасте, Наумов продолжает находиться в центре решения важнейших социальных проблем. По окончании занятий Комиссии, уже из Верх-Алейска, он сообщает с гордостью жене в письме от 21 августа: «Объявлено Высочайшее повеление о наделении казаков землей, разрешены их споры с крестьянами и установлены границы землепользования»¹.

Подобного рода экспедиции для него связаны не только с трудностями морального и физического плана, но и с отдохновением от привычной чиновничьей рутины. И в этом тоже видится попытка преодоления внутреннего конфликта писателя, который в своих постоянных духовных метаниях между центром и провинцией так и не находит определенного разрешения. Понимание того, что только здесь, в Сибири он может по-настоящему реализовать свою гражданскую и писательскую миссию, не приглушает, при всем при этом, той звучащей печальной ноты, которая пронизывает его письма. Пожалуй, только мир природы помогает преодолеть конфликт, почувствовать иной мир красоты и непознанной тайны, живущий по своим особым законам.

Зимой 1885 г., еще служа в Мариинске, Наумов получил письмо от Ядринцева, в котором тот сообщал о поездке за границу. Когда он пишет о Швейцарии и Италии, то восклицает: «Я видел рай!». В цикле статей «Письма сибиряка из Европы», напечатанном в «Восточном обозрении», Ядринцев подробнее поделился с читателями этими впечатлениями: «Едешь среди дикой, по-видимому, природы, среди гор и пропастей, вдали сверкают снега, а вы не замечаете и не ощущаете никаких трудностей, здесь вас мчат по какому-то горному карнизу в вагоне на цепях вертикально на высоту, ведут по вырубленным ступенькам к леднику, скатывают на креслах, вздымают на высоты по волшебству и так же легко спускают, чтобы изучать и любоваться окружающим. Это присутствие на каждом шагу людей и того, что носит непереуловленное еще на русский язык название “культуры” (курсив Ядринцева. – Е.М.) составляет новизну для нас и предмет удивления»². В письме он пишет и о том, что многое запомнило «наши» места, «например, Алтай», в более же поздней статье «Сибирская Швейцария» существенно уточняет: «Поэтому Ал-

¹ Архив Н.И. Наумова // ОРК НБ ТГУ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 99. Л. 5.

² Литературное наследство Сибири. Т. 4. С. 181.

тай отличается от настоящей Швейцарии тем, что здесь, чтобы полюбоваться прекрасным берегом реки, приходится пробираться через грязную скотскую стайку – как не раз приходилось нам – или среди величественных, чарующих душу картин оставаться одиноко-му, подавленному природою. Это впечатление пустыни, грозной и торжественной, свойственной сибирской, не оживляемой присутствием человека природе, создает несколько грустно-меланхолическое настроение, но рядом с набожно-созерцательным. Вы видите, что *пустыня здесь беседует только с Богом*¹. Характерен в этом плане финал письма Ядринцева Наумову: «Теперь стремлюсь если не в Европу, то в нашу пустыню. Не Томск или Иркутск привлекают, а страна, богатая ее материалом, ее обстановкой, веющая свежестью, вызывающая на труд бытописателя, ученого и этнографа. Никогда не соглашусь, что в Петербурге с его захудалыми редакциями больше дела. Впрочем, – добавляет он, – у всякого свои вкусы»².

В письме Наумова жене из экспедиции от 7 августа 1898 г. общается о приезде к нему в гости знакомого, врача Тронова. Описывая прогулки с ним по горам Алтая, он переходит к картинам природы: «Ходили мы гулять и любовались горами Тигерекского хребта, высота которого шесть тысяч футов. Особенно хорошо был вид белков при закате солнца, а также гольцов, т. е. тех гор, на которых трава и лес растут только до половины, а далее холода и скалы делают их бесплодными. <...> В двадцати верстах от Тигерска находятся Яшмовые каменоломни в верстах пятнадцати, так называемая работная гора, чрезвычайно высокая сопка, усеянная пещерами, из которых слагают огромные глыбы горного хрусталя, и белого, и розового. <...> В самом Тигерске есть крайне высокая гора, вершина которой представляет скалу и маленькую фигуру лежащего льва, она так и называется «лев-гора» и замечательна тем, что перед бурями начинает гудеть и грохотать наподобие залпов из пушек, почему казаки говорят: «Ну... лев зарычал, быть буре». А бури здесь бывают ужасные»³. Как известно, мысль человека сорождается⁴ вместе с ландшафтом, и для самого Наумова Сибирь с ее неповторимой вели-

¹ Литературное наследство Сибири. Т. 4. С. 113. Курсив мой. – Е.М.

² Архив Н.И. Наумова // ОРК НБ ТГУ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 185. Л. 8.

³ Там же. Д. 99. Л. 4.

⁴ В хайдеггеровском понимании – пространственное постижение мира через мыслительную деятельность человека.

чественной природой предстает подчас в неких космических, онтологических смыслах, где граница уже становится знаком и символом отомкнутости, открытости.

Подобного рода мироощущение во многом созвучно философским раздумьям Хайдеггера. Человек в мире замкнут некоторым кругом подлинной человеческой деятельности, кругом, из которого ему суждено выпадать и вырываться, но в который он обязан вернуться, восстанавливая тождество «одного и того же». И только эта замкнутость – человек живет под защитой земли, она его хранит, он в ней «хоронится» – дает возможность открытости, дает совершиться истине. «А тогда границы живого человеческого пространства расширяются до предела, и небеса над нами объемлют собою все. В это «все» и входит тогда все, что есть. Это «все» погружается в бытие и вырастает из него»¹. Основное настроение и тема текста Хайдеггера – это настроение и тема возвращения. Возвращения к себе, к своему, в свое, в одно и то же, в то же самое – то есть всего того, что проходит каждый ищущий себя и свое место в мире человек. Таким образом, если исходить из мысли, что «граница, преграда есть механизм перевода принципиально непереводаемого и достижения принципиально недостижимого, то граница по существу своему является иллюзией, вернее – ее непреодолимость требует от нее быть постоянно отодвигаемой иллюзией»². Вот такой постоянно ожидаемой иллюзией и было наполнено все творчество и деятельность писателя. Но типичную для него ситуацию «внутреннего пограничья» он в итоге преодолевает конкретным социокультурным действием и творческим актом.

Подводя итог вышесказанному, можно утверждать, что, с одной стороны, сам материал опубликованного и рукописного наследия Наумова показал очевидность его принципиального вклада в областническую идею. С другой же, обнаружил, что его мирозерцание явно выламывается из жестких рамок узкой концепции. Более того, сам дискурс о переселенчестве, сформированный к концу XIX в., обнаруживает свою широту и самостоятельность, так как данная

¹ Михайлов А.В. П. Философия проселка // Мартин Хайдеггер. Работы и размышления разных лет / Перевод, составление и комментарии А.В. Михайлова. М., 1993. С. XXIV.

² Григорьева Е. Проблема границы в различных видах искусства // *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia*. VI. Проблема границы в культуре. Tartu, 1998. С. 25, 34.

проблема уже ассимилируется с вечными национальными концептами странничества, бродяжничества, пути. Ведь в Российской империи странничество всегда имело одновременно и жизнестроительный, и дискурсивный характер, причем в последнем своем качестве оно отнюдь не исчерпывалось одной эстетической сферой. В своеобразии проблематики, особенностях нарративной позиции, жанрово-родовой специфике воплощения темы у Наумова задается проблема сибирского травелога. Так или иначе это связано с выработкой стратегий межкультурного диалога, нарастающим взаимотяготением культурных импульсов столицы и Сибири в подходе к общим проблемам и их отражению в литературе.

6. ЦИКЛ РАССКАЗОВ Н.Д. ТЕЛЕШОВА «ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ»

Талант Н.Д. Телешова, чье творчество теснейшим образом связано с именами таких русских реалистов конца XIX – начала XX в., как А.И. Куприн, И.А. Бунин, Н.Г. Гарин-Михайловский, С.Н. Сергеев-Ценский, В.В. Вересаев и другие, развивался под непосредственным руководством А.П. Чехова, который относился к молодому автору очень внимательно. По словам Телешова, Чехов всегда говорил, что писателю нельзя сидеть в четырех стенах и вытягивать из себя свои произведения, что необходимо видеть жизнь и людей, слышать подлинные человеческие слова и мысли и обрабатывать, а не выдумывать их, советовал для этого ехать в Японию, Австралию. Однажды Чехов, встретившись с Телешовым, который ехал в Царицыно снимать дачу, настоятельно советовал: «Не ездите на дачу, ничего там интересного не найдете. Поезжайте куда-нибудь далеко, верст за тысячу, за две, за три. Ну, хоть в Азию, что ли, на Байкал. Вода на Байкале бирюзовая, прозрачная: красота! Если времени мало, поезжайте на Урал: природа там чудесная. Перешагните непременно границу Европы, чтобы почувствовать под ногами настоящую азиатскую землю... Сколько всего узнаете, сколько рассказов привезете! Увидите народную жизнь, будете ночевать на глухих почтовых станциях и в избах, совсем как в пушкинские времена, и клопы вас будут заедать. Но это хорошо. После скажете мне спасибо. Только по железным дорогам надо ехать непременно в третьем классе, среди простого народа, а то ничего интересного не услышите. Если хо-

тите быть писателем, завтра же купите билет до Нижнего. Оттуда – по Волге, по Каме...» И Н.Д. Телешов через несколько дней уже плыл по Каме, направляясь в Западную Сибирь. Было это в 1894 г. Во время поездки писатель изучал жизнь крестьян-переселенцев, результатом чего и стали несколько рассказов, которые впоследствии были объединены им в цикл «Переселенцы». Именно эти произведения принесли писателю истинное признание и любовь читателей.

Объем специальных исследований, посвященных данному циклу, весьма невелик, так же как и круг затронутых в них проблем¹. В частности, работ о поэтике циклизации в «Переселенцах», главной, на наш взгляд, в плане содержательности их художественной формы, нет вообще. Анализ цикла Н.Д. Телешова, являющего собственно художественное (не очерково-документальное) воплощение темы переселения в Сибирь, который представлен в завершающем нашу монографию разделе, определяется именно этой проблемой.

В первую очередь поставим вопрос о целостности интересующего нас художественного текста, о скрепах, соединяющих его отдельные части, которые вполне могут быть прочитаны как самостоятельные рассказы, но тем не менее выстроены автором в определенную последовательность, с вытекающим отсюда наращением логики и смысла. Автор цикла, проявляющий себя в его заглавии, в композиции, слово свое передает повествователю и рассказчикам, что и позволяет увидеть романский потенциал «Переселенцев», и это при отсутствии игры с читателем в «подставного» автора (или издателя), при отсутствии «пролога» и «эпилога», написанных от его имени и объясняющих, как это было, например, в «Повестях Белкина» или

¹ Большинство работ о Н.Д. Телешове представляют собой воспоминания, юбилейные заметки, предисловия в изданиях его сочинений (это публикации И. Федорова, В.Г. Лидина, С. Дурылина, А. Дермана, К. Пантелеевой, В. Борисовой). Из исследовательских работ можно назвать статьи М.И. Шемеловой, в основном посвященные деятельности Телешова по организации литературного кружка «Среда», и диссертацию и статьи С.М. Денисовой, рассматривающие собственно творчество писателя. См.: *Денисова С.М.* Творчество Н.Д. Телешова (1884–1916 гг.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1969; *Она же.* Ранние бытовые рассказы Н.Д. Телешова // *Идейность и мастерство писателя.* Томск, 1967. С. 175–185; *Она же.* «Переселенцы». Цикл рассказов Н.Д. Телешова // *Вопросы метода и стиля.* Томск, 1966. С. 123–125 – исследовательница отмечает близость повестей о переселенцах к очерку, в частности к очеркам Г.И. Успенского из цикла «Письма с дороги», и указывает, что эти произведения поставили Н.Д. Телешова в ряды лучших «крестьянских» писателей 1890-х гг.

«Вечерах на хуторе близь Диканьки», происхождение той или иной истории и всей книги в целом.

Нарратив в «Переселенцах», играющий важнейшую циклообразующую роль, от рассказа к рассказу наполняется многоголосым звучанием. Первые четыре рассказа – «Самоходы», «Елка Митрича», «Домой» и «Нужда» – написаны от 3-го лица. Слово повествователя о переселенцах здесь – изображающее, но и изображенное, т. е. дающее возможность читателю сформировать эстетическое отношение и к событиям, и их участникам, и к тому, кто о них рассказывает. В последних двух рассказах – «Хлеб-соль» и «Лишний рот» – образ нарратора преобразуется в образ героя-повествователя, голос которого в «Хлеб-соли» дополняется, к тому же, еще и голосом рассказчика, перевозчика Еремея, который и рассказывает о переселенцах, «что тысячными толпами уже много лет тянутся из России на “новые места” <...>, а он ... перевоз здесь держит и с бедняка, с своего же брата, гроши собирает, хлеб-соль ест, за которую не знает, как отвечать»¹. Таким образом, внутри цикла возникает несколько версий изложенного, вступающих в диалог, задуманный биографическим автором цикла и поддерживающий его целостность.

Вместе с тем существенно единство рассматриваемого цикла, проистекающее из фигуры нарратора, который выступает то сторонним наблюдателем, то непосредственным участником описанных событий. Независимо от этого индивидуальность его голоса определяется сосредоточенностью на теме переселенцев, в связи с чем очень характерно название, которое автор дал циклу, закрепив «угол зрения» нарратора на объект изображения.

Рассказ, как правило, начинается с определения места и времени действия, что может быть оформлено одной фразой или, чаще всего, выливается в развернутый пейзаж. Например, рассказ «Самоходы», открывающий цикл, начинается ночной пейзажной зарисовкой:

Закат еще не померк, над городом еще тянулись яркие цветные полосы вечерней зари, а над степью уже всходила луна; она еще не светила, не золотила степи, а только глядела ласково и скромно, обещая тихую, ясную ночь (с. 101).

Далее читателю описывается двор, «обнесенный серым дощатым забором, весь обросший высокой крапивой и широкими лопухами.

¹ Телешов Н.Д. Избр. соч.: В 3 т. М., 1956. Т. 2. С. 150. Далее в скобках указываю страницу по этому изданию.

Посреди двора стоял домик – бывший холерный барак; из окон его видна была невдалеке городская застава, а по другую сторону бесконечная степь. Здесь жили переселенцы. Одни уходили, другие приходили, и домик всегда полон народа» (с. 101). Зачином «Елки Митрича» является фраза: «Был канун рождества...» (с. 113), и из дальнейшего текста видно, что действие происходит в комнате переселенческого барака. Началом следующего рассказа «Домой» тоже становится пейзаж:

Была ясная летняя ночь. Луна светила весело и спокойно; она заливала своим серебром поляны и дороги, пронизывала лучами леса, золотила реки... В эту самую ночь из дверей переселенческого барака, крадучись, вышел Семка (с. 122).

Своеобразным пейзажем-сравнением начинается рассказ «Нужда»:

Как после весеннего разлива рек остаются на просыхающих лугах новые бугры песку и ила, нанесенные половодьем, так и здесь, на широком сибирском поле, после летнего движения переселенцев осталось за лесом много новых могил; как после схлынувшей воды, которая неслась по лугам и дорогам, остаются в песке и траве мелкие рыбы, запоздавшие убраться вместе с водой и обреченные биться и задыхаться в пыли под знойными лучами солнца, так и здесь после схлынувшего многотысячного народного потока осталось несколько детей, обреченных на вечное сиротство или на смерть (с. 136).

«Хлеб-соль» открывается мотивом дороги: «Я ехал на “дружках” <...>¹, позволяющим ввести в повествование «точечное» природописание: почтовый тракт, проселок, «окрестные картины», «широкая, большая река», сверкающая на заходящем солнце, через которую перевозчик переправляет на своей барке переселенцев; крутой и высокий берег, «точно стена, нависшая над водою»; «пологий спуск, вроде выемки»; заброшенная церковь и кладбище, где нашли свой последний приют многие переселенцы, так и не дошедшие до места назначения.

Картиной, описывающей осенний день, начинается и последний рассказ цикла – «Лишний рот»:

Помню – время было осеннее.

Я был еще юношей, и вот, пробродив часа два по лесу за грибами, я вышел в поле, вспаханное под новые посевы. Поле было широкое, без

¹ «Дружками», как поясняет герой-повествователь, «называются вольные ямщики, которые, провезя верст в двадцать станцию, или, по-тамошнему, станок, передают вас другому товарищу» (с. 145).

всякой зелени и казалось лиловым, всклокоченным и горбатым. После недавних дождей между развороченными пластами земли светились полосы воды, и в них отражались солнце и небо.

На этом поле я и встретил первый раз Тимофея (главу семьи переселенцев. – *И.А.*; с. 155).

Как видим, уже в экспозиции всех рассказов вводится их главная тема – путь переселенцев в Сибирь, их жизнь на новых местах. Достаточно прозрачно уже здесь проступает позиция повествователя, единая для всех историй, в том числе и написанных от 1-го лица. Она заключается в противопоставлении прекрасной сибирской природы жуткому положению новоселов: «цветные полосы вечерней зари», «ласковая луна», «ясная летняя ночь», залитые лунным серебром поляны, широкая река, широкое поле и – переселенческий барак, обнесенный «дощатым забором», окруженный зарослями крапивы и лопуха, «много новых могил», оставшихся «после летнего движения переселенцев». На этом фоне показательна позиция рассказчика Еремея из «Хлеба-соли», сибиряка. словно не замечая существующей вокруг него красоты природы, он остро чувствует бедственное положение переселенцев. Для него они – «исстрадавшиеся, измученные», бегущие «от лихой нужды, от бескормицы» люди, «голодные, холодные», «свой брат-бедняк».

Именно Еремей проговаривает в полный голос важнейшую тему, связанную с рецепцией переселенческого движения в русской литературе, – тему «виноватой России», как определил ее Успенский в своих «Письмах с дороги». В рассказе Телешова она трансформирована в тему греха, который ежедневно берут на душу те, кто живет рядом с этими «тысячными толпами» «тянущихся из России на “новые места”». Старик Еремей, понимающий, что жить ему осталось недолго, остро осознает свой грех, заключающийся, по его мнению, в том, что он зарабатывал себе на пропитание, собирая гроши с нищих переселенцев за перевозку их через реку на баркасе:

А на том-то свете трудно за свои грехи отвечать. Сказано: в поте лица будешь есть хлеб свой, а я что?.. Спросят ангелы: «Хлеб-соль ел на земле?..» – «Ел». – «А откуда брал?» – «Зарабатывал». – «Из земли добывал?» – «Ан и не добывал из земли». – «Так с кого ж, спросят, брал?..» Ох-хо-хо! Вот тут и подумаешь... <...> И подумаешь, да ничего не придумаешь. Хлеб-соль ел, а богу ответ давать и сам не знаю как буду. <...> (с. 149).

Примечательно, что герой-повествователь не понимает, за что собирается держать «ответ» перед Богом Еремей, всю жизнь честно и трудно зарабатывавший свой «хлеб-соль»:

– Да ведь ты же работаешь: перевозишь. Что тут дурного?
 – <...> Дурного нет. Да и хорошим назвать нельзя. Потому, какая моя работа? <...> От кого я сыт, обут, одет, от кого? От кого моя хлеб-соль? (с. 150).

Старик остро осознает не только свою вину, но и то, что его единичные добрые поступки («Иных Христа ради перевезешь. Это бывает»), так же как и объективные причины, по которым он не может выполнять свой труд бесплатно («всех невозможно Христа ради: идет народу-то, счету не хватит <...> Всех Христа ради никак нельзя. Вот они, лошадки-то, у меня: пить-есть тоже надобно? А работники – пить-есть надобно? Внучата есть после дочери, старуха есть – надо кормить-то? А корма дорогие сделались. Обуть, одеть, напитать надобно?.. <...> Никак на все и не угодишь. А земля все скудет... Неурожаи пошли») – с. 150), не спасут его душу. Еремея в этой убежденности горячо поддерживает и безымянный попутчик, по виду напоминающий бродягу: «Истинно сказано в Писании: проклята земля! <...> Со скорбью будешь питаться от нее во все дни; <...> доколе не возвратишься в землю!» <...> – “Вот-вот! – перебивая его, засуетился старик. – А ведь на том-то свете первое дело спросят: “Хлеб-соль ел? С кого добывал?” А я какой могу дать ответ: “С годного, с холодного...”» (с. 150).

Еремей видит только один выход:

– А знаешь, что бы я сделал? <...> кабы в силе был да место такое знал? <...> Я бы пришел на весь народ, да и сказал... Вот только места нет такого, чтобы весь народ мое слово услышал... <...> вся Россия, весь народ православный, все до последнего человека! <...> я бы им и сказал: братцы! Милые! Давай о душе думать. Давай друг за друга стоим. Я бы им свой перевоз и барку, лошадей и все свое выложил и сказал: получи! И крест бы с себя снял: получи!.. Потому, тесно стало на свете, ух тесно! Не приведи бог. Места-то много, девать некуда, а никому не хватает. У иного на двоих, на троих, а он один и все себе сберегает, ну и теснота (с. 152).

Утопизм идей Еремея, близких к социалистической теории, имевшей, как известно, широкое хождение в России рубежа XIX–XX вв. (рассказ был опубликован в 1900 г.), представляется очевидным даже ямщику, герою из его же среды: «Это ты зря, Еремей.

<...> Не получать за перевоз никак невозможно. Не брать – не фигура, а чем будешь сам-то ты жить? <...> А ежели все свое отдать, <...> так прямо с голоду поколеешь» (с. 152). Аргумент Еремея, что таким образом, как он предлагает, поступят все («Этак не я один, а и все так-то за мной: у кого земляца, у кого что – получи да получи!.. А я бы первый, как Минин и Пожарский, первый свое добро на люди: на, мол! <...> Сложились бы так-то, а там в дележ. Вот и не стало бы тесноты на свете»), вызывает резкое возражение попутчика: «“Так тебя и послушали!” – гневно возразил попутчик, глядя угрюмо в сторону» (с. 152–153).

Позиция нарратора, не только в этом рассказе, но и во всех остальных, разумеется, не совпадает с наивными «мечтами» Еремея, жалеющего о том, что нет на Руси такого места, где бы он смог произнести свою пламенную речь для всего народа, раздираемого «жалостью к своему брату и необходимостью кормить семью, сомнением в справедливости своей работы и страхом ответа» за нее перед Богом и все же берущего последние гроши за перевоз с нищих переселенцев. Повествователь видит свой долг в другом: не только в объективном изображении положения переселенцев, к чему стремились очеркисты 1880–1890-х гг., и столичные, и сибирские; ему важно художественное воплощение проблемы, которое бы переживалось эстетически, умом и сердцем, воздействуя на личность самого широкого круга читателей, формируя ее.

Однако в свете поставленного нами вопроса о «Переселенцах» как о цикле еще важнее другое. Сопоставление и существенное противопоставление позиций нарратора и рассказчика как носителей разных мировоззрений со всей очевидностью обнаруживают общность и различие взгляда повествователя и автора. Каждый рассказ в отдельности получает благодаря точке зрения повествователя или его диалогу с позицией рассказчика определенное эстетическое завершение. Истории Устиныча (героя «Самоходов»), Митрича («Елка Митрича»), Семки («Домой»), Николки («Нужда»), Еремея («Хлеб-соль»), Тимофея и его сына Григория («Лишний рот») звучат серьезно, драматично и даже трагично, но взятые отдельно, они передают лишь единичный случай. Автор, собирая эти рассказы в цикл под названием «Переселенцы», заставляя сопоставлять изображенные события, описанных героев, показывает их параллелизм, переклички, повторяемость, тем самым передавая общее состояние России 1880–1900-х гг., хаотично движущейся в поисках выхода из кризиса,

который не был преодолен ни реформой 1861 г., ни выстрелом Д. Каракозова в 1866 г., ни массовым переселением из центра страны на ее восточную периферию и т. п., и т. д.

Двойственность ракурсов видения переселенческой темы в цикле рассказов Телешова представляется очень важной. В изображенных событиях явно усматривается некая связь, указывающая и на их конкретность, т. е. единичность, и на их будничность, т. е. типичность для определенного времени и среды, и на их всеобщность, т. е. на некий универсальный закон объективно трагичного устройства бытия, который был в полном объеме репрезентован в русской литературе конца XIX в., прощающейся с эпохой классики, А.П. Чеховым, одним из первых отошедшим от построения художественного текста на открытом конфликте человека и социально-исторических обстоятельств.

В связи с этим обратим внимание на жанровую специфику рассказов Телешова о переселенцах. Ее определяют новеллистическое и притчевое начала. Все герои и сюжеты рассказов принадлежат конкретной эпохе со всеми ее большими вопросами, и вместе с тем они являются воплощением общечеловеческих законов. Рассмотрим в связи с этим подробнее рассказ «Самоходы». Его главный герой – переселенец Устиныч, «невысокий старик лет семидесяти, с седой бородкой и светлыми грустными глазами». Впервые читатель встречает его сидящим на скамейке у ворот, ведущих во двор, где находится переселенческий барак, «весело» поглядывающим на небо, украдкой вздыхающим и *думающим*. «Пока Устиныч сидел и думал, его семья снаряжала повозку», – дополняет эту картину повествователь.

Этот герой, умирающий на пути к новым местам, к «земле обетованной», которая, по его словам, находится «далече», «на версты считать, не знаю, как и выговорить», является одновременно и действующим лицом новеллистического сюжета, непредсказуемость развития которого изначально задается образом повозки и мотивом дороги, которые стали почти обязательными при создании образа переселенца; и притчевым персонажем, переживающим общую и вечную ситуацию поисков идеального мира, ради достижения которого не жалеют даже жизни. Сквозь явную социально-историческую конкретность сюжета и героев отчетливо проступает их символическая семантика.

С одной стороны, читателю сообщаются следующие детали: герои отправляются в путь, уже проделав «семьсот верст», они уезжа-

ют на новое место всей семьей («А семья наша вот такая: я со старухой – это двое... Да Трифон – сын, да при нем жена, да детей четыре души – крохотных... Да еще, значит, пятый внук – Лександро. Выходит – девять душ, да десятая дочь... да еще две дочери...», с. 102), потому что «четвертый год нет урожая», «а каждый рот хлебушка просит, а его, значит, нет и нет», их тележка «набита разным тряпьем», в нее посадили только малых детей и немощную жену Устиныча. Поскольку лошадей у переселенцев нет, в повозку впряглись сам Устиныч, его сын Трифон и внук Сашутка, бабы с котомками за плечами, опираясь на палки, пошли за тележкой.

С другой стороны, по ходу развития сюжета герои новеллы становятся героями притчи, что актуализируется образом «тройки», которую составили сын, отец и дед (понукая друг друга, «тройка мало-помалу продолжала свой путь», с. 104), подчеркиванием особой смены художественного времени и состояния природы (выехали «на ночь глядя», к утру подъехали к переселенческому табору, раскинувшись в поле, в первый же день их застает в дороге гроза, непрерывный дождь наполняет водой колеи, и «тройка» «еле тащится по пустынному тракту»; позднее внимание героев фиксируется уже только на смене дней и ночей, а еще позже – недель, все дожди, грозы, ветра слились в одну непогоду). Преображенные в притчевых персонажей, герои идут за счастьем на «землю обетованную»: «Сekli их косые дожди, сушило их красное солнышко, обжигал их встречный ветер, слепивший глаза придорожною пылью» (с. 108).

Встретив в начале пути переселенческий табор, Устиныч «побрел в середину табора поглядеть на людей». Среди переселенцев он заметил старика, сколачивающего детский гробик. Именно к нему он подошел «с разговором». Узнав, что старик хоронит в дороге уже второго внука, умершего от голода, Устиныч пытается его утешить («Не тужи, милый. Всяк человек там будет... Младенец – душа ангельская. Не тужи, милый»). В дальнейшем Устиныч увидит много одиноких деревянных крестов на краю дороги и только будет снимать шапку, едва задумываясь о том, кто лежит под ним: «ни имени, ни времени, ни причины не объясняет крест, и стоит он посреди степи, как упрек, как загадка» (с. 111).

Единичное теряется в пути, все его конкретные приметы (погодные явления, время суток, события, люди) символизируются. И сам Устиныч, в рогожке, накинутой от дождя на плечи, «сделался похожим на попа в ризе» (с. 107). Герой менялся и внутренне, с каждым

днем он все больше уставал, жизненные силы уходили из него, и грусть все большее «щемило его старое сердце» (с. 109). «Знать, надорвался!», – говорит он сам о себе, как о коренном в упряжке.

Однако именно сейчас к герою, почти уже растворившемуся в общем потоке жизни, приходит жалость к себе:

И ему вдруг стало жалко себя. Потому стало жалко, что прожил он семьдесят лет на свете, сгорбился. Поседел, изломался, а ничего, кроме горя, кроме нужды и лишений, не видал от жизни. Даже теперь, на старости лет, когда и без работы уже стонут и ноют его надломленные, простуженные члены, он все еще гнется, все еще ломает спину под нуждою, под невольным ярмом. Идет он тысячу верст, голодает, мокнет под дождем, валяется, как последняя собака, на грязной земле и терпит и сносит все – ради того, чтобы прийти да умереть вдалеке от родины. “Эх, горе, горе! – вздыхает старик, вспоминая свое родное село с широкой улицей, с рядами серых домиков, с белою как снег колокольнею. Вспоминаются ему и соседи, и старое разоренное гнездышко с раскосыми углами, с растасканной крышей» (с.109).

Картина в сознании умирающего старика наполняется множеством конкретных индивидуальных деталей и оживает. И хочется Устинычу в эти последние часы жизни не поскорее дойти до неведомой «земли обетованной», куда направлялась их «тройка», а «подняться сейчас же и бежать без оглядки назад, где нет уже ни зерна его, ни клочка земли, – а там пускай оставляет душа его грешное тело, пускай относят его в эту знакомую белую церковь и проводят на знакомый погост, на облюбованное местечко, по соседству с добрыми людьми – земляками» (с. 109).

В финале рассказа притчевое и новеллистическое начала стремительно и не раз сменяют друг друга. Притчевое слово почти сразу переводит трагическую сцену умирания старика у придорожного куста, ночью, в бреду жалующегося на то, что ему не дают «способия» и прогоняющего кого-то, кто занял его место («Мое место! Пошел ты! Говорят – мое!.. Убирайся...»), в архетипическую ситуацию. Этот переход обозначается описанием внутреннего состояния Сашутки, внука Устиныча, который, слушая бред деда, думал (точнее, ему «подсказывало» это его тоскующее сердце), что «дедушка отгоняет от себя смерть... Об этом же думали и другие» (с. 111).

Далее параллельно описываются богатые похороны сибирского богача, в «свинцовом гробу, покрытом сухими венками с белыми и черными лентами», и более чем скромные проводы в последний путь Устиныча. Эта картина завершается следующим размышлением

нарратора: «Освободилась его душа, изнывавшая семьдесят лет в его теле, ради которого он столько грешил, столько терпел нужды и горя, завидовал, унижался, боялся, и все это – прах и ничто. Такой же прах, такое же ничто, как и там, в запаянном свинцовом гробу, из которого уже никогда не выйти вечному одинокому пленнику. А Устиныч... когда-нибудь выглянет опять на здешний свет зеленой травинкой и будет опять красоваться на солнышке» (с. 111), как красовался он, напомним, в экспозиции рассказа. Притчевое начало, введенное в нарратив, создает такую картину мира, в которой человек – это субъект выбора некоей высшей силы, естественным образом обеспечивающей смертью одного коллективное бессмертие, уравнивающей всех, четко отделяющей главное от второстепенного. Неслучайно сцена похорон Устиныча заканчивается примечательной деталью: Сашутка «втыкает» в «бугорок из рыхлой земли», где похоронили деда, «молодое деревце с корнем и зеленью» (с. 111), и они уже вдвоем с отцом впрягаются в тележку, чтобы ехать дальше.

Но уже двинувшись в путь, Сашутка и Трифон сбрасывают с себя пристяжку, встают на колени, кланяются в сторону могилы Устиныча. Мальчик плачет, желая услышать «ласковый знакомый голос деда “С Богом, Сашутка! С Богом”». «И некому уже так крикнуть, некому было утешить и ободрить его, и осиротевшей душе Сашутки не на что было откликнуться», – звучит голос повествователя, подчеркивающий трагизм утраты одного конкретного человека. Однако финальные его слова вновь обращают читателя к общему вечному течению жизни: «В последний раз взглянул Сашутка на видневшееся вдалеке село, в последний раз поклонился погосту и, обливаясь тихими слезами, нехотя взялся за веревку», подгоняемый строгим голосом отца, который «точно ударил его по сердцу этой строгостью»: «Ну трогай, Сашутка! Пора». В притчево-сказочном регистре звучит и развязка сюжета: «Через месяц изнуренная “пара” докатила, наконец, тележку до новой земли» (с. 112).

Взаимопроникновение новеллистического и притчевого начал может быть продемонстрировано и на других рассказах, что подводит нас к выводу о жанровой стратегии, выдержанной в цикле «Переселенцы» в целом и являющейся еще одной из его скреп, придающих циклу дополнительные сверхсмыслы. Ее специфика, которую мы показали на анализе рассказа «Самоходы», позволила Н.Д. Телешову синтезировать острую злободневность темы переселения в Сибирь, что было столь характерно для документально-очеркового

дискурса о переселенцах, и ее универсальный, общечеловеческий потенциал, общий подход к проблеме переселения в Сибирь с интересом к личности переселенца, к его душе.

Продолжая разговор об универсальном звучании темы переселения в Сибирь в цикле рассказов Телешова, обратимся еще к одному его сквозному мотиву – блудного сына¹, который, как нам представляется, так же, как и рассмотренный выше мотив земли обетованной, поддерживает его целостность и единство. Во всех рассказах цикла изображены герои, покинувшие родные места и либо мечтающие о возвращении в родной дом, либо реально движущиеся назад – из Сибири в Центральную Россию.

Один из рассказов так и называется – «Домой» (1898). Его зачин описывает главного героя – «вихрастого бледнолицего мальчика лет одиннадцати» по имени Семка. Родители его, переселенцы, умерли в дороге от тифа, «и он остался одиноким среди чужих людей и среди чужой природы, вдалеке от родины, которую он помнил» (с. 122). Эта память о родном доме, желание вернуться туда и становятся основным двигателем всех поступков Семки, основой сюжетного развития произведения и его восприятия читателем.

Мальчик помнит, «что пришли они сюда вот по этой самой дороге, что переезжали раньше поперек какую-то широкую реку, а еще раньше плыли долго на пароходу, ехали на машине, опять плыли на пароходу и опять ехали на машине, и ему казалось, что стоит пройти лишь эту дорогу, как будет река, потом машина», а далее родное «село Белое, и родной дом, к которому он так привык» (с. 123). Это воспоминание о пути в Сибирь и представление о том, как он будет разворачиваться в обратную сторону, в направлении к отчужденному дому, где уже, конечно, не будет ни матери, ни отца, но зато там ему знакомы все старики и мальчишки, было, по сути, первым, почти бесознательным шагом Семки к возвращению.

На первый взгляд, библейская притча в рассматриваемом рассказе очень серьезно трансформирована: отчий дом в нем оказывается

¹ Об этом мотиве см.: *Тюпа В.И.* Сюжет блудного сына в лирике Пушкина // Болдинские чтения. Горький, 1984; *Дебрецени П.* Блудная дочь. Анализ художественной прозы Пушкина. СПб., 1996; *Печерская Т.И.* Мотив блудного сына в рассказах и повестях Ф.М. Достоевского // «Вечные» сюжеты русской литературы («блудный сын» и другие). Новосибирск, 1996; *Габдулина В.И.* Мотив блудного сына в публицистическом дискурсе петербургского текста Ф.М. Достоевского // Тема, сюжет, мотив в лирике и эпосе. Новосибирск, 2006. С. 206–216; и др.

синонимом родины, в родное село устремляется сын, оставшийся сиротой, потерявший отца на чужбине. Но эти отступления на самом деле не только не затрагивают сути притчи, рассказывающей, как известно, о двух сыновьях, но подчеркивают ее. Родной дом когда-то отпустил обоих героев рассказа, причем старший из них, отец Семки, сделал свой выбор сознательно, чего нельзя сказать о младшем, Семке, которого родители взяли с собой, разумеется, не учитывая его желаний. Теперь мальчик принимает самостоятельное решение о возвращении на родину, в чем и заключается ценность его поступка (в свете символики притчи о блудном сыне).

Поначалу ребенок, конечно, не понимает, что его дорога домой обернется множеством тягот и испытаний. Можно сказать, что он даже не осознавал, зачем ему нужно вернуться к речке Узюпке, в село Белое, что он бежит из переселенческого барака потому, что там его плохо кормят и всегда говорят: «Теперь не до тебя». «Начальник» Александр Яковлевич кричит на него, «приказывает жить» в «ненавистном бараке, не смея никуда отлучаться», и «обещает выдрать за волось», если Семка «будет мешаться». В бараке жили еще три девочки и один мальчик, которых родители «забыли и ушли неизвестно куда, но те дети были такие маленькие, что нельзя было с ними ни играть, ни шалить» (с. 123). «Наконец, ему надоело. Ведь вот же она, та самая дорога, по которой они пришли сюда из “Рассей”!.. Не пускают добром, так он сам убежит. Разве долго?.. И опять он увидит... Малашку, Васятку и Митьку, своих закадычных приятелей, пойдет к учительнице Афросинье Егоровне, пойдет к поповым мальчикам, у которых растет много вишен и яблок...» (с. 123). Одним словом, Семка выбегает из барака на дорогу вполне счастливым от того, что возвращается домой.

Этот путь, эта мечта о лучшем на свете селе Белом и лучшей на свете речке Узюпке сформировали в мальчике то качество, которое Пушкин очень точно назвал «самостоянье». В структурном же плане он воспроизводит ритуально-мифологический подтекст притчи о блудном сыне, корнями уходящий в обряд инициации¹. Герой отправляется в путь один, даже не пытаясь найти себе в бараке попут-

¹ См. об этом: *Мелетинский Е.М.* О происхождении литературно-мифологических сюжетных архетипов // *Мировое древо.* М., 1993. Вып. 2; *Тюпа В.И.* Фазы мирового архесюжета как историческое ядро словаря мотивов // *Материалы к словарю сюжетов и мотивов русской литературы: От сюжета к мотиву.* Новосибирск, 1996.

чика, а идет он для того, чтобы вернуться в общество односельчан уже в новом качестве, повзрослевшим, самостоятельным, научившимся преодолевать трудности, делать правильный нравственный выбор и т. п. В рассказе отражены такие важные этапы инициации, как отправление на чужбину, жизнь в далекой стороне, где было оставлено все (включая родителей) – Семка отправляется в дорогу домой налегке, не имея никаких припасов, теплой одежды, денег.

По дороге мальчику встречались и добрые люди («помощники»), кормившие его «ради Христа», подвозившие его бесплатно на лошади, и непреодолимые препятствия. Таким, например, стала для него широкая река, которую, как он хорошо помнил, они пересекали с отцом, когда ехали в Сибирь, «только их было тогда очень много», и народ перевозили на барке. «Но где же теперь эта барка?» – спрашивает сам себя Семка, всматриваясь в «сердито» плещущую холодную реку, «но было по-прежнему все пусто и немо» (с. 125). Впервые, может быть, за все время пути «Семка задумался. Потом он сел на песок и только тогда почувствовал, что устал и что идти более не может. Да и куда же уйдешь, когда перед глазами вода? Сначала он глядел на эту воду, следил, как она стремится куда-то вперед и плещется о берег, потом глядел на небо, на меркнувшее пространство вдаль, за рекою, на лес, на поляны – и что-то грустное, смутное ложилось камнем на его детское сердце. Была ли это простая боязнь, или сознание круглого сиротства, или раскаяние, или, может быть, дума о родине, но только Семке хотелось заплакать, хотелось есть и пригреться, хотелось видеть подле себя отца с матерью» (с. 125–126). Вдруг он увидел челнок, но «дяденька», к которому мальчик привычно обратился за помощью, «нахмурил брови и сморщил нос, отчего зубы его сделались еще длиннее». Он потребовал денег, напугав ребенка и грубым ответом, и злым выражением лица. Семка почувствовал в нем «чужого», которому «все равно, будет ли Семка сыт и жив, или не будет» (с. 127).

Встретил мальчик на своем пути и попутчика (еще один «чудесный помощник»), который так же, как и он, шел домой, в «Расею»: «– Так ты куда? – неожиданно спросил Незвестный, поднимаясь с травы. – Я, дедушка, домой... – Ну и я домой, пойдем вместе. Оба они молча вышли на дорогу и побрели, не торопясь, вперед» (с. 130). Незвестный хвалил и подбадривал Семку, рассказывал про родину и про Сибирь, не бросил его, когда тот заболел. В финале рассказа мы видим героя в больничном халате, слабым после болезни. Боль-

ничный солдат рассказывает ему, как его, «больного, без памяти, принес сюда старик», оказавшийся беглым каторжником. Здесь-то, в больнице, его и поймали, чтобы вновь отправить по этапу. Плачущего Семку успокаивает сторож: «Чего реवेशь? Нечего реветь: тебя вернут скоро на родину, потому ты дите, и тут тебе вовсе не место» (с. 135). Таким образом, реализуется последняя фаза притчевого архесюжета (тяжелая болезнь, беспамятство, равные временной смерти, и новая жизнь).

Интересно посмотреть, в свете выявленной организации сюжета в рассказе «Домой», на макросюжет цикла «Переселенцы». Рассказ «Самоходы» выполняет в нем функцию обособления, выделения человека из прежней жизни: именно устремленностью из родных мест на новые объясняются позиции и поведение героев этого рассказа. Мотив праздника организует сюжет следующей истории – «Елка Митрича». Действие начинается в кухне переселенческого барака, где накануне Рождества жена Митрича, «с засученными рукавами и расстегнутым воротом», хлопчет, готовясь к празднику. Оба они в предвкушении удовольствия: у них в комнате будет чисто, они купят себе «винца да колбаски». И Митричу хочется, чтобы удовольствие получили и сироты, живущие в их бараке. Он вспоминает, как праздновали Рождество в господском доме: «Принесут, это, елку, уберут ее свечками и гостинцами, а ребятки-то ихние просто даже скажут от радости!.. Думаю себе, баба: лес у нас близко... срублю себе елочку да такую потеху ребятишкам устрою, что весь век будут Митрича поминать!» (с. 114).

Изначально замысел героя устроить праздник связан с искушением, с разыгравшейся в нем гордыней («весь век будут Митрича поминать!»). Неслучайно жена его не одобряет этого «умысла» – устроить то, что, в общем представлении (и в ее тоже), не положено сиротам, нищенствующим в переселенческом бараке: «– Видно, делать-то тебе нечего. – Нет, баба! Есть что делать: а сказано, устрою – и устрою! Даром что сироты, а Митрича всю жизнь не забудут!» (с. 115). Желание устроить детям праздник, а главное, чтобы за это «весь век Митрича не забывали», оказалось таким заманчивым, что герой отправляется к церковному старосте и, ссылаясь на несчастных детей, просит «выдать горсточку огарков... самых махоньких», чтобы «елку зажечь, вроде как у путных людей»; «удовольствие хочется сделать», говорит старик старосте, которого такая просьба приводит в шок: «Ты что, старик, из ума, что ли, выжил? <...> Све-

чи-то небось перед иконами горели, а тебе их на глупости дать? <...> И как тебе в голову такая дурь пришла, удивляюсь» (с. 117).

Церковного сторожа Митричу все же удалось убедить (т. е. ввезти вместе с собой в грех), и с полным карманом церковных огарков, уже получив разъяснение церковного старосты о сути своего греха, он, «весело улыбаясь и торжествуя», идет к барaku. Далее искушению подвергаются дети. Увидев елку, они ничего не поняли, их лица были «печальны и задумчивы», однако, «предчувствуя удовольствие», дети внезапно повеселели и стали помогать Митричу наряжать елку свечами, не догоревшими у икон. Затем рядом с церковными свечами на елку стали привешивать конфеты, кружочки колбасы, ломтики хлеба и, наконец, бутылку с вином. Однако заканчивается рассказ «должным поведением» героя: он умиляется до слез, когда смотрит на впервые в жизни радующихся детей и получает удовольствие, ощущение праздника, какого никогда не было в его жизни, от того, что все радуются. В этот момент Митрич даже не вспоминает о своем желании, чтобы его запомнили за эту елку на века.

Рассказ «Домой», проанализированный нами выше, отсылает читателя к фазе блужданий, испытаний, включая болезнь, равную в притчевом сюжете временной смерти. Следующий рассказ «Нужда» осуществляет роль вступления в последний этап макросюжета цикла – воскресения. Его главным героем тоже является сирота, Николка, брошенный родителями-переселенцами по дороге на новые места потому, что мальчик заболел и из-за него могли не пустить на пароход всю семью. Отец и мать Николки были уверены в том, что ему «не встать... все одно – помрет...» (с. 143), что, если даже они останутся в перевалочном пункте и не сядут на пароход со всеми переселенцами, чтобы плыть дальше, «Николка завтра же и помрет, как только все уедут» (с. 138). Матери, конечно, «хотелось самой положить его в гробик <...>, повить и поплакать над ним, а потом уж и ехать дальше» (с. 140), но и она понимала, что задержка в пути из-за Николки грозит смертью всей семье.

Однако в финале рассказа читатель видит выжившего, несмотря ни на что, Николку, который живет в доме сторожа вместе с другими осиротевшими или, как и он, брошенными родителями-переселенцами детьми. Мальчик исхудал и побледнел после болезни и не помнит, чей он, откуда. Начиная новую жизнь, он отвечает на вопрос о том, как зовут его отца: «Тяьтка... – А мать как зовут? – Мамка». «И больше ничего нельзя было от него узнать», – завершает

свой рассказ повествователь, подчеркивая мотив воскрешения, возрождения Николки, начинающего свою жизнь с чистого листа.

Рассказ «Хлеб-соль» являет собой своего рода сюжетную паузу перед его завершающей фазой. Как мы уже показали, здесь происходит некоторое отступление в сторону от основного сюжета цикла, и оно посвящено взгляду на переселенцев как бы со стороны, в частности изображению коренного сибиряка, зарабатывающего себе на жизнь перевозом переселенцев с одного берега реки на другой.

Последний рассказ цикла – «Лишний рот», словно оформляя макросюжет «Переселенцев» в кольцевую композицию, возвращает его в «исходную позицию». Здесь изображается еще одна семья, двинувшаяся из родных мест (где «тесно и скудно: земли все столько же, а народу год от года прибывает; да и земля отошала, и климат шут знает какой сделался: нужны дожди, а тебе солнце как назло печет и печет; все сохнет, а когда погода для уборки нужна – тут тебе дожди без перерыва весь месяц хлещут. Урожая нет. Скотина голодает и падает. Работа прахом идет, жить становится тесно и невозможно») в Сибирь («...здесь <...> пятнадцать десятин дают на душу: коси, где хочешь, паши, где знаешь»). Рассказ почти зеркально повторяет сюжет «Самоходов» и тоже заканчивается смертью главы семьи переселенцев, Тимофея Ильича. Он тоже уходит из жизни в недостойных человека условиях: в переселенческом лагере, лежа «на каком-то тряпье, <...> накрытый до горла... чем-то неряшливым, вроде старого войлока» (с. 164), осознавая полную опустошенность и испытывая стыд за то, что стал обузой семье, «лишним ртом». Его, как и Устиныча, героя «Самоходов», окружают жена, дети и внуки, которые, похоронив Тимофея, пойдут дальше, в «неведомые края», где «маячили новые счастливые места, обвеянные мечтами и надеждами. Там – от Урала до океана – развевалась необъятная Сибирь, сказочная страна <...>». «Хватило бы только сил до нее добраться...», – заканчивает повествователь последний рассказ цикла (с. 166), который, по сути, возвращает читателя к его началу.

Следует обратить внимание и на такую особенность организации цикла, как скрепы, соединяющие отдельные части его макросюжета. Ими являются мотив дороги и образ переселенческого барака (или лагеря)¹. Так, действие «Самоходов», начавшись у барака, заканчивается сообщением о том, что герои, похоронив Устиныча на неиз-

¹ Об этих мотивах см.: Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. М., 1997.

вестном им сельском погосте, продолжили путь на новые места. «Елка Митрича» возвращает читателей в переселенческий барак. В следующем рассказе «Домой» из такого барака убегает Семка, и весь сюжет произведения строится на мотиве дороги, плавно перетекающим в рассказ «Нужда», действие которого вновь заканчивается в бараке. Заданный ритм развития макросюжета поддерживается вновь возникающим в рассказе «Хлеб-соль» мотивом дороги, который связывает два последних рассказа. И как уже было отмечено выше, первая и последняя история цикла почти зеркально повторяют друг друга на уровне сюжета, позволяя замкнуть композицию цикла в круг, символ вечного движения, не имеющего ни начала, ни конца.

Притчевый подтекст «Переселенцев», организуемый его ориентацией на легенды о земле обетованной, о блудном сыне, формирует и единый мотивный комплекс цикла, обогащающий цикл мифопоэтикой. Не останавливаясь на этом подробно, лишь назовем некоторые из самых востребованных мотивов, которые переходят из одного рассказа в другой. Кроме вышеназванных, это – мотив дома, еды, земли, болезни, нового и старого, смерти, воспоминания-возврата, гнева, леса, реки, неба, ночи, огня, слез, плача, страдания, мученичества¹.

Под углом зрения развития и структуры макросюжета цикла Телешова интересно рассмотреть и систему героев. Конечно, в каждом рассказе существует своя система героев, главных и второстепенных. Но взятые вместе они обнаруживают фундамент всего цикла в целом, позволяют автору выйти к целостному взгляду и на проблему переселения в Сибирь и, если вспомнить об универсальном пласте анализируемого текста, на человека и мир вообще.

Стремясь к индивидуализации своих образов переселенцев – на уровне внешнего вида, поведения, речи, характера, Телешов обращает особое внимание на их социально-историческую мотивировку, соединяя ее с общечеловеческой. В конечном итоге в цикле создается яркий тип человека-переселенца, точнее, несколько его вариантов, из которых дети-переселенцы, старики-переселенцы интересуют писателя в первую очередь. Кроме того, героев цикла можно поделить на две группы по их мироотношению. Отправляясь к земле обетованной (или возвращаясь назад – в любом случае это движение к счастью), одни из них гибнут, другие неустанно идут к цели. Погибают чаще всего старики и дети, но не потому, что им уже или еще

¹ См. об этих мотивах: *Фрейденберг О.М.* Поэтика сюжета и жанра. М., 1997.

не хватает сил прокладывать свой новый жизненный путь. Ценой смерти они сохраняют свои души, лучшие чувства и порывы своих сердец. Герои зрелого возраста продолжают двигаться к своей цели, бросая на этом пути больных детей, не замечая страданий тех, кто слабее их, торопя умирать стариков, наскоро хороня их у дороги в безымянных могилах. Особенно показательны образы женщин, которые, не проронив слезы, смотрят на умирающих, забывают о своих детях и тем более не замечают страданий чужих детей. Все эти герои, конечно, не могут быть названы отрицательными, но и положительными их тоже назвать трудно. Их бедой и виной одновременно является отсутствие внутренней свободы, о которой они чаще всего и не думают, охотно рассуждая о цепях внешних обстоятельств и позволяя им разрушать свои души.

В этом отношении особенно показателен последний рассказ цикла – «Лишний рот». Его главный герой – молодой крестьянин Григорий, возглавляющий семью переселенцев. Уже сцена, знакомящая с ним читателей, показательна. Григорий встречает на улице сибирского города своего друга детства (от его имени ведется повествование), который раньше проводил лето на даче, находившейся рядом с деревней, где жил его отец Тимофей:

Передо мной стоял молодой крестьянин, неуверенно улыбаясь и вертя в руках картуз. Глаза его тоже неуверенно глядели то на меня, то в землю, то в сторону; улыбка была несмелая, жалкая и нерадостная.

– Григорий я... – проговорил он, видя, что я не узнаю его. – Григорий... Тимофеев сын... Ершов. Бывало, в Кувалдино к нам чай пить ходили. К Тимофею, к отцу... <...> Недели уж три стоим. <...> Проелись все, прозарились. Не оставьте, сделайте милость. Помогите в беде. <...> Мы все здесь. Всем семейством... Переселяемся.

– А Тимофей?

– Тут же. Помирать вздумал старик, да что-то не помирает.

– Это ты про отца? – переспросил я не без укора.

Григорий спокойно ответил, не поняв моего упрека:

– Про отца.

– Да где он? В больнице, что ли?

– Где там – в больнице!.. В поле стоим. Валяется, как собака. И все мы там, как собаки (с. 159).

Провожая героя-повествователя к отцу, Григорий всю дорогу ругает ссыльных арестантов, завидует им, потому что за ними («счастливыми», «душегубами») регулярно приходила баржа, а в ожидании ее они, по его словам, жили «в тепле, сыты, одеты, а мы – как собаки!». Позиция повествователя высвечивается подробным описанием

«серой колыхающейся массы» арестантов, которых конвойные гонят в кандалах, босыми, а те, в отличие от Григория, не умеющего оценить свою свободу, обозленного на всех и все, шутят и смеются. Злоба и ненависть вновь сменяются у Григория заискивающим тоном и покорным взглядом: он просит спутника замолвить за них слово перед начальством, дать его семье уехать вне очереди («Нешто тут в очередь можно? Нешто всех переждешь! Которые ближние, тем подождать, а дальним никак невозможно. Мы самые дальние, нам на Амур» – с. 160).

Глава III этого рассказа представляет собой массовую сцену. В ней описывается переселенческий лагерь, в котором находится, говорит Григорий, тысяч двадцать народу. Все они обозлены, обижены на начальство, друг на друга, на Сибирь, все готовы унижаться перед первым встречным. Это уже не люди, а толпа, «ревушая, голосящая», машущая руками, угрожающая, жалующаяся и хныкающая, кланяющаяся и просящая «поговорить» с кем-то и «понудить» кого-то.

– Отведи меня к Тимофею, – умолял я в сотый раз Григория.

– Сами теперь небось видите, до чего потерялся народ, – отвечал мне холодно Григорий. Потом он сжалился надо мной и, указывая на меня, крикнул в толпу:

– Чего галдите! Он не начальство. Нечего зря пресмыкаться, время терять по-пустому! (с. 163).

Встреча с Тимофеем произвела на повествователя самое гнетущее впечатление и тем, в каком состоянии он застал старика, и его желанием умереть поскорее, чтобы не быть «лишним ртом» для семьи, но главное – тем, как равнодушно смотрел и слушал на умирающего отца Григорий, а вместе с ним и его жена и дети, чья реакция ничем не отличалась от реакции слабоумного младшего брата Григория, Афоньки. Предложенные повествователем деньги Григорий взял «угрюмо», долго рассматривал купюру, «словно оценивая ее силу <...> Я чувствовал, что он был недоволен мною. Я уходил тоже с нелегкими впечатлениями» (с. 167). Попытка повествователя объяснить все увиденное «нуждой» оказывается малоубедительной и для него самого, и для читателя, так как в рассказе, и в цикле в целом, речь идет о более глубоких, сущностных проблемах, касающихся нравственности, души человеческой, вечных общечеловеческих ценностей.

По сути, цикл Телешова представляет оппозицию всего двух основных жизненных оснований – нравственности и безнравственно-

сти, за которой проступает главная идея авторской концепции личности – идея свободного нравственного выбора, который остается за человеком при любых обстоятельствах.

Возвращаясь к новеллистической составляющей «Переселенцев», отметим тех героев, которые руководствуются личной инициативой, правом свободного выбора своего поведения. В случае удачи и правильности этот выбор может приблизить героя к счастью (таков выбор Семки из рассказа «Домой»), но даже в случае неправильного выбора, заблуждения, как происходит с Митричем, пожелавшим вдруг, наперекор всем правилам и нормам, запретам и увещаниям, устроить детям рождественский праздник, или с наивным Еремеем из рассказа «Хлеб-соль», герой вызовет улыбку в свой адрес, а в конечном итоге – отказ от ошибки, обретение истины.

Таким образом, не претендуя на целостный и полный анализ поэтики циклизации в «Переселенцах» Н.Д. Телешова, сосредоточившись на ее важнейших, в нашем представлении, сторонах, мы можем утверждать следующее. Одним из ее существенных моментов является наличие в цикле макросюжета, который развивается в опоре на новеллистическую и притчевую традицию, что позволяет автору отойти от документально-очеркового нарратива, в рамках которого преимущественно осмыслялась тема переселения в Сибирь и столичными, и сибирскими писателями, в сторону собственно художественного повествования, связывающего конкретное и всеобщее, сиюминутное, злободневное и вечное, обстоятельства и личную мораль и психологию в онтологически глубокую картину мира. В этом цикле рождается многоголосое слово, произносимое последовательно или параллельно нарратором, героями-повествователями, рассказчиками, которое отнюдь не размывает изображение, а делает его объемным, живым, целостным. Столь своеобразное художественное воплощение одной из самых острых тем русской общественной жизни второй половины XIX в. – освоения Сибири переселенцами – органично вписывается в общее русло эволюции отечественной литературы названного периода, свидетельствуя о мощном культурном потенциале этой темы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Интерес русской литературы, столичной и региональной, к теме переселения в Сибирь обнаруживается в пристальном внимании авторов к этому социально-историческому явлению, в их настойчивых попытках ввести эту тему в литературу, в активных и плодотворных жанрово-стилевых поисках, инициированных ее освоением, и самое главное, в диалоге, составленном двумя названными литературными потоками по поводу переселенчества.

К данной теме обратились одновременно и классики, и полупрофессиональные писатели, авторы, занимающиеся проблемами переселенцев по зову совести и по долгу службы, живущие и работающие в Москве и Петербурге, в Томске и Иркутске. Но и те, и другие были первопроходцами в разработке темы, в силу чего и начали ее освещение в так называемых промежуточных жанрах (проблемная статья, путевые заметки, обзоры, письма), находящихся вне литературных норм, в которых можно было *открыть* средства для новаторских решений проблемы развития русской литературы.

Эти жанры выражали самую суть стиливых исканий отечественной словесности пореформенного, переходного, периода. Они позволяли обратиться к реальности, к достоверному будничному факту, найти плодотворные возможности взаимодействия литературы и жизни, субъективного и объективного, лирического и эпического, художественного и документального начал. Сама природа «переселенческой» темы требовала, чтобы прошли годы, прежде чем слово о русском переселенце в Сибири дошло до читающей публики в собственно художественном жанре рассказа, повести или цикла рассказов через преломление в «промежуточных» жанрах, в публицистике.

Такие знаменитые писатели, как Г.И. Успенский, Н.С. Лесков, А.П. Чехов по ряду причин (как социально-исторических, так и эстетических) прекрасно видели важность темы русских переселенцев в Сибири в самых разных ее проявлениях. Минувшее общественное звучание темы, во многом определявшее интерес к ней русских классиков, отметим другое: широко определяя литературу и ее функции, они охотно экспериментировали с новой темой в сфере литературы. Тема переселения в Сибирь соотносилась с выражением их граждан-

ской и эстетической позиции, требовала новых материалов, новых впечатлений, которые чаще всего собирались авторами лично, в процессе непосредственного знакомства с Сибирью и ее новоселами. Тема переселенцев отвечала устремлению уже сложившихся и признанных писателей к созданию таких произведений, в которых объединялось бы личное и общественное, гражданский пафос использовал бы стилистические возможности русской классической прозы.

Сибирские авторы, пишущие о переселенцах, столь же ясно, как и их столичные «соавторы», осознававшие общественно-историческую значимость темы, возможно, будучи более сведущими в сути этих сторон проблемы, старались следовать в ее литературном освещении стилю классиков, обращаясь к тем же жанрам, применяя те же интонации. Они словно подтягивали «идейное» содержание, которым владели, вероятно, более виртуозно, по сравнению со столичными писателями, приезжавшими в Сибирь на короткий срок, до необходимого уровня художественности, продвигая тем самым развитие сибирской словесности.

Тема переселения в Сибирь оказалась удивительно адекватной ведущим процессам литературного развития 1850–1900-х гг. и региона, и центра. При ее освоении авторы, и классики, и полупрофессионалы, прибегали и к цифрам, и к документам, и к художественным образам, и к архесюжетам, и к разным стилистическим интонациям (от серьезной, драматической и даже трагической до шуточной).

Будучи в родстве с такими вечными темами, как человек и общество, человек и природа, человек и время, тема переселенцев оказалась открытой для широчайшего и глубочайшего содержания. В произведениях о переселенцах переплетались бытовые детали и комментарии автора-очевидца, автора-исследователя, гражданский пафос и мифопоэтика. Тема постепенно «олитературивалась», причем в обоих литературных потоках практически одновременно, хотя как бы с разных сторон.

Образ автора уравнивал образ переселенца, создаваемого на первых порах из цифр, аргументов и фактов, и вместе с тем сам уравнивался им. В сочинениях на тему переселения в Сибирь писали о себе, но не с помощью напряженного самоанализа, а рассказывая о явлении, имеющем всеобщий масштаб. Обратной стороной медали стало изображение «другого», но не как «чужого», а как самого близкого, чьи проблемы не дают спокойно жить даже при наличии собственного благополучия и обращают к самоанализу.

Многочисленные тексты о переселенцах, создававшиеся в столице и в Сибири, курсировавшие по всей стране, в конечном итоге оценивали человека (автора, читателя, объект изображения – переселенца, чиновника, старожила), опираясь на общечеловеческую вечную этическую норму, в которую входили способность сочувствовать и сострадать, внутренняя свобода, «больная совесть», душевность и вера в силу Слова – все то, что всегда было основой отечественной словесности.

Хотя тема переселения в Сибирь направляла авторов в некое общее, вполне определенное русло, в их сочинениях о переселенцах редко превалировали заданность и монологизм. Обращение, с одной стороны, к документам, а с другой – к живым людям и ситуациям вело к «живой художественности», к которой была устремлена отечественная литература второй половины XIX в., и столичная, и региональная. Сама природа темы и подходы к ней, осуществляемые как бы изнутри, из периферии, и из центра, не позволяли остановить ее развитие на документально-публицистическом уровне или, напротив, развивать ее только в собственно художественном плане. Требовался диалог, такие «жесты», как взаимопритяжение и взаимоотталкивание литературных потоков, их ощущение самодостаточности и необходимости самоидентификации на фоне «другого».

Проделанный в рамках этого межкультурного диалога путь темы переселения в Сибирь – от статистических таблиц и обзоров, с перечислением условного количества земли, рабочего инструмента, денег и т. д. на условную семью переселенцев, к циклу рассказов о переселенцах, с архесюжетом инициации как главным, с мотивом блудного сына как основного, и одновременно, параллельно с этим к массиву подражаний местных авторов очеркам о переселенцах Чехова и Успенского – представляется плодотворным и вполне закономерным в общерусском литературном процессе второй половины XIX в.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Литература о Сибири

- Агеев А.Д.* Сибирь и американский Запад: Движение фронтиров. Иркутск, 2002.
- Азадовский М.К.* Сибирские страницы. Статьи, рецензии, письма. Иркутск, 1988.
- Азадовский М.К.* Очерки литературы и культуры Сибири. Иркутск, 1946.
- Актуальные вопросы истории Сибири. 5-е научные чтения памяти проф. А.П. Бородавкина. 6–7 октября 2005 г. Барнаул, 2005.
- Актуальные вопросы истории Сибири. 6-е чтения памяти проф. А.П. Бородавкина. 5–6 октября 2007. Ч. 1. Барнаул: Изд-во АГУ, 2007.
- Андреевич В.К.* Исторический очерк Сибири по данным, представляемым Полным собранием законов: В 6 т. СПб., 1886–1889.
- Артемьев А.Р., Миллер Г.Ф.* История Сибири. 2-е изд., доп. М., 1999. Т. 1; М., 2000. Т. 2.
- Бассин М.* Россия между Европой и Азией: Идеологическое конструирование географического пространства // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология / Сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. М.: Новое издательство, 2005. С. 277–311.
- Бойко В.П.* Томское купечество в конце XVIII – XIX веках (из истории формирования сибирской буржуазии). Томск, 1996.
- Бочанова Г.А., Горюшкин Л.М., Ноздрин Г.А.* Очерки благотворительности в Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. Новосибирск, 2000.
- Волошинов Н.А.* Сибирская железная дорога. СПб., 1890.
- Гагемейстер Ю.А.* Статистическое обозрение Сибири. СПб., 1854. Ч. 1–2.
- Головачев П.* Сибирь: Природа, люди, жизнь. М., 1905.
- Гончаров Ю.М.* Городская семья Сибири второй половины XIX – начала XX вв. Новосибирск, 2002.
- Громько М.М.* Трудовые традиции русских крестьян Сибири XVIII – первой пол. XIX вв. Новосибирск: Наука, 1975.
- Дамешек И.Л., Дамешек Л.М., Перцева Т.А., Ремнев А.В.* М.М. Сперанский: сибирский вариант имперского регионализма. Иркутск, 2003.
- Дамешек Л.М.* Внутренняя политика царизма и народы Сибири в XIX – начале XX в. Иркутск, 1983.
- Диалог культур народов России, Сибири и стран Востока. Иркутск, 1998.
- Замятин Д.Н.* Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов. СПб., 2003.
- Замятин Д.Н.* Культура и пространство: Моделирование географических образов. М.: Знак, 2006.
- Земсков В.Б.* Хроники Конквисты Америки и летописи взятия Сибири в типологическом сопоставлении // Латинская Америка, 1995, № 3. С. 88–95.
- Иванов В.Н.* Русские ученые о народах Северо-востока Азии (XVII – начало XX в.). Якутск: Якутское книжное изд-во, 1978.
- Казари Р.* «Литературный взгляд из России на Сибирь»: постановка вопроса // Вестник Евразии. М., 2006. № 1. С. 64–69.

- Карих Е.В.* Межэтнические отношения в Западной Сибири в процессе ее хозяйственного освоения: XIX – начало XX в. Томск, 2004.
- Кеннан Дж.* Сибирь и ссылка. СПб.: Врублевский, 1906.
- Культурный, образный и духовный потенциал Сибири (середина XIX – XX вв.). Новосибирск, 1997.
- Ламин В.А.* Сибирь: от «страны тьмы» к геополитическому освоению // Сибирское общество в контексте модернизации XVIII–XX вв. Новосибирск, 2003. С. 3–14.
- Люсьи А.П.* Сибирская триалектика: Сибирь как провинция, как фронтир и как «другая Россия» // Европейская литература в зеркале сибирской периодики. Томск, 2009. С. 20–33.
- Мамсик Т.С.* Община на фронтире: Сибирь и Северная Америка XVIII–XIX вв. // Американский и сибирский фронтир: Материалы международной научной конференции «Американский и Сибирский фронтир» (Фактор границы в американской и сибирской истории). Томск. 4–6 октября, 1996 г. Томск, 1997. С. 132–141.
- Миллер Г.Ф.* История Сибири: В 2 т. М.: АН СССР, 1937–1941.
- Мирзоев В.Г.* Историография Сибири (Домарксистский период). М., 1970.
- Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – нач. XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. 2-е изд. СПб., 2000.
- Моя Сибирь. Вопросы региональной истории и исторического образования. Новосибирск, 2002.
- Потанин Г.Н.* Материалы для истории Сибири / Сост. Г.Н. Потанин // Издание Общ-ва истории и древностей Российских при Московском университете. М., 1867.
- Потанин Г.Н.* Сибирь, ее современное состояние и нужды. СПб., 1908.
- Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л., 1976.
- Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири (На материале 2-й пол. XIX – нач. XX вв.). Л.: Наука, 1981.
- Пытин А.* Сибирь и исследования ее // Вестник Европы. Кн. 4. Апрель 1888. С. 684.
- Рабинович Е.Г.* От Атлантики до Урала (к предыстории вопроса) // Новое литературное обозрение. 2001. № 52. С. 62–74.
- Резун Д.Я., Ламин В.А., Мамсик Т.С., Шиловский Н.В.* Фронтир в истории Сибири и Северной Америке в XVII–XX вв.: Общее и особенное. Новосибирск, 2001.
- Ремнев А.В.* Россия и Сибирь в меняющемся пространстве империи XIX – XX вв. // Российская империя в сравнительной перспективе. М., 2004. С. 286–319.
- Ремнев А.В.* Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – нач. XX в. Омск, 2004.
- Ремнев А.В.* Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – нач. XX в. Омск, 1997.
- Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология / Сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. М.: Новое издательство, 2005.
- Российская империя: стратегии стабилизации и опыты обновления. Воронеж, 2004.
- Сибирь в контексте мировой культуры. Опыт самоописания. Томск: Сибирика, 2003.
- Сибирь в составе Российской империи. М.: НЛЮ, 2007.
- Сибирь: взгляд извне и изнутри. Духовное измерение пространства: Научные доклады. Иркутск, 2004.

- Сибирь в составе России XIX – нач. XX в. Томск, 1999.
- Слезкин Ю.* Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М., 2008.
- Словцов П.А.* Историческое обозрение Сибири. СПб., 1886.
- Топчий А.Т.* Крестьянские реформы в Сибири. Томск, 1979.
- Тюпа В.И.* Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской культуры // Сибирский филологический журнал. Новосибирск, 2002. № 1. С. 27–35.
- Фишер Иоганн Эберхард.* Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли Российским оружием. СПб., 1774.
- Фурсенко А.А.* Из истории русско-американских отношений на рубеже XIX–XX вв. // Из истории империализма в России. М.; Л., 1959.
- Шиловский М.В.* Общественно-политическое движение в Сибири второй половины XIX – начала XX века: Учебное пособие. Вып. 1: Областники. Новосибирск, 1995.
- Шиловский М.В.* Основные направления политики правительства по отношению к Сибири во второй половине XIX – нач. XX в. // Сибирское общество в контексте модернизации XVIII–XX вв. Новосибирск, 2003. С. 33–43.
- Шиловский М.В.* Сибирь и Россия: основные аспекты взаимоотношений в XVII – начале XX века // Сибирь в геополитическом пространстве XXI века. Новосибирск, 1998. С. 195–212.
- Штена В.* RUтопия. Екатеринбург, 2004.
- Этнокультурные процессы у народов Сибири и Севера / Ред. И.С. Гуревич. М.: Наука, 1985.
- Ядринцев Н.М.* Сибирские инородцы, их быт и современное положение. СПб., 1891; Тюмень, 2000.
- Язык – миф – культура народов Сибири: Сборник научных трудов. Якутск: ЯГУ, 1988.
- Bassin Mark. Expansion and Colonialism on the Eastern Frontier: Views of Siberia and the Far East in the Pre-Petrine Russia // Journal of Historical Geography. 1988. Vol. 14, № 1. P. 3–21.
- Bassin Mark. Inventing Siberia: Visions of the Russian East in the Early Nineteenth Century // American Historical Review. 1991. Vol. 96, № 3. P. 763–794.

II. Сибирская литература и периодическая печать

Тексты:

- Белокопский И.П.* Дань времени: Воспоминания. М., 1928.
- Белокопский И.П.* По тюрьмам и этапам: Очерки тюремной жизни и путевые заметки от Москвы до Красноярска. Орел, 1887.
- Богораз-Тан В.Г.* Восемь племен: Чукотские рассказы. М.: ГИЗ, 1962.
- Богораз-Тан В.Г.* Распространение культуры на земле: Основы этногеографии. М.: Госиздат, 1928.
- Восточная Сибирь в ранней художественной прозе / Ред. А.В. Гуревич. Иркутск, 1938.
- Дедлов-Кигн В.Л.* В переселенческой конторе // Книжки Недели. 1892. № 1. С. 151–181; № 2. С. 87–112; № 3. С. 80–114.
- Дедлов-Кигн В.Л.* Переселенцы и новые места. (Путевые заметки). СПб., 1894.
- Елпатьевский С.Я.* Крутые горы (Рассказы о прошлом). М.: ГИЗ, 1963.
- Елпатьевский С.Я.* Очерки Сибири. М., 1893.

Емельяченко И. Хозяин тайги (Из записок интеллигентного бродяги) // Новое слово. 1909. № 8. С. 50–72.

Калашиников И.Т. Дочь купца Жолобова. СПб., 1831–1834.

Калашиников И.Т. Камчадалка. СПб., 1831.

Кауфман А.А. По новым местам (очерки и путевые заметки). 1901–1903. СПб., 1905.

Литературный сборник: Сборник научных и литературных статей о Сибири и Азиатском Востоке / Ред. Н.М. Ядринцев (Приложение к газете «Восточное обозрение»). СПб., 1885.

Максимов С.В. Сибирь и каторга. СПб., 1871.

Мачтет Г. Повести и рассказы. М., 1887.

Мачтет Г.А. Избранное. М., 1958.

Мельшин Л. (Якубович). Иркутская хроника // Восточное обозрение. 1896. № 153.

Наумов Н.И. Собрание сочинений: В 3 т. Новосибирск, 1938–1940.

Небольсин П.И. Поездка в Сибирь на золотые прииски. СПб., 1848.

Небольсин П.И. Путевые рассказы о Сибири // Журнал для чтения воспитанников военно-учеб. заведений. 1848. Т. 71, № 282. С. 110–150.

Омельченко А. По дороге на вольные земли (Очерк из жизни сибирских переселенцев) // Журнал для всех. 1900. № 11. С. 1295–1311; № 12. С. 1455–1466.

Омулевский (Федоров И.В.). Камчадал // Восточное обозрение. 1894. № 3.

Первый литературный сборник сибиряков. Рассказы и стихотворения. Томск: Товарищеское издание, 1906.

Первый шаг. Провинциальный литературный сборник. Казань, 1876.

Потанин Г.Н. Тайжана: Историко-литературные материалы / Сост., предисл. и прим. Н.В. Серебренникова. Томск, 1997.

Пржевальский Н.М. Путешествия в Уссурийском крае, 1867–1869. СПб., 1870.

Прыжов И.Г. Записки о Сибири (1882) // Прыжов И.Г. Очерки, статьи, письма. М.; Л., 1934.

Рассказы о Западной Сибири или о губерниях Тобольской и Томской и как там живут люди. М.: Изд. Сытина, 1895.

Сибирские рассказы: Сборник. Иркутск: Изд. Н. Щукина, 1862.

Семёнов-Тян-Шанский В.П. Район и страна. М.; Л., 1928.

Серошевский В. Якутские рассказы. СПб., 1898.

Серошевский В.Л. Якуты. Опыт этнографического исследования. М., 1993.

Сибирь в художественной литературе / Сост: Г.Л. Вейсберг, Г.М. Пушкарев. М.: ГИЗ, 1927.

Сибирь в художественной литературе: Сборник. Новосибирск: Областное изд-во, 1938.

Станюкович К.М. В далекие края // Станюкович К.М. Собрание сочинений: В 10 т. М., 1977. Т. 6.

Станюкович К.М. В места не столь отдаленные: Роман из сибирской жизни. Новосибирск, 1964.

Тан Н. Чукотские рассказы. Пб., 1900.

Телешов Н. Домой. Из жизни сибирских переселенцев. М., 1899.

Телешов Н.Д. Самоходы. Избранные сочинения. М., 1956.

Толь Ф.Г. Два года в К-ком заводе. Сибирские очерки. СПб., 1861.

Гурбин С. Страна изгнания // Русский мир. 1872. № 119. 9 мая.

Чудновский С. Из дальних лет // Вестник Европы. 1912. № 1–3.

Шелгунов Н.В. Сибирь по большой дороге // Шелгунов Н.В. Сочинения. СПб., 1871. Т. 1.

Шукин Н.С. Посельщик. Сибирская повесть. СПб., 1834.

Шукин Н.С. Поездка в Якутск. СПб., 1844.

Шукин Н.С. Картины Сибири // Золотое руно. 1857. № 1–3.

Якубович П.Ф. В мире отверженных: Записки бывшего каторжанина. М., 1933.

Исследовательская литература

Авесов (Г.Н. Потанин). Десятилетие газеты «Сибирь» // Восточное обозрение. 1883. № 8 (Из истории сибирской печати).

Автобиография Н.И. Наумова (Публикация и примечания И.Г. Попова) // Сибирские огни. 1963. № 9. С. 177–181.

Азадовский М.К. Сибирская литература. К истории постановки вопроса // Сибирский литературно-краеведческий сборник / Под ред. М.К. Азадовского и И.Г. Гольдберга. Иркутск, 1928. С. 1–22.

Айзикова И.А. «... Еду в Сибирь служить» (Г.И. Успенский в Томске) // Русские писатели в Томске. Томск, 1996. С. 110–127.

Айзикова И.А. Сибирская тема на страницах «Москвитянина» // Американские исследования в Сибири. Вып. 2: Американский и сибирский фронт. Томск, 1997. С. 220–228.

Анисимов К.В. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX – начала XX века: особенности становления и развития региональной литературной традиции. Томск, 2005.

Беспалова Л.Г. М.Л. Михайлов и Н.В. Шелгунов в Тобольской губернии // Ученые записки Тюменского гос. пед. ин-та, 1966. Сб. 31. Вып. 1: Вопросы изучения преподавания литературы. С. 39–50.

Бабушкин Н.Ф. Н.И. Наумов // Русские писатели в Томске: Очерки. К 350-летию г. Томска. Томск, 1954. С. 43–49.

Балуев Б.П. Политическая реакция 80-х гг. XIX в. и русская журналистика. М.: Изд-во МГУ, 1971.

Беспалова Л.Г. Рассказы и очерки Н.И. Наумова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1962.

Беспалова Л.Г. Тюменский край и писатели XIX века: Очерки по литературному краеведению. Свердловск: Сред. Урал. кн. изд-во, 1976.

Жеребцов Б.П. О сибирской литературной традиции // Сибирский литературно-краеведческий сборник под ред. М.К. Азадовского и И.Г. Гольдберга. Иркутск, 1928. С. 23–50.

Жеребцов Б. П.Ф. Якубович // Сибирские огни. 1941. № 1.

Беспалова Л.Г. (В соавторстве с Ю.М. Беспаловой). Тюменский край и писатели XVII–XIX веков. Екатеринбург: Сред. Урал. кн. изд-во, 1998.

Вепринский П.И. Короленко и польские сибиреведы. Шиманский и Серошевский // Ученые записки Тюмен. пед. ин-та, 1966. Вып. 31. С. 122–134.

Вильчинский В.Л. К.М. Станюкович. Жизнь и творчество. М.; Л., 1963.

Головачев П. Сибирская беллетристика в 1892 г. // Восточное обозрение. 1893. № 10.

Головачев П. Прошлое и настоящее сибирской печати // Восточное обозрение. 1903. № 2, 3, 17, 21, 27, 49, 51.

- Гольдфарб С.И.* Д.А. Клеменц – революционер, ученый, публицист. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1986.
- Гольдфарб С.И.* Газетное дело в Сибири: первая половина XIX – начало XX в. Иркутск, 2002.
- Горячкина М.* Художественная проза народничества. М.: Наука, 1970.
- Двинянинов Б.Н.* Меч и лира: Очерки жизни и творчества П.Ф. Якубовича. М., 1969.
- Доманский В.А.* Ф.В. Волховский – негласный редактор «Сибирской газеты» // Русские писатели в Томске. Томск, 1996. С. 147–166.
- Доманский В.А.* Томская периодика XIX – начала XX вв. как культурный феномен // Европейская литература в зеркале сибирской периодики конца XIX – начала XX в. Томск, 2009. С. 5–19.
- Дроздов В. Г.А.* Мачтет в сибирской ссылке (1879–1885) // Огни Кузбасса. 1970. № 2. С. 58–62.
- Дроздов В. К.М.* Станюкович в сибирской ссылке // Огни Кузбасса. 1973. № 3. С. 66–69.
- Грицанова М.В.* «Томская тема» в судьбе и творчестве К.М. Станюковича // Русские писатели в Томске. Томск, 1996. С. 101–109.
- Европейская литература в зеркале сибирской периодики конца XIX – начала XX в. Томск: ТГУ, 2009.
- Ермолинский Л.Л.* Сибирские газеты 70–80-х гг. XIX в. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1995.
- Ермолинский Л.* Сто лет «Сибири» // Сибирь. 1972. № 6. С. 112–115.
- Есин Б.И.* История русской журналистики XIX в. М., 2003.
- Есин Б.И.* Н.В. Шелгунов. М., 1977.
- Жеребцов Б.* (1900–1941). Сибирский литературный календарь. Иркутск, 1940.
- Жеребцов Б. П.Ф.* Якубович // Сибирские огни. 1941. № 1. С. 163–164.
- Жилякова Н.В.* Хроника художественной жизни Томска на страницах «Сибирской газеты» // Художественная жизнь Сибири начала XX века. Томск, 2000. С. 5–16.
- Жилякова Н.В.* Американская тема в «Сибирской газете» // Американские исследования в Сибири. Вып. 5: Материалы Всероссийской научной конференции «Американский и сибирский фронт» 6–8 февраля 2001 года. Томск, 2001. С. 209–216.
- Жилякова Н.В.* Роман-фельетон на страницах «Сибирской газеты» // Журналистика в 2001 году: СМИ и вызовы нового века: Тезисы научно-практической конференции. Ч. III. М.: Изд-во МГУ, 2002. С. 35–36.
- Жилякова Н.В.* «Сибирская газета» (г. Томск, 1881–1888) как явление литературного регионализма: Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2002.
- Жилякова Э.М.* «Сердце золотое, благородное, чистое...» (Петрашевец Ф. Толь в томской губернии // Русские писатели в Томске. Томск, 1996. С. 59–74.
- Журналистика в Сибири. Иркутск, 1972.
- Жирков Г.В.* История цензуры в России XIX–XX вв. М., 2001.
- Иванчин-Писарев А.И.* Глеб Успенский и революционеры 70-х годов // Былое. 1907. № 10. С. 44–59.
- Казарина Г.А.* Жанр очерка на страницах «Томских губернских ведомостей» // Сибирский филологический журнал. Барнаул – Иркутск – Кемерово – Новосибирск – Томск, 2009. № 1. С. 70–74.
- Канунова Ф.З.* А.П. Чехов // Русские писатели в Томске. Очерки. К 350-летию г. Томска. Томск, 1954. С. 50–63.

- Канунова Ф.З.* Томск в литературной судьбе Г.С. Батенькова // Русские писатели в Томске. Томск, 1996. С. 39–58.
- Кельнер В.Е.* Человек своего времени: М.М. Стасюлевич: Издательское дело и либеральная оппозиция. СПб., 1993.
- Ким М.Н.* Жанры современной журналистики. СПб., 2004.
- Кожевников С.Е.* Н.И. Наумов. Очерк о жизни и творчестве писателя. 1838–1901. Новосибирск: Обл. изд-во, 1952.
- Кожевников С.Е.* Неизвестные письма Глеба Успенского // Сибирские огни. 1937. № 4.
- Кондратьев Н.* Начало журнальной прессы в Восточной Сибири. Иркутск, 1985.
- Кошелев Я.Р.* В.Г. Короленко и Г.И. Успенский // Русские писатели в Томске. Очерки. К 350-летию г. Томска. Томск, 1954. С. 17–32.
- Критика и критики в литературном процессе Сибири XIX–XX вв. Новосибирск: Наука, 1990.
- Круссер Н.Г.* Негласный редактор «Сибирской газеты» // Огни Кузбасса. 1978. № 3. С. 72–79.
- Круссер Р.Г.* Общественно-политическая и научно-просветительская роль народнической ссылки в Сибири (70-е – начало 90-х годов XIX века): Дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1971.
- Круссер Р.Г.* Политическая ссылка и «Сибирская газета» (1881–1888) // Сибирские огни. 1969. № 3. С. 142–151.
- Крутовский В.* Периодическая печать в Томске // Город Томск. Томск: Издание Сибирского товарищества печатного дела в Томске, 1912. С. 279–293.
- Кудрявцев Ф.А.* Периодическая печать // История Сибири. Л., 1968. Т. 3. С. 390–400.
- Куклина Е.А.* Летопись сибирской периодики. 1857–1916 гг. // Традиции и тенденции развития литературной критики Сибири. Новосибирск, 1989.
- Кунгуров Г.Ф.* Сибирь и литература. Иркутск, 1965.
- Лесничева О.К.* Сибирский очерк на рубеже XIX–XX вв. // Язык, культура, коммуникация: Аспекты взаимодействия. Абакан, 2005. Вып. 2. С. 24–38.
- Лесничева О.К.* Эволюция и поэтика «малых» жанров в литературе Сибири к. XIX – нач. XX в. Красноярск, 2004.
- Литературный процесс и русская журналистика конца XIX – нач. XX в. Социал-демократические и общедемократические издания. М., 1981.
- Литературный процесс и русская журналистика конца XIX – нач. XX в. (1890–1904): Буржуазно-литературные издания. М., 1982.
- Лурье Л.Я.* Народовольцы и Глеб Успенский // Русская литература. 1988. № 2. С. 165–171.
- Лясоцкий И. В.Я.* Шишков в Томске. Томск, 1953.
- Любимов Л.С.* История сибирской печати: Учебное пособие. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1982.
- Макарова Е.А.* Сибирь в творческом сознании Н.С. Лескова и В.Г. Короленко: Учебное пособие. Томск, 2005.
- Макушин П.И.* Газетно-издательская деятельность во времена царизма (Глава из воспоминаний) // Северная Азия. 1928. № 2. С. 91–100.
- Малютина А.И.* Сибирская тема в публицистике журнала «Русское богатство» // Сибирские страницы жизни и творчества В.Г. Короленко. Новосибирск, 1987. С. 34–54.
- Малютина А.И.* В.Г. Короленко и сибирская тема в журнале «Русское богатство» // Вопросы литературы. Красноярск, 1967. С. 65–92.

Малютина А.И. Елпатьевский в енисейской ссылке // Вопросы истории. 1973. № 2. С. 206–209.

Мандрика Ю.Л. Неофициальная часть губернских ведомостей как тип провинциального издания (На материале «Тобольских губернских ведомостей»): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2004.

Мандрика Ю.Л. Провинциальная частная газетная печать: Спорные вопросы становления периодики. Тюмень, 2007.

Меднис Н.Е. Семиотика границы в «сибирском тексте» русской литературы // Евроазиатский межкультурный диалог: «свое» и «чужое» в национальном самосознании культуры. Томск, 2007. С. 346–360.

Меднис Н.Е. Тип мышления и особенности поэтики Потанина-критика // Критика и критики в литературном процессе Сибири XIX–XX вв.: Сборник научных трудов. Новосибирск, 1990. С. 46–54.

Межерова Л., Нагибина А. Литературный отдел газеты «Восточное обозрение» (1882–1906) // Сибирский литературно-краеведческий сборник под ред. М.К. Азадовского и И.Г. Гольдберга. Иркутск, 1928. С. 93–122.

Милюков В.И. К.М. Станюкович // Русские писатели в Томске. Очерки. К 350-летию г. Томска. Томск, 1954. С. 33–42.

Минералов А.Ю. Мир каторги в русской художественно-документальной прозе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009.

Миронов Г. Писатель-демократ С. Я. Елпатьевский и его «Крутые горы» // С.Я. Елпатьевский. Крутые горы. М., 1963. С. 3–20.

Мордовцев Д.Л. Печать в провинции // Дело, 1875, № 9.

Назаров А.А. Коммуникативные стратегии периодических печатных изданий на региональном информационном рынке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2005.

Наумова-Широких В. Из прошлых лет (К 100-летию писателя-сибиряка Н.И. Наумова. 1838–1948) // Томск. 1948. № 3. С. 111–112.

Неизвестные письма Н.И. Наумова (Публикация, вступительная статья, примечания Н. Якушина) // Сибирские огни. 1969. № 3. С. 152–164.

Некрасова Е. К.М. Станюкович. Его поездка в Сибирь и жизнь в Томске // Русская мысль. 1903. № 10. С. 141–170.

Николаев В.И. Сибирская периодическая печать и политическая ссылка // Каторга и ссылка. Историко-революционный вестник под общей ред. Ф.Я. Кона. М., 1928. Кн. 41. С. 101–119.

Новикова Е.Г. Жанровая специфика поздних произведений Н.И. Наумова и некоторые проблемы сибирской литературы. Статья первая: «Картинка с натуры» // Проблемы метода и жанра. Томск, 1991. Вып. 17. С. 132–157.

Новикова Е.Г. Жанровая специфика поздних произведения Н.И. Наумова и некоторые проблемы сибирской литературы. Статья вторая: «Эскизы без теней» // Проблемы метода и жанра. Томск, 1994. Вып. 18. С. 203–221.

Новикова Е.Г. Томск в жизни Н.И. Наумова. Эскизы без теней // Русские писатели в Томске. Томск, 1996. С. 128–146.

Новикова Е.Г. Журнальная, литературная и филологическая деятельность Г.Н. Потанина // Доклады региональных межвузовских «Потанинских чтений», посвященных 160-летию со дня рождения Г.Н. Потанина 4 октября 1995 г. Томск, 1996. С. 30–37.

Новикова Е.Г. Восток и христианство в филологических трудах Г.Н. Потанина // Россия и Восток; История и культура, этнографические и этносоциальные процессы:

Материалы IV Международной конференции «Россия и Восток: проблемы взаимодействия». Омск, 1997. С. 248–251.

Новикова Е.Г. Н.С. Лесков и Г.Н. Потанин: Сибирь и софийность // Новикова Е.Г. Софийность русской прозы второй половины XIX века: евангельский текст и художественный контекст. Томск, 1999. С. 209–225.

Одинокое В.Г. Критика в дореволюционной Сибири и проблемы экологии культуры // Критика и критики в литературном процессе Сибири XIX–XX вв.: Сборник научных трудов. Новосибирск: Наука, 1990. С. 6–20.

Окунев Б.Г. Литературная деятельность П.Ф. Якубовича в 1870–80-х гг.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1971.

Очерки литературы и критики Сибири (XVII–XX вв.) / АН СССР. Сиб. отд-ние. Ин-т истории, филологии и философии; Отв. ред. Ю.С. Постнов. Новосибирск: Наука, 1976..

Очерки русской литературы Сибири: В 2 т. / АН СССР. Сиб. отд-ние. Ин-т ист., филол. и филос. / Гл. ред. А.П. Окладников. Новосибирск: Наука, 1982.

Русские писатели и народничество: Межвузовский сборник. Горький, 1975. Вып. 1.

Плеханов Г.В. Наши беллетристы-народники: Н.И. Наумов, Г.И. Успенский, С. Каронин // Плеханов Г.В. За двадцать лет. Пб., 1905. С. 1–133.

Плюхин И.В. Писательская критика Сибири: рецептивно-функциональные аспекты регионально-исторического самосознания: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Абакан, 2008.

Попов И.Г. Жизнь и творчество Н.И. Наумова: Автореф. дис. ... канд филол. наук. Л., 1967.

Попов И.И. Забытые иркутские страницы. Записки редактора. Иркутск, 1989.

Попов И.И. Минувшее и пережитое. Л., 1924. Т. 1.

Постнов Ю.С. Литература Сибири 70-х годов XIX в. в оценке Потанина // Известия Сибирского отделения АН СССР, № 5. Вып. 2. Новосибирск, 1966. С. 104–111.

Постнов Ю. Литературные очерки. Новосибирск, 1985.

Постнов Ю.С. Н.И. Наумов // Очерки русской литературы Сибири: В 2 т. Новосибирск, 1982. Т. 1. С. 391–399.

Потанин Г.Н. (Авесов). Роман и рассказ в Сибири. СПб., 1874.

Потанин. Г.Н. Из жизни сибирской журналистики // Сибирские записки. 1916. № 2. Апрель (Красноярск); Сибирская жизнь. 1916. 3 июля; 4 июля.

Протопопов М. Беллетристы новейшей формации // Русская мысль. 1900. № 3–4.

Пугачев А.Р. Сибирский роман К.М. Станюковича // В места не столь отдаленные. Новосибирск, 1964. С. 5–16.

Развитие литературно-критической мысли Сибири. Новосибирск: Наука, 1986.

Разгром сибирской печати // Сибирские вопросы. 1906. № 2. С. 88–93.

Разумова Н.Е. В Томске проездом (А.П. Чехов) // Русские писатели в Томске. Томск: Водолей, 1996. С. 167–180.

Рогачева Н. На краю Ойкумены: Западная Сибирь в русской литературе // Филологический дискурс. Вестник филологического факультета Тюменского государственного университета. 2000. № 1. С. 37–42.

Родигина Н.Н. «Другая Россия»: Образ Сибири в русской журнальной прессе 2-й пол. XIX – XX в. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2006.

Российская провинциальная частная газета. Тюмень, 2004.

Русские писатели в Томске. Очерки. К 350-летию г. Томска. Томск, 1954.

- Русские писатели в Томске. Томск: Водолей, 1996.
- Сборник газеты «Сибирь». СПб., 1876. Т. 1.
- Сборник к 80-летию со дня рождения Г.Н. Потанина: Избранные статьи Г.Н. Потанина и его биографический очерк, составленный А.В. Адриановым / Под ред. и с предисловием В.В. Сапожникова. Томск, 1915.
- Серебренников Н.В.* Н.И. Наумов: неоправдавшаяся надежда // Серебренников Н.В. Опыт формирования областнической литературы. Томск, 2004. С. 175–183.
- Серебренников Н.В.* Проблемы и перспективы русской провинциальной литературы. Великий Новгород: Изд-во НовГУ, 2000.
- «Сибирская газета» в воспоминаниях современников / Сост. Н.В. Жиликова, Н.М. Дмитренко. Томск, 2004.
- Сибирский сборник. Научно-литературное периодическое издание / Под ред. Н.М. Ядринцева. Приложение к газете «Восточное обозрение». СПб., 1886–1905.
- Сибирь и декабрист Батеньков. М., 1927.
- Сибирь. Литература. Критика. Журналистика. Новосибирск, 2002.
- Скабичевский А.М.* Литературные воспоминания. М.:Л., 1928.
- Скибина О.М.* Творчество В.Л. Кигна-Дедлова: проблематика и поэтика: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2003.
- Спасибенко А.П.* Писатели-народники. М., 1968.
- Спиридонова Г.С.* Образ сибирского «мира» в сюжетах сибирской беллетристики второй половины XIX в. // <http://arctogaia.krasu.ru/laboraton/spiridonova>.
- Сталева Т.В.* Сибирский просветитель Петр Макушин. Томск: Томское книжное издательство, 1990.
- Стилистика газетных жанров / Под ред. Д.Э. Розенталя. М., 1981.
- 150 лет периодической печати в Сибири: Материалы региональной научной конференции, посвященной 150-летию издания в Сибири «Губернских ведомостей». 19–20 апреля 2007. Томск, 2007.
- Творчество ссыльных писателей-областников революционного движения 80-х гг. // Очерки русской литературы Сибири. Т. 1: Дореволюционный период. Новосибирск: Наука, 1982. С. 443–479.
- Трушкин В.П.* Пути и судьбы. Литературная жизнь Сибири 1900–1920-х гг. Иркутск, 1985.
- Тюпа В.И.* О сибирском гипертексте русской литературы // Сибирские чтения в РГГУ. Альманах. М., 2006. Вып. 1. С. 40–54; *Тюпа В.И.* Сибирский интертекст русской литературы // Анализ художественного текста. М.: Academia, 2006. С. 254–264.
- Тюпа В.И.* «Сибирский текст» русской литературы и русской общественной мысли XIX в. // Актуальные проблемы региональной лингвистики и истории Сибири. Кемерово, 1992. С. 169–177.
- Физиков В.М.* Г.А. Мачтет. Жизнь и творчество: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1971.
- Хваленская Е.Ю.* Литературная критика на страницах сибирских газет («Сибирь», «Сибирская газета», «Восточное обозрение») // Вопросы языка и литературы. Вып. 3, ч. 1. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1969. С. 186–196.
- Хваленская Е.Ю.* Периодическая печать Иркутска и Томска 70–90-х гг. XIX в. // Научные библиотеки Сибири и Дальнего Востока. Опыт работы: Сборник статей. Новосибирск, 1970. С. 70–96.
- Чердиченко И.Г.* Н.М. Ядринцев – публицист, теоретик и организатор провинциальной печати. Иркутск, 1999.

Чмыхало Б.А. Н.М. Ядринцев и Г.Н. Потанин как теоретики «сибирской литературы» в 70-е гг. XIX в. // Развитие литературно-критической мысли в Сибири. Новосибирск, 1986. С. 57–74.

Чмыхало Б.А. Н.М. Ядринцев и вопросы «сибирской литературы» // Очерки литературной критики Сибири. Новосибирск, 1987. С. 18–29.

Чудновский С.Л. Из дальних лет. Воспоминания. М., 1934.

Шапошников В.Н. Литературная критика «Восточного обозрения» (1882–1894) // Критика и критики в литературном процессе Сибири XIX–XX вв. Новосибирск, 1990. С. 55–75.

Шатилов М. Первый издатель газеты в Томске (П.И. Макушин) // Сибирская жизнь. 1916. № 68.

Эртнер Е.Н. Образ Сибири в русской литературе XIX в. // <http://utmn.ni/No6/text16.htm>

Юсупова М.С. Из истории русской литературной критики конца XIX – начала XX в. (По материалам сибирской печати): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1970.

Ядрищев Н.М. Жизнь и труды А.П. Щапова: Биографический очерк. Красноярск, 1919.

Ядрищев Н.М. Сибирские литературные воспоминания // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1979. Т. 4. 291–315.

Якушин Н. Неуготимый исследователь Сибири // Сибирские огни. 1975. № 4. С. 169–184.

Якушин Н. Синегуб в Сибири // Сибирские огни. 1969. № 10. С. 155–160.

Яновский Н.Н. Проза Н.М. Ядринцева // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1979. Т. 5. С. 16–44.

Яновский Н.Н. Г.Н. Потанин – писатель, публицист и критик // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1986. Т. 7. С. 7–34.

Янушкевич А.С. Сибирский текст: взгляд извне и изнутри // Сибирь: взгляд извне и изнутри. Духовное измерение пространства: Научные доклады. Иркутск, 2004. С. 227–235.

Янушкевич А.С. Томские университеты В.Г. Короленко // Русские писатели в Томске. Томск, 1996. С. 75–92.

III. Литература об областниках и областничестве

Аблажей Н.Н. С Россией или без: сибирское областничество в эмиграции // Сибирь в геополитическом пространстве XXI века. Новосибирск, 1998. С. 213–231.

Азадовский М.К. Сибирские страницы: Статьи, рецензии, письма. Иркутск, 1988.

Болтузин Н.П. А.П. Щапов как историк Сибири: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1958.

Ветошкин М.К. (Подпись – М.К.) Сибирское областничество // Современный мир. 1913. № 3. С. 119–139.

Вологодский П. Г.Н. Потанин как публицист Сибири и общественный деятель. Томск, 1915.

Двойнев А.В. Отечественная историография сибирского областничества (60-е гг. XIX в. – 20-е гг. XX в.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2006.

Глинский Б. Николай Михайлович Ядринцев: Биографический очерк, с предисловием В. Острогорского и приложением воспоминаний Г. Потанина. М.: Изд. Т.И. Тихомирова, 1895.

Даниленко А.В. Сибирское областничество 80–90-х гг. XIX в. о странах Востока: (По материалам сибирской прессы и публицистики) // Взаимоотношения России с афроазиатскими странами в XIX – начале XX в. Иркутск, 1987. С. 141–150.

Дело об отделении Сибири от России / Под ред. Н.В. Серебrenникова. Томск, 2002.

Дьяконова Н.Н. Областники и народники в Сибири: К проблеме изучения // Вопросы истории и образования в Якутии. Якутск, 2000. С. 17–22.

Егоров Б.Ф. О провинциальной культуре и региональном самосознании (Ответы на вопросы Н.В. Серебrenникова) // Сибирь в контексте мировой культуры. Опыт самоописания. Томск, 2003. С. 7–9.

Емельянов Б.В. Русские мыслители 2-й половины XIX – начала XX вв. Опыт краткого библиографического словаря. Екатеринбург, 1996 (О Потанине – С. 259).

Емельянова Т.Н. Областничество Н.М. Ядринцева как философия российской действительности. СПб., 2004.

Жилякова Н.В. Poleмика томских изданий 80-х годов XIX века по вопросам центра и провинции // Журналистика в 2000 году: реалии и прогнозы развития: Тезисы научно-практической конференции. Часть VI. М.: Изд-во МГУ, 2001. С. 54–55.

Кандеева А.Г. Слово о Ядринцеве. Омск, 2001.

Карнишина Н.Г. Столица и провинция в России: управление, контроль, информационная среда (сер. 50–80 гг. XIX в.): Дис. ... д-ра. ист. наук. М., 2001;

Коваляшкiна Е.П. «Инородческий вопрос» в Сибири в концепциях госполитики и областнической мысли: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1999.

Коваляшкiна Е.П. «Инородческий вопрос» в Сибири. Концепция государственной политики и областническая мысль. Томск, 2005.

Козьмин Н.Н. Областничество // Сибирские записки. Красноярск, 1918. № 1. С. 40–54.

Козьмин Н.Н. Очерки прошлого и настоящего Сибири. СПб., 1910.

Колокольцев М.Г. Сибирское областничество как региональная разновидность народничества // Образование и социальное развитие региона. Барнаул, 2002. № 3–4. С. 168–171.

Колосова Г.И. Из истории поступления научного наследия Г.Н. Потанина в библиотеку Томского университета // Доклады региональных межвузовских «Потанинских чтений», посвященных 160-летию со дня рождения Г.Н. Потанина 4 октября 1995 г. Томск, 1996. С. 94–100.

Коржавин В.К. К характеристике сибирского общественного движения второй половины XIX века // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1979. Т. 5. С. 7–15.

Коржавин В.К. Общественно-политические и исторические взгляды Н.М. Ядринцева: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1973

Коржавин В.К. Сибирское областничество XIX в.: буржуазный либерализм или крестьянская демократия? Краткий биографический очерк // Историографический сборник. Саратов: Изд-во СГУ, 1983. Вып. 10. С. 22–40.

Кошелев Я.Р. Из неизданной переписки Г.Н. Потанина с писателями // Кошелев Я.Р. Из истории культуры Сибири. Томск, 1966. Вып. 1. С. 95–115.

Кошелев Я.Р., Пелих Г.И. К вопросу о кружке Г.Н. Потанина в Томске (неопубликованные материалы) // Ученые записки Томского пед. ин-та. Томск, 1957. Т. 16. С. 493–504.

Круссер Р.Г. Сибирское областничество. Новосибирск, 1931.

- Кузнецова А.М.* Сибирский федерализм: сущность, истоки, эволюция: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Улан-Удэ, 1999.
- Куприяновский П.В.* Проблемы регионального изучения литературы // Русская литература. 1984. № 1. С. 174–181.
- Кучмаева И.К., Ковальчик Б.* Понятие «регион» в теоретико-культурном смысле // Региональные проблемы в культуре. М., 1994. С. 11–29.
- Лаврский В.В.* Последние письма Г.Н. Потанину (публикация, научный комментарий и примечания Н.В. Серебренникова) // Вестник Томского госуниверситета. 1998. Т. 266. № 1 (январь). Гуманитарный спецвыпуск. С. 41–47.
- Лемке М.Н.* Николай Михайлович Ядринцев: Биографический очерк. СПб., 1904.
- Литературная деятельность Н.М. Ядринцева // Очерки русской литературы Сибири. Т. 1: Дореволюционный период. Новосибирск: Наука, 1982. С. 424–432.
- Любовский М.К.* Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX в. М., 1996.
- Лясоцкий И. В.Я.* Шишков в Томске. Томск, 1953.
- Маджаров А.С.* Афанасий Шапов. Иркутск, 1992.
- Мальцев А.И.* Конфессиональный фактор в истории колонизации Сибири и Северной Америки // Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2002. Вып. 2. С. 50–62.
- Матханова Н.П.* Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX в. Новосибирск, 1998.
- Моя Сибирь. Вопросы региональной истории и исторического образования. Новосибирск, 2002.
- Областные тенденции в Сибири. Томск, 1907.
- Обручев В.А.* Г.Н. Потанин. Жизнь и деятельность. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947.
- Пелих Г.И., Топчий А.Т.* Тайны областной концепции // Доклады региональных межвузовских «Потанинских чтений», посвященных 160-летию со дня рождения Г.Н. Потанина 4 октября 1995 г. Томск, 1996. С. 70–73.
- Письма Н.М. Ядринцева к Г.Н. Потанину. Красноярск, 1918.
- Пиксанов Н.К.* Областные культурные гнезда. М.; Л., 1928.
- Попов И.И.* Воспоминания Г.Н. Потанина // Голос минувшего. 1913. № 9. С. 275–278.
- Постнов Ю.С.* Н.М. Ядринцев – литературовед и критик // Литературное наследие Сибири. Новосибирск, 1980. Т. 5. С. 7–20.
- Потанин Г.Н.* Будущее сибирской областной тенденции // Сибирская жизнь. 1907. 6 июля.
- Потанин Г.Н.* Письма: В 4 т. Иркутск, 1977.
- Потанин Г.Н.* Письма: В 5 т. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1987–1992.
- Провинциальная ментальность в прошлом и настоящем: Тезисы докладов I конференции по исторической психологии российского сознания (4–7 июля 1994, Самара). Самара, 1994.
- Ремнев А.В.* Взгляды Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина на административное устройство в Сибири в начале 1870-х гг. // 280 лет Омску: история и современность. Омск, 1996. С. 55–59.
- Ремнев А.В.* Западные истоки сибирского областничества // Русская эмиграция до 1917 г. – лаборатории либеральной и революционной мысли. СПб., 1997. С. 142–156.

- Ремнев А.В.* Проблема «центр – Сибирь» на рубеже XIX–XX вв.: взгляд справа // Из истории России. XX век. М., 1996. Вып. 4. С. 86–103.
- Сагалаев А.Н., Крюков В.М., Г.Н. Потанин:* опыт осмысления личности. Новосибирск, 1991.
- Русская провинция: миф – текст – реальность. М.: СПб., 2000.
- Сборник избранных статей, стихотворений и фельетонов Н.М. Ядринцева. Красноярск, 1919.
- Сватиков С.Г.* Сибирское областничество в XIX веке. Белград, 1929.
- Сватиков С.Г.* Россия и Сибирь: (К истории сибирского областничества в XIX в.). Прага, 1930.
- Сверкунова Н.В.* Региональная сибирская идентичность: опыт социологического исследования. СПб., 2002.
- Серебренников И.И., Г.Н. Потанин* и областничество // Известия Иркутского отдела Общества изучения Сибири и улучшения ее быта. Иркутск, 1917. Т. 1. С. 129–139.
- Серебренников И.И.* Сибиреведение. Конспект лекций по сибиреведению. Харбин, 1920.
- Серебренников Н.В.* Опыт формирования областнической литературы / Под ред. А.Н. Казаркина. Томск, 2004.
- Сесюнина М.Г., Г.Н. Потанин* и Н.М. Ядринцев как идеологи сибирского областничества 2-й половины XIX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск: ТГУ, 1967.
- Сесюнина М.Г.* Вопросы просвещения и культуры Сибири в программе сибирских областников (60-е – нач. 90-х гг. XIX в.) // Из истории Сибири. Томск, 1972. Вып. 4. С. 268–289.
- Сесюнина М.Г.* Дело сибирского сепаратизма (Историография вопроса) // Политическая ссылка в Сибири XIX – нач. XX вв. Новосибирск, 1987. С. 39–48.
- Сесюнина М.Г.* Письма Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева как важнейший источник изучения их взглядов на соотношение общего и особенного в историческом развитии Сибири // Вопросы методологии истории, историографии и источниковедения: [Междуз. тем. сборник]. Томск, 1984. С. 134–195.
- Сибирский сборник. Научно-литературное периодическое издание под ред. Н.М. Ядринцева. Приложение к газете «Восточное обозрение». СПб., 1886–1905.
- Слабский А.С.* Жизненный путь С.С. Шашкова. Харьков: Изд-во Харьк. ун-та, 1967.
- Степанов Н.* Слобцов П.А. У истоков сибирского областничества. Л., 1935.
- Строганов М.В.* Провинциализм / провинциальность: опыт дефиниции // Строганов М.В. Литературоведение как человековедение. Тверь, 2002. С. 378–379.
- Ускова М.А.* Регионализм как принцип интерпретации русской культуры Сибири второй половины XIX – начала XX в. Дисс. ... канд. культур. наук. Кемерово, 2006.
- Фарафонтова Т.М.* Библиография публикаций Ядринцева // РГАЛИ. Ф. 580. Оп. 1. Д. 25.
- Фарафонтова Т.М., Н.М. Ядринцев* // Юбилейный сборник Западно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества. Омск, 1902. С. 1–22.
- Фарафонтова Т., Г.Н. Потанин* [По поводу 70-летия со дня рождения] // Образование. 1905. № 10. С. 8.
- Хроника жизни и творчества Г.Н. Потанина // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1986. Т. 7. С. 319–328.

Хроника жизни и творчества Н.М. Ядринцева // Литературное наследство Сибири. Н.М. Ядринцев. Новосибирск, 1980. Т. 5. С. 393–398.

Чередниченко И.К. Сибирские областники о роли местной прессы в развитии регионального самосознания // Сибирь: Взгляд извне и изнутри. Духовное измерение пространства. Научные доклады. Иркутск, 2004. С. 154–160.

Чмыхало Б.А. Литературный регионализм (Учебное пособие). Красноярск, 1990.

Чужак Н. Ссылка и областничество // Сибирская ссылка. Сб. 1. М., 1927. С. 51–87.

Шашков С.С. Исторические этюды. СПб., 1872.

Шейнфельд М.Б. Проблемы истории Сибири в областничестве начала XX в. // Из истории Сибири. Красноярск, 1970. Вып. 3. С. 56–118.

Шиловский М.В. Сибирское областничество накануне и в годы первой русской революции: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1975.

Шиловский М.В. Сибирские областники в общественно-политическом движении в конце 50-х – 60-х гг. XIX в. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1989.

Шиловский М.В. Сибирское областничество во 2-й половине XIX – нач. XX в.: Автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. Новосибирск, 1994.

Шиловский М.В. «Полнейшая самоотверженная преданность науке». Г.Н. Потанин: Биографический очерк. Новосибирск, 2004.

Шиловский М.В. Эволюция взглядов Н.М. Ядринцева на оценку процесса колонизации Сибири в 60–70-е гг. XIX в. (К 160-летию со дня рождения) // Гуманитарные науки в Сибири. СО РАН. 2002. № 2. С. 3–6.

Шапов А.П. Социальные потребности Сибири накануне реформ // Сибирь (Иркутск). 1876. № 3–4.

Юдельсон А.В. Образ сибиряка в представлениях русской общественной мысли XIX в. // Актуальные проблемы региональной лингвистики и истории Сибири. Кемерово, 1992. С. 169–174.

Ядринцев Н.М. Очерки первого сибирского. землячества в Петербурге. Красноярск: Изд. ред. журн. «Сиб. зап.», 1919.

Ядринцев Н.М. (1842–1894) // Очерки русской литературы Сибири. Т. 1: Дореволюционный период. Новосибирск: Наука, 1982. С. 378–384.

Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. СПб., 1891; Тюмень, 2000.

IV. Литература по переселению в Сибирь

Бардина П.Е. Быт русских сибиряков Томского края. Томск, 1995.

Белокопский И.П. Переселение крестьян из Елецкого уезда Орловской губернии // Юридический вестник. 1887. № 10. С. 326–333.

Беляков И.Е. Переселенец о Сибири // Русское богатство. 1899. № 3. II отд. С. 1–14.

Белянин Д.Н. Государственное регулирование процесса миграций на примере политики переселений в Сибирь в начале XX в. (Законы) // Региональные особенности управления государственным хозяйством России XVIII – нач. XX в.: Материалы Всероссийской научной конференции (Томск, 22 мая 2007 г.). Томск, 2007. С. 84–91.

Беспалова Л.Г. Н.И. Наумов о переселенчестве в Сибирь // Ученые записки Тюменского гос. пед. ин-та, 1960. Каф. рус. яз. Вып. 1. С. 173–192.

Беспалова Л.Г. «Переселение крестьян в Сибирь» в творчестве русских писателей // Земля тюменская: Сб. Тюмен. обл. краевед. музея. Тюмень, 1965. Вып. 4. С. 53–63.

- Бонч-Осмоловский Б.* Тобольский переселенческий пункт в 1894 г. Тобольск, 1896.
- Брусникин Е.М.* Переселенческая политика царизма в конце XIX в. // Вопросы истории. 1966. № 1. С. 28–32.
- Буцинский П.Н.* Заселение Сибири и быт ее первых насельников. Харьков, 1889.
- Волошинов Н.А.* Сибирская железная дорога. СПб., 1890.
- Головачев Д.М.* Н.М. Ядринцев и переселенцы 1891 г. // Литературное наследие Сибири. Новосибирск, 1980. Т. 5. С. 361–362.
- Горюшкин Л.М.* Переселенческое движение и сельское хозяйство Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. Новосибирск, 1989.
- Григорьев М.* Условия переселенческого движения в 1896 г. // Новое слово. 1897. Кн. 5. С. 95–107.
- Григорьев В.Н.* Переселения крестьян Рязанской губернии. М., 1885.
- Гуревич И.А.* Переселения крестьян в Сибирь. М., 1889.
- Дамешек Л.М.* Внутренняя политика царизма и народы Сибири в XIX – начале XX в. Иркутск, 1983.
- Дашкевич В.* Переселение в Сибирь. СПб., 1912.
- Зверев В.* Самоходы из Расеи: Крестьяне в эпоху массовых переселений // Родина. 2000. № 5. С. 127–129.
- Из истории земли Томской. Томск, 1978 (Разд. IV, гл. 1. «Переселение»).
- Истомина Н.* Сибирь и переселенцы. Харьков, 1892.
- Карих Е.В.* Межэтнические отношения в Западной Сибири в процессе ее хозяйственного освоения: XIX – начало XX в. Томск, 2004.
- Кауфман А.А.* Крестьянская община в Сибири: По местным исследованиям 1886–1892 гг. СПб., 1897.
- Кауфман А.А.* О причинах и вероятной будущности русских переселений. М., 1898.
- Кауфман А.А.* Переселение и колонизация. СПб., 1905.
- Кауфман А.А.* Хозяйственное положение переселенцев водворенных на казенных землях Томской губернии, по данным произведенного в 1894 г. по поручению господина Томского губернатора подворного исследования. СПб., 1895. Т. 1, 2.
- Кирьяков В.В.* Очерки по истории переселенческого движения в Сибирь. (В связи с историей заселения Сибири). М., 1902.
- Клибанов А.И.* Народная социальная утопия в России XIX в. М., 1978.
- Колонизация и переселенческое дело // Алтай: Ист.-стат. сб. по вопросам экон. и гражд. развития Алт. горн. окр. Томск, 1890. С. 327–360.
- Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом. СПб., 1900.
- Крестьянская реформа в России 1861 г.: Сборник законодательных актов. М., 1954.
- Крестьянство в Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск: Наука, 1983.
- Куломзин А.Н.* Всеподданнейший отчет о поездке в Сибирь для ознакомления с положением переселенческого дела. СПб, 1896.
- Литинская В.А.* Старожилы и переселенцы. Русские на Алтае. XVIII – нач. XX вв. М.: Наука, 1996.
- Мамсик Т.С.* Крестьянское движение в Сибирь. 2-я четверть XIX в. Новосибирск: Наука, 1987.
- Мамсик Т.С.* Хозяйственное освоение Южной Сибири: Механизмы формирования и функционирования агропромышленной структуры. Новосибирск: Наука, 1989.

Марусин С. (Швецов С.П.) Переселенческое движение на Алтай // Северный вестник. 1891. № 7. С. 21–53.

Материалы по переселению в Алтайском округе 1888–1892 гг.; К вопросу об алтайской общине // Алтайский сборник. Томск, 1894. Вып. 1. С. 197–273; 274–283.

Матханова Н.П. Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX в. Проблемы социальной стратификации. Новосибирск, 2002.

Миненко Н.А. Русская крестьянская община в Западной Сибири XVIII – первой пол. XIX в. Новосибирск: Наука, 1979.

Нагнибеда В.Я. Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Томской губернии. Томск, 1913.

На путях из земли Пермской в Сибирь. М., 1989.

Народонаселенческие процессы в региональной структуре России XVIII–XX вв. Новосибирск, 1996.

Никоненко Д.В. Переселенческая политика в российском законодательстве (1861–1889): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2006.

Никулин П.Ф. Основные направления деятельности статистического отдела Томского переселенческого района в 1906–1917 гг. // Региональные особенности управления государственным хозяйством России XVIII – нач. XX в.: Материалы Всероссийской научной конференции (Томск, 22 мая 2007 г.). Томск, 2007. С. 91–95.

Овсянкин И. Колонизация и переселенческое дело // Алтай. Историко-статистический сборник. Томск, 1890. С. 327–360.

Омельченко А. В Сибирь за землей и счастьем (переселенцы) // Мир Божий. 1900. № 8. С. 1–24.

Островский И.В. Аграрная политика царизма в Сибири периода империализма. Новосибирск, 1991.

Памосемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и Средневековье: Тезисы докладов. Барнаул, 1994.

Памятная книжка Томской губернии на 1884 г. Томск: Типолитография Михайлова и Макушина, 1884.

Памятная книжка Томской губернии на 1885 г. Издание Томского статистического комитета. Томск, 1886.

Переселенческий вопрос. С. Южаков // Северный вестник. 1886. № 8. С. 25–48.

Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). 3-е собр. СПб., 1891.

«Путь-дорога». Научно-литературный сборник в пользу общества для вспомоществования нуждающимся переселенцам (С приложением фототипий и цинкографий). Издание К.М. Сибирякова. СПб: Типолитография Б.М. Вольфа, 1893.

Раскин Д.И. Миграции в общественном сознании русского крестьянства эпохи позднего феодализма // Социально-демографические процессы в российской деревне (XVI – начало XX вв.). Таллинн, 1986. Вып. 1. С. 75–83.

Резун Д.Я., Шиловский М.В. Фронтир и переселение (сибирский опыт) // Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, конец XVI – нач. XX века: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск, 2005. С. 69–116.

Резун Д.Я. Колонизация Сибири и ее специфика // Фронтир в истории Сибири и Северной Америке в XVII–XX вв.: общее и особенное. Вып. 3. Новосибирск, 2003. С. 13–33.

Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – нач. XX в. Омск, 1997.

- Родигина Н.Н.* «Земля обетованная» или «каторжный край»: Сибирь в восприятии крестьян Европейской России 2-ой половины XIX в. // Народнонаселенческие процессы в региональной структуре России XVIII–XX вв. Новосибирск, 1996. С. 87–91.
- Родигина Н.Н.* Сибирское переселение в общественном сознании россиян во 2-й половине XIX в.: Дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1997.
- Романов Н.Н.* Переселения крестьян Вятской губернии. Вятка, 1880.
- Сагайдачный А.Н.* Демографические процессы в деревне Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX века. Новосибирск, 2000.
- Сандерланд В.* Русские превращаются в якутов? «Обычородчивание» и проблемы русской национальной идентичности на Севере Сибири. 1870–1914 гг. // Российская империя в зарубежной историографии. М., 2005. С. 199–227.
- Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Томской губернии. Томск, 1913. Вып. 2. Приложение.
- Сборник узаконений и распоряжений правительства по переселенческому делу. Тобольск, 1898.
- Сборник узаконений и распоряжений по поземельному устройству крестьян и инородцев, водворившихся в Алтайском округе на землях кабинета Его Величества. СПб., 1899.
- Сборник узаконений и распоряжений по образованию переселенческих участков. СПб., 1903.
- Сборник узаконений и распоряжений по поземельному устройству крестьян и инородцев. СПб., 1904.
- Свод Законов Российской империи. СПб., 1899.
- Свод законоположений о поземельном устройстве государственных крестьян в Сибири; Судебные уставы Императора Александра Второго в Сибири, в Туркестане и степных областях. Томск, 1898.
- Серковский Н.* Переселения в России в древнее и новое время и их значение в хозяйстве страны. Ярославль, 1885.
- Сибирские переселения: документы и материалы. Новосибирск, 2003. Вып. 1.
- Скляр Л.Ф.* Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской реформы. Л., 1962.
- Слокум Дж. У.* Кто и когда были «инородцами»? Эволюция категории «чужие» в Российской империи // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология / Сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. М.: Новое издательство, 2005. С. 502–535.
- Смирнова В.С.* Организация перевозки переселений в России (1881–1914): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 1998.
- Смирнова Л.И.* Переселенцы. Владивосток, 1997.
- Соловьева Е.И.* Переселения крестьян в Томскую губернию в период столыпинской аграрной реформы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1956.
- Тихонов Б.В.* Переселенческая политика царского правительства в 1892–1897 гг. // История СССР. 1977. № 1. С. 115–119.
- Тихонов Б.В.* Переселение в России во второй половине XIX в.: По материалам переписи 1897 г. и паспортной статистики. М., 1978.
- Томилова Н.К.* Переселения крестьян в Алтайский округ (1865–1899) // Вопросы истории Сибири. Томск, 1967. Вып. 3. С. 189–200.
- Топчий А.Т.* Крестьянские реформы в Сибири. Томск, 1979.

Тюкавкин В.Г. Переселения крестьян в Восточную Сибирь в период столыпинской реформы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1958.

Фриновский Н.Е. Жизнь новых переселенцев в Сибири, ее удобства и первоначальные трудности. СПб., 1900.

Храмков А.А. Земельная реформа в Сибири (1896–1916 гг.) и ее влияние на положение крестьян. Барнаул, 1994.

Худяков В.Н. Аграрная политика царизма в Сибири в пореформенный период. Томск, 1986.

Цифровой материал для изучения переселений в Сибирь / Сост. Г.А. Приймак. М., 1889.

Чистов К.В. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М., 1967.

Чудновский Л.С. Переселенческое дело на Алтае (статистико-экономический очерк). Иркутск, 1889.

Чуркин М.К. Переселенцы и старожилы Западной Сибири: Учебное пособие. Омск, 2001.

Чуркин М.К. Государственно-административная политика в Сибири и переселенческое движение в пореформенный период (1861–1906 гг.) // Интернет-конференция «Социальные конфликты в истории России XX века». [М.], 2004.

Шелегина О.Н. Адаптация русского населения в условиях освоения территории Сибири. Историко-этнографические аспекты. XVII–XX вв.: Учебное пособие. М.: Логос, 2001. Вып. 1.

Шелегина О.Н. Адаптация русского населения в условиях освоения территории Сибири. Социокультурные аспекты. XVIII – нач. XX вв.: Учебное пособие. М.: Логос, 2002. Вып. 2.

Шиловский М.В. Оценка опыта колонизации Сибири и США в Отечественной общественно-политической мысли XIX в. // Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2001. Вып. 1. С. 97–113.

Шиловский М.В. Фронтир и переселения // Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2003. Вып. 3. С. 101–119.

Шапов А.П. Историко-географическое распределение русского народонаселения. Соч. Т. 2. СПб., 1906.

Юдельсон А.В. Сибирь в русской социальной утопии // Из истории освоения юга Западной Сибири русским населением в XVII – нач. XX в. Кемерово, 1997. С. 128–138.

Юрецин А.Е. Административно-правовой статус беженцев и вынужденных переселенцев: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2005.

Ядринцев Н.М. Десятилетие переселенческого дела // Вестник Европы. 1891. № 8. С. 790–826.

Якименко Н.А. Переселения крестьян Украины на окраины России в период капитализма (1861–1917 гг.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Киев, 1989.

Янсон Ю.Э. Очерк правительственных мер по переселению крестьян после издания Положения от 19 февраля 1961 г. // Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. СПб., 1881.

V. Справочная литература и библиографические указатели

Азадовский М.К. Сибирь в художественной литературе. Вып. 1: Периодические издания Европейской России. 1891–1917 гг. Иркутск, 1927.

- Алексеев М.П.* Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей: Введение, тексты и комментарии. 2-е изд. Иркутск, 1941.
- Афанасьев Н.И.* Современники: Альбом биографий. СПб., 1909. Т. 1–2.
- Библиографический указатель «Русская литература Сибири» (Перечень литературно-художественных сборников XIX–XX вв., вышедших на территории Сибири и под редакцией сибиряков). Новосибирск, 1976.
- Библиографический указатель / Под ред. К.Д. Муратовой. М.; Л., 1963.
- Богданова А.А.* Сибирская тема в периодической печати, альманахах и сборниках XIX в. (1800–1900). Новосибирск, 1970.
- Бюзескул В.П.* Всеобщая история и ее представители в России. Л., 1929.
- Литературная Сибирь: Критико-библиографический словарь писателей Восточной Сибири. Иркутск, 1986.
- Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1969–1986. Т. 1–7.
- Масанов И.Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. М., 1956–1860.
- Межов В.И.* Сибирская библиография. Указатель книг и статей: В 3 т. М., 1891–1892.
- Периодическая печать Сибири. Вторая половина XIX – февраль 1917 г.: Указатель газет и журналов. Томск, 1991.
- Петряев Е.Д.* Псевдонимы литераторов-сибиряков: Материалы к «Истории русской литературы Сибири» / Е.Д. Петряев; СО АН СССР, Ин-т истории, филологии и философии. Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ие, 1973.
- Русская периодическая печать (1702–1894): Справочник. М., 1959.
- Русская периодическая печать. Указатели содержания (1728–1995). СПб., 1998.
- Русские писатели (1800–1917): Биографический словарь / Ред. кол.: П.А. Николаев (гл. ред.) и др. М.: Сов. Энциклопедия, 1989–2008.
- Сибирское областничество: Библиографический справочник / ТГОУНБ им. Пушкина при поддержке Ин-та «Открытое общество» (Фонда Сорос); Ред. кол.: С.С. Быкова (гл. ред.) и др. Томск: Водолей, 2001.
- Стож М.Е.* Словарь сибирских писателей, поэтов и ученых. Иркутск, 1916.
- Шеглов И.В.* Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. 1032–1882 гг. Сургут, 1993.
- Шейнфельд М.Б.* Историография Сибири (конец XIX – нач. XX в.). Красноярск, 1973.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абрамов Я.А. 88
Абрамов Н.А. 12, 31
Агафонов Н.Я. 139
Адрианов А.В. 54
Аннинский Л.А. 86
Аракчеев А.А. 119
- Бажаев В.Г. 21
Бакунин М.А. 136
Батеньков Г.С. 17
Бахтин М.М. 6, 7, 8, 9
Безобразов В.П. 29, 30
Белоконский И.П. 9, 12, 16, 31, 122, 123, 125, 126
Беляев Н.Я. 28
Богданович А.И. 190
Болдырев В.К. 208, 209
Бунин И.А. 217
Буцинский П.Н. 12, 13
- Вагин В.И. 50
Венюков М.И. 30
Вересаев В.В. 217
Веселовский А.Н. 147
Волков В.Т. 28
Волховский Ф.В. 5, 54, 58, 64–66, 70
- Гагемейстер Ю.А. 46
Гарин (Михайловский) Н.Г., 201, 217
Гаршин В.М. 197
Гейнце Н.Э. 28, 31
Герцен А.И. 136, 196
Глинский Б. 92, 159
Гоголь Н.В. 19
Годунов Борис 14, 36, 84
Голубев П.А. 64–66, 70
Гольцов В.А. 63
Гребенщиков Н.Д. 193
Григоровский Н.П. 27
Григорьев В.Н. 94
Григорьев Н.И. 31
Гурвич И.А. 3, 56, 96
- Данте А. 117
Даре А. 12
Дедлов (Кигн) В.Л. 9, 29, 94, 107, 167–175, 178, 179, 189
Дежнев С.И. 13
Дмитрий, царевич 36
Добродеев С. 31
Достоевский М.М. 80
Достоевский Ф.М. 19, 50, 80
Дриль Д.А. 16
Дудолодов А. 27
Дуров А.В. 12
Духович А.Ф. 9, 28, 31, 42, 110, 113–115
- Елисеев Г.З. 69
Елпатьяевский С.Я. 92, 128, 147
Ермак Тимофеевич 13, 30, 110–112, 137
Ефимов А.И. 57
- Желябов А.И. 66
Жуковский В.А. 30
- Зданович Г.Ф. 65, 66, 69, 70
Зинович 155
Златовратский Н.Н. 197
- Иванов А. 17
Иванчин-Писарев А.И. 65–67, 69, 71, 79
Иоанн Грозный (Иван Васильевич, царь) 31, 112, 113
Исаев А.А. 29, 31
- Казанский П.А. 165
Казнаков Н.Г. 76
Каракозов Д.В. 224
Карамзин Н.М. 30
Картамышев В.П. 51, 72, 102, 106
Катков М.Н. 51
Кауфман А.А. 3, 28–31, 88
Качок А. 30

- Кеннан Дж. 92, 94
 Киришбаум В.Ф. 22
 Клеменц Д.Л. 54, 65, 107
 Ключевский В.О. 143
 Козьмина (урожд. Яковлева) К.А. 160, 164
 Короленко В.Г. 3, 5, 19, 31, 32, 50, 54, 57, 58, 60, 98, 100, 128, 147, 150, 152, 204
 Корш Е.В. 51, 72
 Костомаров Н.И. 49, 136, 195
 Костров Н.А. 13, 27, 31
 Красовский И.И. 71
 Кривенко С.Н. 197, 199, 200, 206, 207
 Кузнецов В.К. 24
 Кузнецов Д.Л. 49
 Куломзин А.Н. 83
 Куприн А.И. 217
 Курбский Ф.С. (кн.) 112
 Кучум, хан 112
 Кушнерев И.Н. 31
 Куцевский И. 203
- Лаврский К.В. 139
 Лассаль Ф. 139
 Лебедев Н.А. 30
 Ледерле М.М. 29
 Лемке М.Н. 160
 Лесков Н.С. 3–5, 8, 31, 50, 80–90, 96, 127, 128, 152, 238
 Леткова Е.П. 61, 128, 129
 Лингарева Е.М. 99
 Ломовская Л.Ф. 62
 Лучшев А.И. 12
- Максимов С.В. 15, 19, 31, 37, 53, 86, 92, 94, 196
 Макушин П.И. 12, 21, 54, 57, 209
 Малиновский И.А. 17–20, 119
 Малюков А. 31
 Мамонтов А.И. 12
 Манухин А.И. 31
 Маркс К. 139
 Мартьянов Н.М. 54
 Мачтет Г.А. 54
 Мевес Ив. 92
 Медведев Н.Н. 30
- Мельшин Л. (псевдоним П.Ф. Якубовича) 92
 Мещерский В.П. (кн.) 51, 53
 Миддендорф А.Ф. 92
 Милотин Б.А. 50
 Михаил Федорович, царь 14
 Михайлов М.И. 35
 Михайловский Н.К. 130, 206
- Нагнибеда В.Я. 21
 Наумов Н.И. 10, 11, 31–33, 49, 54, 60, 69, 78, 79, 190–193, 195–217
 Наумова Т.Х. 69, 213
 Невельский Г.И. 103
- Овчинников 164
 Омельченко А. 30
 Омулевский И.В. (настоящая фамилия – Федоров) 203
 Осипов Н.О. 30, 31
 Оссовский Г.О. 21, 23
- Пейзен Г.Г. 9, 12, 117–119
 Перельман В.М. 21
 Пирожков М.В. 32
 Пирусский В.С. 28
 Плева Ф. 155
 Плеханов Г.В. (Н. Каменский) 190, 200, 212
 Плотников К.Н. 31
 Поникаровский Д.А. 197
 Попов И.И. 54
 Попов Т. 52
 Попова О.Н. 200
 Пороховщиков А.А. 29
 Посников А.С. 133
 Потанин Г.Н. 11, 31, 32, 49, 50, 54, 92, 103, 136, 138–140, 143, 150, 153, 159–166, 190, 192, 194–196, 201–203, 209
 Потанина А.В. 160
 Прейсман Г.В. 28, 51
 Пржевальский Н.М. 99, 100
 Прудон П.Ж. 139
 Путилов Н. 12
 Пушкин А.С. 229
 Пыпин А.Н. 153

- Розанов А. 33, 79, 209
Руссо Ж.-Ж. 139
Рюрик 175
- Садовников Д.Н. 12
Салтыков-Щедрин М.Е. 198, 199
Сельский И.С. 16
Семевский В.И. 164
Семенова Н.А. 16
Семидалов В.И. 155, 160
Сен-Симон А. 139
Сергеев-Ценский С.Н. 217
Серповский Н.Г. 94
Сибиряков И.М. 31, 158
Сидоров (купец) 28
Скабичевский А.М. 190, 198, 199, 202, 204, 206, 207, 211, 213
Скорняков Н.А. 54
Скроба Василий 112
Словцов П.А. 13, 37, 195
Смирнов П.С. 21
Соболевский В.М. 62, 63, 72, 73
Сперанский М.М. 15, 18
Станюкович К.М. (Нельмин Л. – псевдоним) 5, 9, 29, 31, 54, 65, 94, 128, 147, 150, 167, 179, 180, 183, 188, 189
Суворин А.С. 91, 93, 102
Сулоцкий А.И. 31
Сущинский П.П. 29
- Телешов Н.Д. 10, 94, 217, 218, 221, 224, 227, 234, 236, 237
Толль Ф.Г. 16
Толстой Л.Н. 19, 88
Тронов 215
Тропин Иван 112
Турбин С.И. 84, 85
Тургенев И.С. 78, 168–170, 178
Тюменцев Г.К. 11, 29–31
- Усов Ф.Н. 160
Успенская А.В. 67
Успенский Г.И. 3–5, 8, 9, 29, 30, 33, 50, 53, 54, 56, 59–80, 96, 108, 127, 128, 130–133, 147–150, 152, 197, 199, 200, 238
- Фарафонтова Т.М. (Фарь Т.) 153, 160–165
Федор Иоаннович (царь) 13
Фигнер В.Н. 66
Фигнер О.Н. 66
Флоринский В.М. 69, 70
Флоринский Н.М. 102
- Хабаров Е.П. 13
- Цвылев В.А. 31
Цебрикова М.К. 92
- Чарушин А.А. 52, 73
Черемшанский А.Е. 163
Чернышевский Н.Г. 136, 196
Чехов Ал-р П. 91
Чехов А.П. 5, 8, 19, 50, 88, 91–94, 96–100, 102–109, 133, 148–150, 152, 168, 217, 224, 238
Чудновский С.Л. 5, 17, 37–39, 41, 43, 45, 54, 58, 65, 66, 119
- Шашков С.С. 28, 49, 149, 160, 195
Шевченко Т.Г. 136
Шелгунов Н.В. 8, 29, 35–37, 39–47, 119
Шкот А.Я. 81
Штильке К.В. 54
- Щапов А.П. 32, 49, 59, 67, 68, 133, 136, 160, 195
Щеглов И.В. 13
Щукин Н.С. 31, 53, 160
- Эбергард Ф.И. 92
- Яблонский П.О. 30
Ягунов В. 31
Ядринцев Н.М. 3, 9–11, 13, 16, 20, 29, 31, 32, 37, 49, 50, 52–54, 88, 92, 104–108, 116, 118, 119–122, 134–167, 187, 190, 194–197, 208, 209, 214, 215
Янчуковский А.В. 150

СОДЕРЖАНИЕ

Введение (<i>И.А. Айзикова</i>)	3
Часть I	11
1. Материалы по теме переселения в Сибирь в составе Научной библиотеки Томского государственного университета (<i>И.А. Айзикова</i>)	11
2. Образ переселенца в сибирской и столичной периодике 1860–1890-х гг.: проблема диалога («Сибирь по большой дороге» Н.В. Шелгунова в зеркале сибирских публикаций) (<i>И.А. Айзикова</i>)	35
3. Проблема переселенцев на страницах сибирских газет и в рецепции русской литературы последней трети XIX в. (<i>Е.А. Макарова</i>)	47
4. «... Еду в Сибирь служить» (Г.И. Успенский в Томске) (<i>И.А. Айзикова</i>)	61
5. Вопрос о переселенцах и формирование образа Сибири в художественно-публицистическом творчестве Н.С. Лескова (<i>Е.А. Макарова</i>)	80
6. «Я сам себя командую...» (Сибирь и сибирские переселенцы в рецепции А.П. Чехова) (<i>Е.А. Макарова</i>)	91
Часть II	110
1. Мотивный комплекс очерков о переселении в Сибирь (<i>И.А. Айзикова</i>)	110
2. Специфика нарратива в цикле очерков Г.И. Успенского «Поездка к переселенцам» (<i>Е.А. Макарова</i>)	127
3. Формирование переселенческого дискурса в публицистическом творчестве Н.М. Ядринцева (<i>Е.А. Макарова</i>)	134
4. К вопросу о жанровом своеобразии путевых заметок о переселенцах («Переселенцы и новые места. Путевые заметки» В.Л. Дедлова и «В далекие края. Путевые наброски и картины» К.М. Станюковича) (<i>И.А. Айзикова</i>)	167
5. «Я чуть не каждый день вижу эти сцены»... «Ах, если б было время писать!» (Ситуация «внутреннего пограничья» в служебной и творческой деятельности сибирского писателя Н.И. Наумова) (<i>Е.А. Макарова</i>)	190
6. Цикл рассказов Н.Д. Телешова «Переселенцы» (<i>И.А. Айзикова</i>)	217
Заключение (<i>И.А. Айзикова</i>)	238
Библиография (<i>Е.А. Макарова</i>)	241
Именной указатель (<i>И.А. Айзикова</i>)	261

Научное издание

АЙЗИКОВА Ирина Александровна,
МАКАРОВА Елена Антониновна

ТЕМА ПЕРЕСЕЛЕНИЯ В СИБИРЬ В ЛИТЕРАТУРЕ ЦЕНТРА
И СИБИРСКОГО РЕГИОНА РОССИИ 1860–1890-х гг.:
ПРОБЛЕМА ДИАЛОГА

Редактор *А.И. Корчуганова*
Подготовка оригинал-макета *Ю.А. Сидоренко*

Подписано в печать 10.12.2009 г. Формат 60×84¹/₁₆.

Печ. л. 16,1; усл. печ. л. 15,4; уч.-изд. л. 15,6.

Тираж 300. Заказ

ОАО «Издательство ТГУ», 634029, г. Томск, ул. Никитина, 4
ООО «Издательство «Иван Фёдоров»», 634003, г. Томск, Октябрьский взвоз, 1